

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 8 том - «Искушение Анжелики».

Перевод с фр. А.В. Воронова

СП «Интербук» (Москва). Моск. фил.: СП «Панас», 1991г.

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФАКТОРИЯ ГОЛЛАНДЦА](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛОДКА ДЖЕКА МЭУИНА](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЗОЛОТАЯ БОРОДА ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ](#)
  - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

- [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФАКТОРИЯ ГОЛЛАНДЦА

Глава 1

Из леса долетел звук индейского барабана. Он прокатился мягко и ритмично в теплом плотном воздухе, сгустившемся над деревьями и рекой.

Жоффрей де Пейрак и Анжелика остановились на берегу. Они прислушались. Удары были приглушенными, но отчетливыми. Их мелодия доносилась сквозь ветви полными и чистыми нотами, как биение сильного сердца. Неподвижная природа, застывшая от зноя, словно напоминала таким образом о присутствии в ее лоне людей.

Инстинктивно Анжелика схватила за руку мужа, стоявшего рядом.

— Барабан, — сказала она. — Что означает он?

— Не знаю. Подождем.

Вечер еще не наступил. Но день уже клонился к закату. Река напоминала огромную пластину потускневшего серебра. Анжелика и ее муж граф де Пейрак стояли под свисающим пологом ивняка у самой воды.

Немного подальше, слева, сушились вытащенные на песок небольшого залива лодки из бересты, промазанные смолой.

Залив, изгибаясь, лежал перед ними, наполовину очерченный вытянувшимся мысом. В глубине бухты высокие и темные скалы, увенчанные дубами и вязами, хранили благодатную свежесть.

Там был разбит лагерь. Слышался треск ломаемых веток, предназначенных для шалашей и костров. Голубоватые клочья дыма уже лениво потянулись над спокойной водой.

Анжелика легко и живо встряхнула головой, чтобы отогнать moskitov, которые с деловитым гуденьем

стали роиться вокруг нее. Она попыталась таким образом прогнать и смутную тревогу, вызванную звуками лесного барабана.

— Странно, — сказала она, почти не задумавшись. — В тех деревнях абенаков, которые мы встречали, спускаясь по Кеннебеку, было мало мужчин. Там оставались только женщины, дети и старики.

— Действительно, все дикари отправились на юг для торговли мехами.

— Не только для этого. В караванах и лодках, которые, как и мы, шли на юг, также были в основном женщины. По всей видимости, именно они направлялись торговать. А где же мужчины?..

Пейрак бросил в ее сторону загадочный взгляд. Он уже задал себе этот вопрос и так же, как она, угадывал ответ. Не отправились ли мужчины индейских племен к тайному месту сбора, чтобы начать войну?.. Но какую войну?.. Против кого?..

Он не решился высказать свое подозрение вслух и предпочел промолчать.

Вокруг все было спокойно и не внушало тревоги. Путешествие продолжалось уже несколько дней без каких-либо происшествий. С юношеским радостным нетерпением все ожидали возвращения к берегу океана и более обжитым местам.

— Смотрите, — сказал вдруг, живо обернувшись, де Пейрак, — вот что, несомненно, вызвало стук барабанов. У нас гости!

Три лодки обогнули мыс напротив них, проплыли дальше и вошли в бухту.

По их движению можно было догадаться, что они поднимались вверх против течения Кеннебека, а не спускались к низовью, как большинство лодок в это время года.

Пейрак, сопровождаемый Анжеликой, сделал несколько шагов, чтобы подойти к самому берегу, туда,

где мелкие волны с пятнами пены оставляли коричневатый след на мелком гравии. Он слегка прищурил глаза и стал наблюдать за пришельцами.

Индейцы, сидевшие в трех лодках, явно хотели высадиться. Они подняли мокрые весла, затем попрыгали в воду, чтобы вытолкнуть челноки на берег.

— Во всяком случае, здесь одни мужчины и нет женщин, — заметил Пейрак.

Затем, внезапно замолчав, он сжал руку Анжелики. В одной из лодок показался темный силуэт человека, одетого в черную сутану. Он также спустился в воду, чтобы выбраться на отлогий берег с нависшими ивами.

— Иезуит, — сказала Анжелика негромко. Ею овладела такая паника, что она едва не убежала, дабы спрятаться в гуще леса.

Сжав пальцами ее запястье, граф остановил этот импульсивный порыв.

— Что вы так боитесь какого-то иезуита, любовь моя?

— Вам известно, что думает о нас отец д'Оржеваль. Он считает нас опасными узурпаторами, а то и пособниками дьявола.

— Пока он ведет себя как гость, мы должны оставаться спокойными.

Между тем, человек в черной сутане, отделенный от них изгибом залива, двинулся по берегу быстрым шагом. На фоне отраженной в воде изумрудной зелени деревьев его необычно проворная длинная и тонкая фигура выглядела несколько странной на этой утомленной жарою земле, уже окунувшейся в туман тихого вечера. Силуэт принадлежал молодому, полному сил человеку, всем своим видом показывающему, что он прямо стремится к цели, не принимая во внимание и даже не замечая каких-либо препятствий на своем пути.

Он исчез на минуту, подойдя к лагерю, и у костров, казалось, наступила тяжелая тишина. Затем

послышались шаги испанского солдата, и вслед за ним из ветвей ивняка вынырнула высокая черная фигура.

— Это не он, — процедил Пейрак сквозь зубы. — Это не отец д'Оржеваль.

Он почувствовал почти разочарование.

Гость был высок, строен и казался очень молодым. Учитывая порядки его ордена, требующего долгого послушничества, ему, конечно, было не меньше тридцати лет. Но в нем чувствовалось какая-то безотчетная безмятежность двадцатилетнего человека. У него были светлые борода и волосы и глаза почти бесцветной голубизны. Лицо казалось бы бледным, если б не красные пятна на лбу, носу и щеках — от солнца, немилосердного к людям с такой кожей.

Он остановился в нескольких шагах, заметив графа и его жену, и мгновение разглядывал их, положив одну худую и тонкую руку на грудь, где свешивалось с шеи распятие на фиолетовой ленте, а другой сжимая посох, увенчанный серебряным крестом.

Анжелика нашла его удивительно изысканным, похожим на тех рыцарей или воинственных архангелов, изображения которых можно увидеть во Франции на витражах соборов.

— Я отец Филипп де Геранд, — сказал он вежливым тоном. — Кoadъютор отца Себастьяна д'Оржеваля. Узнав, что вы, мессир де Пейрак, спускаетесь по Кеннебеку, мой начальник поручил мне передать вам свое приветствие.

— Я благодарю его за добрые намерения, — ответил Пейрак. Жестом он отослал испанца, который стоял почти навтыяжку перед отцом иезуитом.

— Я сожалею, отец мой, что могу оказать вам лишь скудные знаки внимания в этом походном лагере. Но, я думаю, вы привыкли к такому виду неудобств. Не хотите ли пройти к огню? Дым немного защитит нас от москитов. Мне кажется, это один из ваших собратьев

сказал, что в Америке нет необходимости носить власяницу, ибо комары и москиты щедро берут на себя труд заменить ее.

Его собеседник снисходительно улыбнулся.

— Да, святой отец Бребеф изволил пошутить таким образом, — признал он.

Они уселись неподалеку от людей графа, занятых приготовлением еды и постелей. Но несколько в стороне от них.

Жоффрей незаметным движением удержал Анжелику, которая намеревалась уйти. Он хотел, чтобы она присутствовала при беседе. И она, в свою очередь, расположилась рядом, на большом обомшелом камне. С женской интуицией она сразу же отметила, что отец де Геранд делает вид, будто не замечает ее.

— Я хочу вам представить мою супругу, графиню де Пейрак де Моран д'Ирристру, — сказал Жоффрей все с той же спокойной учтивостью.

Молодой иезуит сдержанно, почти механическим жестом наклонил голову в сторону Анжелики, потом отвернулся, и его взгляд скользнул по гладкой поверхности воды, которая постепенно темнела, в то время как в ее глубине вспыхивали багряные отражения многочисленных костров, зажженных на берегу. Рядом индейцы, привезшие святого отца, принялись устраиваться на ночлег.

Пейрак предложил пригласить их, чтобы разделить ужин из козлятины и индюшачьего мяса, которое жарилось на вертелах, а также отведать лососей. Выловленные недавно в реке, они томились под золой, обернутые в листья.

Отец де Геранд отрицательно покачал головой и сказал, что эти кеннебасы очень нелюдимы и не любят общаться с чужаками.

Анжелика подумала внезапно о маленькой англичанке Роз-Анн, которую они взяли с собой. Она

поискала ее глазами, но не увидела. Позднее она узнала, что после прибытия иезуита Кантор быстро спрятал ее подальше от глаз. Укрывшись в чаще, он терпеливо ждал, когда беседа закончится, развлекая девочку игрой на гитаре.

— Итак, — сказал отец Геранд, — вы провели зиму в центре Аппалачей, мессир? Не страдали вы от цинги? От голода? Не потеряли кого-либо из членов вашей колонии?..

— Нет, никого, слава Богу!

Священник поднял брови с легкой удивленной улыбкой.

— Мы счастливы слышать, что вы хвалите Бога, мессир де Пейрак. Ходили слухи, что вы и ваши приближенные отнюдь не отличаетесь набожностью. Что вы набираете людей без разбора — еретиков, неверующих, нечестивых, — и что среди них есть и обуреваемые гордыней смутьяны, позволяющие себе при каждом удобном случае святотатствовать и поносить Бога, да будет благословенно его святое имя...

Рукой он отстранил кружку со свежей водой и миску жаркого, которые принес ему молодой бретонец Жан Ле Куеннек, служивший графу де Пейраку.

«Жаль, — непочтительно подумала Анжелика, — этих иезуитов не возьмешь «через желудок»... В былые времена отец Массера выказывал больше склонностей к чревоугодию...»

— Угощайтесь, отец мой, — настаивал де Пейрак. Иезуит отрицательно покачал головой.

— Мы пополдничали. Этого достаточно на весь день. Я мало ем. Как индейцы... Но вы не ответили на мой вопрос, сударь. Вы намеренно вербуете своих людей среди смутьянов, враждебных учению церкви?

— По правде говоря, отец мой, от тех, кого я нанимаю, я требую прежде всего умения обращаться с оружием, топором и молотом, способности выносить

холод, голод, усталость, испытания боя, короче, безропотно сносить все, что они имеют несчастье испытывать, храня мне верность и послушание в течение всего контракта и выполняя наилучшим образом порученные им работы. Но я отнюдь не против, если они к тому же будут набожны и благочестивы.

— Однако, вы не воздвигли креста ни в одном из основанных вами поселений.

Пейрак не ответил.

Отсвет мерцающей воды, вспыхнувший внезапно от заходящего солнца, зажег, казалось, в его глазах насмешливый огонек, столь хорошо знакомый Анжелике. Но Жоффрей оставался терпелив и любезен, как обычно. Однако священник настаивал.

— Вы хотите сказать, что среди ваших людей есть такие, кого этот прекрасный знак — прекрасный символ любви и самоотречения, будь он благословен — кого этот знак, говорю я, мог бы шокировать или даже раздражать?

— Возможно.

— А если бы среди ваших людей нашлись и такие, как например, этот молодой человек, предлагавший мне пищу, с лицом, кажется, открытым и честным, кто сохранил из воспоминаний о своем набожном детстве благоговение перед этим знаком Искупления? Вы таким образом лишили бы их умышленно помощи Святой Религии?..

— Всегда приходится лишаться чего-либо в той или иной мере, когда соглашаешься жить вместе с разными людьми, в трудных условиях и зачастую в большой тесноте... Не мне, отец мой, говорить вам, сколь несовершенна природа человека, и как необходимо идти на уступки, чтобы жить в добром согласии...

— Отказываться от почитания Бога и пренебрегать его милосердием — это, по-моему, последняя из уступок, которые можно допустить, и, во всяком случае,

пагубная уступка. Не свидетельствует ли она о том, мессир де Пейрак, что вы мало значения придаете духовным опорам? Труд без божественной силы, которая оживляет его, ничего не значит. Труд без святой благодати — это ничто. Это полая оболочка, ветер, пустота. Подобная благодать может быть дарована лишь тем, кто признает Бога как творца всех своих дел, кто повинуется его законам и кто посвящает ему в молитвах каждый день своей жизни и все плоды своего труда.

— Однако, апостол Иаков сказал: «Человек оправдывается делами...»

Пейрак слегка расправил плечи, словно согбенные под бременем размышлений. Он достал из кармана кожаной куртки сигару, скрученную из листьев табака, и зажег от головешки, которую ему тотчас же подал молодой бретонец. Затем тот незаметно удалился.

Услышав цитату в устах графа, Филипп де Геранд холодно и тонко улыбнулся, как противник, отдающий должное точному удару. Однако, он не выразил согласия.

Анжелика молчала, нервно покусывая ноготь мизинца. За кого он себя принимает, этот иезуит? Осмеливаться говорить таким тоном с Жоффреем де Пейраком? Но в то же время на нее словно повеяло из монастырского детства чувством гнетущей зависимости, которую каждое светское лицо испытывает по отношению к представителям духовенства. Всем было очевидно и понятно, что иезуиты — из тех, кто не боится никого, ни короля, ни папы. Они созданы, чтобы наставлять и бичевать сильных мира сего. Своими продолговатыми глазами она в задумчивости глядела на его худое лицо, и от этого Странного присутствия здесь, рядом с ним, в глубине американского леса, в ней пробуждались давние тревоги, присущие жителям Старого Света:

страх перед священником, носителем мистической власти. Затем она снова перевела взгляд на лицо мужа и вздохнула облегченно. Ибо он был свободен и будет свободен всегда от такого рода влияний. Он был сын Аквитании, преемник своего рода либеральных жизненных взглядов, идущих от стародавних времен и язычества. Он был иной породы, чем она сама и этот иезуит, оба преданные неизбывной вере. Де Пейрак ускользал от этой силы. И поэтому она глубоко любила его. Анжелика услышала, как он ответил ровным голосом:

— Отец мой, у меня может молиться, кто хочет. А что касается других, то не кажется ли вам, что хорошо сделанная работа все освящает?

Иезуит словно задумался на мгновение, а затем медленно покачал головой.

— Нет, сударь, нет. И в этом мы видим нелепые и опасные заблуждения тех философий, приверженцы которых мнят себя независимыми от церкви.... Вы аквитанец, — добавил он другим тоном. — многие выходцы из вашей провинции проявили весьма большое усердие в Канаде и Акадии. В Пентагуэте барон де Сен-Кастин очистил от англичан все берега реки Пенобскот. Он окрестил вождя эчеминов. Местные индейцы относятся к нему, как к своему...

— Кастин, действительно, мой сосед в Голдсборо. Я его хорошо знаю и высоко ценю, — сказал де Пейрак.

— Кто еще из гасконцев в нашей колонии? — спросил отец Геранд с напускным добродушием. — Например, есть Вовнар на реке Сен-Жан.

— Пират, вроде меня!

— Если хотите! Он очень предан делу Франции и лучший друг господина Виль д'Авре, губернатора Акадии. На Севере, в Катаракве у нас есть мессир де Морсак.

И я не забуду назвать нашего почитаемого губернатора мессира Фронтенака.

Пейрак не спеша продолжал курить и несколько раз кивнул головой, словно подтверждая сказанное. Даже Анжелика ничего не могла прочесть на его лице. Сквозь глянцевою листву склонившихся над ними огромных дубов проникал вечерний свет, рассеянный густой зеленью, придавая лицам зеленоватую бледность и углубляя тени. Золотое небо теперь горело со стороны реки, и гладь залива стала оловянного цвета. От зеркального сияния воды и неба посветлело. Вечера в июне стали короткими, слитыми с ночью, разделяя с ней свою власть. В это время года люди и животные мало часов уделяли сну.

В костры бросали высохшие, черные и круглые, как ядра, грибы. Загораясь, они распространяли острый лесной запах, обладавший благодатным свойством отгонять мошкар. С ним смешивался аромат тлеющего в трубках табака. Бухта была затянута туманной пахучей пеленой, укрывавшей место бивуака на берегу Кеннебека.

Анжелика поглаживала рукой лоб, погружая время от времени пальцы в свои густые золотистые волосы и приоткрывая повлажневшие виски, чтобы освежить их, и инстинктивно пытаясь избавиться от охватившей ее тревоги. Она с глубоким интересом переводила взгляд с одного собеседника на другого. Ее губы были слегка приоткрыты от внимания, с которым она следила за разговором. Но больше всего ее занимало то, что скрывалось за словами. И вдруг отец де Геранд сделал выпад:

— Не могли бы вы, мессир де Пейрак, объяснить мне: если вы не враждебны церкви, то почему все, кто работает у вас в Голдсборо, оказались гугенотами?

— Охотно, отец мой. Случай, на который вы намекаете, состоял в том, что однажды я бросил якорь

неподалеку от Ла-Рошели, — как раз тогда, когда горстка гугенотов, приговоренная к заключению в королевские тюрьмы, бежала от драгунов, получивших приказ их схватить. Я взял их на борт, чтобы избавить от участи, показавшейся мне ужасной, когда я увидел мушкетеров, обнаживших сабли. Приняв беглецов на борт и не зная, что делать с ними, я доставил их в Голдсборо, чтобы они возделывали мои земли, дабы оплатить свое путешествие.

— Зачем надо было избавлять их от правосудия французского короля?

— Не знаю, — сказал Пейрак с непринужденным жестом и своей обычной иронической улыбкой. — Может быть, затем, что в Библии написано: «Спаси осужденного и ведомого на смерть».

— Вы цитируете Библию?

— Она представляет собою Священное писание...

— Опасным образом отмеченное следами иудаизма, как мне кажется...

— Действительно, это совершенно очевидно: Библия отмечена следами иудаизма, — сказал Пейрак, рассмеявшись.

К удивлению Анжелики, отец де Геранд также стал смеяться, и на этот раз, невидимому, непринужденно...

— Да, очевидно, — повторил он, охотно признавая нелепость изреченного им афоризма. — Но видите ли, сударь, в наши дни эту священную книгу примешивают к стольким тревожным заблуждениям, что мы должны с подозрением относиться ко всем, кто неосторожно ссылается на нее... Мессир де Пейрак, от кого вы получили грамоту, дающую вам права на земли Голдсборо? От короля Франции?

— Нет, отец мой.

— От кого же тогда? От англичан залива Массачусетс, которые незаконно считают себя хозяевами этих берегов?

Пейрак ловко избежал поставленной ловушки.

— Я заключил союз с абенаками и могиканами.

— Все эти индейцы — подданные французского короля, в большинстве своем крещеные, и они ни в коем случае не должны были принимать на себя такие обязательства, не получив согласия господина де Фронтенака.

— Ну, что ж, скажите им это...

Его ирония становилась колючей. У графа была особая манера окутываться дымом сигары, чем он выражал свое нетерпение.

— Что касается моих людей из Голдсборо, то они не первые гугеноты, которые ступают на эти берега. Мессир де Монс был послан сюда когда-то королем Генрихом IV.

— Оставим прошлое. Сегодня у вас нет грамоты, нет священников, нет доктрины, нет подданства, чтобы оправдать ту роль, которую вы приняли на себя, остановив свой выбор на этих краях. И у вас одного больше факторий, постов, людей, чем у всей Франции, которая издавна владеет здесь землями. Вы обладаете всем этим один и по своему собственному праву. Хорошо ли это?

Пейрак сделал жест, который мог показаться знаком согласия.

— По собственному праву, — повторил иезуит, и его агатовые глаза внезапно вспыхнули. — Гордыня! Гордыня! Вот неискупимая вина Люцифера. Неверно, что он хотел уподобиться Богу. Он хотел достичь величия сам по себе, своим собственным умом. Такова ли и ваша доктрина?

— Я бы не посмел уподобить мою доктрину столь ужасному примеру.

— Вы уклоняетесь от ответа, сударь. Однако тот, кто хотел достичь познания один и во имя своей собственной славы — какова была его судьба? Подобно

ученику чародея, он утратил власть над своей наукой, и это потрясло миры.

— И Люцифер, и его злые ангелы пали звездным дождем, — прошептал Пейрак. — Теперь они смешались с землей, храня свои тайны. Это маленькие гримасничающие гномы, которые встречаются в глубинах шахт, хранители золота и драгоценных камней... Вы, отец мой, конечно, изучали тайны Каббалы и знаете, как называются на языке посвященных легионы демонов, этих маленьких гномов, духов земли?

Священник выпрямился и бросил на него пылающий взгляд, полный вызова, но в то же время признающий осведомленность собеседника.

— Я хорошо понимаю вас, — сказал он с задумчивой медлительностью. — Часто забывают, что некоторые определения, вошедшие в обиходный язык, когда-то обозначали полчища адского войска. Так, духи Воды, ундины, составляли отряды Сладострастных. Духи Воздуха, сильфы и домовые — отряды Подлых. Духи Огня, символизируемые саламандрой, составляли когорту Неистовых. А духи Земли, гномы, назывались...

— Мятежными, — с улыбкой сказал Пейрак.

— Настоящие дети Дьявола, — прошептал иезуит.

Анжелика с беспокойством поглядывала то на одного, то на другого участника этого странного разговора.

Импульсивно она положила руку на плечо своего мужа, чтобы призвать его вести себя более осторожно.

Предупредить его! Защитить! Удержать! В глубине американского леса таились подчас те же угрозы, что и во дворце инквизиции! А Жоффрей де Пейрак улыбался все той же сардонической улыбкой, которая подчеркивала шрамы на его израненном лице.

Взгляд иезуита едва коснулся молодой женщины.

Скажет ли он завтра, вернувшись в свою католическую миссию: «Да, я видел их! Они именно

такие, как нам рассказывали. Он — с умом опасным и острым, она — красивая и чувственная, как Ева, ведущая себя с небывалой свободой».

Или он скажет: «Да, я видел их, стоящих на берегу реки в отсвете вод голубого Кеннебека, среди деревьев, — он, весь в темном, твердый и язвительный, и она — блистательная, стояли, поддерживая друг друга; мужчина и женщина, связанные каким-то узами... Какие же узы это могут быть?» — спросит он, содрогнувшись, отца д'Оржеваля.

И снова болотная лихорадка, которая столь часто овладевает миссионерами, вызовет у него зябкий озноб... «Да, я видел их, я долго оставался рядом с ними, и я выполнил ваше поручение — проникнуть в сердце этого человека. Но теперь я изнемог».

— Вы пришли сюда искать золото? — спросил иезуит сдержанным тоном. — Что ж, вы его нашли!.. Вы явились сюда, чтобы отдать все эти чистые и первозданные края во власть идолопоклонства, преклонения перед золотом.

— Меня еще никто не называл идолопоклонником! — сказал Пейрак с громким смехом. — Отец мой, вы не забыли, что пятьсот лет назад монах Тритхайм учил в Праге, душой первого человека было золото.

— Но он добавил также, что золото содержит в себе крупички порока и зла, — живо возразил иезуит.

— Однако, богатство дает могущество и может служить благу. Ваш орден, как мне кажется, понял это с первых дней своего существования, ибо это самый богатый монашеский орден в мире.

Отец де Геранд переменял тему разговора, как он это делал уже несколько раз.

— Если вы француз, то почему вы не враг англичан и ирокезов, которые хотят погубить Новую Францию? — спросил он.

— Распри, разделяющие вас, уходят корнями в давние времена, и для меня было бы слишком тяжело делать выбор и ввязываться в них. Однако я постараюсь жить в добрых отношениях со всеми и, кто знает, может быть, принесу мир...

— Вы можете принести нам много зла, — сказал молодой иезуит напряженным голосом, в котором Анжелике послышалась подлинная тревога. — О, почему, — воскликнул он, — почему вы не воздвигли креста?

— Это знак противоречий.

— Золото было двигателем многих преступлений.

— И крест также, — сказал Пейрак, пристально глядя на него.

Священник резко выпрямился. Он был столь бледен, что солнечные ожоги, покрывавшие его лицо, казалось, кровоточили, как раны, на побелевшей коже. На его тощей шее, выступавшей над белым сборчатым воротником, единственным украшением черного платья, выделялась пульсирующая вена.

— Наконец я услышал ваш символ веры, сударь, — произнес он глухо. — И напрасно вы заявляете о дружеских намерениях по отношению к нам. Все слова, которые я слышал из ваших уст, были проникнуты тем богомерзким мятежным духом, который характеризует посещаемых вами еретиков. Это отказ от внешних знаков набожности, скептическое отношение к истинам откровения, безразличие к торжеству Правды. И вам все равно, будет ли истинный свет божественного Слова вместе с католической Церковью стерт с лица этого мира, и охватит ли души мрак!

Граф поднялся и положил руку на плечо иезуита. Его жест был полон снисходительности и своего рода сочувствия.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь слушайте меня, отец мой. И извольте затем точно передать мои слова

тому, кто вас послал. Если вы пришли сюда просить не враждовать с вами, помогать вам в случае голода или бедственного состояния, то я сделаю это и уже делал с тех пор, как обосновался в этих местах. Но если вы пришли требовать, чтобы я ушел отсюда с моими гугенотами и пиратами, я отвечу вам «нет»! Я не ваш, я ничей. Я не могу терять времени, и я не считаю полезным переносить в Новый Свет мистические распри Старого.

— Это ваше последнее слово? Их взгляды скрестились.

— Оно, конечно же, не будет последним, — промолвил Пейрак с улыбкой.

— Для нас — да!

Иезуит удалился под тень деревьев.

***

— Это объявление войны? — спросила Анжелика, подняв глаза на мужа.

— Похоже на то.

Он улыбнулся и ласково потрепал волосы Анжелики.

— Но это пока еще предварительные переговоры.

Напрашивается встреча с отцом д'Оржевалем, и она у меня будет, и потом... Каждый выигранный день — это наша победа. «Голдсборо» должен вернуться из Европы, а из Новой Англии должны подойти хорошо вооруженные небольшие береговые корабли и другие наемники. Если потребуется, я отправлюсь в Квебек со своим флотом. Клянусь, я встречу ближайшую зиму в условиях мира и обладая силой. В конце концов, даже если они пойдут против меня и станут со мной враждовать, то это всего лишь четыре иезуита на территории более обширной, чем королевства Франции и Испании, вместе взятые.

Анжелика опустила голову. Несмотря на оптимизм и успокаивающую логику слов графа де Пейрака, ей казалось, что игра будет разыгрываться там, где

цифры, численность оружия и людей имеют мало значения для соотношения тех таинственных и безымянных сил, с которыми им приходилось иметь дело, и которые почти вопреки их желанию стояли за ними.

И она догадывалась, что он чувствует то же самое.

— О, боже мой, почему вы говорили ему все эти глупости? — простонала Анжелика.

— Какие глупости, любовь моя?..

— Эти намеки на маленьких демонов, которых встречают в шахтах, или о теориях какого-то древнего монаха в Праге...

— Я хотел разговаривать с ним на его языке. Это высокий, удивительно одаренный для постижения знаний ум. Наверное, он уже десять раз бакалавр и доктор, овладевший всеми видами теологических и оккультных наук, которым может гордиться наш век. Господи! Что ему надо здесь, в Америке?.. Дикари разделаются с ним.

Пейрак, который был внутренне весел и, во всяком случае, ничуть не взволнован, поднял глаза к темному пологу листвы. Невидимая птица встрепенулась там. Ночь наступила, мягкая, темно-синяя, пронизанная бивуачными огнями. Чей-то голос позвал из-за ветвей, приглашая к ужину.

Затем в наступившей тишине прокричала птица — так близко, что Анжелика вздрогнула.

— Сова, — сказал Жоффрей де Пейрак, — птица колдуний.

— О, дорогой мой, прошу вас! — воскликнула она, обвив руки вокруг него и спрятав лицо в его кожаной куртке. — Вы пугаете меня!

Он слегка улыбнулся и ласково погладил ее шелковистые волосы. Ему хотелось говорить, объяснить сказанные слова, раскрыть смысл беседы, которую он вел с иезуитом. И вдруг он замолчал, поняв, что

Анжелика и он сам думали одно и то же в каждый момент этого диалога. Оба знали, что этот визит означал не что иное, как объявление войны. А также, быть может, средство найти для нее предлог.

С удивительным искусством, присущим членам этого ордена, молодой иезуит смог заставить его, де Пейрака, сказать больше, чем тот хотел бы. Нужно было отдать им должное: они умели манипулировать людьми. И обладали другим оружием, особой манерой действий, силу которой граф отнюдь не склонен был недооценивать.

Постепенно настроение графа де Пейрака омрачилось. И неясным образом у него возникло беспокойство именно за нее, Анжелику.

Он теснее прижал ее к себе. Каждый день, каждый вечер он испытывал это желание держать ее, обняв, возле себя, чтобы убедиться: она здесь, и ничто не угрожает ей под защитой его рук.

Он хотел говорить, но, опасаясь, что разговор посеет беспокойство в ее душе, предпочел промолчать. И только сказал:

— Нам не хватает маленькой Онорины, не правда ли? Она кивнула головой, испытывая нежность, которую вызвали в ней эти слова. Немного погодя спросила:

— Она в безопасности там, в Вапассу?

— Да, любовь моя, она в безопасности, — ответил он.

Глава 2

Отец де Геранд ночевал вместе с индейцами и отказался разделить еду белых, когда его пригласили.

Он уехал на заре, не попрощавшись, что для человека его воспитания означало высшую степень презрения.

Анжелика была единственной, кто видел, как по другую сторону залива он выносил свои вещи на песок. Несколько индейцев лениво бродили вокруг вытащенных на берег челнов. К вершинам деревьев поднимался утренний туман, достаточно прозрачный, чтобы можно было различить силуэты и отражения их в воде. Обильная роса начинала блестеть в ясном свете. Невидимое еще солнце пыталось победить ночной туман.

Анжелика спала мало. Палатка, укрывавшая их, была не лишена комфорта. Подстилка из еловых веток, покрытая шкурами, на которых она лежала, была не очень мягкой, но ей приходилось спать и на более жестком ложе. Вечер оставил в ней тяжелое чувство.

Теперь, наслаждаясь свежестью утренней зари, она расчесывала свои длинные волосы перед маленьким зеркалом, укрепленным на ветке, говоря себе: нужно найти какой-либо повод, чтобы смягчить этого иезуита, ослабить струны его сердца, натянутые, как тетива боевого лука.

Она увидела его, поглощенного приготовлениями к отъезду. И, немного поколебавшись, отложила в сторону щетку и гребень, встряхнула головой, разбросав волосы по плечам.

Во время вчерашней беседы один вопрос вертелся у нее на языке, и она не нашла случая задать его, слушая

тот обмен сдержанными, загадочными и подчас опасными фразами.

Но этот вопрос сильно занимал ее.

Анжелика решила.

Подобрав юбку, чтобы не задеть золу костров и сальные котелки на стоянке, она пробралась среди обычного индейского беспорядка, прошла по длинной тропинке вдоль берега залива и, отогнав двух рыжих собак, грызущих внутренности лани, приблизилась к священнику, который готовился отправиться в путь на своей утлой посудине.

Он уже увидел ее в тающем и золотящемся утреннем тумане. Тот же яркий отсвет, который заря бросала на зеленые заросли, играл в ее распущенных волосах.

Будучи деликатного сложения, отец де Геранд чувствовал вялость после сна и некую душевную пустоту. Постепенно мысль о Боге пробуждалась в нем, и он начинал молиться. Но нужно было время, чтобы снова обрести ясность в мыслях. Заметив приближающуюся Анжелику, он вначале не узнал ее и растерянно спрашивал себя: кто это? Что за видение является ему?

Затем он вспомнил: это она, графиня де Пейрак. И он испытал что-то вроде внезапной боли в груди. Несмотря на его бесстрастные черты, она тотчас же почувствовала в нем прилив страха и отвращения, настороженность всего его существа.

Она улыбнулась, чтобы согнать морщины с этого окаменелого молодого лица.

— Отец мой, вы уже покидаете нас?

— Мои обязанности вынуждают меня к этому, сударыня.

— Я хотела бы задать вам один вопрос, который меня интересует.

— Слушаю вас, сударыня.

— Не могли бы вы мне сказать, из каких растений отец д'Оржеваль делает свои зеленые свечи?

Иезуит, видимо, ожидал услышать что угодно, но только не это. Удивленный, он расслабился. Прежде всего, он поискал в словах Анжелики какой-то затаенный смысл, но затем, поняв, что речь, действительно, шла о практической и хозяйственной вещи, заколебался. Ему подумалось, что она смеется над ним, и кровь прилила к его лицу. Затем он спохватился и напряг память, чтобы вспомнить детали, которые позволили бы ему дать точный ответ.

— Зеленые свечи? — пробормотал он.

— Говорят, эти свечи очень красивы, — продолжала Анжелика, — и дают приятный белый свет. Я думаю, их получают, примешивая к воску ягоды, которые индейцы собирают в конце лета. И я была бы вам очень благодарна, если бы вы могли сказать мне хотя бы название растений, на которых они растут. Ведь вы хорошо знаете язык дикарей.

— Нет, не могу вам сказать... Я не обращал внимания на эти свечи...

«Бедняга далек от реальных вещей, — подумала она про себя. — Он живет в мире своей фантазии». Но таким, как теперь, он был ей более симпатичен, чем затянутый в доспехи мистического бойца. Она нащупала пункт для согласия.

— Это не так уж важно, — заметила она. — Не задерживайтесь, отец мой.

Он слегка кивнул головой.

Она смотрела, как он с привычной ловкостью забрался в индейское каноэ, не захватив на сапогах «ни песка, ни камешка», как рекомендовал своим миссионерам отец Бребеф. Тело отца де Геранда приспособилось к императивам примитивной жизни, но его ум никогда бы не принял этого невыносимого беспорядка. «Дикари разделаются с ним», — сказал

Пейрак. Америка разделяется с ним. Эта длинная фигура, тощая спина которой угадывалась под изношенным черным платьем, познает мученическую участь. Они все умирали мучениками.

Отец де Геранд бросил последний взгляд в сторону Анжелики, и то, что он прочел в ее глазах, заставило его принять непреклонный и гордый вид.

Своей иронией он защищался от этой необъяснимой жалости, которую почувствовал в ней по отношению к себе.

— Если вопрос, который вы мне задали, интересует вас в такой степени, сударыня, то почему бы вам не спросить об этом самой у отца д'Оржеваля... посетив его в Нориджевуке?

Глава 3

Три баркаса под парусами, которые надувал речной ветер, спускались по Кеннебеку. На последней стоянке багаж был перенесен из индийских каноэ в более крупные и удобные лодки. Они были собраны и оснащены парусами тремя людьми графа де Пейрака, которые, проведя зиму в фактории Голландца, вернулись на свой пост возле небольшой серебряной шахты, основанной графом год назад. Таким образом, люди и союзники французского дворянина оказывались повсюду. Постепенно широкая сеть рудокопов и колонистов, действовавших от его имени, раскидывалась по всему Восточному побережью.

Жан, проводив Флоримона де Пейрака к озеру Шамплейн с караваном Кавелье де Ла Саля, вернулся как раз вовремя, чтобы вновь занять свое место возле графа де Пейрака во время путешествия к океану. Он принес хорошие вести о старшем сыне, но не мог предсказать удачного результата этой экспедиции, посланной в сторону Миссисипи, учитывая трудный характер начальника экспедиции француза Кавелье...

Деревянный баркас, оснащенный одним центральным парусом и небольшим кливером, не мог вместить больше пассажиров, чем индейские челны, которые обладали, с этой точки зрения, невероятной вместимостью. Но путешествовать в нем было значительно удобней. Жан Ле Куеннек управлял парусом, в то время как граф держал рулевое весло. Анжелика сидела рядом с ним.

Теплый ветер играл ее волосами.

Она была счастлива.

Ибо движение лодки, увлекаемой течением, так согласуется с порывами души! Та же вольность,

стремительность и в то же время устойчивость. Владение собой и вместе с тем Пьянящее ощущение свободы от земных пут. Река была широка. Берега далеки и туманны.

Она была одна с Жоффреем и переживала всю гамму чувств, одновременно с умиротворением и бодростью, наполнявшими все ее существо. После зимы, которую они провели в Вапассу, она больше не ощущала внутреннего разлада. Она была счастлива. Все, что могло затруднить или осложнить ее жизнь, мало ее волновало. Единственное, что было важно для нее, так это знать, что он здесь, рядом, и сознавать себя достойной его любви. Он говорил ей об этом там, на берегу Серебряного озера, когда полярное сияние разгорелось над деревьями. Она была его супругой, продолжением его большого сердца и безграничного ума — она, которая не знала стольких вещей и столь долго блуждала, слабая и затерянная, в безбрежном мире. Теперь она действительно принадлежала ему. Они признали родство своих душ. Она, Анжелика, и он, этот удивительно мужественный и стойкий человек, не похожий на остальных. Они были связаны теперь воедино. И никто не сможет разорвать эти узы.

Временами она смотрела на него, вглядываясь в его облик, в обветренное, покрытое шрамами лицо, с бровями, сдвинутыми над прищуренными от искрящихся бликов воды глазами. Сидя неподвижно рядом и почти не касаясь друг друга, тесно сдвинув колени, они, казалось ей, были телесно слиты воедино — столь сильно, что временами у нее розовели щеки. И тогда он бросал на нее свой загадочный, будто бы безразличный взгляд.

Он видел ее тонкий профиль, пушок на щеке, которую лениво похлестывали золотистые волосы. Весна оживила ее. Все формы были полны и нежны. В

ее неподвижности, как и в любом ее жесте, таилась какая-то звериная грация.

В ее глазах сияли звездочки, и на приоткрытых, влажных и припухлых губах словно вспыхивали искры.

Внезапно на красивом изгибе реки показались песчаный берег и на нем следы старого поселка. С другой лодки что-то крикнул индеец.

Жоффрей де Пейрак показал пальцем на цепочку деревьев, которую теплая дымка окрашивала в голубоватые, пастельные тона.

— Там, — сказал он, — Нориджевука... Миссия...

Сердце Анжелики встрепенулось. Но она сжала губы и нахмурила брови. Она решила в глубине души, что они не должны покинуть эти места, не встретившись лицом к лицу с отцом д'Оржевалем и не попытавшись путем дипломатических переговоров рассеять трудности и недоразумения, которые восстанавливали его против них.

Пока три лодки, наклонившись, поворачивали к берегу, она пододвинула к себе кожаную мягкую сумку, в которой везла часть своих вещей.

Даме, принадлежащей к французской знати, не подобало представиться столь грозному иезуиту в слишком небрежном наряде.

Она быстро спрятала свои волосы под накрахмаленный чепчик, который, она знала, был ей к лицу, и дополнила ансамбль большой фетровой шляпой, украшенной красивым пером. Требовалось проявить чуточку фантазии. Ведь Анжелика была в Версале, и ее принимал король. Следовало напомнить об этом надменному священнику, использующему связи при дворе, чтобы внушать робость всем окружающим.

Затем Анжелика надела казакин с длинными рукавами, который еще в форте сшила из лимбургского голубого драпа и который ей удалось украсить воротничком и манжетами из белых кружев.

Лодка пристала к берегу.

Жан ухватился за свисающую к воде ветку дерева и вытащил лодку на песок.

Чтобы жена не намочила туфли и подол своего платья, Пейрак взял ее на руки и перенес подальше от берега. Сделав это, он ободряюще ей улыбнулся.

Эта часть берега была пустынна. Его окружали кусты сумаха, над которыми возвышались огромные развесистые вязы. По всей видимости, поселок был оставлен еще несколько лет назад, так как место уже заросло кустами густого боярышника.

Один из индейцев сказал, что миссия находится дальше, в глубине леса.

— Нужно, однако, побеседовать с этим упрямым, — промолвил раздосадованный де Пейрак.

— Да, это нужно сделать, — сказала Анжелика, хотя ее сердце было полно тревоги.

Бог не допустил бы, чтобы они покинули эти места, не получив обещания сохранить мир.

Один за другим они вступили на тропинку, проложенную среди зелени, и аромат цветущего боярышника сопровождал их, навязчивый и сладковатый.

По мере того, как они удалялись от реки, ветер спадал. Неподвижная и тяжелая жара опустилась на землю.

Все эти запахи цветов и пыльцы угнетали, вызывали смутное беспокойство и тоску неизвестно о чем.

Два испанца открывали шествие, два других его замыкали. Несколько вооруженных людей были оставлены охранять лодки.

Тропа петляла по весеннему лесу, то узкая и сжатая плотными кустами, то более широкая между рядами дикой вишни и орешника.

Они шли около часу. Когда углубились в самую чащу, слышался звон колокола. Это был чистый,

прозрачный звук. Его ясные ноты доносились сквозь лес торопливыми ударами.

— Это колокол часовни, — взволнованно сказал один из идущих, остановившись. — Мы уже недалеко.

Колонна людей из Вапассу вновь тронулась в путь. Запах деревни уже доносился до них, запах костров и табака, жареного жира и вареной кукурузы.

Но никто не вышел навстречу. Это не вязалось с обычным любопытством индейцев, всегда охочих до любого зрелища.

Колокол прозвенел еще раз и умолк.

Они подошли к поселку. Он состоял из двух десятков круглых вигвамов, покрытых корой вязов и берез, окруженных небольшими огородами, где зрели тыквы, связанные затейливыми побегами.

Несколько тощих кур бродили здесь и там. Кроме этих встrepенувшихся при их появлении птиц в деревне, казалось, никого не было.

Они шли по центральной улице в тишине, плотной, как стоячая вода.

Испанцы положили стволы своих длинных мушкетов на подпорки, готовые занять позицию для стрельбы при малейшем подозрительном движении, и глаза их шарили повсюду.

Левой рукой они держали подпорки, а указательный палец правой касался крючка кремневого затвора. Они продвигались, зажав приклад подмышкой.

Колонна медленно прошла в конец деревни. Там находилась небольшая церковь отца д'Оржеваля.

Глава 4

Это было красивое, деревянное строение, сделанное умелым мастером и окруженное цветущим кустарником.

Говорили, что отец иезуит возвел его собственными руками.

Над главной частью дома возвышалась небольшая башенка, и там еще дрожал серебряный колокол.

В тишине Жоффрей де Пейрак вышел вперед и толкнул дверь.

И тотчас же их ослепил яркий колеблющийся свет. Снопы горящих свечей, вставленных в четыре серебряных торшера с круглыми чашами, сияли, слегка потрескивая и создавая впечатление чьего-то скрытого присутствия. Но внутри не было никого, кроме этих живых свечей нежно-зеленого цвета, изгонявших отовсюду тени.

Торшеры были установлены попарно по обе стороны главного алтаря.

Жоффрей де Пейрак и Анжелика приблизились к нему.

Над их головами блестела ажурная лампа из позолоченного серебра под красным стеклом. В ней было немного масла, где плавал зажженный фитиль.

— Здесь тело и кровь господни, — прошептала Анжелика, крестясь.

Граф снял шляпу и склонил голову. Горящие свечи распространяли тепло и душистый запах.

По сторонам алтаря висели пышные священные мантии и ризы, переливаясь золотом и шелком, с вышитыми ликами ангелов и святых. «Сияющие платья», как называли их индейцы, завидуя святым отцам.

Тут же стояло знамя. Они впервые увидели этот овеянный в бою, покрытый кровью англичан стяг с четырьмя красными сердцами по углам, пересеченный мечом на фоне белого шелка.

Прекрасные священные чаши, покровы, шитые серебром, ковчеги для святых даров были выставлены возле дарохранительницы, над которой возвышался серебряный крест для крестного хода.

Один из ковчегів старинной работы был подарен королевой-матерью. Этот ларец из горного хрусталя украшали шесть золотых полосок, усыпанных жемчугом и рубинами. Говорили, что в нем содержится острие одной из стрел, поразивших святого Себастьяна в III веке.

На каменной плите алтаря был выставлен предмет, который они сперва не смогли рассмотреть.

Приблизившись, они увидели.

Это был мушкет. Прекрасное оружие. Длинный, блестящий, он лежал здесь, как почетный дар.

Как явный вызов.

Оба вздрогнули.

Казалось, они слышали молитву, которую столько раз здесь произносил тот, кому принадлежало это оружие:

«Прими, Господи, во искупление наших грехов кровь, пролитую за Тебя...

Нечистую кровь еретика.

Кровь индейца, принесенного в жертву.

И кровь моих ран, пролитую во имя Тебя. Во имя Твоей вящей славы...

Прими труды и невзгоды войны — войны за Тебя, Господи, за торжество Справедливости, за то, чтобы стереть с лица земли Твоих врагов, уничтожить идолопоклонника, не признающего Тебя, еретика, чернящего Тебя, нечестивца, не ведающего о Тебе. Пусть право жить принадлежит лишь тем, кто служит

Тебе. Пусть будет только царство Твое! Пусть славится имя Твое!

Я, Твой слуга, возьму в руки оружие и жизни не пощажу во имя торжества Твоего, ибо только Ты один в помыслах моих».

Они услышали эту страстную и яростную молитву в глубине своих сердец, услышали с такой силой, что Анжелика почувствовала, как неясный страх овладевает ею.

Она понимала «его». Она ясно сознавала, что кроме Бога для этого человека не существовало в мире ничего.

Бороться за свою жизнь?.. Какая насмешка! За свое имущество?.. Какая мелкая суета!

Но умереть во имя Бога! Какая смерть и какая высокая цена!

Кровь крестоносцев, ее предков, волнами поднималась к ее лицу. Она понимала, какой источник возбуждал и утолял поочередно жажду мученичества и самопожертвования у того, кто положил здесь это оружие.

Она представила его себе, склонившего голову, с закрытыми глазами, отрешенного, безразличного к своему жалкому, страдающему телу. Он познал все тяготы войны, усталость битв, изнеможение кровавых схваток, утомляющих руки, которые разят, иссушающих губы, которые не успевают вздохнуть. Он познал радость триумфа, молитв победы и смирение гордыни, оставляющей ангелам и святым заслугу в том, что воины были быстры и отважны.

«Верный слуга Священной войны, мушкет, покойся у ног Царя Царей, дожидаясь своего часа извергать гром в его честь!

Благословенное, святое оружие, благословенное тысячу раз, прекрасный дар во имя Того, Кому ты служишь и Кого защищаешь, будь начеку, внимай

молитве, и пусть те, кто созерцает тебя, не возьмут над тобой верх!

Пусть те, кто сегодня смотрит на тебя, уразумеют твой символический смысл и тот вызов, который я бросаю им от твоего имени!..»

Тревога сжала горло Анжелики.

«Это ужасно, — подумала она. — На его стороне — святые и ангелы, а у нас...»

Она бросила смятенный взгляд на человека, который стоял рядом с нею, ее супруга, и ответ уже звучал в ее душе: «На нашей стороне... Любовь и Жизнь...»

На лице Жоффрея де Пейрака — этого искателя приключений, отвергнутого властью, — дрожащий отблеск свечей вызвал выражение горечи и насмешки.

Однако, он был невозмутим. Он не хотел пугать Анжелику, придавать случившемуся точное и мистическое значение. Но он также понял, что означало выставленное оружие.

«Какое грозное предупреждение: между мною и вами навсегда останется лишь борьба на уничтожение!»

Между ним, одиночкой, и ими, баловнями любви, — война... Война до конца.

И, конечно, там, в лесу, прижавшись лбом к земле, он, иезуит, священник-воин видел их в глубине своей души. Видел их, избравших соблазны мира сего, эту супружескую пару, стоящую перед знаком креста, видел такими, какие они есть, соединившими руки в тишине...

Горячая ладонь де Пейрака сжала холодные пальцы Анжелики. Еще раз он склонился перед дарохранительницей, затем медленно отступил. Он увлек ее вон из озаренной свечами, пропитанной ароматами церкви, загадочной и жестокой, таинственной, полной жгучего сиянья.

Снаружи они вынуждены были остановиться, чтобы придти в себя при свете дня, вновь увидеть мир с его белым солнцем, гуденьем насекомых, запахами деревни.

Испанцы продолжали настороженно оглядываться вокруг...

«Где же он? — думала Анжелика. — Где он?»

Она искала его глазами за изгородями и дрожащими, окутанными маревом, деревьями, запорошенными тонким слоем пыли.

Властным жестом граф де Пейрак приказал своему отряду отправляться в обратный путь.

На полпути начался мелкий дождь.

К шелесту падающих капель добавился далекий отрывистый звук барабана.

Они ускорили шаг.

Когда подошли к лодкам, поверхность реки запузырилась под струями внезапно хлынувшего ливня, потоки которого скрыли берега.

Но это был лишь короткий шквал.

Скоро вновь появилось солнце, еще более яркое над омытым пейзажем, и парус мягко надулся.

В сопровождении каноэ индейцев, плывущих к месту торговли, баркасы вновь устремились по течению реки, и вскоре берег, где была миссия Нориджевука, исчез за мысом, покрытым густыми кедрами и дубами, темными и величавыми.

Глава 5

На следующей стоянке, когда разбивали лагерь, Анжелика увидела индианку, которая несла на голове странный предмет. Она приказала догнать ее, и та не заставила себя просить, чтобы показать предмет, о котором шла речь. Это был огромный круг прекрасного сыра. Она выменяла его сегодня в фактории Голландца за шесть шкур черной выдры, а также получила бутылку водки за двух серебристых лисиц. В лавке Голландца, утверждала она, было много хороших товаров.

Поселок дал о себе знать приятным запахом печеного хлеба. Индейцам нравился пшеничный хлеб, и в сезон торговли служащий купца без устали закладывал куски теста в большую кирпичную печь. Фактория была построена на острове. В надежде, быть может, тщетной, избежать судьбы предыдущих торговых заведений, которые на протяжении последних пятидесяти лет вырастали вокруг большой деревни Хоуснок^[1] и многократно подвергались грабежам, сжигались и уничтожались под разными предлогами.

Хоуснок уже не был даже поселком. Оставались только название и привычка кочевых племен, спускающихся к югу, останавливаться здесь.

Отсюда начинало чувствоваться влияние приливов. Это были низовья Кеннебека, и несмотря на чистоту широких вод, которые мощно и спокойно текли между заросшими лесом берегами, можно было по многим признакам догадаться о близости океана.

В более влажном воздухе ощущался как бы привкус соли. Местные индейцы, вавеноки и канибы, не смазывали себя жиром медведя, а натирались с ног до головы салом морского волка, как они называли тюленей, на которых охотились зимой по берегам

океана. Крепкие запахи рыбного базара смешивались таким образом с запахом горячего хлеба и тяжелыми испарениями от груд валявшихся шкур, создавая вокруг фактории смесь ароматов, довольно сильных, но мало подходящих для тонкого обоняния. Однако Анжелика уже давно не обращала внимания на эти детали. Оживление на реке вокруг острова казалось ей добрым предзнаменованием. Здесь можно будет найти разнообразные товары.

Пристав к острову, все разбрелись в поисках нужных вещей. К Жоффрею де Пейраку тотчас же подошел какой-то человек, которого он, видимо, знал, и который стал что-то говорить на иностранном языке.

— Идем, — сказала Анжелика маленькой англичанке Роз-Анн. — Сперва нужно что-нибудь выпить, и я думаю, здесь можно найти свежее пиво. А потом отправимся за покупками, как в Дворцовой галерее.

Они довольно быстро научились понимать друг друга, так как за последние месяцы, взяв Кантора во временные учителя, Анжелика занималась английским языком. Но ее питомица не была говорлива. На ее гладком и бледном лице со слегка выдающимся подбородком было выражение ранней зрелости и задумчивости. Она казалась подчас растерянной и слегка грубоватой.

Однако, это был милый ребенок. Когда они уезжали из Вапассу, она, не колеблясь, оставила свою куклу Онорине. Ту самую, которую она, почти умирая в плену, ловко прятала в своем корсаже, чтобы та не попала в руки индейцев. Онорина оценила подарок. С такой чудесной игрушкой и ручным медведем она сможет легко дожидаться возвращения своей матери.

Но Анжелика продолжала сожалеть об ее отсутствии. Девочка так бы порадовалась оживлению фактории, где торговля шла вовсю.

Голландец, управляющий факторией и представитель Компании залива Массачусетс, восседал посреди двора в застегнутых выше колен коротких штанах, черных и запыленных.

При помощи мушкета он измерял тюк бобровых шкур. Расстояние на высоту ствола равнялось сорока шкурам.

Здание было скромным, из досок, покрытых коричневой краской.

Анжелика и Роз-Анн вошли в большой зал. Два окна с маленькими стеклами в свинцовых переплетах давали достаточно света, сохраняя в то же время в помещении свежий полумрак. Несмотря на индейцев, то и дело заходивших для торговли, здесь было довольно чисто, что свидетельствовало о твердой руке и организаторском таланте хозяина здешних мест.

Справа был длинный прилавок — с весами, безменами, сосудами и различными мерками, куда высыпали жемчуг и медные деньги, нужные в торговле.

Вдоль стен поднимались друг над другом полки с товарами, среди которых Анжелика уже заметила одеяла, шерстяные шапки, рубашки и белье, сахар-сырец и рафинад, пряности, сухари. Здесь же стояли бочки с горохом, бобами, черносливом, соленым свиным салом и копченой рыбой. В большом кирпичном очаге с кухонной утварью по сторонам сегодня, в этот жаркий день, горело лишь несколько головешек, чтобы подогреть простую пищу торговца и его служащих.

На карнизе над очагом стояли рядами кувшины, кружки и оловянные чарки, предназначенные для клиентов, желающих выпить пива. Внушительная бочка его, открытая для всех, возвышалась на видном месте. Глубокие ковши, висящие на карнизе, позволяли каждому налить, сколько он хочет. Часть зала была превращена в таверну — с двумя большими деревянными столами, табуретками и несколькими

опрокинутыми бочками для тех, кому не хватило бы места за столом или кто хотел бы пить в одиночку. Посетители сидели тут и там, окутанные облаками голубоватого дыма.

Когда Анжелика вошла, никто не пошевелился, но многие головы медленно повернулись в ее сторону, и глаза загорелись. Кивнув всем вокруг, она взяла две оловянные чарки с карниза над камином. Ей и Роз-Анн хотелось выпить немного свежего пива.

Но, чтобы подойти к бочке, нужно было потревожить индейского вождя. Закутавшись в расшитый плащ, тот покуривал, словно в дреме, у края одного из столов.

Она приветствовала его в подобающих выражениях на языке абенаков, с уважением, отвечающим его рангу, о котором свидетельствовали орлиные перья, воткнутые в его черный, с длинными косичками, шиньон.

Индеец, казалось, очнулся от своего дремотного сна и резко выпрямился.

Его глаза вспыхнули. Он смотрел на нее несколько мгновений с удивлением и восхищением, затем, прижав руку к сердцу, выставил правую ногу вперед и согнулся в безупречном придворном поклоне.

— Сударыня, как мне заслужить ваше прощение? — сказал он на безукоризненном французском языке. — Я так мало был готов к вашему появлению здесь. Разрешите представиться: Жан Венсен д'Аббади, сеньор Раздака и других мест, барон де Сен-Кастин, лейтенант короля в крепости Пентагует, поставленный здесь для управления его владениями в Акадии.

— Барон, я очарована встречей с вами. Я много слышала о вас.

— И я тоже о вас, сударыня... Нет, не нужно представляться. Я вас узнал, хотя никогда не видел. Вы прекрасная, необыкновенная мадам де Пейрак! Хотя я

слышал много рассказов о вас, действительность намного превосходит то, что я мог себе представить... Вы приняли меня за индейца? Как объяснить вам мое неучливое поведение? Увидев вас вдруг перед собою, поняв мгновенно, кто вы, и что вы здесь, я был поражен, потрясен и онемел, как те смертные, которых в их жалкой земной обители, повинуюсь неизъяснимому капризу, посещают богини. Да, сударыня, я знал, что вы невероятно прекрасны, но не знал, что вы к тому же обладаете таким очарованием и приветливостью. Услышать из ваших уст слова индейского языка, который я так люблю, и увидеть вашу улыбку, озарившую вдруг это темное и грубое прибежище, — какое удивительное потрясение! Я никогда его не забуду!

— Теперь я вижу, сударь, что вы гасконец! — воскликнула она со смехом.

— Вы, действительно, приняли меня за индейца?

— Разумеется.

Она разглядывала его бронзовое лицо, на котором блестели совершенно черные глаза, его шевелюру.

— А теперь? — спросил он, сбросив красную, вышитую жемчугами и иглами дикобраза накидку. И предстал перед нею в голубом камзоле офицеров полка Кариньяна-Сальера, отделанном золотым сутажем, с жабо из белых кружев. Но только этот камзол представлял предписанную униформу. Что касается остального, то Сен-Кастин носил высокие гетры по-индейски и мокасины вместо сапог.

Барон подбоченился, упершись кулаком в бедро, с надменным видом молодого офицера королевской свиты.

— А так? Не похож ли я на примерного придворного в Версале?

Анжелика покачала головой.

— Нет, — сказала она, — ваше красноречие запоздало, сударь! В моих глазах вы вождь абенаков.

— Хорошо, пусть будет так! — сказал барон де Сен-Кастин с важным видом. — Вы правы. Он нагнулся, чтобы поцеловать ей руку.

Этот оживленный обмен любезностями и комплиментами по-французски происходил непринужденно в полной табачного дыма комнате. Сидящие за столом посетители и ухом не повели. Что касается нескольких индейцев, находившихся в зале, то они, занятые своими торговыми сделками, не обращали никакого внимания на эту сцену. Один из них при помощи магнита пересчитывал одну за другой иголки, второй пробовал лезвия складного ножа о край прилавка, третий, отступая, чтобы измерить кусок ткани, толкнул Анжелику и, недовольный, бесцеремонно отодвинул ее в сторону, дабы она ему не мешала.

— Пойдемте отсюда, — решительно сказал барон. — Рядом есть комната, в которой мы сможем спокойно побеседовать. Я попрошу старого Джозефа Хиггинса принести нам туда что-нибудь перекусить. Этот очаровательный ребенок — ваша дочь?

— Нет, это маленькая англичанка, которая...

— Тише! — резко прервал ее молодой гасконский офицер. — Англичанка!.. Если об этом узнают, то я не дам дорого за ее голову или, во всяком случае, за ее свободу.

— Но я выкупила ее должным образом у индейцев, которые взяли ее в плен, — запротестовала Анжелика.

— В качестве француженки вы можете позволить себе некоторые вещи, — сказал де Сен-Кастин. — Но, как известно, господин де Пейрак не имеет привычки выкупать англичан, чтобы затем их крестить. Это не нравится в высоких сферах. Потому не дайте никому заподозрить, что эта малышка — англичанка.

— Но здесь много иностранцев. Разве глава этой фактории не голландец, а его служащие не прибыли сюда, как мне кажется, прямехонько из Новой Англии?

— Это ни о чем не говорит.

— Но они здесь.

— На какое время?.. Поверьте мне, будьте осторожны. Ах, дорогая графиня, — воскликнул он, снова целуя ей кончики пальцев, — как вы очаровательны и совершенно соответствуете той репутации, которая сложилась о вас.

— Я думала, что у французов мне создали скорее дьявольскую репутацию.

— Так оно и есть, — подтвердил он. — Дьявольскую — для тех, кто, как и я, слишком чувствителен к женской красоте... Дьявольская также для тех, кто... В конце концов, я хочу сказать, что вы похожи на вашего супруга, которым я восхищаюсь, и который пугает меня. По правде говоря, я оставил свой пост в Пентагуете и отправился на Кеннебек, чтобы встретить его. У меня есть для него важные новости.

— Что-нибудь плохое случилось в Голдсборо? — спросила Анжелика, побледнев.

— Нет, успокойтесь. Но я полагаю, что господин де Пейрак с вами. Я попрошу его придти к нам.

Он толкнул дверь. Но, прежде чем Анжелика, держа за руку Роз-Анн, успела пройти в соседнюю комнату, кто-то с шумом переступил порог главного зала и устремился навстречу барону де Сен-Кастину.

Это был французский солдат с мушкетом в руке.

— На этот раз так и есть, господин лейтенант, — простонал он. — Они разожгли костры под своими котлами войны... Я не ошибаюсь. Этот запах я узнаю среди тысячи других. Идите, идите, понюхайте!..

Он схватил офицера за рукав и почти силой вытащил на улицу.

— Понюхайте! Понюхайте! — настаивал он, выставив свой длинный, вздернутый нос, который придавал ему вид ярмарочного клоуна. — Как это пахнет?! Это пахнет маисом и вареной собакой. Правда? Вы не чувствуете?

— Это пахнет столькими вещами, — бросил де Сен-Кастин с брезгливой миной.

— Нет, меня не обманешь. Когда так воняет, это значит, что там, в лесу, они пируют, прежде чем отправиться воевать. Они едят маис и вареную собаку! Чтобы придать себе смелости. И еще они пьют воду сверх всякой меры, — добавил он с выражением ужаса, который еще больше расширил ею выпученные глаза встревоженной улитки.

У солдата было лицо простофили. Если бы его подобрали для своих подмостков бродячие комедианты, они вознаградили бы себя безудержным смехом зрителей.

Действительно, речной ветер доносил из глубины леса сладковатый запах индейского пиршества.

— Это несется оттуда и оттуда, — продолжал солдат, показывая различные места на левом берегу Кеннебека. — Я не ошибаюсь!

Забавный персонаж! Затянутый в свой голубой мундир, он держал оружие с опасной неловкостью. У него не было ни гетр, ни мокасинов, тяжелые башмаки еще больше подчеркивали его неуклюжесть, а толстые полотняные чулки, подвязанные под коленями, свисали непредписанными складками.

— Почему вы так взволнованы, Адемар? — спросил барон де Сен-Кастин с лицемерным участием. — Не нужно было вербоваться в колониальный полк, если вы так боитесь индейской войны.

— Но я же вам говорил, что вербовщик во Франции напоил меня, и я проснулся уже на корабле, — промолвил жалобно его собеседник.

Между тем, подошли граф де Пейрак, Голландец и француз, который встретил их на берегу. Они слышали утверждения Адемара относительно котлов войны.

— Я думаю, этот парень прав, — сказал француз. — Тут много говорят о скором выступлении абенаков, которые хотят покарать наглых англичан. Вы не будете в этом участвовать, Кастин, с вашими эчеминами?

Барон казался озадаченным и не ответил. Он поклонился графу, который приветливо протянул ему руку.

Затем Жоффрей де Пейрак представил жене своих двух попутчиков. Голландца звали Питер Богген.

Второй был мессир Бертран Дефур, который с тремя братьями владел небольшой концессией на перешейке в самой глубине Французского залива^[2].

Пикардиец с широкими плечами, крупными, словно вырезанными из дерева чертами загорелого лица, по-видимому, давно уже не имел возможности разговаривать с красивой женщиной.

Он казался вначале смущенным, но потом, взяв себя в руки, поклонился с простой непосредственностью.

— Нужно отметить эту встречу, — сказал он. — Пойдемте выпьем.

Какой-то хрип, раздавшийся позади группы, заставил всех обернуться.

Солдат Адемар прижался к двери, устремив глаза на Анжелику.

— Демон, — бормотал он. — Это... это она!.. Вы мне не сказали. Это нехорошо. Почему вы мне ничего не сказали, мой лейтенант?

Де Сен-Кастин застонал от отчаяния. Он схватил солдата и сильным ударом ноги в нужное место отправил на землю.

— Чума побери этого кретина! — воскликнул он, задыхаясь от ярости.

— Откуда взялось это чудище? — спросил Пейрак.

— Я не знаю. Вот кого нам теперь присылают вербовщики из Квебека! Не думают ли они, что в Канаде нам нужны солдаты, которые дрожат от страха?..

— Успокойтесь, господин де Сен-Кастин, — сказала Анжелика, положив ладонь на его руку. — Я знаю, что хотел сказать этот бедняга.

Она не могла удержаться от смеха.

— Он так забавен со своими выпученными глазами. Это не его вина. Его напугали слухи, которые ходят по Канаде, — и я тут ни при чем.

— Так вы не обиделись, сударыня?.. Действительно, нет? — настаивал де Сен-Кастин, размахивая руками с южной пылкостью. — О, проклятые идиоты! Пользуясь вашим отсутствием и тайной вашей судьбы, они распространяют подобный вздор и столь оскорбительные басни!

— Теперь, когда я вышла из леса, мне нужно попробовать развеять их. И в частности, поэтому я сопровождаю мужа в нынешней поездке. Прежде чем я вернусь в Вапассу, нужно, чтобы вся Акадия убедилась если не в моей святости — боже упаси! — то, по крайней мере, в моей безобидности.

— Что касается меня, то я в этом убежден, — сказал коренастый Дефур, приложив к сердцу свою широкую ладонь.

— Вы оба — настоящие друзья, — сказала Анжелика с признательностью.

И, тронув их за плечи, она одарила каждого одной из своих чарующих улыбок, составляющих ее обаяние. Она знала, что могла разделить дружбу и с аристократичным бароном де Сен-Кастинем, и с честным пикардийским крестьянином: все они стали братьями в силу общей их принадлежности к земле этой

безумной и дикой Акадии. Пейрак видел, как она с непринужденным смехом увлекла их к двери.

— Вы знаете, дорогие друзья, — говорила она, — что для женщины не так уж неприятно слыть дьявольской натурой. В этих словах угадывается скрытое преклонение перед властью, в которой ей столь часто отказывают. Бедный Адемар не заслужил такого насилия над ним... А теперь прошу вас не говорить больше об этом и пойдём выпьем. Я умираю от жажды.

Во втором зале фактории все устроились вокруг стола. Возбужденные, они говорили о вещах, которые другим показались бы полными драматизма, но в их устах приобретали характер шутки и даже комических эпизодов.

Голландец, обретя в компании французов свойственную фламандцам жизнерадостность, поставил на стол стаканы, кружки, кувшины с пивом, ромом, водкой и оплетенную бутылку с красным терпким вином. Он недавно выменял ее за меха на пиратском корабле из Карибского моря, затерявшемся в устье Кеннебека.

Глава 6

Пейрак краем уха прислушивался к разговору, глядя на Анжелику. Пораженный еще раз широтой ее женской натуры, он вспомнил, что когда-то в Тулузе она одной улыбкой и несколькими словами привлекла к себе его самых недоверчивых друзей, и с тех пор они были готовы дать себя четвертовать за нее. Он как бы вновь открывал ее живой и светлый ум, подкрепленный женский опытом, несравнимое изящество жестов, очарование ее находчивости.

Внезапно он вспомнил также, какой она была в прошлом году, когда вместе с ним оказалась в этих краях после того удивительного путешествия на «Голдсборо», где они снова нашли и узнали друг друга.

У нее был тогда полный печали взгляд, вид затравленной женщины. ореол несчастья, казалось, окружал ее лицо.

И вот, менее, чем за год, она снова обрела свою веселость, непринужденные манеры счастливой женщины. Это было результатом любви и счастья вопреки всем тяготам зимы. Это была его заслуга!

Он возродил ее, вернув самой себе. И когда он встречался с ее взглядом, то бросал ей улыбку, полную властной нежности.

Маленькая англичанка, бледная и безмолвная среди этих возбужденных людей, переводила взгляд с одного на другого.

Барон де Сен-Кастин рассказывал, как маркиз д'Урвилль, комендант Голдсборо, с помощью гугенотов из Ла-Рошели дал отпор двум кораблям пирата Золотая Борода. В конечном счете, дело решили два метких пушечных залпа раскаленными ядрами. Пожар занялся на палубах, и бандит вынужден был отступить за

острова. С тех пор он, казалось, затаился, но надо оставаться начеку.

Граф спросил, не вернулись ли еще два корабля, которых он ожидал: один из Бостона, другой — «Голдсборо» — из Европы. Но было еще слишком рано. Что касается небольшой бостонской яхты, которая высадила людей Курта Рица в устье Кеннебека, то она вынуждена была сразиться с упомянутым Золотой Бородой и вернулась в порт сильно поврежденная.

— Этот разбойник заплатит мне сторицей, — заявил Жоффрей де Пейрак. — Он не хочет ничего упустить. Но, если он не вернет мне живым моего швейцарца, то я доберусь до его собственной шкуры. Я его найду хоть на краю света.

Дефур сказал, что Французский залив кишит этими канальями пиратами и флибустьерами южных морей. Зная, что летом в северные колонии англичан и французов шли корабли с товарами, они рыскали здесь, чтобы захватывать их с меньшим риском, чем испанские галионы. Это притягивало к Акадии английские военные корабли, вызываемые для охраны рыболовецких флотилий в Бостоне или Вирджинии.

— Не говоря о том, господин граф, что этим англичанам нечего делать во Французском заливе. С какой стати они считают, будто им все позволено?

Дефур добавил, что, совершая торговое путешествие вдоль берегов, он сумел осуществить одно важное дело.

— В прошлом году, когда я почти умирал от голода, истощив запасы, вы хорошо снабдили меня всем необходимым, господин де Пейрак, и теперь, проходя через устье реки Сен-Жан, я смог забрать шесть солдат из гарнизона небольшого форта Сент-Мари. Я привез их сюда, чтобы передать в ваше распоряжение.

— Значит, Дефур, тебе мы обязаны появлением здесь этого дурня в униформе, Адемара? — удивился

барон.

Акадийский концессионер возразил:

— Мне его навязали силой. Кажется, повсюду: от Монреаля до Квебека, от Верхнего озера до залива Зноя — все хотят от него избавиться и спихивают друг другу. Но остальные — крепкие ребята и умеют драться.

Пейрак, довольный, рассмеялся.

— Благодарю вас, Дефур. Я не откажусь от нескольких хороших стрелков. Но что сказали об этом похищении господин де Вовнар и кавалер де Грандривьер?

— Они были в Жернсеге. Там ожидают визита губернатора Акадии господина Виль д'Авре. Впрочем, именно поэтому я совершил свое путешествие через залив. Так надежнее. Мои братья возьмут на себя труд встретить этого надоедливого гостя, — заключил он с громким смехом.

— Но почему вы не высадили этих солдат в Голдсборо? — спросил де Кастин.

— Буря отнесла меня к островам Матиникус, — ответил тот без бравады. А потом туман держал нас в полном мраке четыре дня. И я предпочел плыть на запад. Пройти в Голдсборо непросто. Я мог столкнуться с Золотой Бородой. Но видите, в конце концов мы с вами встретились.

Пейрак поднялся, чтобы пойти посмотреть на солдат, и его попутчики отправились за ним.

Анжелика осталась в полутемном зале. Испанское вино было приятным, но слегка кружило голову. Роз-Анн выпила пива. Она была голодна. Едва Анжелика и ее питомица подумали, что хорошо бы поесть, как перед ними возник приветливый старик и поставил на стол тарелки с большими ломтями горячего хлеба, намазанными вареньем из черники, которую французы называют «миртий», и которая покрывает в Америке огромные пространства.

Улыбнувшись, он пригласил их подкрепиться. У него была небольшая белая борода, и на лице читалось выражение доброты. Его скромный, слегка старомодный черный камзол и короткие штаны с напуском над коленями, белый воротничок и плиссе напоминали Анжелике одежду ее деда еще тех времен, когда в моде были гофрированные брыжи. Он сказал им, что его зовут Джозеф Пилгрим.

Когда маленькая Роз-Анн поела, он присел возле нее и дружески заговорил по-английски.

Джозеф был очень взволнован, когда узнал, что ее родителей зовут Уильям, и что они родом из Биддефорд-Себейго. Он сказал Анжелике, что дед и бабушка Роз-Анн живут менее чем в тридцати милях отсюда, на реке Андроскостин. В районе, который индейцы называют Невееваник, то есть Весенняя земля, они основали десяток лет назад поселок, сейчас процветающий и называемый по-английски Брансуик-Фолс. Эти Уильямы были предприимчивыми людьми, неустанно стремившимися проникнуть подальше в глубь этих земель. Так, Джон Уильям-сын покинул Биддефорд, богатую колонию в заливе, и отправился основать другой Биддефорд на озере Себейго. Теперь стало известно, чего им это стоило: их взяли в плен и увезли в Канаду. Хотя деревни на побережье и не были в безопасности, когда красная волна индейцев хлынула из лесов на англичан, но отсюда всегда можно было убежать на острова.

Однако он, Джозеф, понимает таких людей, как эти Уильямы, ибо сам никогда не любил треску и волнения на море. Он предпочитает блеск рек и озер под сенью деревьев и мясо диких индеек.

Ему было десять лет, когда его отец, торговец из Плимута на мысе Код, прибыл сюда, чтобы основать факторию Хоуснок. Именно поэтому его прозвали Джозеф Пилгрим. Ибо колония была создана

паломниками. Совсем еще ребенком он высадился вместе с ними с корабля «Мейфлоуер» на пустынном берегу, где половина из них умерли в первую же зиму.

Закончив свой рассказ, который он поведал им ровным и слегка нравоучительным тоном, старик отправился что-то искать на этажерке, затем вернулся с гусиным пером, чернильницей, тонкой, похожей на лист пергамента берестой, и стал что-то на ней рисовать. Это был план, по которому можно было отыскать английскую деревню, где жили старый Бенджамен Уильям и его жена Сара, дед и бабка Роз-Анн.

Он объяснил потом, что, переплыв на правый берег Кеннебека и двигаясь на запад, можно дойти туда менее, чем за день.

— Это рука провидения! — воскликнула Анжелика.

Она и ее муж давно хотели вернуть девочку родным, но эта задача представлялась весьма трудной. Идя в Голдсборо, то есть на восток, они удалялись от мест, населенных англо-саксами. Область, где они находились, англичане называли Мэн, французы — Акадия. Это была пограничная территория, где Кеннебек означал весьма подвижную границу, ничейную землю без законов и без хозяина.

Провидению было угодно, чтобы семья их воспитанницы оказалась менее, чем в десяти лье от Хоуснока.

Глава 7

Вечером, снова посетив факторию по приглашению Голландца, который хотел устроить ужин для своих почетных гостей, они обсудили прежде всего, как вернуть ребенка.

Хозяин принес карту.

Учитывая изгибы дороги и холмы, нужно было три дня, чтобы добраться до цели и вернуться назад в Хоуснок, а затем продолжить путь на восток, в Голдсборо. Но Жоффрей де Пейрак нашел другое решение. Деревня Брансуик-Фолс стояла на реке Андроскоггин. Быстрая и судоходная, эта река позволяла за несколько часов достигнуть устья Кеннебека. Экспедиция графа де Пейрака разделится надвое. Одна, более крупная группа, спустится, как намечалось, по большой реке до моря, где их ждет корабль, посланный д'Урвиллем.

Тем временем Жоффрей де Пейрак с Анжеликой в сопровождении нескольких людей доберутся до английской деревни и, передав девочку семье, спустятся по Андроскоггину до побережья, где соединятся с первой группой. В конечном итоге дело займет не больше двух дней.

Договорившись таким образом, они воздали должное «вечеру при свечах», устроенному Питером Боггеном.

Речь шла о том, чтобы отведать напиток, приготовленный по старинному рецепту, известному среди голландцев Нового Света, живущих на берегах Гудзона, от Нового Амстердама до Оранжа.

В котелок наливают два галлона лучшей мадеры, три галлона воды, насыпают семь фунтов сахара, смесь овсяной муки, различных пряностей, изюм, лимоны...

Горячий напиток подают в большой серебряной чаше, помещаемой в центре стола, и каждый из приглашенных по очереди черпает себе серебряной ложкой ароматную жидкость.

Нет ничего лучше, чтобы поднять настроение и развеять печали.

Кроме графа и графини де Пейрак и их сына Кантора, здесь были барон де Сен-Кастин, акадиец Дефур, капрал гарнизона крепости в Сен-Жан, французский капитан флибустьерскою корабля с острова Черепахи и его капеллан.

Голландец с двумя служащими, англичанами-пуританами, дополняли компанию.

Анжелика была единственной женщиной.

Благодаря присутствию ее и священника, тон разговоров был вполне благопристойным.

Стремясь, чтобы они держались непринужденно, Анжелика постаралась создать веселую атмосферу, в которой каждый мог почувствовать себя единственным и неповторимым. Из окон фактории разносились раскаты непринужденного смеха, сливаясь с таинственными шумами ночной реки.

Когда все весело расставались, то чувствовали себя добрыми друзьями.

Оставив Голландца на его острове, они при свете луны переплыли реку и вернулись к себе, кто в лагерь, а кто на корабль.

— Я навещу вас завтра, — прошептал барон де Сен-Кастин Пейраку. — Мне нужно сообщить вам важные вещи. Но сегодня идемте спать. Я шатаюсь от усталости. Доброй ночи всем.

Он исчез в лесу, окруженный группой индейцев, которые, как призраки, вынырнули из тени, чтобы сопроводить его.

В лагере часовые были настороже. Они получили строжайшие указания де Пейрака. Для большей

безопасности группа разместились только в двух хижинах. Никто не должен был оставаться ночью особняком. Граф и его жена отказались от отдельного убежища. Хоуснок притягивал к себе бродяг со всех лесов. Здесь собрались индейцы из разных мест. Те, кто был крещен, разгуливали со своими золотыми крестами и четками, висевшими между перьев. Несмотря на присутствие Голландца и его служащих-англичан, тут была власть французской и канадской Акадии. Здесь была еще зона лесов. А во всех лесах Америки властвовал француз.

Глава 8

— Как жаль, — вздохнула Анжелика... — Есть ли на свете человек более очаровательный, чем барон де Сен-Кастин? Я так люблю встречать здесь французов...

— Потому что они ухаживают за вами?..

Им не спалось, и Жоффрей шел рядом с Анжеликой, ступавшей не очень твердо по берегу реки.

Он остановился, и, положив руку на щеку Анжелики, повернул к себе ее лицо.

В золотом свете луны, она казалась порозовевшей и оживленной. Ее глаза блестели, как звезды.

Он улыбнулся снисходительно и нежно.

— Они находят вас прекрасной, любовь моя, — прошептал он. — Они отдают вам должное... Мне нравится видеть их у ваших ног. Я не ревнив. Они знают, что вы принадлежите к их расе, и они горды этим. У них наша кровь. Как бы далеко ни гнали нас обоих на край земли, как бы несправедливо ни отчуждали нас от наших соотечественников, это остается навсегда!..

Черная тень высокой ивы протянулась перед ними. Они вступили в нее, укрывшись от резкого света луны и, прижав ее к себе, он нежно поцеловал ее в губы. Страсть — всепоглощающая и жгучая, постепенно охватывала их. Но они не могли долго задерживаться. Скоро начнет рассветать. Лес не был укромным местом. Де Пейрак и Анжелика медленно пошли назад.

Они шагали, словно во сне, с этим чувством, которое поднималось в них, как волна, унося и завораживая обоих, как неизбежный душевный порыв, окрашенный улыбками сожаления и легкой печали.

Рука Жоффрея чуть касалась бедра Анжелики и это волновало ее.

И он чувствовал ее поступь совсем рядом, что вызывало в нем мучительное томление.

Через несколько дней они будут в Голдсборо. Время теперь потянется долго, наполненное ожиданием любви.

Снова они обменялись несколькими словами с караульными.

Возведенные наскоро хижины были полны спящими.

Анжелика чувствовала себя слишком возбужденной и предпочла остаться снаружи.

Она села на берегу реки, обняв ноги руками и положив подбородок на колени.

Ее глаза скользили по золотистой поверхности реки, над которой плавали тающие клочья легкого тумана.

Она ощущала себя счастливой, полной жизни, трепетной и нетерпеливой. И все было окрашено чувством, владевшим ею. Так же, как она радовалась самой любви, она радовалась ожиданию ее. Повседневная жизнь диктовала минуты их встреч. Они были вынуждены проводить долгие дни в делах и заботах, чуждых страсти, и вдруг от одного взгляда, интонации голоса вспыхивало пламя, возникало головокружение, жадное желание остаться вдвоем. И ее окутывал тогда, как она говорила только себе, «золотой туман». Она забывала весь мир и саму жизнь.

Ее страсть тесно вплеталась в течение будней, напоминая порой то едва слышный подземный поток, то порыв всепоглощающей бури, отрывая от всего мира, подчиняя своим законам. Или освобождая от всех законов.

Эта любовная жизнь на протяжении месяцев, дней и ночей была их тайной, источником светлой радости, и Анжелика постоянно чувствовала в себе этот жгучий огонь. Сладкая тяжесть овладевала ею, сжимала сердце, наполняла все ее существо, подобно ребенку в

лоне матери, таинственной силе, заключенной в дарохранительнице. Это была любовь.

Анжелика хотела вновь увидеть Голдсборо, их прибежище, как и Вапассу. Там были большой деревянный форт, стоящий над морем, и в доме просторная комната с большой кроватью, покрытой мехами. Она спала там вместе с ним. Она снова станет спать там, и бурливые волны в гроздьях пены будут разбиваться о скалы, и ветер завывать среди деревьев, склонившихся на мысу. В простых, но крепких домах гугенотов, укрывшихся под этими стенами, будут один за другим гаснуть огни.

Утро будет сияющим и чистым. Острова, лежащие в заливе, засверкают подобно дорогим украшениям. Она пойдет на прогулку к берегу вместе с детьми, забредет в новый порт, попробует омаров, пахнущих морем, устриц и моллюсков.

А потом она откроет свои сундуки и разложит вещи, доставленные на кораблях, наденет новые, шуршащие платья, украшения, примерит новые шляпы. В Голдсборо было большое напольное зеркало, оправленное в венецианскую бронзу. И в отражении его она вновь увидит себя. Какой же образ предстанет перед ней?

Ею владела такая безмятежность, что она не боялась разочарования. Она просто будет другой. Ее лицо, вся ее внешность будут такими, какие она тщетно мечтала обрести на протяжении стольких лет. Лицо счастливой, довольной женщины.

Разве это не было чудо? Меньше года назад, она, пошатываясь, вышла на этот берег, и душа ее была полна тревоги. Похудевшая, бледная, скованная и опустошенная, она брела по розовому пляжу Голдсборо и готова была упасть на колени, почти умирая. Но рука Жоффрея де Пейрака поддержала ее.

Времена жестоких битв, которые познала ее молодость, закончились здесь.

И такими далекими казались ей сегодня эти пятнадцать лет, которые она скиталась одна, вынося на своих плечах все тяготы жизни. Сегодня она чувствовала себя более молодой, чем в ту пору, потому что была защищена и любима.

Детская радость порой вспыхивала в ее сердце, и невозмутимая безмятежность заменила в ее душе настороженность испуганного и затравленного зверя. Ибо, когда она ступила на этот берег, ее обняли дорогие и крепкие руки человека, который с тех пор не оставлял ее.

«Как это возвращает молодость — быть любимой, — думала она. — Раньше я была старой. Мне было сто лет. Я все время была настороже, оцетинившаяся, готовая к отпору», Сегодня, когда страх касался ее, это было уже не то безнадежное ослабляющее отчаяние, которое она испытывала, борясь против короля и слишком могущественных объединенных сил.

Тот, в тени которого она отдыхает сегодня, — тверд, пронизателен и осторожен. Бестрепетно принимает любой вызов. Он отличается от других людей. Но он умеет овладевать их сердцами и превращать в друзей. И она начинала понимать, что сила духа одного Человека, достойного этого звания, может двигать мирами. Ибо дух сильнее, чем плоть.

Он одолеет своих врагов, затаившихся в тени и оспаривающих его власть. Но он так могуществен, что привлечет их к себе своей мудростью и своей неудержимой волей. Страна обретет мир, среди наций воцарится порядок, в расчищенных лесах вырастут многолюдные города. И вместе с тем останется эта дикая красота, облагораживающая новую жизнь. Новый Свет останется богатым и прекрасным. Но свободным от бесплодных войн.

Почти забывшись во власти своих грез и ощущений необъятной ночи, Анжелика словно слилась с этим странным миром, чувствуя какое-то затаенное ожидание в окружающей природе, сгустившееся вокруг напряжение. Но ничто не могло потревожить ее внутренний покой.

Пусть душный запах воинственных пиршеств плывет над лесом, и барабан стучит вдали, как торопливое и нетерпеливое сердце. Все в мире так просто. Это имеет к ней отношение, но не может причинить вреда.

В бледном свете ночи, на юго-западе, она видела, как слегка покачиваются три вытянутые вверх мачты небольшого флибустьерского корабля, бросившего якорь в излучине реки.

В другой стороне, вверх по течению, царил плотный мрак, наполненный туманом, дымками, сквозь которые пробивались время от времени красные огни индейских костров, горящих в вигвамах.

Раздалось лисье тьяканье. Тяжелое, но гибкое животное проскользнуло в траве рядом с нею. Это была росомаха Кантора. На мгновение Анжелика увидела блеск ее расширенных глаз, вспыхнувших инстинктивной звериной свирепостью и, казалось, спрашивающих ее о чем-то.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Глава 1

На другой день Анжелика, сидя в маленьком зале фактории, старательно шила ярко-красное платье для Роз-Анн. Ее родные будут счастливы увидеть ее красиво одетую, а не как бедную пленницу «гнусных» французов.

Через открытое окно она заметила плот, пересекавший реку.

На нем были три лошади. Накануне их привел с побережья Мопертюи, лесной охотник, состоявший на службе у де Пейрака. Там были также его сын и Кантор.

Как только они подплыли к острову, молодой человек бросился к дому и вошел в него, весьма возбужденный.

— Отец сказал, чтобы вы с Мопертюи немедленно отправились в Брансуик. Он не может сопровождать нас, и переводчиком буду служить я. Мы присоединимся к нему завтра или, самое позднее, послезавтра в устье Кеннебека, где стоит уже наш корабль.

— Досадно, — сказала Анжелика. — Я еще не закончила платье. У меня не будет времени сделать узелки на корсаже. Почему отец не может нас сопровождать?

— Он должен встретиться на побережье с вождем эчеминов или с кем-то в этом роде... Я не знаю... барон де Сен-Кастин хочет ему непременно кого-то представить. Имея дело с индейцами, никогда нельзя упускать случая, так сказать... Они такие непостоянные. Отец решил отправиться, не теряя времени, и поручил нам отвезти эту малышку. По дороге я уже взял в лагере ваш багаж.

Анжелика помогла маленькой англичанке надеть ее красивое платье. Приколола булавками кружевной

воротник и манжеты, извлеченные старым Джозефом из какой-то пачки товаров. Быстро надела шляпу, застегнула кожаный пояс с пистолетом, с которым она старалась не расставаться.

Оседланные кони ждали снаружи, их держали под уздцы Мопертюи и его сын. Анжелика по привычке проверила подпругу и кожаный мешок, который она приготовила с вечера, поинтересовалась, есть ли у каждого боевые припасы.

— Ну что ж, едем! — сказала она.

— А я, что делать мне? — спросил солдат Адемар, который ожидал у двери, сидя на опрокинутый бочке с мушкетом между ног.

Он стал потехой для всех. Догадываясь о страхе, который внушала ему Анжелика, или просто не зная, что с ним делать, капрал форта Сен-Жан приставил его к личной охране мадам де Пейрак. Раздираемый между мистическим ужасом и духом военной дисциплины, Адемар нес свой крест.

Мопертюи бросил на него сочувственный взгляд.

— Оставайся здесь, старина!

— Но я не могу остаться один: тут полно дикарей!

— Отправляйся тогда с нами, — бросил канадец с досадой. — Твой капрал и остальные уже ушли с господином де Пейраком.

— Ушли? — пролепетал парень, готовый заплакать.

— Хорошо! Иди с нами, говорю тебе. Его, действительно, нельзя оставить здесь одного, — сказал Мопертюи извиняющимся тоном Анжелике. — А кроме того, одним ружьем будет все-таки больше.

Они распрощались с Голландцем, и немного времени спустя, переправившись на другой берег, вступили в сумерки леса. Чуть заметная тропа шла на запад, петляя между деревьями.

— Куда мы идем? — спросил Адемар.

— В Брансуик-Фолс.

— Что это такое?

— Английская деревня.

— Но я не хочу идти к англичанам! Это враги!

— Заткнись, болван, и марш вперед!

Заросшая весенней зеленью тропа была едва видна, но лошади уверенно находили дорогу — животные чувствовали следы людей, несмотря на тысячи Препятствий в виде кустов и зарослей. Напористая весна уже наполнила дикий лес гибкими и свежими зелеными побегами, их легко было разводить в стороны. Трава была мягкой и короткой, а подлесок еще прозрачным. Путники заметили следы покинутого индейского селения, о котором слышали раньше. Затем снова углубились под сень деревьев. Чуть подалее, между стволами осин и берез блеснуло озеро: совершенно спокойное, гладкое, как зеркало, оно сверкало на солнце. С приближением полудня тишина становилась плотнее, словно все вокруг оцепенело, слышалось лишь гудение насекомых.

Анжелика посадила маленькую англичанку к себе на лошадь. Мопертюи и Кантор сидели на других лошадях. Солдат и молодой канадец без особого труда следовали за ними пешком, так как на протяжении всего пути животные могли идти только шагом. Благодаря им женщина и ребенок не уставали от ходьбы.

Адемар все время с тревогой оглядывался по сторонам.

— Слушайте, кто-то следит за нами! В конце концов пришлось остановиться, чтобы развеять его беспокойство. Все прислушались.

— Это Вольверина, — сказал Кантор, — моя росомаха.

Животное, со своей хищной маленькой мордочкой, оскаленными зубами, белыми и острыми, выпрыгнуло из чащи у их ног.

Кантор рассмеялся, увидя выражение лица Адемара.

— Эт-то что за зверь?

— Это росомаха, она сейчас проглотит тебя.

— Ох, какая здоровая зверюга, словно овца, — пробормотал Адемар.

Теперь он ежеминутно оглядывался, чтобы проверить, не бежит ли за ним Вольверина, и насмешливый зверь иногда касался его, заставляя подпрыгивать.

— Вы думаете, легко идти с этой тварью, следующей за тобой по пятам?..

Все смеялись, и маленькой Роз-Анн никогда еще не было так весело.

Лес был такой же, как на другом берегу. Он покрывал небольшие увалы, спускающиеся к речным каскадам, и косогорья, ведущие на каменистое плато, где легкий душистый ветер обдувал невысокие сосны и кедры. Затем дорога снова спускалась в зеленую пену густых деревьев, словно пловец, ныряющий в море.

После дневной жары поднялся ветерок, заиграл листвою и наполнил подлесок легким шелестом.

Они остановились еще раз, чтобы свериться с планом, который дал им старый Джозеф. После следующей деревни, также покинутой индейцами, тропа стала менее различимой. Но Кантор уточнил дорогу, воспользовавшись компасом, и заявил, что, продолжая идти в том же направлении, они доберутся до цели часа через два или три. В том, что касается знания топографии, Кантор, хотя и не обладал таким безупречным чутьем, как Флоримон, но, подобно старшему брату, отличался острой наблюдательностью, которая позволяла ему никогда не плутать. Кроме того, оба хорошо были «выдрессированы» своим отцом, который уже с детства познакомил их с такими инструментами, как секстант и хронометр, а также с движением по компасу.

Анжелика полностью доверяла сыну в этом области. Тем не менее, она сожалела, что Жоффрей де Пейрак не смог ее сопровождать. По мере того, как проходили часы, возможные неприятные последствия этого поспешного отъезда все чаще рисовались перед ней.

Почему Жоффрей не поехал с ними? И каким пустынным, затаившимся и в то же время слишком шумным был этот лес, трепетавший на ветру!

— Господин де Пейрак не объяснил вам причины его внезапного отъезда? — спросила она, обернувшись к канадцу. Она знала его меньше, чем остальных, ибо он не зимовал с ними в Вапассу, но был известен как преданный и надежный человек.

— Я сам не видел господина графа, — ответил тот. — Это Кловис передал мне его послание.

— Кловис?

У нее зародилась неясная тревога. Было что-то необычное во всем этом... Почему Жоффрей не написал ей ничего? Это было так непохоже на него... Эти поручения, переданные из уст в уста... Кловис?.. Лошадь споткнулась о камень, и пришлось удвоить внимание, чтобы направлять ее.

Мощные стволы темно-зеленых дубов, окруженные кружевной листвой, ветвились, как черные канделябры.

«Точно в Ньельском лесу во времена засад», — подумала Анжелика.

Подстегнутая воспоминаниями, она хотела поскорее выбраться из этой густой тени.

— Мы на правильном пути. Кантор?

— Да, да, — ответил юноша, снова сверившись с картой и компасом.

Но, проехав немного вперед, спешился, и вместе с Пьером-Жозефом, молодым метисом, осмотрел окрестность. Тропа исчезала в зарослях. Молодые люди утверждали, что нужно двигаться в том направлении. Деревья здесь стояли так часто, что образовывали один

общий темный свод. Но на повороте из этого туннеля, к счастью, снова появилось в просвете солнце.

В этот момент Мопертюи поднял руку, и все, включая лошадей, застыли на месте. Что-то неуловимо изменилось, лес не то чтобы стал менее пустынным, но в нем почувствовалось чье-то присутствие.

— Индейцы! — прошептал Адемар, почти падая в обморок.

— Нет, англичане, — сказал Кантор.

Действительно, в солнечных лучах, пробивающихся сквозь листву, возник самый причудливый силуэт, какой только можно было себе представить. Невысокий старик, горбатый, весь изогнутый, обутой в огромные башмаки с пряжками, откуда выступали худые икры ног, в широкополой шляпе, остроконечная туля, которой казалась несоразмерно высокой, стоял настороженно на краю леса. Двумя руками он потрясал старым мушкетом с коротким расширяющимся стволом, набитым картечью. Выстрел, несомненно, мог причинить много вреда как его жертвам, так и самому стрелку.

Путешественники предпочли не двигаться.

— Стой! — закричал старичок острым и пронзительным голосом. — Если вы духи, то исчезните, или я буду стрелять!

— Вы хорошо видите, что мы не духи, — ответил Кантор по-английски.

— Минуточку, плиз!

Старик поднял свое ветхое оружие и одной рукой порылся в кармане черного камзола. Он вытащил огромные очки в черепаховой оправе, которые водрузил на нос, став похожим на старую сову.

— Да, вижу, — пробормотал он.

Он важно растягивал концы слов, глядя на них с подозрением.

Небольшими шажками он приблизился к всадникам, рассматривая Кантора снизу вверх и делая вид, что не замечает Анжелику.

— А ты кто такой? Ты говоришь с йоркширским акцентом, словно эти проклятые профессора из Бостона. Разве, как добрый христианин, ты не боишься шататься по лесам? Разве ты не знаешь, сколь это скверно, когда такие сопляки и женщины едут в лес? Они могут встретить там Черного Человека, который заставит их совершить тысячу гнусностей! Ты смеешься надо мной, сын Бельяля-Сластолюбца, царя Вод, который, наверное, породил тебя в ночь шабаша вместе с той, что сопровождает тебя. Я не был бы тому удивлен. Впрочем, ты слишком хорош, чтобы быть человеческим существом, молодой человек!

— Мы едем к Бенджамену и Саре Уильям, — ответил Кантор, который видел и не таких еще чудаков в Бостоне, среди просвещенных ученых. — Мы привезли их внучку Роз-Анн, дочь Джона Уильяма.

— Ха-ха! К Бенджамену Уильяму?..

Старый англичанин наклонился, чтобы своими сверлящими глазами через толстые стекла очков лучше рассмотреть девочку в красном платье, на которую показывал юноша.

— Ты говоришь, что этот ребенок — внучка Уильяма? Вот так шутка! Мы здорово посмеемся!

Он потер руки, как будто вдруг стал свидетелем превосходного розыгрыша.

— Ха-ха, посмотрел бы я на него!

Быстрым взглядом он украдкой окинул других персонажей: двух охотников в меховых куртках с бахромой, как у индейцев, их пояса и раскрашенные канадские шапки, за ними французского солдата в поблекшем, но узнаваемом мундире.

Старик повесил оружие на свое горбатое плечо и сошел с тропинки.

— Ну, хорошо! Идите, идите, французы, — сказал он, все время посмеиваясь дробным смешком. — Идите! Возвращайте внучку старому Бену. Ха-ха! Представляю себе его физиономию! Ха-ха! Вот так смешно.. Но не слишком рассчитывайте на выкуп, ибо он жаден...

— Анжелика с грехом пополам понимала его речь. Хотя она и разбирала невнятный английский язык старика, но не могла догадаться, о чем он говорил... Между тем, Кантор хранил невозмутимое спокойствие.

— Мы еще далеко от Брансуика, — вежливо заметил он, — и боимся заблудиться.

Его собеседник покачал головой, всем своим видом как бы говоря: если вы настолько безрассудны, чтобы прогуливаться в этом дьявольском лесу, то должны знать, куда идете и сами выпутываться из положения.

Во время беседы появился еще один человек и тихо подошел сзади к старику. Это был высокий индеец с холодным взглядом, абенак из района Сококи или Шипскота, судя по его тонкому профилю и двум выступающим вперед зубам. В его руках были копье и лук, на перевязи висел колчан. Он равнодушно прислушивался к разговору..

— Вы, действительно, не можете показать нам дорогу в Брансуик-Фолс, почтенный старец? — настаивал Кантор, исчерпав все аргументы.

При этой просьбе, изложенной, однако, со всей возможной учтивостью, лицо старого гнома исказилось гневом. Он разразился потоком бранных слов, среди которых Анжелика уловила изречения из Библии, проклятия, пророчества, обвинения и целые фразы на латинском и греческом языках, из которых вытекало, что жители Брансуика-Невееваника для индейцев — это сумасшедшие невежды, безбожники и одержимые бесом, и что его, Джорджа Шеплея, ноги никогда там не будут.

Кантор продолжал настаивать с простодушием юности. Старец постепенно успокоился, что-то проворчал, произнес еще несколько анафем, затем, повернувшись к ним спиной, двинулся впереди них по тропинке, в то время как его индеец, по-прежнему молчаливый и бесстрастный, занял место в конце шествия.

— Надо ли полагать, что этот старый сумасшедший решил показать нам дорогу? — проворчал Мопертью.

— Кажется, так, — произнес Кантор. — Едем за ним! Мы увидим, куда он нас приведет.

— Предложи ему сесть на одну из наших лошадей, — сказала Анжелика. — Быть может, он устал.

Кантор передал предложение матери, но старый англичанин, не оборачиваясь, резким жестом ясно дал понять, что его оскорбили, и что лошади для него, разумеется, были также порождением дьявола.

Он шел быстро, слегка подпрыгивая, и, что было удивительно, несмотря на свои огромные башмаки, не производил никакого шума и, казалось, почти не касался земли.

— Это старый врачеватель, — объяснил Кантор. — Он утверждает, что облазил все леса Америки в поисках растений и коры для своих медицинских занятий. Ясно поэтому, с какой подозрительностью относятся к нему его соотечественники. В Новой Англии не любят тех, кто ходит в лес, как сам он объяснил вам только что... Но каким бы ни был он оригиналом, я думаю, ему можно верить, и он покажет нам правильную дорогу.

— Я не хочу идти к англичанам, и мне не нравится, когда у меня по пятам шагает индеец, которого я не знаю, — прозвучал в сумраке голос Адемара.

Каждый раз, когда солдат оглядывался, он видел каменное темное лицо и устремленные на него глаза цвета почерневшей воды. Холодный пот смачивал его рубашку, и без того уже мокрую от стольких

переживаний. Но нужно было идти дальше, и он брел, спотыкаясь о корни.

Маленький человек в остроконечной шляпе продолжал шагать вперед, подпрыгивая, как блуждающий огонек; темный эльф, надевший траурный костюм. Временами он исчезал, вступая в тень, и появлялся снова в лучах красноватого солнца, скользящего между стволами деревьев.

Среди всей этой суеты Анжелика с тревогой следила за наступлением ночи.

В глубине оврагов уже сгущались сиреневые тени. Нигде не останавливаясь, старик временами вдруг начинал кружиться на месте, бормоча неразборчивые слова, и его вздетые к небу руки с худыми и тонкими пальцами, казалось, показывают в воздухе неизвестно что.

— Я хотел бы знать, не спятил ли он совсем и знает ли, куда нас ведет? — произнес, наконец, раздраженно Мопертюи, которому было не по себе. — Ох, уж эти англичане!..

— Пусть он ведет нас, куда угодно, лишь бы выбраться, в конце концов, из этого леса, — сказала Анжелика, теряя терпение.

И почти тотчас же, словно подчиняясь ее желанию, они вышли на широкое плато, покрытое зеленой травой вперемежку с камнями и кустами можжевельника. Здесь и там, словно часовые, поднимались то кедр, изогнутый ветром, то группа черных сосен. Далеко-далеко на востоке, за гребнем лесистых холмов и увалов, небо было белым, как перламутр, и можно было догадаться, что это небо висело над морем. Оно было далеким и манящим, как обещание.

Петляя между каменными глыбами и кустами, они спустились в долину, уже заполненную мраком ночи.

Противоположный склон, черный гребень которого вырисовывался вверху на фоне бледного неба,

поднимался перед ними, как покатый берег. С той стороны донесся знакомый запах, крепкий и знакомый запах вспаханного поля.

В сгустившейся тьме уже ничего невозможно было различить. Можно было только почувствовать сырость жирной земли, издающей аромат весны, представить себе борозды, прорытые плугом.

Старый Шеплей стал что-то бормотать и посмеиваться.

— Это хорошо! Роджер Стоугтон еще в поле. Ах, если бы он мог уничтожить ночь, уничтожить звезды, уничтожить сон, который смыкает ему веки, о, как бы он был счастлив! Он не знал бы ни минуты отдыха. Он бы лез из кожи вон, не уставая. Он бы копал, долбил и скреб без передышки целую вечность, никогда не переставая. Его вилы крутились бы без остановки, как у дьявола в аду, — вечно и вечно.

— Вилы дьявола бесплодны, а мои — совсем другое дело, старый грубиян, — ответил глухой голос со вспаханного поля. — Своими вилами дьявол ворошит лишь падшие души. А я выращиваю плоды земли, благословенные Господом...

Плохо различимая тень приблизилась к ним.

— И для этого дела у меня никогда не хватит дней моей жизни, — продолжал тот же голос тоном проповеди. — Для меня оно не то, что для тебя, старый колдун, который не боится омрачить свой ум общением с самыми дикими и разнузданными силами природы. О-ла, ла... Кого ведешь ты в этот вечер, дух тьмы? Кого ты ведешь к нам из этих проклятых краев?

Приближаясь к ним, крестьянин вытягивал шею.

— Тут пахнет французом и индейцем, — проворчал он. — Стой! Не двигайтесь!

Можно было догадаться, что он вскинул оружие. На весь этот монолог Шеплей отвечал лишь усмешками, как будто бы очень забавляясь. Лошади вздрагивали,

растревоженные этим ворчливым голосом. Кантор пустил в ход свой наилучший английский язык, чтобы приветствовать пахаря, рассказать о маленькой Роз-Анн Уильям и, не скрывая своей принадлежности к французам, поспешил назвать своего отца: графа де Пейрака из Голдсборо.

— Если у вас есть знакомые в Бостоне или в заливе Каско, вы должны знать о графе де Пейраке из Голдсборо. Он построил несколько кораблей на верфях Новой Англии.

Не сочтя нужным ответить, крестьянин приблизился, обошел вокруг них, словно обнюхивая, как недоверчивая собака.

— И ты еще таскаешь за собой этого подлого краснокожего, — сказал он, обращаясь по-прежнему к врачу. — Лучше впустить в деревню кучу змей, чем одного индейца!

— Но он пойдет со мной, — заявил старик агрессивно.

— И завтра мы будем все мертвыми, со снятыми скальпами, убитые этими предателями, как случилось с колонистами Уэллса. Они дали приют бедной индианке вечером в бурю. А она привела своих краснокожих сыновей и внуков, открыла им ворота форта, и все белые были перебиты. Ибо сказал Всевышний: «Вам надлежит никогда не забывать, что страна, куда вы вступаете, дабы овладеть ею, — это страна, оскверненная нечистотами народов тех мест... Не отдавайте поэтому своих дочерей их сыновьям и не берите их дочерей для своих сыновей, не пекитесь никогда об их благополучии и благоденствии, и тогда вы станете сильными...» А ты, Шеплей, ты ослабляешь себя каждый день, посещая этих индейцев...

После этого сурового библейского нравоучения вновь наступила тишина, и Анжелика поняла, что

житель Брансуик-Фолса наконец, решился освободить им дорогу.

Он даже пошел впереди маленькой группы и стал подниматься по склону. По мере того, как они выходили из оврага, медленно угасающие ясные весенние сумерки снова обступали их. Порыв ветра донес запах стойла, отдаленные звуки стада, бредущего с пастбища.

Глава 2

Внезапно на фоне позолоченного неба, перечеркнутого широкими багровыми полосами, появились контуры большой английской фермы.

Она стояла одиноко, и светящийся глаз окна, казалось, следил за темной долиной, откуда они поднимались.

Когда путешественники приблизились, они различили ограду, за которой держали овец.

Это была овчарня. Здесь стригли овец, а также выделывали сыр. Стоявшие тут мужчины и женщины обернулись и долгим взглядом проводили трех лошадей с пришельцами.

Чем дальше двигалась группа, тем яснее становилось небо на стороне заката.

На одном из поворотов вся деревня открылась перед ними — со своими деревянными домами, взбиравшимися по склону холма, увенчанного вязами и кленами.

Дома возвышались над травянистой лощиной, по которой бежал ручей.

Оттуда возвращались прачки, поставив ивовые корзины с бельем на голову. Их платья из голубого полотна полоскались на ветру.

Луг за ручьем плавно поднимался к лесу с плотно растущими деревьями.

Тропа перешла в улицу и после небольшого спуска побежала между домами и палисадниками.

Свечи, горящие за окнами со стеклами или кусками пергамента, словно развесили в сумраке вечера звезды, перенимая отблески дня и придавая всей этой мирной картине мерцание драгоценного камня.

Однако, когда остановились на другом конце деревни перед большим домом с коньком над нависающей крышей, почти все жители Брансуик-Фолса, оповещенные неведомым образом, собрались здесь, в изумлении глядя на гостей. В толпе ничего не было видно, кроме скопления голубых и черных одежд, удивленных лиц, белых чепчиков и заостренных шляп.

***

Когда Анжелика слезла с лошади и приветствовала собравшихся, все с испугом отступили. А когда Мопертюи, приблизившись, снял с седла маленькую Роз-Анн, чтобы поставить ее на землю, шепот усилился, поднялся громкий протестующий ропот изумления и возмущения. Все поворачивались друг к другу и о чем-то переговаривались.

— Что я такого сделал? — спросил Мопертюи, пораженный. — Что, они впервые видят канадца, что ли? И ведь у нас мир, как мне кажется, мир?

Старый лекарь подпрыгивал, как окунь, выкинутый на песок.

— Они здесь! Они здесь! — нетерпеливо повторял он» указывая на дверь большого дома.

Шеплей ликовал.

Он первым поднялся по ступенькам деревянного крыльца и энергично толкнул створку двери.

— Бенджамен и Сара Уильям! Я веду вам вашу внучку Роз-Анн из Биддефорд-Себейго и французов, которые захватили ее, — прокричал он своим пронзительным и торжествующим голосом.

На какое-то мгновение Анжелика увидела в глубине комнаты кирпичный камин, обвешанный всевозможной медной и оловянной утварью. По обе стороны от очага сидели двое пожилых людей — мужчина и женщина, одетые в черное, с одинаковыми накрахмаленными белыми воротниками. На женщине был внушительный кружевной чепчик. Оба, строгие, как на портрете, прямо

сидели в креслах с высокими, резными спинками. На коленях старика лежала огромная книга, несомненно. Библия, а женщина пряла кудель льна.

Рядом с ними, у их ног, дети и служанки в голубых одеждах крутили прялки.

Это была мимолетная картина, ибо, услышав слово «французы», оба мгновенно вскочили со своих мест. Библия и пряжа попадали на пол. С удивительным проворством они схватили два ружья, висевшие над камином, по всей видимости, заряженные и готовые к стрельбе, и тотчас же навели в сторону пришельцев.

Шеплей весело усмехался и потирал руки.

Но вид Анжелики, толкающей перед собой девочку, видимо, вызвал у стариков еще большее оцепенение, чем упоминание о французах. Их плечи задрожали, оружие, казалось, вдруг отяжелело в их старческих руках... Стволы медленно опустились, словно под тяжестью небывалого изумления.

— О, боже, боже!.. — прошептали побледневшие губы старой дамы.

— О, Всевышний! — воскликнул ее муж. Анжелика слегка поклонилась и, попросив извинить ее несовершенный английский язык, выразила свою радость по поводу того, что смогла вернуть дедушке и бабушке живой и здоровой внучку, которая подвергалась большим опасностям.

— Это ваша внучка Роз-Анн, — повторяла она, ибо ей казалось, что они еще ничего не поняли. — Вы не хотите ее обнять?

Продолжая хмуриться, Бенджамен и Сара Уильям опустили на девочку потемневший взгляд и оба глубоко вздохнули.

— Да, это так, — промолвил, наконец, старый Бен. — Это так. Мы хорошо видим, что это Роз-Анн, и хотим ее обнять. Но прежде нужно... Нужно, чтобы она сняла это отвратительное красное платье.

Глава 3

— С тем же успехом вы могли привезти ее сюда совсем голой и с дьявольскими рожками на голове, — заметил немного позже Кантор, обращаясь к матери.

Сознавая свою оплошность, Анжелика бросила ему упрек.

— Разве не ты спрашивал меня, успею ли я сделать позолоченные завязки на корсаже этого красного платья?

— Я содрогаюсь только при мысли об этом, — сказал Кантор.

— Но ведь ты жил в Новой Англии и должен был предупредить меня. Я бы и не портила себе пальцы шитьем праздничного наряда, чтобы вернуть ее этим пуританам.

— Извините меня, мама... Но мы могли бы попасть и к менее нетерпимой секте. Такие бывают. И потом, я представлял себе, какие у них будут физиономии...

— Ты такой же задира, как этот старый добряк-аптекарь, которого они, видимо, боятся, как чумы. Я теперь не удивляюсь его выходкам. Мне кажется, что, увидя красное платье Роз-Анн, он также заранее предвкушал удовольствие разыграть их. Несомненно, именно поэтому он взялся показать нам дорогу.

Вместе с несчастной Роз-Анн их отвели в помещение, прилегающее к большой зале. Безусловно, для того, чтобы поскорее скрыть от зевак внучку Бенджамена и Сары Уильям, одетую в такой безумный наряд, а также женщину, которая привела ее и чей яркий неприличный убор лишь слишком ясно показывал, к какой нации и какой пагубной религии она принадлежит: француженка и папистка!

Странные существа эти пуритане, относительно которых можно было задаться вопросом: есть ли у них сердце... или пол. Видя холодность их семейных отношений, трудно было представить себе, что хоть какое-то проявление любви лежало в основе создания этой семьи. Однако потомство господина и госпожи Уильям было многочисленным. Здесь присутствовали по крайней мере две супружеские пары и их дети, населяющие большой дом в Брансуик-Фолсе. Анжелика удивилась, что никто не поинтересовался судьбой младших Уильямов, которых пленниками увели в Канаду дикари.

Известие о том, что невестка рожала самым жалким образом в индейском лесу и что, таким образом, у мистрис Уильям появился еще один внук, оставило ее совершенно невозмутимой. А ее муж произнес длинную речь, из которой вытекало, что Джон и Маргарет справедливо наказаны за их непослушание.

Почему не остались они в Биддефорд-Соко, на море, в надежной и набожной колонии, а обуянные гордыней, возомнили себя помазанниками Господа, которым предназначено основать собственную факторию в опасном» как для тела, так и души одиночестве? К тому же они имели дерзость назвать это новое поселение, плод гордыни и недисциплинированности, тем же именем Биддефорд-Благочестивый, где они родились! Впрочем, теперь они очутились в Канаде, и так им и надо. Он, Бен Уильям, всегда считал, что его сын Джон отнюдь не из тех, кто может быть примером для других. И старик рукой остановил Кантора, когда тот попытался рассказать ему кое-какие подробности о судьбе пленников.

Детали их похищения он узнал от Дарвина, мужа сестры их невестки. Этот парень ничем особенным не выделялся и скоро женится вновь. «Но его жена не умерла, — попробовала объяснить Анжелика... — По

крайней мере, она была еще жива, когда в последний раз я видела ее в Вапассу».

Бенджамен Уильям ничего не хотел слышать. Для него все, что находилось за большими лесами на севере, в этих отдаленных и недоступных районах, где сумасшедшие французы точат в дыму кадил свои ножи, — все это было уже Другим Миром, и очень мало англичан и англичанок смогли вернуться оттуда!

— Скажи откровенно, — обратилась Анжелика к сыну, — есть ли что-либо в моей одежде, что их смущает? Может быть, я, не зная того, выгляжу непристойно?

— Вы должны что-то надеть сюда, — проговорил Кантор с ученым видом, показывая пальцем на декольте в корсаже Анжелики.

Они смеялись, как дети, под хмурым взглядом бедной Роз-Анн, когда служанки в голубых платьях внесли деревянный таз, окантованный медью, и многочисленные кувшины, откуда поднимался пар от кипятка. Высокий молодой человек, серьезный, как пастор, зашел за Кантором, который последовал за ним, приняв, в свою очередь, такой же чопорный и озабоченный вид, никак не вязавшийся с его светлыми юношескими щеками.

Напротив, служанки, приветливые милые девушки с лицами, свежими от воздуха полей, оказались не такими надутыми. Как только за ними переставал наблюдать строгий глаз старого хозяина, они оживленно улыбались и разглядывали Анжелику. Прибытие этой знатной французской дамы было для них большим событием. Они рассматривали каждую деталь ее одежды, впрочем, очень скромной, и следили за каждым ее жестом. Что не мешало им в то же время очень энергично заниматься своим делом. Они принесли кусок мыла в деревянной чашке и повесили перед огнем теплые полотенца.

Анжелика занялась прежде всего ребенком. Она больше не удивлялась, что маленькая англичанка была немного диковата, увидав, где та жила. Она словно опять оказалась в атмосфере Ла-Рошели, а может быть, еще худшей.

Однако, когда пришло время вновь одеться, и Анжелика хотела облачить Роз-Анн в принесенное темное платье, робкая девочка взбунтовалась. Ее пребывание у французов не прошло даром. Она провела с ними немного времени, но погибла там навсегда, как отметил бы почтенный пастор. Ибо она с негодованием отпихнула печальное монашеское одеяние, повернулась к Анжелике и разрыдалась, спрятав голову у нее на груди.

— Оставьте мне мое красное платье! — промолвила она.

И чтобы лучше продемонстрировать, откуда взялся этот мятежный дух, она повторила несколько раз эту фразу по-французски, что привело служанок в оцепенение. Этот нечестивый язык в устах представительницы рода Уильямов, это бесстыдное проявление гнева и упрямства, это явное стремление к кокетству — все это было ужасно и не сулило ничего хорошего...

— Никогда мистрис Уильям не согласится, — нерешительно проговорила одна из них.

Глава 4

Очень прямая, высокая, худая, строгая и важная старая Сара Уильям тяжелым взглядом посмотрела на внучку и одновременно мимоходом — на Анжелику.

Ее позвали, чтобы решить спор, и, по всей видимости, речь могла идти только о чьей-то абсолютной жертве.

Никто не воплотил бы собой лучше идею Справедливости и Самоотречения, чем эта высокая дама, очень внушительная вблизи — в своей темной одежде, с подбородком, подпираемым гофрированным воротничком.

У нее были большие и тяжелые синеватые веки, прикрывающие немного выпученные глаза, которые вспыхивали подчас черным огнем на бледном лице. Но в его глубоких морщинах было что-то величественное. Глядя на ее худые и прозрачные руки, сложенные вместе в набожном жесте, нельзя было забыть, с каким проворством они могли также взяться за оружие.

Анжелика поглаживала волосы Роз-Анн, которая никак не могла успокоиться.

— Это же ребенок, — выступила она в ее защиту, глядя на неумолимую даму. — Естественно, дети любят то, что поярче, что весело, что изящно...

И тут она заметила, что на голове мистрис Уильям была надета очаровательная шапочка из фламандских кружев — один из тех дьявольских, по меньшей мере, предметов, которые соблазняют людей пороком тщеславия и которые бичевал только что старый Бен.

Опустив свои большие веки, мистрис Уильям, казалось, задумалась. Затем она коротко что-то приказала одной из девушек, которая ушла и вскоре вернулась, неся белую сложенную одежду. Анжелика

увидела, что это был белый полотняный передник с широкой грудью.

Одним жестом мистрис Уильям дала понять, что Роз-Анн может надеть кощунственное платье, если закроет частично его вызывающий блеск этим передником.

Затем, повернувшись к Анжелике, она общнически подмигнула ей, а на ее строгих губах появилось подобие насмешливой улыбки.

После этих взаимных уступок Уильямы и их гости сели за стол, накрытый к ужину.

Мопертюи и его сын еще раньше сказали, что их пригласил один из жителей деревни, с которым они прежде имели какие-то дела, связанные с торговлей мехом, во время их поездки в Салем.

Адемар бродил, как неприкаянная душа, по заросшим тропинкам селения в сопровождении стайки любопытных маленьких пуритан, которые время от времени со страхом трогали его голубой мундир солдата французского короля и мушкет, висевший у него на плече.

— Лес полон дикарями, — стонал он. — Я чувствую, что они повсюду вокруг нас. Анжелика позвала его.

— Послушайте, Адемар, за день мы не встретили ни души! Идите, поешьте с нами.

— Чтобы я сел за стол с этими еретиками, которые ненавидят Деву Марию? Никогда в жизни!..

Он остался стоять перед дверью, давя комаров у себя на щеках и проклиная несчастья, которые подстерегают его повсюду в этой ужасной стране: то эти дикари, то англичане...

Он решил, в конце концов, что будет в большей безопасности возле женщины, которую некоторые считали бесовским духом, но которая, по крайней мере, имеет заслугу быть француженкой. И эта дама, которую называли демоном, не толкала его, а говорила с ним приветливо и терпеливо. Ладно, он будет стоять на

страже, чтобы защищать ее, раз уж вербовщики короля сделали из него солдата и дали в руки мушкет.

***

Перед Анжеликой поставили кружку теплого молока с плавающим в нем взбитым яйцом. Это простое блюдо с почти забытым вкусом понравилось ей. Была подана также вареная индейка, сдобренная сильно пахнущим мятным соусом, с рассыпчатой кукурузой. Затем принесли круглый пирог, из-под корочки которого выбивался аромат черничной начинки.

Англичане знали, что граф де Пейрак с семьей жил в верховьях Кеннебека, более, чем в четырехстах милях от морского побережья, и были этим поражены. Конечно, речь шла о французах, но, тем не менее, они совершили необыкновенный подвиг, особенно женщины и дети.

— Вам наверное, пришлось зимой съесть ваших лошадей? — спрашивали англичане.

Молодежь особенно интересовалась этим французским дворянином, столь дружелюбно настроенным и представляющим обитателей побережья залива Массачусетс. Правда ли, что он хочет договориться с индейцами и своими соотечественниками-французами о том, чтобы прекратить опустошительные набеги на Новую Англию?

Старый Бенджамен держался особняком. Конечно, он слышал о графе де Пейраке, но предпочитал особенно не рассуждать о различных нациях, претендующих сегодня заселять Мэн.

И так уже на берегах Массачусетса негде было ступить. Ему не хотелось допускать, что кроме членов его небольшой общины на земле есть и другие люди.

Он хотел бы существовать один вместе со своими близкими, как на заре человечества, как Ной, выходящий из ковчега.

Он всегда стремился в пустынные места, где они могли бы одни славить Создателя — «небольшая возлюбленная Господом паства, допущенная к нему для его вящей славы». Но остальной мир догонял их и напоминал, что Создатель должен разделять свои милости среди неизвестного множества недостойных и неблагодарных народов.

Глядя на него, на его большой, вынюхивающий что-то нос над белой бородой, чувствуя его неодобрительный взгляд, Анжелика без труда представила себе бродячую жизнь этого Патриарха, ведущего людей за собою. Она спрашивала себя, почему он так был сердит на своего сына, который последовал примеру отца с его стремлением к независимости и покинул Биддефорд-Соко, чтобы обосноваться в Биддефорд-Себейго. Но это была одна из обычных тайн, которые существуют в отношениях между отцами и сыновьями с тех пор, как возник этот мир... Переживания, свойственные роду человеческому, прорывались сквозь твердую оболочку святости, и Анжелика почувствовала прилив симпатии к этим неуступчивым, но честным людям.

Подкрепленная превосходной едой, она ощутила какую-то общую теплоту, которая связывала этих пуритан с их суровыми одеждами и принципами.

После того, как принципы были изложены и торжественно провозглашены, более человеческие чувства вступили в свои права.

Роз-Анн сохранила свое красное платье, а она, Анжелика, француженка и папистка, сидела на почетном месте за семейным столом.

Кантор всех интриговал. Этот юноша со светлыми глазами не был похож ни на своих, ни на чужих.

Благодаря его превосходному английскому языку, знакомству с Бостоном поселенцы единодушно приняли его в свою компанию. Но затем, вспомнив, что он также

француз и папист, несколько отступили. Все бывшие здесь мужчины, старый Бенджамен со своими сыновьями и зятьями, рассматривали его с интересом из-под своих густых ресниц, расспрашивали, заставляли говорить, обдумывая каждый ответ.

К концу ужина дверь распахнулась, и на пороге появился огромного роста пузатый человек, с приходом которого словно ледяной ветер проник в радушную и теплую атмосферу.

Это был преподобный Томас Пэтридж. Будучи ирландцем по происхождению и к тому же сангвинического телосложения, он испытывал дополнительные трудности помимо тех, которые переживает каждый человек, стремящийся обрести добродетели кротости, смирения и целомудрия. Он смог достичь нравственных высот, позволивших ему стать одним из величайших пасторов своего времени, лишь благодаря обширности и педантичности своих знаний, постоянному обличению чужих грехов и частым вспышкам святого и громогласного гнева, подобного струям пара, который вырывается из-под крышки котелка.

Кроме того, он читал Цицерона, Теренция, Овидия и Виргилия, говорил на латыни и знал иврит.

Он окинул собравшихся мрачным взглядом, задержал его на Анжелике, показав всем своим потрясенным видом, что действительность превзошла его худшие опасения, с брезгливой печалью оглядел Роз-Анн, которая вся вымазалась в черничном варенье, затем завернулся в широкий и длинный женевский плащ, словно хотел защитить и оградить себя от стольких мерзостей.

— Итак, Бен, — сказал он глухим голосом, — мудрость не пришла к тебе вместе со старостью. Потворщик иезуитов и папистов, ты осмеливаешься усадить за стол женщину, которая являет собой само

воплощение той, которая обрекла человеческий род на самые тяжкие бедствия, эту Еву во всем ореоле ее беззаботности и искушающих прелестей. Ты осмеливаешься принять в свою набожную семью ребенка, который может принести тебе отныне только стыд и разлад. Ты осмеливаешься, наконец, принимать того, кто встретил в лесу Черного Человека и своей кровью подписал скрижаль, протянутую ему самим сатаной, что объясняет безнаказанность, с которой он бродит по тропам язычников. Но это должно было бы навсегда закрыть ему двери почтенных домов...

— Это вы обо мне говорите, пастор? — прервал его старый Шеплей, подымая нос от своей миски.

— Да, о тебе, безумец! — разразился тирадой преподобный Томас Пэтридж. — О тебе, который, не заботясь о спасении своей души, осмеливается заниматься магией, чтобы удовлетворить свое гнусное любопытство! Я, кого Всевышний наградил духовным оком, кто проникает в глубины душ, я без труда вижу, как блестит в твоём глазу бесовская искра, которая...

— А я, пастор, в вашем глазу, который весь налился кровью, без труда вижу ту кровь, которая хотя и не адского происхождения, тем не менее густа и опасна для вашего здоровья. И я вижу, что вы рискуете очоуриться в результате яростного исступления ваших чувств...

Старый врачеватель поднялся и с лукавым видом подошел к вспыльчивому священнику. Он заставил его нагнуться, рассматривая белки его глаз.

— Я не буду принуждать вас к кровопусканию с помощью ланцета, — сказал он. — С вами это будет работа, которую придется повторять без конца. Но в моей сумке есть кое-какие травы, которые я отыскал благодаря моему гнусному любопытству, и надлежащее лечение которыми позволит вам приходить в ярость, не рискуя, — столько раз, сколько вам потребуется.

— Отправляйтесь в постель, пастор, — сказал он. — Я буду вас лечить. И, чтобы отогнать демонов, я буду жечь кориандр и семена укропа.

На этом речь пастора и закончилась в тот вечер.

Глава 5

Толстые деревянные балки издавали запах меда, несколько букетиков сухих цветов были повешены в углах комнаты.

Анжелика проснулась среди ночи. Крик козодоя раздавался во тьме, проколотой лучами далеких звезд. Его протяжное пение на двух нотах напоминало замирающее гуденье прялки — то близкой, то далекой. Анжелика привстала и, опираясь двумя руками о подоконник, стала всматриваться в лес. Англичане в Новой Англии рассказывают, что козодой повторяет двумя монотонными криками одну и ту же фразу: «Плачь! Плачь! бедный Гийом!»

Это пошло с тех пор, как Гийом нашел свою жену и детей убитыми. В предыдущую ночь он слышал козодоя. Но то был крик индейцев, которые прятались в чаще и перекликались, приближаясь к хижине белого колониста.

Внезапно пение козодоя прекратилось... Какая-то тень пролетела на фоне ночного неба. Два больших острых крыла, длинный округлый хвост, мягкий и бесшумный полет и внезапный зигзаг, глаз, блестящий фосфорическим красным блеском... Козодой охотился.

Громкое стрекотание тысяч кузнечиков, кобылок и кваканье лягушек наполняли ночь; из леса доносились запахи звериного помета, ягод и тимьяна, изгоняющие запах стойла и грязи.

Анжелика снова легла на высокую дубовую кровать с витыми столбиками, подпирающими полог, ситцевые занавеси которого были раздвинуты из-за жары этой июньской ночи.

Льняные простыни, сотканые руками Сары Уильям, хранили тот же свежий аромат цветов, что и вся

комната.

Из-под нижней части кровати вытянули большую деревянную раму с ремнями, на нее положили матрац. Это была постель ребенка, которого укладывают рядом с родителями. В эту ночь здесь спала Роз-Анн.

Анжелика почти тотчас же снова погрузилась в сон.

Когда она открыла глаза, небо розовело над темными и ровными кронами вязов, поднимающихся на холме. Сладкоголосая песня дрозда сменила плач козодоя. Аромат сада, прислонившейся к стенам сирени прогнал испарения ночного леса.

Желтые тыквы, которые лежали в траве возле домов, укрывшись своими узорчатыми листьями, блестели, как лакированные, от обильной утренней росы.

Запах сирени наполнял свежестью омытый росой воздух.

Анжелика снова облокотилась у маленького окна. Один за другим другогие силуэты деревянных домов всплывали из утреннего тумана. Крутые неровные крыши с коньком наверху спускались с одной стороны почти до земли, наподобие ларей для соли. Верхние этажи уступом нависали над нижними. Кирпичные трубы высились посередине острых гребней крыш. Дома, большие и прочные, напоминали замки елизаветинских времен. Построенные большей частью из обтесанной сосны, они золотились в свете занимающегося утра.

Некоторые риги, сложенные из бревен, были крыты соломой, но вся деревня дышала зажиточностью и гармонией.

За небольшими ромбовидными стеклами в свинцовых оконных переплетах без ставень зажигались свечи. Во всем был виден спокойный комфорт, созданный старательным трудом, вниманием ко всем сторонам бытия, стремлением не терять ни минуты

драгоценного времени. Но разве жизнь в поселке, выросшем в этих отдаленных долинах, не была соткана из, казалось бы, незначительных, но столь необходимых деталей! Поэтому цветущие сады и огороды возникали не столько для отдохновения глаз и душ, сколько для того, чтобы давать в изобилии овощи, целебные ароматические растения и пряности.

Пораженная и восхищенная, Анжелика размышляла о натуре этих англичан, уже вставших с молитвой на устах, привыкших рассчитывать только на самих себя и столь не похожих на тех, с которыми она встречалась прежде.

Вытолкнутые в Америку своим ожесточенным и неутолимимым стремлением молиться по-своему и найти для этого клочок земли, они уносили с собой и подобного себе Бога, который запрещал зрелища, музыку, игру в карты и яркое платье — все, что не было Трудом и истинной Верой.

Именно в ценностях хорошо исполненного и плодоносного труда черпали они вдохновение и вкус к жизни. Стремление к совершенству заменяло у них наслаждения и чувственные радости.

Но сомнение и беспокойство не переставали тлеть в их душах, как свеча, зажженная в доме покойника. Этому способствовали и новая страна, и ее климат. Выросшие на пустынных берегах среди заунывных звуков моря и ветра, шелеста языческих лесов, эти пуритане были уязвимы к патетическим и грозным проповедям своих пасторов.

Не признавая святых и ангелов, они оставили в своем вероучении место лишь для демонов и видели их повсюду.

Они знали всю их иерархию — от маленьких гномов с острыми ногтями, которые продырявливают мешки с зерном, до зловещих князей тьмы, наделенных каббалистическими именами.

И однако, красота страны, куда привел их Всевышний, говорила в пользу ангелов.

Раздираемые, таким образом, между мягкостью и насилием, цветами и терниями, честолюбием и самоотречением, они имели право жить, лишь постоянно помышляя о смерти.

Но они еще недостаточно были проникнуты этим духом, полагал преподобный Пэтридж, что ярко дало о себе знать в его воскресной проповеди.

Анжелика, склонившись у окна, с удивлением видела, что наступающий день не вызвал в деревне никакого оживления. Никто не выходил из домов, за исключением нескольких женщин, неторопливо отправившихся на реку за водой.

Ведь это было воскресенье. Воскресенье! И для католиков тоже, так напомнил ей плаксивый голос Адемара, окликнувшего ее с улицы.

— Сегодня день святого Антуана из Падуи, мадам!

— Пусть он поможет вам снова обрести самообладание и храбрость, — сказала Анжелика, так как французский святой имел репутацию помощника в поисках утраченных предметов.

Но солдат не принял шутки.

— Это большой праздник в Канаде, мадам, и вместо того, чтобы участвовать в красивой процессии где-нибудь в хорошем и благочестивом французском городе, я нахожусь здесь, между полчищ дьяволов, среди еретиков, которые распяли нашего Господа. Я буду наказан, наверняка! Что-то произойдет, я чувствую...

— Замолчите! — бросила ему Анжелика. — И уберите ваши четки. Вид этого предмета смущает протестантов.

Но Адемар продолжал конвульсивно сжимать их и зывать, бормоча, к Святой Деве и всем святым. За ним по-прежнему повсюду безмолвно следовали маленькие

пуритане в башмаках, особенно ярко начищенных в этот день, в надвинутых на глаза круглых шляпах или черных колпаках.

Воскресенье, о котором группа французов не подумала, отправляясь в путь, спутало их планы.

Все остановилось. И речи не могло быть о том, чтобы заняться приготовлениями к отъезду. Это бы скандализировало жителей деревни.

И старого Шеплея, который шел по улице со своей сумкой и мушкетеном на плече, направляясь вместе с индейцем к лесу, провожали сумрачные взгляды, враждебный шепот и даже угрожающие жесты. Но он, все так же сардонически улыбаясь, не обращал на это внимания. Анжелика позавидовала его независимости.

Старик внушал ей такое же доверие, как некогда Савари.

Занятый наукой, он давно уже отбросил предрассудки своих единоверцев — предрассудки, которые могли бы помешать удовлетворению его страсти. И, когда он вертелся в лесу, приплясывая и шевеля худыми растопыренными пальцами, это означало, что он заметил какой-то цветок или почки в листве, и, произнося их латинские названия, запоминает, где они растут.

Разве Анжелика не вела себя таким же образом, когда отправлялась на поиски лекарственных трав в лесах Вапассу?

Старый Шеплей и она узнали друг в друге близкие души.

Она с сожалением смотрела, как он уходил все дальше и скрылся, наконец, вместе с индейцем в тенистом овраге, ведущем к реке Андроскоггин.

С холма донесся звук колокола. Верующие потянулись в сторону укрепленного «дома собраний», который стоял в верхней части деревни, окруженный

вязами. Этот дом служил одновременно и церковью, и местом для гражданских церемоний.

Построенный из досок, он отличался от других зданий лишь небольшой остроконечной башней, где висел колокол, и своей квадратной формой. Это было также укрепление, где можно было укрыться в случае вторжения индейцев. На верхнем этаже стояли две кулеврины с черными жерлами, глядящими из бойниц по сторонам башенки, символа мира и молитв.

Здесь жители Брансуик-Фолса по примеру своих родоначальников из Новой Англии собирались вместе, чтобы славить Господа, читать библию, решать дела колонии, выговаривать своим ближним и выслушивать их укоры, осуждать своих соседей и подвергаться их осуждению. И Бог участвовал во всех этих делах.

Анжелика сначала колебалась, примкнуть ли ей к этой скромной процессии. Остатки старого католического воспитания вызывали в ней смущение при мысли о том, что нужно будет войти в еретический храм. Смертельный грех, неизмеримая опасность для души праведника. Это опасение уходило корнями в ее впечатления детства.

— Я надену мое красное платье? — спросила Роз-Анн.

Поднимаясь к церкви вместе с ребенком, Анжелика заметила, что жители Брансуик-Фолса несколько ослабили в честь Господа свои строгости в одежде.

Хотя здесь и не было таких красных платьев, как сшитое ею для Роз-Анн, девочки шли в розовых, белых и голубых одеждах. Здесь были кружева, сатиновые ленты, шляпы с высокими черными тульями и широкими полями, украшенные серебряной пряжкой или пером, которые женщины носили поверх головных уборов с небольшими вышитыми отворотами. — Анжелика переняла эту английскую красивую и практичную моду еще в начале своих скитаний по американской земле.

Это сдержанное изящество гармонировало с благонравным видом светлых домов, окруженных сиренью, и нежным цветом неба, похожего на цветущий лен.

Было прекрасное воскресенье в Невееванике — на весенней земле!

При виде Анжелики жители слегка улыбались и кивали головой. А когда она направилась по тропинке в церковь, то последовали за ней, счастливые, что в этот день она была их гостьей.

Кантор присоединился к матери.

— Я чувствую, что мы и заикнуться не можем об отъезде. Это было бы неуместно, — сказала ему Анжелика. — Но корабль твоего отца ожидает нас в устье Кеннебека сегодня вечером или в крайнем случае, завтра...

— Может быть, мы сумеем распрощаться после проповеди? Сегодня животные остаются на лугу с одним только пастухом. Телята будут сосать молоко, что позволит обойтись без дойки коров. Все в деревне смогут отдохнуть. Я только что видел Мопертюи. Он отведет наших лошадей к реке. Он сказал, что вместе со своим сыном присмотрит за ними, пока они будут пастись, а к полудню приведет назад. И мы тронемся в путь, даже если придется остановиться на ночь в лесу.

На площадке перед «домом собраний», куда они пришли, висел помост, а на нем стояло что-то вроде пюпитра с тремя отверстиями, причем среднее было больше остальных. «Это дыра для головы, — объяснил Кантор, — а две другие — для кистей». Здесь, у позорного столба, выставляли провинившихся. Рядом с этим варварским аппаратом была установлена доска, где писали имя человека и называли его проступки.

Столб, у которого виновных подвергали ударам хлыста, дополнял судебные принадлежности небольшой пуританской колонии.

К счастью, в это утро место позора было пусто.

Однако преподобный Пэтридж дал понять в своей проповеди, что в скором времени оно, возможно, примет свою жертву.

Сидя среди неподвижных, как восковые фигуры, прихожан, Анжелика услышала, что изящество одежды, которое она заметила сегодня, было вызвано не законным желанием отметить день Господа, а ветром безумства, который, оказывается, вдруг подул на недисциплинированную паству священника. Это было чужеземное веяние... И не нужно было далеко искать источник подобного беспорядка. Ибо он прямо таился в полувосточной религии, отклонение которой в течение веков от правильного пути под руководством ее глав, предавшихся дьяволу, привело к гибели все человечество. Затем последовал исторический экскурс с перечнем имен, где папы Клемент и Александр упоминались вперемежку с Астартой, Асмодеем и Ваалом. Анжелика достаточно хорошо разбирала английские слова, дабы понять, что неистовый пастор называл нынешнего папу поочередно то Антихристом, то Вельзевулом, и она сочла, что тот несколько увлекается в своем пылком красноречии.

Это вызвало в ее памяти образы детства, когда они ссорились с юными крестьянами-гугенотами. На их еретические фермы в Пуату, стоящие в стороне от католических поселений со своими одинокими могилами подле кипарисов, смотрели с осуждением. Но этих добрых людей, не знавших подчас тонкостей в обращении, не понимавших шуток, отличала наивная и грубоватая прямота...

Томас Пэтридж напомнил, что соблазны красоты относятся к самым мимолетным и исчезают быстрее всего.

Он возмутился чересчур длинной шевелюрой не только у мужчин, но и у женщин. Слишком много

нескромных причесок и пряжек, этих достойных порицания проявлений идолопоклонства.

— Бертос! Бертос! — воскликнул он.

Все задавались вопросом, какого такого демона он еще упомянул, но выяснилось, что это был лишь служащий ризницы, которого он призывал, дабы навести порядок: пойти разбудить наглеца, осмелившегося заснуть посреди этих увещеваний.

Бертос, маленький, круглостриженный человечек, вооруженный длинной палкой с набалдашником и пером, направился к соне, чтобы хорошенько ударить его по голове. Перо предназначалось для дам, чтобы достичь той же цели, но более деликатным способом: оно помещалось под нос, если слишком долгая проповедь клонила их в дремоту.

— Несчастные! Несчастные! — продолжал проповедник мрачным голосом. — Вы напоминаете мне тех беспечных жителей города Лаиса, о котором говорит Библия. Они не думали о своем спасении и защите, когда их враги, сыны Дановы, точили свои мечи, чтобы их погубить. Они смеялись, танцевали, думая, что у них нет в мире врагов. Они не хотели видеть то, что приближалось, и не хотели принимать никаких мер предосторожности.

— Извините, я протестую, — воскликнул старый Бенджамен Уильям, выпрямившись во весь рост. — Вы не хотите сказать, надеюсь, что я не забочусь о спасении моих близких? Я написал письмо губернатору Массачусетса с просьбой прислать нам восемь или десять крепких и умелых парней, чтобы охранять нас во время жатвы...

— Слишком поздно! — прорычал проповедник, взбешенный этим вмешательством. — Когда душа не наставлена на путь истинный, тщетны все ухищрения. И я предсказываю: ко времени жатвы вас уже не будет! Уже завтра, может быть... Что говорю я? Сколько из вас

будут мертвыми уже сегодня вечером? Индейцы бродят в лесу вокруг, готовые вас зарезать! Я вижу их! Я слышу, как они точат свои ножи для скальпов. Да, я вижу, я вижу, как блестит красная кровь на их руках, ваша кровь... и ваша! — кричал он, тыкая пальцем то в одних, то в других побледневших слушателей...

Аудитория была на этот раз объята ужасом. Рядом с Анжеликой хрупкая маленькая старушка по имени Элизабет Пиджон, учившая маленьких девочек поселка, дрожала всем телом.

— Ибо красный цвет — это не цвет радости, — продолжал декламировать Томас Пэтридж мрачным голосом, глядя на Анжелику, — а цвет катастрофы, и вы допустили его к себе, безумцы! И скоро вы услышите с небес голос Всемогущего, который скажет вам: «Ты предпочел удовольствия мира сего радости созерцать мое лицо. Хорошо! Тогда иди навсегда от меня!» И вы навсегда погрузитесь во мрак Преисподней, в темную и бездонную бездну — навсегда, навсегда, НАВСЕГДА!

Всех трясло. Люди выходили из дома, боязливо оглядываясь на освещенную солнцем площадку, провожаемые раскатами неумолимого и глухого голоса:

— Навсегда!.. Навсегда!.. НАВСЕГДА!!!

Глава 6

«Еще долго здесь только и будут говорить, что об этом красном платье», — проворчала про себя Анжелика.

Мирная воскресная трапеза, сопровождаемая чтением отрывков из Библии, не смогла рассеять чувства тревоги, навеянного проповедью пастора. После обеда Анжелика вышла ненадолго в сад, чтобы посмотреть, что там посажено, растереть эти растения между пальцев и постараться узнать их по запаху. Летний воздух был наполнен жужжанием пчел. Ею овладело неудержимое желание как можно скорее вновь увидеться с Жоффреем. Без него мир был пустым. Ей казалось странным и невыносимым само ее присутствие в этой английской деревне. Как будто она До этого спала и, проснувшись, стала спрашивать себя, как она здесь оказалась. Что-то казалось здесь подозрительным, но что именно, она не могла объяснить.

— Ну, куда делся этот Мопертюи? — крикнула она Кантору. — Смотри, солнце уже заходит, а он все еще не вернулся из леса с лошадьми!

— Пойду посмотрю, где он там, — ответил Кантор, и быстрым шагом направился к окраине деревни.

Она увидела, как он уходит и скрывается в густой зелени леса. Ей вдруг неизвестно почему захотелось его удержать и крикнуть: «Нет, не ходи туда, Кантор! Кантор, сынок, не иди в лес...»

Но он уже исчез за поворотом дороги, которая вела к овчарне, последнему перед лесом дому деревни.

Она вернулась в дом Бенджамена, поднялась по лестнице, быстро взяла свою кожаную сумку и оружие, набросила на плечи плащ, надела шляпу и снова

спустилась вниз. Служанки, сидя у окна, ничего не делали, думали о чем-то своем или молились про себя. Она не стала их тревожить, молча прошла мимо и вышла на покрытую травой улицу селения. Маленькая Роз-Анн, по-прежнему одетая в свое красное платье, побежала за ней.

— Ох! Дорогая дама, не надо уходить, — пробормотала она на своем плохом французском.

— Милая моя девочка, мне уже пора, — сказала Анжелика, не замедляя шагов. — Я и так у вас слишком задержалась. Мне уже сейчас следовало бы быть на берегу, где меня ждет корабль... А теперь раньше, чем на рассвете, мы там не окажемся...

Проявив трогательные заботливость и внимание, маленькая англичанка захотела взять у нее сумку и понести.

Они вместе поднялись на косогор и за поворотом увидели последние дома поселка, самые маленькие и самые бедные, построенные из неотесанных бревен и покрытые сеном или древесной корой. Еще дальше показался последний дом: большая овчарня.

Перед этими домами был еще сарай, тот самый, где ночевали французы, и где сейчас Адемар должен был отсыпаться после всех страхов, которые ему пришлось пережить. Поодаль находился окруженный цветами домик школьной учительницы мисс Пиджон. Стоявшее несколько в стороне среди огороженных заборами выпасов здание овчарни с его прочной торцовой стеной и флюгером выглядело довольно внушительно. Дальше был овраг, через который они прошли вчера вечером. Затем, на склоне холма, несколько возделанных участков, и наконец лес — море деревьев, бурные ручьи и крутые горы.

В саду мисс Пиджон виднелся внушительный бюст мистрис Уильям — бабушки Роз-Анн. Она стояла посреди шток-роз и проворными пальцами обрывала увядшие

лепестки. Энергичным жестом руки она подозвала к себе Анжелику. Та поставила сумку на землю и подошла попрощаться с ней.

— Посмотрите на эти розы, — сказала мистрис Уильям. — Должны ли они страдать, потому что сегодня день, который мы должны посвящать Господу? Мне уже пришлось выслушивать по этому поводу замечание от нашего пастора. Но я ему ответила, как надо. Так что сегодня мы вроде как бы квиты...

И указательным пальцем, на который был надет кожаный напальчник, она показала на стоявший позади домик.

— Он там, причащает эту бедняжку Элизабет! И она вновь принялась за свою работу. Ее пронзительный взгляд из-под тяжелых лиловых век еще гневно сверкал, но уголки губ уже поднялись вверх, и на лице появилось нечто вроде полуулыбки.

— Может быть, меня когда-нибудь и поставят к позорному столбу, — сказала она. — А рядом будет написано: «За то, что она слишком сильно любила розы!»

Анжелика также улыбнулась, испытывая некоторое замешательство. Еще вчера, когда она впервые встретилась с этой внешне очень суровой и высоконравственной старой дамой, ей показалось, что та как бы забавляется тем, что все время выставляет себя в неожиданном свете. Анжелика не могла понять, какая она на самом деле. И сейчас ей было неясно, то ли та смеется, шутит, провоцирует, то ли Анжелика не все правильно улавливает в ее английской речи. У нее даже мелькнула мысль, что почтенная пуританка имеет определенное пристрастие к крепким напиткам, джину или рому, и это временами приводит ее в шутливое настроение, но она быстро отогнала от себя эту неуместную и чудовищную мысль. Нет, все дело в другом. Может быть, это своего рода опьянение, но

бессознательное, истекающее из очень чистого источника.

И когда эта крупная женщина, которая была выше нее на целую голову и выглядела солидной, твердой, как скала, вдруг заговорила легко и свободно, Анжелика снова стала испытывать ощущение чего-то нереального, сомневаться, действительно ли она находится здесь, как будто все кругом не настоящее и земля уходит из-под ног. Кажется, что ты спишь и вот-вот должен проснуться, но пробуждение все не наступает.».

Природа как бы застыла, наполненная благоуханием цветов и жужжанием пчел.

Сара Уильям вышла из этого массива роз, погладив ласкающим жестом их ветви, имевшие зеленые, розовые и чисто белые тона.

— Во г они по-настоящему счастливы, — пробормотала она.

Она открыла калитку и подошла к Анжелике. Потом сняла с руки перчатку и засунула ее в висевший на поясе мешок с садовыми инструментами. При этом она не отрывала взгляда от лица иностранки, которая вчера привела к ней ее внуку.

— Вам приходилось встречать французского короля Людовика XIV? — спросила она. — Вы видели его близко? Да, это чувствуется. Отблеск Короля-солнца остается па вас. Ах! Эти француженки, сколько в них грации!.. Давайте, пройдите, пройдите, — и она сделала рукой приглашающий жест, — пройдите немного передо мной...

Ее улыбка в уголках рта стала более явственной, веселье как бы готово было выплеснуться наружу.

— Я, наверное, уже впадаю в детство. Я люблю все яркое, красивое, свежее...

Анжелика сделала несколько шагов, как ее попросила об этом старая женщина, и обернулась.

Взгляд ее зеленых глаз спрашивал, этого ли от нее хотят, и ее лицо невольно приняло детское выражение. Старая Сара Уильям ее как бы гипнотизировала. Она стояла посреди единственной в деревне дороги, которая была одновременно и улицей, и дорогой, и тропинкой и вела через весь поселок от леса к расположенному на холме «дому собраний». На нее падала тень от высоких вязов, отблеск от листвы которых делал еще более бледными ее и без того как бы покрытые воском щеки. Положив руку на бедро, она стояла прямо, с высоко поднятой головой, и ее осанке могла бы позавидовать любая королева. Стройность ее стянутой жестким корсетом талии подчеркивала фижма из черного бархата, опоясывающая бедра. Это была мода начала века, и Анжелика вспомнила, что так одевались ее мать и тетки. Но черное платье, надетое поверх темно-фиолетовой второй юбки, было более коротким, чем в те времена. При этом мистрис Уильям не боялась, что будут видны ее высокие черные сапоги, в которых она чувствовала себя удобно при ходьбе по размытым дорогам и мокрым полям.

«Как эта женщина была красива в молодости!» — подумала Анжелика. — «Когда-нибудь и я буду похожа на нее...»

Она хорошо представила себя обутой в такие же сапоги и идущей по своей усадьбе такой же живой твердой походкой. Она будет немного осторожной, и в то же время уверенной в себе и приходящей в восторг при одном виде цветущего поля или делающего свои первые шаги ребенка. Возможно, правда, она будет менее строгой и менее суровой. Но разве мистрис Уильям такая уж суровая?.. Когда она шла, то на ее лице, с тяжеловатыми, но полными гармонии чертами, отражался изумрудный цвет листвы деревьев, и оно как бы светилось счастьем. Она вдруг остановилась рядом с Анжеликой, и выражение ее лица резко изменилось.

— Вы не чувствуете запах дикаря? — спросила она, и ее все еще черные брови нахмурились, а ее лицо вновь приняло строгое выражение.

Она сказала: «Краснокожего»... В ее голосе слышались ужас и отвращение.

— Вы не чувствуете?

— Нет, не чувствую, — ответила Анжелика. Но при этом она невольно вздрогнула. Никогда ранее воздух на этих холмах не казался ей таким благоуханным. Аромат жимолости и лиан смешивался с ароматом цветущих садов, в котором особо выделялся запах сирени и меда.

— Я часто чувствую этот запах, слишком часто, — произнесла Сара Уильям, встряхнув головой, как бы в чем-то упрекая себя. — Я его всегда чувствую. Он смешался со всей моей жизнью. Он меня постоянно преследует. И, однако, уже давно мне не приходилось вместе с Бенджаменом брать в руки ружье, чтобы защитить свой дом от этих красных змей.

Когда я была еще девочкой... и позже, когда мы жили в своей хижине недалеко от Уэльса...

Она замолчала и снова встряхнула головой, как бы не желая вспоминать об этих событиях, полных страха и борьбы.

— Там было море... В конце концов, можно было убежать. А здесь нет моря...

И сделала еще несколько шагов. — Здесь очень красиво, не правда ли? — спросила она менее категоричным тоном.

Маленькая Роз-Анн, стоя в траве на коленях, собирала ярко-оранжевые цветы аквилегии.

— Невееваник, — пробормотала старая женщина.

— Весенняя земля, — сказала Анжелика.

— Вы тоже знаете? — спросила англичанка, быстро взглянув на нее.

И снова ее черные глаза внимательно посмотрели на Анжелику, эту иностранку, француженку, пытаюсь

прочесть ее мысли, что-то отгадать, получить какой-то ответ, найти какое-то объяснение.

— Америка? — сказала она. — Так вы, правда, ее любите?.. Однако, вы еще так молоды...

— Не такая уж я молодая, — возразила Анжелика. — Знайте, что моему старшему сыну семнадцать лет, и что...

Ее перебил смех старой Сары. Она засмеялась в первый раз. Смех ее был звонкий, непосредственный, почти как у девочки, при этом стали видны ее крупные, немного лошадиные, но здоровые и отлично сохранившиеся зубы.

— Ох, нет, вы еще молоды, — повторила она. — И вообще, перед вами, дорогая моя, еще почти вся жизнь!

— Неужели вся?

Анжелика готова была разозлиться. Конечно, те двадцать пять лет, на которые мистрис Уильям была старше ее, может быть, позволяли той демонстрировать свою снисходительность, но Анжелика полагала, что прожитая ею жизнь не была ни такой уж короткой, ни такой уж бесцветной, чтобы она не могла считать себя знающей, что такое «жизнь»...

— Вы начинаете новую жизнь! — заявила мистрис Уильям не терпящим возражений тоном. — Она едва только началась!

— Неужели?

— У вас это звучит просто очаровательно, когда вы спрашиваете: «Неужели?» Ох, уж эти француженки, какие они счастливые! Вы, как пламя, которое начинает искриться и уверенно разгорается в этом мире мрака, который вас больше не страшит!.. Только теперь вы начинаете жить, разве вы этого не чувствуете? Когда вы еще совсем молоды, то вас впереди ждут еще все тяготы жизни, и вы должны доказать, что вы способны... Это очень трудно! И вам предстоит это делать в одиночку... Когда кончается детство, разве

есть на свете кто-нибудь более одинокий, чем молодая женщина?.. А в сорок, в пятьдесят лет можно начинать жить! Вы уже доказали, что вам это по силам! Да что там говорить. Вы снова становитесь свободной, как ребенок, вы вновь себя обретаете... Мне кажется, что я никогда не получала большего удовлетворения, чем в тот день, когда поняла, что юность от меня уходит, наконец уходит. Моя душа показалась мне вдруг такой легкой, мое сердце стало более нежным и более чувствительным, и мои глаза вдруг увидели мир. Сам Бог, казалось, становился моим другом. Я всегда была одинока и привыкла к этому. Я купила у уличного продавца шляпок два самых красивых, из тех что у него были, чепчика с кружевами. И ни гнев пастора, ни недовольство Бена не могли заставить меня отказаться от них. С тех пор я их всегда ношу.

Она снова лукаво рассмеялась и погладила Анжелику по щеке, как ребенка. Анжелика забыла, что ей нужно уходить! Солнце, казалось, остановилось и, точно большой распутившийся цветок, возлежало на ложе из маленьких белых и пушистых облаков высоко над горизонтом.

Анжелика слушала мистрис Уильям. Та взяла ее за руку, и они еще раз медленно прошли по деревне. Большинство домов были скрыты за поворотом и неровностями местности. От протекавшего перед домами ручья шел и стелился по земле легкий туман.

— Вы любите, мадам, эту страну, не правда ли? — спросила мистрис Уильям. — Это говорит о вашем природном благородстве. Эта страна так красива. Я не познала ее так, как бы мне хотелось. Вы будете ее знать лучше меня. В молодости я страдала от нищенского и опасного существования на этой земле. Мне хотелось поехать в Лондон, о котором нам рассказывали моряки и наши отцы. Я уехала оттуда, когда мне было шесть лет. Я еще помню его тесно

прижатые друг к дружке колоколенки, его узкие, как овраги, улочки, по которым со скрипом проезжали экипажи. Будучи девушкой, я мечтала убежать отсюда, вернуться в Старый Свет. Помешал мне это сделать только страх, что меня за это осудят. Нет, — сказала она, как бы отвечая на мысли Анжелики, — в молодости я не была красивой. Это теперь я стала красивой. Мое время пришло. А когда я была молодой, то была худющей, длинной, как жердь, бледной девицей, по-настоящему безобразной. Я всегда была признательна Бену, что он согласился на мне жениться, получив в качестве приданого участок земли и шлюп для ловли трески. В результате этого его собственный участок с маленькой бухточкой, соединившись с нашим, повышался в цене. Это для него было выгодное дело. Он должен был ради этого жениться на мне. Она подмигнула Анжелике.

— Я думаю, он тоже об этом не жалеет, — тихо рассмеялась она и продолжала:

— В то время я не вызывала ни малейшего интереса даже у пиратов, которые высаживались в наших краях, чтобы обменять на наши свежие продукты ром и ткани, которые они добывали в Караибах путем грабежа. Они были джентльменами удачи, и часто это были французы. Я как сейчас вижу их обветренные корсарские лица, их причудливые одежды рядом с нашими темными платьями и белыми воротничками. Они не причиняли нам никакого зла, нам, которые были бедны, как библейский Иов. Они были довольны, что могут встретить европейцев на этих диких берегах, что могут иметь для своего пропитания овощи и фрукты, которые мы здесь выращивали. Они, которые не имели ни стыда, ни совести, и мы, которые были до глупости благочестивы, все мы чувствовали себя людьми одного племени, заброшенными на край света...

А теперь слишком много людей на берегу, а в Заливе слишком много пользующихся дурной славой кораблей. Поэтому мы предпочитаем жить подальше от тех мест, рядом с границей...

Я удивляю вас, дитя мое, моими рассказами, моими признаниями... Но вспомните также, что ваш Бог менее ужасен, чем наш. Мы, например, когда стареем, нам нужно или превращаться в сумасшедших, или в злодеев, или в колдунов, или же мы начинаем действовать каждый по-своему. И тогда все образуется, и ничего уже по-настоящему не имеет значения!..

И она снова несколько раз покачала головой, сначала с вызовом, а потом с одобрением.

Вчера вечером в ее поведении было столько суровости, непримиримого отчуждения. А сегодня столько открытого чувства, своего рода смирения!

Анжелика снова спросила себя, не имеет ли добропорядочная пуританка какой-либо скрытой слабости, тайного пристрастия к бутылке сливовой водки или абсентового ликера.

Но она тут же отогнала от себя эту мысль, растроганная этой внезапной и высказанной как бы в полусне откровенностью.

Позже ей придется вновь пережить эти волнующие мгновения и понять их истинный смысл...

Эта женщина как бы готовилась встретить свой последний час, уготованный ей судьбой. Она неосознанно готовилась к нему своей душой, своим пылким сердцем, прятавшим нежность за суровой религиозностью.

Старая Сара повернулась к Анжелике и, взяв ее лицо в свои длинные и белые ладони, повернула к себе и посмотрела на нее с материнской нежностью.

— Пусть земля Америки станет вам родной, дорогая моя девочка, — сказала она тихим и торжественным голосом, — прошу вас... прошу вас, спасите ее!

Она опустила свои руки и посмотрела на них, как бы сама смутившись своего жеста и своих слов.

Она выпрямилась, ее лицо вновь обрело свою мраморную холодность, а жгучий взор ее черных глаз устремился к необъятному, открытому как громадная раковина, небу.

— Что там происходит? — пробормотала она. Она прислушалась, затем снова пошла вперед. Несколько шагов они прошли молча. Затем мистрис Уильям снова остановилась. Она схватила запястье молодой женщины и сжала его с такой силой, что Анжелика вздрогнула.

— Слушайте! — сказала англичанка, изменившимся голосом.

Она произнесла это слово четко, ледяным голосом.

До их слуха донесся нарастающий в вечернем воздухе шум.

Сначала этот шум был сплошным, как шум моря или ветра. Потом они услышали слабый, но в то же время четко различимый крик:

— Абенаки! Абенаки!

Быстрыми шагами, увлекая за собой Анжелику, Сара Уильям вышла к повороту дороги, за которым открывалась остальная часть поселка.

Деревня казалась спокойной и пустынной, как бы уснувшей.

Но шум приближался, нарастал. Он состоял из тысяч улюлюканий, сквозь которые слышался трагический крик нескольких жителей деревни, которые в полном смятении бегали между домами.

— Абенаки!.. Абенаки!..

Анжелика повернулась к прерии. Ее взору предстала жуткая картина. Это было то, чего она опасалась, то, что она предчувствовала, то, во что она не хотела верить! Из леса выбежала и устремилась к деревне целая армада полуголых, размахивающих

томагавками и тесаками индейцев. Как неисчислимы полчища муравьев, покинувших свою кучу, индейцы за несколько секунд покрыли весь луг. Это было как темно-красный бушующий поток морского прибоя, перед которым несся леденящий душу крик смерти:

— Юу-у-у! Юу-у-у!

Надвигающаяся волна накрыла собой ручей, перешла через него, поднялась на другой берег оврага, достигла первых домов деревни.

Какая-то женщина в синем платье бежала в их сторону, спотыкаясь, словно пьяная. На ее белом лице выделялся широко раскрытый рот, из которого раздавался вопль:

— Абенаки!..

Сзади что-то ударило ее в спину. Она охнула и упала лицом вниз.

— Бенджамен! — закричала Сара Уильям. — Бенджамен!.. Он там один в доме.

— Остановитесь!

Анжелика попыталась удержать старую женщину, но та стремительно бросилась к своему дому, где ее задремавший над Библией супруг мог быть застигнут врасплох.

Сара Уильям не пробежала и ста метров, как вдруг из чащи выбежал индеец, несколькими длинными прыжками настиг ее и нанес страшный удар кастетом по голове. Нагнувшись, он схватил старую женщину за волосы и одним поворотом руки снял с нее скальп.

Анжелика повернулась и бросилась бежать.

— Беги туда! — закричала она Роз-Анн и жестом руки показала ей на овчарню, возвышавшуюся перед лесом. — Беги! Быстрее!

Сама она бежала изо всех сил. Перед садом мисс Пиджон она остановилась и подобрала свою сумку, которую здесь оставила. Она перепрыгнула через загородку, устремилась в дом, где преподобный

Пэтридж и старая дева продолжали свою дискуссию о вечности.

— Дикари!.. Они бегут сюда!.. Задыхаясь от быстрого бега, она никак не могла вспомнить английские слова и судорожно искала их...

— Дикари! — повторила она по-французски. — Абенаки... Они уже близко... Бежим в овчарню...

Она считала, что прочное, по всей видимости, укрепленное здание овчарни сможет выдержать осаду, позволит организовать оборону.

Решала каждая секунда. Но свою роль играли также опыт и привычка. Анжелика увидела, как тучный Томас Пэтридж вскочил на ноги, поднял на руки, словно куклу, маленькую мисс Пиджон и устремился через сад к убежищу.

Сначала Анжелика бросилась было за ними, но потом приняла другое решение. Укрывшись за дверью, она зарядила оба пистолета, один из них взяла в руку и только после этого вышла из дома.

К счастью, вокруг никого не было. Женщина, которая упала на повороте дороги, по-прежнему лежала неподвижно. В ее спине между лопатками торчала стрела.

Эта часть деревни, скрытая от других домов холмом и поворотом дороги, еще не привлекла внимания индейцев, за исключением того, который скальпировал мистрис Уильям и затем побежал в другом направлении...

Сплошной шум, раздававшийся оттуда, был жутким. Но здесь еще господствовала тишина, своего рода лихорадочное и мучительное ожидание чего-то неотвратимого. Птицы и те смолкли.

Анжелика добежала, наконец, до кукурузного амбара. Адемар по-прежнему спал!

— Вставай! Немедленно! Дикари! Беги! Беги в овчарню! Возьми свой мушкет!..

Адемар вскочил и бросился бежать. Анжелика вдруг заметила ружье Мопертюи и висящие на крючке его мешки с порохом.

Она лихорадочными движениями, расцарапав себе пальцы, зарядила ружье и тут же услышала, что за ее спиной что-то упало сверху. Она обернулась и увидела абенака, который проник через крышу и катился вниз по куче кукурузных початков. Анжелика схватила мушкет за ствол и вращательным движением изо всей силы ударила индейца прикладом в висок. Тот упал. Она бросилась бежать.

Тенистая аллея по-прежнему была пустынной. Анжелика устремилась по ней. Она услышала, что кто-то за ней гонится. Обернувшись, она увидела, что это был индеец — был ли это тот, которого она оглушила или какой-то другой? С поднятым топором он приближался к ней длинными прыжками.

На траве его босые ноги почти не издавали никакого шума. У Анжелики не было времени остановиться и прицелиться. Все ее спасенье было в отчаянном беге, и ей казалось, что ноги ее не касаются земли.

Наконец, она добежала до двора овчарни и укрылась за одной из повозок. Индеец бросил в нее топор, но он вонзился в бревно. Задержав дыхание, Анжелика прицелилась и в упор выстрелила в индейца. Тот рухнул поперек ворот, схватившись обеими руками за грудь, почерневшую от порохового взрыва.

В несколько прыжков молодая женщина достигла порога овчарни. Дверь ей открыли раньше, чем она успела постучать, и сразу же закрыли, взяв ее на засов двумя крепкими, дубовыми перекладинами.

Глава 7

Внутри помещения уже находились, помимо пастора и мисс Пиджон, французского солдата Адемара и маленькой Роз-Анн, все семейство хозяина овчарни Самуэла Коруэна — его жена и трое их детей, двое молодых работников, служанка; их сосед — старый Джое Картер и супруги Стоугтоны с грудным младенцем, пришедшие в гости к хозяину овчарни в тот момент, когда началось нападение индейцев.

Не было слышно ни плача, ни хныканья. Жизнь научила этих земледельцев в случае необходимости сразу же становиться бойцами. Женщины уже начали прочищать банниками из черного конского волоса стволы ружей, снятых со стены над очагом.

Самуэл Коруэн установил ствол своего ружья в одной из многочисленных бойниц, проделанных в стене, как и во всех домах Новой Англии, и прежде всего в домах старой постройки. Через другую бойницу наблюдали за тем, что происходит вне дома.

Так они увидели, как француженка, графиня де Пейрак, застрелила гнавшегося за ней индейца.

Все внимательно разглядывали ее: она принесла с собой оружие. Как и другие, она была активной боевой единицей. Пастор снял с себя сюртук, бросил его на скамью и остался в одной рубахе. Плотнo сжав губы, он набивал порохом заряды для ружей. Он надеялся, что и ему достанется ружье. Анжелика передала ему мушкет Мопертюи, а себе взяла ружье Адемара, который весь дрожал от страха, как осиновый лист.

Кто-то из детей заплакал. Тихим голосом ему велели замолчать.

Кругом царила тишина. Только вдали раздавались звуки побоища, которые иногда накатывались, как шум

морского прилива.

Временами слышались глухие взрывы, и Анжелика подумала о маленьких пушках, установленных в укрепленной церкви. Хотелось надеяться, что части жителей удалось укрыться за ее стенами.

— Господь охранит своих детей, — громко сказал пастор, — так как они суть его воинство.

И опять кто-то жестом велел ему замолчать.

На дороге показалась группа индейцев, которые куда-то бежали с горящими факелами в руках. Они появились из оврага и, не останавливаясь, побежали дальше.

Ребенок снова заплакал. Внезапно Анжелике пришла в голову мысль. Выбрав один из пустых котлов для варки сыра, она приказала Роз-Анн вместе с тремя другими детьми спрятаться туда. Они оказались там, как птенцы в гнезде. Им велели сидеть тихо.

Анжелика наполовину прикрыла котел крышкой. В этом убежище дети меньше боялись и не рисковали тем, что будут придавлены сражающимися.

Она вернулась к своему наблюдательному пункту.

Индейцы стояли за загородкой. Они увидели труп одного из своих, лежащий поперек дороги.

Их было четверо, и они о чем-то спорили, глядя в сторону дома. В свете красноватых сумерек их лица, разрисованные «боевыми» красками, были ужасны на вид. И Анжелика, тесно прижимаясь локтями к другим европейцам, вновь с содроганием вспомнила о гнавшемся за ней индейце.

Индейцы отодвинули загородку и, слегка пригнувшись, стали перебегать через двор как дикие, внушавшие ужас, хищники.

— Огонь! — скомандовал тихим голосом Коруэн.

Грянул залп.

Когда дым рассеялся, трое абенаков лежали на земле и бились в конвульсиях агонии; четвертый

убегал.

Затем началась общая атака. Дикари появились со стороны оврага. Как сплошной поток воды, который, казалось, накатывался отовсюду, их темные тела возникали все в большем и большем числе. Их воинственные крики сливались с треском оружейной канонады.

В овчарне осажденные не прекращали своей стрельбы, передавая ружья женщинам и беря у них заряженные мушкеты. Лихорадочными движениями женщины прочищали банниками раскаленные стволы, и вновь засыпали в них порох. С сухим треском защелкивались затворы. Оружейные выстрелы сливались с дьявольскими криками, доносившимися снаружи. Дым щипал глаза и горло, пот тек по лицам и оставлял горький привкус на губах. Отовсюду слышалось хриплое дыхание.

Анжелика отбросила в сторону свой мушкет. Кончились пули! Она взяла пистолеты, зарядила их, наполнила карманы пулями мелкого калибра и набрала их полный рот, чтобы быстрее можно было их доставать, прикрепила рог с порохом и коробку с запалами к поясу, чтобы все было под рукой.

Со стороны крыши раздался треск. Сверху в комнату впрыгнул индеец и оказался рядом с пастором Пэтриджем, который оглушил его ударом приклада. Но за первым дикарем прыгнул второй и нанес удар кастетом по крупному черепу преподобного Томаса. Тот упал на колени. Индеец схватил его за волосы и поднес свой нож к его лбу. Анжелика тут же выстрелила из пистолета индейцу в грудь.

Индейцы стали один за другим прыгать в комнату через крышу. Англичане отступили к углу большой печи. Анжелика опрокинула набок большой деревянный стол и подвинула его туда, превратив в большой щит, за которым укрылись все осажденные. Откуда у нее

взялись силы, чтобы такое проделать? Но об этом она спросила себя позже. А сейчас ярость боя придала ей сверхчеловеческие силы, чему способствовала злость при воспоминании о том, как глупо она оказалась в ловушке в этой деревне иностранных поселенцев, рискуя лишиться здесь жизни.

Спрятавшись за этим укрытием, крестьяне начали стрелять в двух направлениях: в глубину комнаты, куда нападающие прыгали с крыши, и в сторону двери, которая начала уступать ударам топоров.

Это было настоящее побоище. И казалось, в результате этой непрерывной стрельбы победа останется за белыми, обладавшими огнестрельным оружием.

Но поселенцы расходовали свои последние пули. Брошенный кем-то из индейцев топор попал Коруэну в плечо, тот вскрикнул и рухнул на пол.

Извиваясь, как змея, один из индейцев проскользнул между стеной и краем стола, схватил за юбку одну из женщин и стал тащить ее к себе. Отбиваясь, как дьявол, женщина уронила рог с порохом, который она держала в руках.

Старик Картер бил из-за стола прикладом ружья всех, кто приближался. Когда он занес руку для очередного удара, чей-то острый нож ударил его в бок. Картер опустился на землю, сложившись пополам, как набитая отрубями кукла.

Внезапно один из нападающих прыгнул, как акробат, из глубины комнаты, с расставленными, как у танцора, ногами пролетел над головами осажденных и опустился с другой стороны стола посреди англичан и даже сзади них.

Это был вождь патеуикетов сагамор Пиксарет, самый великий воин Акадии.

Анжелика услышала сзади себя скрипучий смех, и чья-то сильная рука опустилась ей на затылок.

— Ты моя пленница, — произнес торжествующе голос патсуикета.

Анжелика бросила свои, уже ненужные ей, пистолеты и обеими руками вцепилась в длинные волосы индейца, в которые были вплетены лисьи лапы.

Она узнала его, она узнала это лицо грызуна с хитрыми глазками и вдруг перестала его бояться и даже перестала смотреть на него и его орду, как на врагов. Это были индейцы племени абенаков, и она знала их язык, ей было знакомы тайны их примитивного, но коварного мышления. Она быстро обернулась назад и выплюнула две пули, которые у нее еще оставались во рту.

— Для чего вы напали на эту деревню? Чтобы захватить меня в плен? — крикнула она дикарю, мертвой хваткой держа его волосы. — По приказу Черной Сутаны?..

Взгляд ее зеленых глаз метал такие молнии, что индеец застыл в оцепенении. Уже не первый раз встречались сагамор Пиксарет и эта женщина из верховьев Кеннебека.

Сейчас они встретились, как противники на поле боя! Но какая женщина отважилась бы схватить его за косы, этот символ его верховной власти, и смотреть на него с такой смелостью, когда смерть витала над ее головой?

Раньше она уже стояла с таким же взглядом между ним и вождем ирокезов. Эта женщина не знала, что такое страх.

— Ты моя пленница, — повторил он свирепым тоном.

— Хорошо, я твоя пленница, но ты не посмеешь меня убить и ты не выдашь меня Черной Сутане, потому что я француженка и отдала тебе свой плащ, чтобы ты завернул в него кости своих предков.

Вокруг них не прекращались крики и конвульсии боя. Теперь шла рукопашная борьба. Потом наступил

конец. И возгласы ярости и ужаса постепенно стихли, уступив место удушливой тишине, прерываемой стонами раненых.

Картер был скальпирован, но другие европейцы остались живы. Абенаки надеялись получить за них выкуп, взяв в плен. Преподобный Пэтридж, выбравшись из горы трупов, которыми он был завален, стоял, пошатываясь, между двумя воинами. Лицо его было все в крови.

Послышался крик: «Помогите мне, мадам, или мне конец!»

Это был Адемар, которого вытащили из-под какого-то стола.

— Ни убивайте его! — закричала Анжелика. — Вы разве не видите, что это французский солдат?

По правда сказать, это трудно было увидеть.

Анжелика жила сейчас как бы вне себя самой, ее неотвязно преследовала мысль о том, как бы выбраться из этого осинового гнезда, в которое она так глупо попала. Трагическая абсурдность ситуации привела ее в такой гнев, что это усилило ее защитные рефлексy.

Она знала психологию индейцев. И благодаря этому она выберется из западни. Они были дикими животными, но диких животных можно укротить. В пустыне Магреба Колен Патюрель научился разговаривать со львами и превратил их в своих союзников...

Она понимала, что племя Пиксарета имело свои интересы и, чтобы совершить нападение на деревню, пришло сюда из других мест. Таким образом, битва, театром которой явилась овчарня, оставалась как бы в стороне от основного сражения.

Пиксарет колебался. Некоторые слова Анжелики привели его в замешательство. «Я француженка!» — сказала она. А ему говорили, что нужно воевать против англичан. И, кроме того, он не мог забыть о плаще, о

том великолепном подарке, который она ему сделала для его предков.

— А ты крещеная? — спросил он.

— Да, я крещеная, — воскликнула Анжелика. И она несколько раз перекрестилась, вызывая в своей голове образ Девы Марии.

Через приоткрытую дверь Анжелика вдруг увидела знакомое лицо. Она узнала этого человека. Это был канадский лесной охотник. Она громко позвала его:

— Господин Обиньер!

Это был Трехпалый из Трехречья. Услышав свое имя, тот обернулся. Во время войны он не признавал оружия белых. В руках у него был томагавк с рукояткой из полированного дерева и весь покрытый кровью маленький индейский топор с остро заточенным лезвием. Его голубые глаза ярко светились на лице, почерневшем от пыли и запекшейся крови. Пятна крови были также на его кожаном камзоле. На разноцветном поясе с пурпурной бахромой висело несколько скальпов.

Присутствием этого человека нужно было непременно воспользоваться... Это был неподкупный рыцарь, воин милостью Божьей, всеми мыслями он был с такими людьми, как Модрей, Ломени, д'Арребу. Главное для него — это мечта об отмщении, спасении души и рае небесном...

Он узнал ее.

— Хм! Мадам де Пейрак... Как вы оказались среди этих гнусных еретиков?.. Горе вам!

Он вошел в это разгромленное помещение, где абенаки, собрав в кучу своих пленников, предавались грабежу.

Она схватила его за отворот его кожаного камзола.

— Черная Сутана, — вскричала Анжелика, — я уверена, что видела в прерии Черную Сутану с его

знаменем... Это отец д'Оржеваль вел вас в атаку, не так ли? Он знал, что я нахожусь в этой деревне!..

Она не столько спрашивала, сколько утверждала. Он смотрел на нее с полуоткрытым ртом и несколько растерянным видом. Видно было, он искал, что ответить, как объяснить свои действия:

— Вы убили Пон-Бриана, — сказал он наконец, — и вы сеете смуту в Акадии, вы и ваш муж, и все ваши союзники. Мы должны вас изолировать...

Так вот в чем дело.

Жоффрей, Жоффрей!

Они хотят захватить в плен жену грозного дворянина из Вапассу, который пользуется таким колоссальным влиянием, что уже фактически является хозяином всей Акадии.

Значит, ее хотят отвести в Квебек. И подчинить тем самым себе Жоффрея. Она его больше не увидит.

— А где Мопертюи? — спросила она с волнением.

— Мы их задержали, его и его сына. Они канадцы из Новой Франции. И настало время, чтобы они были вместе со своими братьями по крови.

— Они участвовали вместе с вами в нападении па деревню?

— Нет! Их дело будет разбираться в Квебеке. Они служили врагам Новой Франции...

Как привлечь его на свою сторону? Он был человеком и чистым душой и упрямым, легковерным и, одновременно, хитрым, жадным и непостоянным, верящим в чудеса и в святых, в Бога и в короля Франции, в главенство иезуитов. Своего рода архангел Михаил. Она его не интересовала сама по себе. Он выполняет приказы. И в то же время он хочет искупить свою вину перед Богом за содеянные грехи.

— И вы думаете, что после всего этого мой супруг граф де Пейрак будет помогать вам продавать ваших бобров в Новой Англии? — спросила она сквозь зубы. —

Не забудьте, что он вам выдал аванс в тысячу фунтов и даже обещал удвоить эту сумму, если дело окажется выгодным...

— Тише! — произнес он, побледнев и посмотрев вокруг себя.

— Вызовите меня из этой передраги, или я все о вас расскажу на главной площади Квебека.

— Давайте договоримся, — сказал он тихо, — все можно уладить. Мы здесь на самом краю деревни, я вас не видел, и вы меня не видели...

И, повернувшись к Пиксарету, он крикнул:

— Отпусти эту женщину, сагамор! Она не англичанка, и то, что мы ее захватили в плен, может нам только навредить.

Пиксарет протянул свою красную, покрытую слоем жира руку и положил ее на плечо Анжелики.

— Она моя пленница, — повторил он тоном, не допускающим возражений.

— Пусть будет так, — сказала Анжелика с волнением в голосе, — я твоя пленница, не спорю. Я пойду с тобой, куда ты захочешь, я не буду этому противиться. Но только ты не отведешь меня в Квебек... Что ты там со мной будешь делать? «Они» не захотят меня выкупить, потому что я уже крещеная. Отведи меня в Голдсборо, и там мой муж заплатит тебе за меня такой выкуп, какого ты потребуешь.

Это была очень рискованная партия в покер. Речь шла о том, чтобы укротить, подчинить своей воле диких зверей. Но она их знала. На ум ей приходили самые абсурдные аргументы. Но только так она могла добиться своего от этих темных дикарей, заставить их делать то, что ей нужно. Не могло быть и речи о том, чтобы отрицать право Пиксарета на нее. Он скорее сразу же убьет ее своим томагавком, чем откажется от нее. Но она знала также, что он свободен в своих действиях, абсолютно независим от своих канадских

союзников, и ему не нужно теперь заботиться о том, чтобы ее душа попала в рай, так как он узнал, что она крещеная. И теперь он думал о том, как выгоднее использовать ее пленение. Ему нужно было принять решение раньше, чем на их пути появятся другие французы и сам грозный иезуит, которые знают, какую пользу они могут извлечь из ее положения. К счастью, на ее стороне был Обиньер.

— Выходите! Выходите быстрее, — торопила Анжелика, подталкивая всех к выходу.

Она помогла подняться тем англичанам, которые были ранены или оглушены.

— Ой, господи, дети!..

Она быстро вернулась назад, подняла крышку большого котла и вытащила оттуда одного за другим онемевших от ужаса малышей. Это почему-то вызвало смех индейцев. Они громко хохотали, били себя по ляжкам и показывали пальцами на эту сцену.

Жара становилась невыносимой. Одна горевшая балка потолка рухнула вниз и рассыпалась на тысячи искр.

Все бегом бросились во двор, перепрыгивая через лежащие трупы и разбитую мебель.

Увидев рядом деревья и темный овраг на краю леса, Анжелика еле сдержала желание убежать отсюда.

— Отпусти меня к морю, сагамор, — сказала она Пиксарету, — иначе ты прогневишь своих предков. Они знают, что мои духи-покровители заслуживают большего почтения. Ты совершишь большую ошибку, если отведешь меня в Квебек. И напротив, если ты пойдешь со мной, то ты об этом не пожалеешь.

По выражению покрытого морщинами лица вождя абенаков было видно, как усиленно работает его мозг. Анжелика не оставляла ему времени сосредоточиться и принять нужное решение.

— Проследите, чтобы за нами никто не пошел. И будьте свидетелем, что меня не было в этой деревне, — сказала она Трехпалому, который тоже находился в замешательстве в связи со всем, что здесь произошло, и на которого оказал воздействие безоговорочный авторитет Анжелики. — Мы сумеем вас за это отблагодарить. А мой сын Кантор, вы знаете где он? Вы и его взял» в плен?

— Клянусь на Святом Причастии, мы его не видели.

— Ну, пошли. Все за мной, — сказала Анжелика и повторила то же самое по-английски.

— Эй! — закричал Пиксарет, видя, что она уводит с собой взятых в плен в овчарне англичан, — они принадлежат моим воинам...

— Ну, что ж! Пусть они тоже пойдут с нами, но только те, кто являются хозяевами этих пленников.

Три здоровенных индейца с перьями в волосах с криком бросились вперед, но решительный приказ Пиксарета умерил их пыл.

Анжелика взяла одного из малышей на руки, повела одну из женщин и стала толкать перед собой громадного Томаса Пэтриджа, шатающегося и ослепленного кровью, которая все еще текла ему на глаза.

— Адемар, сюда! Возьми за руку этого малыша и смотри, не отпускай его. Смелее, вперед, мисс Пиджон!

Она стала подниматься по откосу, оставив позади разрушенную и пылавшую деревню, ведя к свободе этих людей, как это уже ей приходилось делать когда-то — в Ла-Рошели, в Пуату, и раньше, когда она еще была девочкой и уводила с собой группу обездоленных людей, которых вырвала перед этим из когтей смерти.

И в этот вечер в нее как бы переселилась душа старой Сары, когда она, пригибаясь под тяжелыми ветвями деревьев, погружалась в тишину леса, ведя за собой оставшихся в живых англичан из Брансуик-Фолса.

За ними следом шли Пиксарет и трое индейцев, которые считали себя хозяевами этих англичан. Они двигались за ними большими шагами, но близко не подходили, держась на некотором расстоянии.

Это не было преследованием.

Анжелика знала, чувствовала это, и по мере того, как они удалялись от этой проклятой деревни, испытывала все меньше страха, понимая, что индейцы утрачивают свою воинственность и гораздо менее возбуждены, чем во время боя.

Ее поведение оставалось тайной для англичан, которые все еще опасались, что дикари преследуют их.

— Ничего не бойтесь, — успокаивала их Анжелика, — их лишь четверо, а не сто. И я с вами. Они вам ничего плохого не сделают. Я их знаю. Ничего не бойтесь.

Идите! Идите себе вперед!

Мысли Пиксарета были ей понятны так же хорошо, как если бы она сама поместила их в его дикий мозг. Он, подобно ребенку, любил все неизведанное, новое, необычное.

Он был суеверным. Духи-хранители Анжелики его забавляли и одновременно внушали ему страх.

Он шел следом за ней, успокаивая одним кратким словом своих воинов, проявлявших нетерпение. Ему было любопытно узнать, что произойдет теперь, и что из себя представляют эти призрачные и необузданные волшебные духи, пляску которых он разглядел во взгляде зеленых глаз этой белой женщины.

Невдалеке, внизу между ветвями засверкали спокойные воды реки Андроскоггин. На берегу находились несколько лодок.

Они спустили эти лодки на воду, сели в них и поплыли вниз по течению к морю.

Глава 8

Наступила ночь... Европейцы решили устроить ночлег у одного из водопадов. В темноте вспыхивали и гасли светлячки, слышалось кваканье лягушек, доносился запах пожара. Они легли на траву, тесно прижавшись друг к другу, рядом с лодками из древесной коры. Они дрожали, несмотря на то, что было тепло. Одни молились, другие тихо стонали...

Среди тех, кого Анжелика увела с собой из объятаго пламенем овчарни, были земледелец Стоугтон, его жена и их грудной ребенок, а также все семейство Коруэнов в полном составе. Слава Господу! Может ли быть что-либо ужасней, чем самому остаться в живых и оставить погибшим любимое существо?.. Здесь были также два работника и служанка Коруэнов.

Роз-Анн тесно прижалась к Анжелике, а с другой стороны расположился Адемар, который не отходил от нее ни на дюйм.

— «Они» там, — шептал он. — Когда я оказался в этой стране дикарей, я знал, что когда-нибудь оставлю здесь свою голову!

Хрупкая мисс Пиджон не имела ни царапины, и именно она вела с собой огромную беспомощную фигуру, в которую сейчас превратился преподобный Пэтридж. Он не только почти совсем ослеп, так как кровь не переставала заливать ему глаза, но практически был без сознания и держался на ногах только по привычке. Эта громадина могла упасть на землю только в случае своей смерти. Добрая учительница при первой же возможности обмыла ему лицо и обвязала лоб своей косынкой. Когда они сели в лодку, Анжелика открыла свою сумку и достала из нее пакет с желтым порошком из железистой соли, который

ей дал Жофfrey. Этот порошок обладал свойством содействовать свертыванию крови. Она посыпала им рану, после чего кровотечение прекратилось.

На память о незавершенном скальпировании у английского пастора останется, по всей видимости, лишь безобразный шрам на лбу, что, конечно, не увеличит к нему доверия со стороны его паствы.

Пастор забылся в тяжелом сне, и его хриплое дыхание наполнило ночную тишину. Под повязкой одна сторона его лица сильно распухла, почернела и покрылась фиолетовыми пятнами. Лучше было, когда на него падала тень, ибо и без того природа не наделила его красотой, а сейчас он стал попросту безобразным.

Одна из девочек плакала. Она продолжала стоять, и ее белое лицо выделялось в ночной темноте как светлое пятно.

— Надо спать, Мэри, попытайся уснуть, — сказала ей тихо по-английски Анжелика.

— Я не могу спать, — ответила она сквозь рыдания, — на меня смотрят язычники.

Все четверо индейцев, в том числе Пиксарет, расположились у верхней части водопада. Они наблюдали оттуда за сбившимися в кучу несчастными пленниками.

При свете маленького костра, который они там разожгли, были видны их лица цвета меди и блеск их змеиных глаз.

Они все время шли за европейцами. Но вели себя мирно, курили трубки и с любопытством смотрели на пленников. Что теперь будет дальше? Что еще придумают эти таинственные духи, обитавшие в белой женщине из Вапассу? Что ей подскажут ее духи-покровители?.. Поверх струй падающей воды они обменивались взглядами.

Анжелика пыталась успокоить своих спутников.

— Теперь они больше не причинят нам зла. Надо только привести их к берегу моря, и там мой муж граф де Пейрак сумеет с ними договориться, предложив им дорогие подарки в качестве выкупа за нашу жизнь и за нашу свободу.

Они слушали ее в некотором оцепенении. В их холодном, допускающем лишь крайние точки зрения, пуританском мышлении возникало убеждение, что она человек совсем другого типа. И это немного внушало им страх и даже отвращение. Эта столь красивая белая женщина общается с индейцами, говорит на их языке. Она может, оказывается, проникнуть внутрь их ужасного и темного языческого сознания, укротить их и подчинить своей воле.

Они сознавали, что она представляет собой какое-то особое явление, вызывающее у них и чувство страха, и неприязнь, но понимали также и то, что они обязаны ей жизнью или, по крайней мере, свободой.

Ведь именно благодаря этой ее неблагоприятной близости с дикарями, благодаря ее способности говорить с этими язычниками на их мерзком языке изменилось поведение индейцев, и те не только сохранили им жизнь, но и позволили уйти подальше от места, где царила смерть.

Сознавая, что все происшедшее было чудом, и что необходимо по-прежнему оставаться под ее покровительством, англичане находили объяснение всему странному, что было в Анжелике, в том, что, в конце концов, она ведь была француженкой...

Среди ночи Анжелика подошла к индейцам и спросила, нет ли у них с собой медвежьего или тюленьего жира, так как она хотела бы смазать им ожоги десятилетнего Сэмми Коруэна, которые причиняли ему сильную боль.

Они засуетились вокруг нее и вскоре дали ей лосиный пузырь, содержащий драгоценный тюлений

жир, который имел очень неприятный запах, но обладал замечательными лечебными свойствами.

— Слушай, женщина, не забудь, что этот мальчик принадлежит мне, — сказал один из воинов. — Лечи его хорошо, так как завтра я уведу его в свое племя.

— Этот мальчик принадлежит своим отцу и матери, — ответила Анжелика. — За него тебе дадут выкуп.

— Но я захватил его в бою... я хочу иметь белого ребенка в своем вигваме.

— Я не позволю тебе его увести, — сказала Анжелика спокойно и решительно.

И она добавила, чтобы смягчить гнев дикаря:

— Я тебе дам еще кое-что, чтобы не лишить тебя твоей доли добычи... Завтра мы это обсудим.

Помимо этого, ночь прошла без каких-либо других происшествий. Казалось, ничто не напоминало о вчерашнем кровопролитии, о красном зареве пожара, в котором догорала пограничная деревня Брансуик-Фолс.

Как только начало рассветать, кто-то выскочил из кустов. Это была росомаха Вольверина. Она оскалила зубы, но сейчас это было скорее похоже на улыбку. За ней выбежал Кантор, неся на руках спящего ребенка, трехлетнего мальчика, сосавшего во сне палец.

— Я нашел его в деревне, рядом со скальпированной матерью. Она все говорила ему: «Не бойся. Они не сделают тебе ничего плохого», а когда я взял его на руки, закрыла глаза и умерла.

— Это сын Ребекки Тернер, — сказала Джейн Стоугтон. — Бедный малыш! В прошлом году погиб его отец.

Они замолчали, так как к ним приближались четверо индейцев, которые, впрочем, не проявляли никакой враждебности. Уйдя от своих соплеменников и испытывая недоумение перед лицом независимого поведения этих пленных чужеземцев, они были настроены теперь более миролюбиво.

Тот, который претендовал на сына Коруэна, подошел к Кантору и протянул свои руки к маленькому мальчику.

— Отдай его мне, — сказал он. — Отдай его мне. Я все время мечтал иметь белого ребенка в своем вигваме, а твоя мать не захочет отдать мне того, которого я захватил в Невееванике. Отдай мне этого. Ведь у него теперь нет ни отца, ни матери, ни семьи, ни деревни. Зачем он тебе? А я заберу его с собой, сделаю из него охотника и воина, он будет у меня счастлив. Дети все счастливы в наших хижинах.

Он говорил это умоляющим, почти жалостливым голосом.

Пиксарет ночью убедил его, не преминув при этом схитрить, что Анжелика никогда не позволит ему увести с собой юного Самуэла, и, что если он поступит вопреки ее воле, то она превратит его в лося, и он останется таким до конца своих дней.

Раздираемый между страхом уготовить себе столь печальную судьбу и своим законным правом, он считал, что нашел вполне приемлемый выход, решив взять себе маленького сироту, которого спас Кантор.

Анжелика посмотрела на своего сына вопрошающим взглядом.

— Что ты об этом думаешь, Кантор?

Сама она, действительно, не знала, какое принять решение. При мысли о том, что этого маленького англичанина, этого белого ребенка уведут в глубину лесов, у нее было тяжело на сердце. А с другой стороны, известное чувство справедливости, а также благоразумия, говорило ей, что следует удовлетворить эту столь смиренно высказанную просьбу абенакского воина. Она и без того со вчерашнего дня достаточно успешно водила их за нос. Слишком настойчивое оспаривание их права на «законную» добычу могло, в конце концов, вывести их из терпения.

Ее раздирали сомнения: имела ли она право дать на это свое согласие.

— Что ты думаешь об этом, Кантор?

— Все знают, — сказал юноша, — что белые дети не становятся несчастными, попадая к индейцам. Лучше отдать ему этого, у которого нет больше своей семьи, чем всем нам оказаться с проломленными головами.

Его устами говорила сама мудрость.

Анжелика вспомнила крики отчаяния маленького канадца, племянника Обиньера, когда при обмене пленными его хотели забрать у его ирокезских приемных родителей^[3]. Белые дети не были несчастными у индейцев.

Она вопросительно посмотрела на англичан. Но госпожа Коруэн судорожно прижимала к себе своего сына, сознавая, что сейчас решается его судьба. Остальные всем своим видом показывали, что судьба маленького Тернера была им в данных обстоятельствах довольно безразлична. Если бы преподобный Пэтридж был в сознании, то он, может быть, и стал бы протестовать во имя вечного спасения души ребенка. Но он находился в полной прострации.

Правильней было отдать этого сироту индейцу, чем лишать чудом спасшихся Коруэнов их сына.

— Отдай ему ребенка, — тихо сказала Кантору Анжелика.

Поняв, что он получил то, что просил, индеец исполнил несколько ритуальных прыжков, продемонстрировав этим свою признательность.

Потом он протянул свои большие руки и осторожно взял ребенка. Тот без всякого страха посмотрел на склонившееся над ним размазанное лицо индейца.

Очень довольный тем, что получил, наконец, то, что он так сильно желал, а именно белого ребенка в своей вигвам, воин стал прощаться.

Обменявшись несколькими словами со своими спутниками, он удалился, нежно прижимая к своему ожерелью из медвежьих зубов и христианских крестиков мальчика-еретика, которого он вызволил из когтей этой варварской расы, и из которого он сделает Настоящего Человека...

Кантор рассказал, что, углубившись в лес в поисках лошадей Мопертюи, он вдруг увидел подозрительные силуэты, пробиравшиеся между деревьями.

Воины заметили его и погнались за ним. Чтобы убежать от них, ему пришлось добраться до самого плоскогорья.

Возвратившись назад обходным путем, он услышал звуки сражения. Он приблизился к деревне с большой осторожностью, не желая попасть в руки канадцев и быть использованным в качестве заложника.

Таким образом, он оказался свидетелем отправки на север захваченных в плен англичан. Не увидев среди них своей матери, он сделал вывод, что ей удалось убежать.

— А тебе не могло придти в голову, что меня могли зарезать или скальпировать?

— Нет, не могло! — сказал Кантор, как нечто само собой разумеющееся.

В объятom пожаром Брансуике он встретил Трехпалого из Трехречья. От него он узнал, что госпожа де Пейрак, живая и здоровая, отправилась вместе с группой уцелевших англичан в сторону бухты Сабадахок.

Все, что сейчас здесь произошло во время передачи индейцу маленького мальчика, доказывало, что до нового приказа индейцы оставляли за Анжеликой известную свободу в принятии решений относительно всех пленных. Все это казалось очень странным, — ведь после нападения на английскую деревню прошло лишь

несколько часов, — по соответствовало изменчивому мышлению дикарей.

Анжелика силой своей воли направила это мышление как бы по другому пути. Они, казалось, забыли о причинах сражения, которое происходило накануне. И то, как они вели себя с ней и с этими глупыми, с их точки зрения, англичанами, показывало, что им очень любопытно узнать, что же будет дальше.

Тем не менее, Пиксарет считал необходимым напоминать о некоторых важных принципах.

— Не забывай, что ты моя пленница, — говорил он, касаясь пальцем шеи Анжелики.

— Знаю, знаю, а тебе уже говорила, что я это охотно признаю. Разве я тебе мешаю быть там, где нахожусь я.. Спроси и твоих спутников, разве я похожа на пленницу, которая хочет убежать?..

Сбитый с толку этими хитроумными рассуждениями, в которых ему слышалось что-то подозрительное и в то же время что-то забавное, Пиксарет склонял свою голову набок, чтобы как следует поразмыслить, и его взгляд выражал удовлетворение, когда оба его спутника громко высказывали свое мнение.

— В Голдсборо ты сможешь даже продать меня моему собственному мужу, — объяснила ему Анжелика. — Он очень богатый, и я уверена, что он не преминет показать, какой он щедрый. По крайней мере, я на это надеюсь, — говорила она с печальным выражением лица, что приводило в восхищение трех индейцев.

При мысли о том, что муж Анжелики будет вынужден выкупать свою собственную жену, они приходили в полный восторг.

Прямо сплошное развлечение — следовать за этой белой женщиной из Верховьев Кеннебека и за этими англичанами, которых она вела за собой.

Каждый знает, что нет более нелепых животных, чем иенгли, а эти, ставшие еще более нерасторопными

из-за страха, который они испытывали, и из-за своих ран, все время падали, спотыкались на каждом шагу, чуть не опрокидывали свои лодки при малейшей волне.

«Ах, эти иенгли!.. С ними просто умрешь со смеху», — повторяли все время индейцы, корча при этом умопомрачительные рожи. Потом вдруг они принимали вид хозяев:

— Идите, давайте, идите вперед, шагайте быстрее, вы, англичане! Вы убивали наших миссионеров, жгли наши хижины, глумились над нашими верованиями. Вас не крестили Черные Сутаны, вы для нас никто, вы даже не те бледнолицые, чьи языческие предки были богами!

Так, подгоняемые такого рода возгласами, эти несчастные путники прибыли вечером на берег бухты Сабадахок, где сливались устья Андроскоггина и Кеннебека.

Туман скрывал горизонт над лиманом, но к этим идущим от берегов морским испарениям примешивался также подозрительный дым пожаров.

Анжелика быстро взбежала на вершину маленького холма.

Ни одного паруса. Сквозь серую дымку не было видно ни одного корабля.

Анжелика сразу поняла, что бухта пуста. В море не было ни одного судна, которое ждало бы прибытия людей, чтобы подойти к берегу и взять их к себе на борт.

Нигде не было видно «Ларошельца», этой маленькой красной яхты, на борту которой ее должен был встретить Ле Галль, а может быть, даже и Жофfrey!..

Не было никого. Никто не явился к условленному месту встречи!..

Начал накрапывать мелкий дождь. Анжелика прислонилась к стволу сосны. Кругом чувствовалось дыхание смерти. Слева к небу поднимался гриб черного

дыма. Этот дым шел со стороны Шипскота, английской фактории, о которой ей говорили в устье Андроскоггина, и где она собиралась оставить своих спутников, прежде чем самой сесть на борт «Ларошельца».

По всей видимости, Шипскот уже догорал. Итак, этой фактории больше не существовало.

Неодолимое отчаяние овладело Анжеликой, и она почувствовала, что силы ее покидают. Она обернулась и увидела рядом с собой Пиксарета. Нельзя было показать ему свой страх. Но она уже больше не могла сдерживаться.

— Их здесь нет, — сказала она ему прерывающимся от отчаяния голосом.

— А кого ты ожидала здесь встретить?

Она ему объяснила, что ее муж, хозяин Вапассу и Голдсборо, должен был находиться здесь со своим кораблем. Он отвез бы их всех в Голдсборо, туда, где Пиксарет мог бы получить самые красивые жемчужины на свете и отведать самую лучшую водку в мире...

Дикарь с огорченным видом покачал головой. Казалось, что он искренне разделяет ее горе. Он с беспокойством огляделся вокруг себя.

Тем временем Кантор и англичане медленно поднялись на холм. Индейцы следовали за ними.

Они сильно устали и молча сели под соснами, прячась от дождя. Анжелика рассказала им все. Трое индейцев стали оживленно о чем-то говорить.

— Они говорят, что индейцы Шипскота — их злейшие враги, — разъяснила Анжелика англичанам. — Это воноланцеты — индейцы с севера.

Она несколько не удивилась, так как знала, что индейские племена вечно враждуют между собой. И, если индейцы одного племени окажутся на вражеской территории, и при этом их будет мало и они будут без оружия, то они рискуют лишиться там своей жизни.

— Нам-то какая разница, — произнес Стоугтон печальным голосом, — шипскоты или воноланцеты, для нас это не имеет значения. И те, и другие смогут без труда нас скальпировать. И зачем мы сюда пришли?.. Теперь нам недолго осталось жить...

Казалось, что молчаливый морской пейзаж заключает в себе скрытую угрозу. Из-за каждого дерева, из-за каждого бугорка могли выбежать индейцы с поднятыми томагавками. Пиксарет и его люди были не менее обеспокоены, чем их пленники.

Анжелика сделала усилие, чтобы побороть страх.

«Нет! Нет! И на этот раз я не сдамся», — сказала она про себя, сжав кулаки. Было только непонятно, кому она бросает этот вызов.

Прежде всего, решила она, нужно уйти с этого берега, где идет война между индейцами, и попытаться любой ценой добраться до Голдсборо. Может, где-нибудь подальше они встретят на своем пути другие деревни или какие-либо корабли.

Голдсборо! Земли Жоффрея де Пейрака. Их владение! Там они укроются от всех опасностей. Но как далеко отсюда до этого Голдсборо!

Ни единого паруса в море...

Несколько часов тому назад старая Сара Уильям взяла лицо Анжелики и свои руки и сказала ей: «Америка! Америка! Спасите ее!»

Это были ее последние слова. Действительно последние, так как смерть была уже рядом, скрывалась в кустах и готова была броситься на нее.

Испытывала ли Анжелика подобный страх сейчас, в этот тихий вечер, напоенный запахом водорослей, тумана и, может быть, смерти?

— Смотри! — сказал Пиксарет, положив руку ей на плечо. Он указал ей пальцем на две фигуры, поднимавшиеся по тропинке с берега.

Сначала в ней зародилась надежда, но она сразу же узнала по остроконечной шляпе старого лекаря Джона Шеплея и его индейца.

Все побежали ему навстречу, чтобы узнать, что здесь произошло. Он им рассказал, что пришел с дальнего берега, и что там индейцы шипскоты все сожгли. Корабль? Был ли здесь корабль? Нет, никакого корабля не было.

Жители селения, которым удалось спастись от скальпирования или плена, уплыли на своих лодках на острова.

При виде отчаяния этих бедных людей из Брансуик-Фолса он добавил, не переставая при этом гримасничать, что может предложить им пойти с ним в его хижину, находящуюся в десяти милях отсюда, на берегу бухты Каско. Они могли бы там отдохнуть и подлечиться. Но, несмотря на малоприятную перспективу провести ночь под открытым небом да еще под дождем, большинство из них, в том числе и Анжелика, решили не уходить с места, где была назначена встреча. Корабль из Голдсборо мог просто опоздать. Кто знает, может, он появится здесь через несколько часов или завтра рано утром?..

Вопрос был решен в результате внезапного появления на опушке леса дюжины индейцев-шипскотов.

Пиксарет и его воины стремительно бросились в противоположном направлении и исчезли из виду. К счастью, Шеплей и его помощник были в хороших отношениях с вновь прибывшими. Старый Шеплей, врачеватель и достойный собрат их шаманов, пользовался большим почетом в этих краях, где он «практиковал» уже более тридцати лет. Его протекции было достаточно, чтобы обеспечить безопасность Анжелики и ее спутников. Шипскоты оказались даже настолько любезны, что предложили взять на себя

обязанность следить за возможным прибытием кораблей на этот участок берега. Они внимательно выслушали описание «Ларошельца» и обещали, что если они увидят судно, то пошлют его к косе Макуа, где находилась хижина старого Шеплея.

Глава 9

Жофfrey де Пейрак вскочил от неожиданности.

— Что? Что вы сказали?

Ему сообщили, что госпожа де Пейрак, одна со своим сыном, отправилась в деревню Брансуик-Фолс, чтобы отвести туда маленькую англичанку.

Об этом ему сказал как бы между прочим Жак Виньо, с которым он встретился у мыса Смол, в окрестностях Попхема, куда граф прибыл два дня тому назад вместе с бароном де Сен-Кастинном.

Ящики с товарами, предназначенными для обмена, задержавшиеся из-за нехватки кораблей, прибыли из Хоуснока в сопровождении плотника и солдата.

— И когда госпожа графиня приняла это странное решение?

— Через несколько часов после вашего отъезда, господин граф, в тот же день...

— Разве ей не передали письмо, где я предупреждал о моем возможном отсутствии в течение нескольких дней и просил ее терпеливо ждать в фактории Голландца моего возвращения?

Ни тот, ни другой ничего об этом не знали. «Какая неосторожность! — думал Пейрак. — Особенно в связи с этими слухами о возможном начале войны. А фактория Голландца представляла из себя своего рода укрепленный лагерь... Никакого риска... Но отправиться в глубину территории и почти без сопровождения?..»

— Кто идет с ними?

— Оба Мопертюи.

— Какая нелепая мысль пришла ей в голову! Самая нелепая! — воскликнул он в сердцах.

Он очень сердился на Анжелику, но в то же время испытывал глубокое беспокойство.

Действительно, какая странная идея! Просто уму непостижимо. Никогда не знаешь, что ей придет в голову! Когда он ее снова увидит, он как следует отругает ее и даст понять, что несмотря на все преимущества их положения, в этих местах не может долго сохраняться безопасная обстановка, особенно здесь, к западу от Кеннебека. Жоффрей подсчитывал в уме: после его отъезда прошло три дня, и, судя по всему, столько же прошло после отъезда Анжелики в сторону приграничной деревни... Итак, где она может сейчас находиться?..

Шел дождь, туман покрывал бухту, со стороны которой слышался шум нараставшего морского прибоя, создававшего вихревые потоки вокруг прибрежных островов, уже наполовину ушедших под воду.

Из-за этого сильного весеннего прибоя многие европейцы и индейцы, которые должны были прибыть сюда морем, опаздывали.

Великий Вождь племени тарративов Матеконандо решил, что нужно дождаться прибытия всех. А пока велись предварительные переговоры. В воскресенье капеллан барона де Сен-Кастина, бородатый монах-реформат с обветренным, как у пирата, лицом, отслужил мессу.

Наконец, во вторник утром здесь собрались жители всей области, которая на всем необъятном побережье носила имя Малого залива Мэн. Прибыли последние ящики с товарами, и началась церемония открытия ярмарки. И именно в это утро Пейрак узнал о безрассудном поступке Анжелики.

Где она могла сейчас находиться? Вернулась ли она в Хоуснок? Или же, как они ранее договаривались, она добралась по реке Андроскоггин до устья Кеннебека в бухте Мерримитинг, где Корентен Ле Галль должен был их ждать на борту «Ларошельца»?..

Размышляя таким образом, он решил вызвать к себе своего конюшего — бретонца Жана Ле Куеннека.

Он велел ему как следует подкрепиться, проверить оружие и обувь с тем, чтобы быть готовым совершить как можно более быстрый марш-бросок.

Затем он сел за стол и нацарапал несколько слов, в то время как один из испанских солдат его личной охраны почтительно держал рожок с чернилами.

Когда бретонец вернулся, готовый отправиться в путь, он передал ему письмо, добавив устно несколько дополнительных инструкций.

Если Жан найдет госпожу де Пейрак в фактории Голландца, то они должны немедленно вернуться в Голдсборо. Если же она задержалась в Брансуик-Фолсе, то он, Жан, должен отправиться туда. Вообще, в любом случае он должен сделать все возможное, чтобы во что бы то ни стало разыскать госпожу де Пейрак, где бы она ни находилась... и затем кратчайшим путем доставить ее в Голдсборо...

Получив четкие указания, бретонец отправился в путь. Пейрак должен был напрячь всю свою волю, чтобы перебороть острую тревогу по поводу Анжелики и переключить все свое внимание на предстоящие переговоры.

По призыву барона де Сен-Кастина всем этим бедным людям пришлось проделать большой, часто небезопасный путь.

Помимо индейцев из здешних племен, здесь собралось немало белых разных национальностей. Несмотря на противоречия, существовавшие между королевствами, откуда они были родом, они охотно откликнулись на приглашение барона участвовать во встрече с властителем Голдсборо.

Сюда прибыли два десятка английских торговцев из Пемаквида и Кротона, с берегов Ойстер Ривер (Устричной Реки), из Вискассета, Томастона, Вулвича,

Сент-Джорджа и Невагана. Приехали владельцы мелких факторий, расположенных на берегах фиордов залива Мусконгус, на реке Дамарискотт и в устье Кеннебека, а также их соседи, с которыми они то сражались, то меняли предметы домашнего обихода на молоко их немногочисленных коров. Прибыли также акадийские французы — поселенцы и рыбаки, в том числе один дюмарец и один галатинец с Острова Лебедей, где они выращивали цветы, овец и картофель, по соседству с прямыми потомками Адама Уинтропа из Бостона. Явились голландцы из Кампдема и даже убеленный сединами старик-шотландец с гранитных берегов острова Монеган — некто Мак Грегор, прибывший со своими тремя сыновьями, чьи разноцветные шерстяные шарфы колыхались при порывах ветра.

Власти штата Массачусетс всегда рекомендовали англичанам и голландцам обращаться за содействием к графу де Пейраку, если у них возникали какие-либо проблемы с их отдаленными факториями, расположенными на диких берегах залива Мэн, в окружении сомнительных французов и агрессивных индейцев. Заниматься там какой-то деятельностью было очень рискованно.

Акадийцы следовали советам барона де Сен-Кастина.

В то же время шотландцы всегда поступали так, как сами считали нужным...

Все были в сборе.

Снова думая об Анжелике, Пейрак в душе клял женщин, чьи капризы, пусть иногда и очаровательные, чаще всего возникали совсем некстати, нарушая планы мужчин и усложняя им жизнь.

Взяв себя в руки, он вышел к гостям, в окружении своих испанских телохранителей, одетых в доспехи и стальные шлемы.

Рядом с ним был барон де Сен-Кастин. Навстречу им вышел великий вождь Матеконандо в своем самом великолепном одеянии из кожи лани, отделанном ракушками и иглами дикобраза. Его смазанные тюленьим жиром длинные волосы были покрыты плоской круглой шляпой из черного сатина, с маленькими полями, украшенной белым страусиным пером, каковому было по меньшей мере сто лет.

Один из его предков получил эту шляпу от самого Веррацано. Этот флорентийский путешественник, служивший королю Франции Франциску I, пришел сюда на своем полторастотонном корабле и сначала назвал эту страну Аркадией из-за ее красивого зеленого покрова. В несколько измененном виде это имя так и осталось.

Отлично сохранившееся и лишь слегка пожелтевшее страусиное перо, которым был украшен этот головной убор сеньора XVI века, свидетельствовало о том, с какой заботой индейцы, в общем довольно грязные и неопрятные, хранили свои реликвии.

Верховный вождь надевал эту шляпу лишь в самых торжественных случаях.

Жоффрей де Пейрак вручил вождю тарратинов дамасскую шпагу из золота и серебра, несколько отделанных украшениями футляров для бритвы, ножниц и ножей, несколько сажений дорогой синей ткани.

В обмен индеец преподнес ему несколько перламутровых раковин и горсть аметистов.

Это был символический жест дружбы.

— Я знаю, что ты не жаден до мехов, главное для тебя — это наш союз.

«Поймите меня, — сказал де Сен-Кастин Пейраку, — я хочу отучить индейцев от войны, иначе через

несколько десятилетий этих людей уже просто не будет на свете».

Великий вождь тарратинов ласково положил на плечо барона де Сен-Кастина свою руку и с восхищением посмотрел на него.

Среднего, и даже ниже среднего роста, но необычайно энергичный, живой, выносливый, сильный, и в то же время отзывчивый, он пользовался большим уважением у окрестных племен.

— Я сделаю его своим зятем, — доверительно сказал Матеконандо Пейраку, — он будет моим наследником и после меня станет вождем эчеминов и прочих племен.

Глава 10

«Анжелика!.. Хоть бы с ней ничего не случилось! Я должен был взять ее с собой... Де Сен-Кастин своим предложением застал меня врасплох. Я вообще ни на минуту не должен разлучаться с ней, ни днем, ни ночью... Моя драгоценная, моя дорогая безрассудная жена... Она слишком долго жила вольной жизнью. Как только оставляешь ее предоставленной самой себе, вновь сказывается ее независимый характер... Я должен сделать так, чтобы она осознала те опасности, которые нас окружают. А сейчас я должен отвлечься от этой заботы... Я должен собраться с мыслями... Я не могу разочаровать этих людей, которые прибыли на встречу со мной. Я понимаю, что хочет просить меня от их имени этот молодой де Сен-Кастин... Замечательный парень!.. Хорошо понимает обстановку... Но при этом сознает пределы своих сил... О чем он меня просит? Не является ли эта задача слишком трудной, а то и вообще невыполнимой... сплошные западни...»

Граф де Пейрак думал, сидя прямо на траве перед шалашом из коры, который соорудили специально для него.

Торжественная церемония закончилась, и он удалился к себе, сказав, что хочет несколько часов побыть один. Он курил, глядя на скалу на мысу, над которой мощный удар высокой волны поднимал время от времени белый сноп брызг.

***

Океан накатывал свои волны на извилистую линию берегов, обдавая белой пеной сосны, кедры, дубы, гигантские красные буки, а иногда, когда ветер менял направление, со стороны кустарника доносился благоуханный запах гиацинта и лесной земляники.

Жоффрей де Пейрак жестом подозвал к себе дон Хуана Фернандеса, рослого гидальго, который командовал его гвардией. Он попросил найти французского барона и пригласить его к нему. Лучше побеседовать с этим жизнерадостным гасконцем, страстно увлеченным своими планами, чем оставаться одному, так как тревога об Анжелике засела в его мозгу острой иглой.

Барон де Сен-Кастин не замедлил явиться. Он сел рядом с графом и, согласно обычаям здешних мест, вынул из-за пояса трубку и тоже закурил. Затем они начали свой разговор. Их беседа была скорее монологом, то есть, говорил один барон. Он говорил о своих мечтах, своих планах, об опасностях, которые его подстерегают...

***

Дождь прекратился. Но туман не рассеялся, и разожженные вокруг костры были похожи на большие красные орхидеи, разбросанные вдоль берега.

С наступлением сумерек шум моря усилился, и сквозь этот шум слышались крики птиц, большие стаи которых летали над лиманом.

Это были помарины с длинными, как у ласточек, крыльями и с хищными клювами.

— В открытом море сейчас буря, — сказал барон, следя глазами за их полетом. — Эти маленькие пираты ищут прибежище на земле только тогда, когда сильное волнение не позволяет им сесть на воду.

Он глубоко вздохнул через нос, как бы принюхиваясь к запахам леса. Наступало лето, а летом здесь только и жди неприятностей.

— Скоро нагрянут сюда ловцы трески всех национальностей, — сказал барон, — а с ними пираты из Санто-Доминго. Черт бы побрал этих грабителей! Здесь они рискуют меньше, чем с испанцами, обирая несчастные корабли, прибывающие из Франции с

товарами для наших факторий в Акадии. Кораблей этих и без того не так много! И нам не хватает только того, чтобы их забирали у нас из-под носа. Проклятое отродье, эти ямайские флибустьеры!

— Кто, Золотая Борода?

— С этим мне еще не приходилось встречаться.

— Кажется, я кое-что слышал о нем, когда был в Карибском море, — сказал Пейрак, сдвинув брови и что-то припоминая. — Среди джентльменов удачи о нем говорили как о хорошем моряке, опытном капитане... Для нас было бы лучше, чтобы он оставался там, на островах.

— О нем ходят слухи, что он — французский корсар, который недавно подрядился работать для одной богатой компании, созданной для того, чтобы охотиться за гугенотами, где бы те ни находились. Может быть, с этим связано нападение на ваших людей в Голдсборо. Все это в духе нынешних властей в Париже. Последний раз, когда я там был, я убедился, что сейчас все больше и больше используют религию, чтобы сделать себе карьеру, и это сильно осложняет наши задачи здесь, в Акадии...

— Вы хотите сказать, что всегда следует помнить о том, что первыми поселенцами здесь были протестанты?

— И что рьяный католик Шамплен некогда был картографом Пьера дю Гаста, ставшем позже известным гугенотом мессиром Монсом.

Оба улыбнулись. Им было приятно почувствовать, что они понимают друг друга с полуслова.

— С тех пор прошло немало времени, — сказал де Сен-Кастин.

— Да, немало... А вообще, то, что вы сейчас рассказали, барон, представляет для меня большой интерес, я начинаю лучше понимать, почему этот пират

так ожесточился против Голдсборо. Если речь здесь идет о церковных делах, то как он мог узнать об этом?

— Новости распространяются быстро. Здесь на каждые сто лье всего три француза, но один из них может оказаться королевским шпионом... или агентом иезуитов.

— Будьте осторожны, сын мой.

— Вы смеетесь? А мне это вовсе не смешно. Я хочу жить здесь мирно с моими эчеминами и другими племенами. Эти люди из Парижа и находящиеся на их содержании пираты не имеют права являться сюда. Залив принадлежит не им.

«Залив?.. Мне уж больше по душе баски, эти охотники за китами, или мальвинские рыбаки с их вонючими коптильнями для трески. Они, по крайней мере, имеют право находиться в Акадии. Они начали плавать сюда больше ста лет тому назад... Хотя их водка и их разврат с индианками... это тоже представляет собой мало приятного!.. Пожалуй, лучше уж бостонские корабли, у которых можно, по крайней мере, покупать железо и ткани... Но этих тоже, пожалуй, слишком много». И он провел рукой вдоль горизонта.

— Их сотни, этих английских кораблей, и они всюду, всюду. Хорошо вооруженные, хорошо оснащенные. А там, в своем Салеме, они коптят треску и еще производят смолу, деготь, скипидар, сыромятную кожу, вытапливают китовый и тюлений жир... От восьмидесяти до ста тысяч квинталов жира в год... Жир вонючий, но доходы от него, дай бог... А от меня требуют охранять французскую Акадию... беречь ее для короля — с моей деревянной крепостью шестьдесят футов на двадцать, с четырьмя пушками и тридцатью солдатами; и еще конкурировать с англичанами в области рыбной ловли — с моими пятнадцатью шаландами...

— Ну, не такой уж вы бедный, — сказал Пейрак. — Говорят, что ваша торговля пушниной идет неплохо.

— Ладно, я сейчас богат, не спорю. Но это мои дела... И если я стремлюсь быть богатым, то это ради моих индейцев, чтобы у них здесь было спокойней и чтобы жилось им лучше. Большая часть моих племен состоит из эчеминов, но есть также и другие из племени тарратинов. Это канадские сурикеты, те самые, которые живут на берегах бухты Каско, родственники могикан. Я говорю на всех их диалектах, пяти или шести... Это эчемины, вавеноки, пенобскоты, канибы, тарратины, все это мои племена, лучшие из абенаков. И именно ради них я хочу быть богатым, чтобы их лечить, приобщать к цивилизации, защищать... Да, да, защищать, этих яростных, великолепных воинов.

Он сделал несколько затяжек из своей трубки. И снова показал рукой на море, в сторону запада.

— Там, в бухте Каско, есть остров, который я недавно отвоевал у англичан. И не для того, чтобы просто их оттуда прогнать, а потому, что у этого острова есть легенда. Он расположен у устья реки Презюмпскот, недалеко от Портленда, к югу от бухты Каско. Еще в незапамятные времена для всех могикан, сурикетов и эчеминов там находился древний рай, потому что, говорили они, «если вы уснете на этом острове, то вы никогда уже не станете таким, каким были прежде». В течение нескольких поколений этот остров принадлежал английским земледельцам... Индейцы очень страдали от того, что не могли устраивать там свои празднества в августе месяце, когда жара в глубине континента становится невыносимой. И тогда я завоевал его. И отдал индейцам.

Какая радость! Какой восторг! Но если мир не сохранится, к чему все эти усилия?

— Вы думаете, что мир находится под угрозой?

— Я не просто думаю, я в этом уверен. И именно поэтому я хотел ускорить вашу встречу с Матеконандо и так вас торопил. Да, после заключения Бредского мира дела у нас идут ни шатко, ни валко. Я уже кое-что организовал: все англичане, которые хотят заниматься торговлей на побережье от Сабадахока до Пемаквида и даже еще дальше — до Французского залива, должны платить дань прибрежным племенам. Благодаря этому сейчас никто не вспоминает о том, что, согласно договору, Массачусетсу принадлежит право контроля. Но мир скоро будет нарушен. Этот сущий крестоносец отец д'Оржеваль объединил северных и западных абенаков, этих детей леса, почти столь же грозных, как и ирокезы. А их вождь Пиксарет более правоверный христианин, чем любой из здешних миссионеров, и может пойти на все, чтобы покончить с еретиками. Это ужасно!.. Война неизбежна, господин де Пейрак.

Отец д'Оржеваль к ней стремится и хорошо ее подготовил. Я уверен, что он прибыл сюда, получив от самого короля Франции приказ и директивы вновь начать войну против англичан. Это, по всей видимости, устроило бы нашего монарха. И, нужно признать, этот церковник является самым коварным из всех политических деятелей, которые когда-либо бывали в этих краях. Я знаю, что он направил в Новую Англию и дальше, в Мериленд, одного из своих викариев, отца Мареше де Вернона с секретным заданием — постараться найти предлог для прекращения перемирия и, по всей видимости, ждет лишь его возвращения, чтобы начать военные действия. Недавно у меня был отец де Геранд, который просил меня присоединиться с дружественными мне племенами к их крестовому походу. Я дал уклончивый ответ. Конечно, я человек военный, французский дворянин и офицер, но... Он закрыл глаза с выражением боли на лице.

— Я больше не могу этого видеть.

— Видеть что?

— Эти горы трупов, это смертоубийство, это непрекращающееся уничтожение моих братьев, это беспощадное истребление их расы.

Когда он сказал «моих братьев», Пейрак понял, что он имел в виду индейцев.

— Конечно, их легко втянуть в войну: они быстро дают себя увлечь и их легко обмануть.

Вы, как и я, знаете, что главная страсть дикарей, — их непримиримая ненависть к своим врагам и, прежде всего, к врагам своих друзей: это их кодекс чести. По своей природе они не умеют жить в мире. Но я уже слишком много видел, как и ради чего гибнут те, кого я люблю... Вы меня поймете, а никому другому я не могу этого сказать. Здесь мы находимся очень далеко от солнца. Вы понимаете, что я хочу сказать? Отсюда мы не можем повлиять на короля. Здесь мы забыты, одни... Королевская администрация вспоминает о нас только тогда, когда нужно получать дивиденды от торговли мехами, и когда иезуитам для их священной войны нужны солдаты против англичан. Но мы не принадлежим Франции. Здесь, в Акадии, никто никому не принадлежит. Все эти острова, полуострова, эти земли населены свободными людьми. Все мы — французы, англичане, голландцы, скандинавы, — рыбаки или торговцы, — все мы находимся в одной галере. Все мы люди Французского залива, люди берегов Атлантики... У нас общие интересы, общие нужды. Мы должны объединиться под вашей эгидой!

— Под моей? Почему под моей?

— Потому что только под вашей, — сказал де Сен-Кастин решительным тоном. — Только вы достаточно сильны и неуязвимы. Со всеми и против всех. Как вам объяснить? Мы знаем, что вы друг англичан, и в то же время я уверен, что, если вы приедете в Квебек, то вы

сможете засунуть себе в карман всю местную знать. И даже... Понимаете, мы, канадцы, безусловно, храбры и рассудительны, но у нас нет того, что есть у вас: политического авторитета. Перед лицом такого деятеля, как отец д'Оржеваль, мы ничего не значим. Только вы... и вы один можете ему противостоять.

— Приказ иезуитов — это очень серьезно, серьезнее быть не может, — сказал Пейрак ровным голосом.

— И... для вас тоже?

Жоффрей де Пейрак слегка повернул голову, чтобы посмотреть на своего собеседника. Тонкое молодое лицо с ярко горящими глазами, окруженными голубыми тенями, придававшими этому лицу некоторую женственность. Может быть, из-за этого находили, что он чем-то похож на индейца. Так, по их безбородым лицам иногда не сразу можно было сказать — мужчина это или женщина. В нем проглядывали черты древней гасконской расы, где смешались иберийцы и мавры, и, кто знает, может быть, один из его далеких предков был азиатом. Гасконская кровь также текла и в венах Пейрака, который, правда, высоким ростом, довольно редким среди гасконцев, был обязан английскому происхождению своей матери.

Барон де Сен-Кастин с тревогой смотрел на своего старшего собеседника.

— Мы готовы объединиться под вашим знаменем, господин де Пейрак...

Пейрак продолжал смотреть на него так, как будто он его не слышал. Итак, народ целой страны вручал ему свою судьбу устами этого молодого человека, в чьем голосе слышался акцент их родной провинции Гвиенны.

— Поймите меня, поймите меня! — повторил барон. — Если война разразится, то она пожрет нас всех.

И первыми она уничтожит наиболее уязвимых, то есть наших индейцев, наших друзей, наших братьев, наших близких... Да, наших близких; у каждого из нас в

Акадии есть тесть, сводные братья, сводные сестры, двоюродные братья и сестры. Там, в лесу, и в этом нужно признаться, мы связаны с ними кровью индейских женщин, которых мы любили и которых брали себе в жены. Я сам скоро женюсь на Матильде, моей маленькой индейской принцессе. Ах, сударь, какое сокровище эта девочка...

Но они все погибнут, если мы не защитим их от их же собственного воинственного духа... Наступит время, и англичане не дадут себя больше резать. Англичане, живущие на нашем побережье, не любят, конечно, воевать. Они тяжелы на подъем. Они ненавидят только грех. Нужно еще много скальпов на поясах абенаков, чтобы англичане решили объединиться с оружием в руках. Но тогда — храни нас Господь! Они медленно раскачиваются, но, когда они решаются начать войну, то они ведут ее так же упорно, как обрабатывают землю... добросовестно... методично... бесстрастно... без ненависти, говорю я вам, как будто выполняют долг, религиозный долг... они будут расчищать поле, которое им дал Господь... Они истребят моих эчеминов и моих сурикезов до последнего человека, как они истребили пеквотов сорок лет тому назад, а недавно нарангасетов... до последнего человека, повторяю, до последнего!

Его голос срывался на крик:

— Я, конечно, пытался объяснить все это в Квебеке, но безуспешно! Они говорят, что англичане трусливы, и что их нужно сбросить в море, смыть с берегов Америки всю эту еретическую, протестантскую нечисть... может быть, это и так. Англичане трусливы, но они упорны, и их здесь в тридцать раз больше, чем нас, канадцев, и страх может их сделать опасными, коварными и хитрыми.. Я их знаю, этих инглишменов, мне с ними часто приходилось иметь дело, а сколько скальпов добыл я в бою! Да, никто не может про меня сказать,

что я плохой французский офицер, более сотни английских шевелюр сушится на стене моего форта в Пентагуете. Я добыл их вместе с моими индейцами в факториях залива... Два года тому назад мы почти дошли до Бостона; и, если бы наш король прислал нам хоть один военный корабль, то мы бы взяли этот город. Но он не пошевелил и пальцем, чтобы помочь «своей» французской Академии...

Он замолчал, тяжело дыша.

Затем закончил тоном патетической мольбы:

— Вы это сделаете, не правда ли, господин граф? Вы нам поможете? Вы поможете мне спасти моих индейцев?..

Граф де Пейрак положил ладонь на лоб и прикрыл глаза.

Ему показалось, что никогда ранее так остро не чувствовал он отсутствия Анжелики. Ах, если бы она сейчас была здесь! Чтобы он мог сознавать, что она рядом! Она и ее нежное и женственное сочувствие. Чтобы рядом с ним была она, со свойственным только ей пронизательным, глубоким и таинственным молчанием.

Понимающая все в этом своем молчании! Разделяющая его чувства.

Но также наделенная несравненным здравым смыслом.

Его жена своим присутствием снимала с него всю вину за любые преступления.

Он поднял голову, решив идти навстречу своей судьбе.

— Хорошо, — сказал он, — я вам помогу.

Глава 11

Туман над лиманом был в этот день таким густым, что в его седых клубах приглушались пронзительные крики морских птиц, напоминая хриплые стоны грешных душ в аду.

На обратном пути в Хоуснок Жоффрей де Пейрак уже собирался проститься с де Сен-Кастином, когда они увидели судно, плывшее вверх по течению реки. Подгоняемое ветром, оно, словно призрак, прошло рядом с ними, и до них донеслось шуршание его шелковых парусов. Это был маленький торговый или прогулочный стодвадцатистопятидесятитонный корабль, и его самая высокая мачта, на которой развевался оранжевый флаг, едва превышала вершины столетних дубов, росших вдоль берега реки. Он проплыл мимо и исчез, как привидение. Но спустя какое-то время они услышали сквозь туман шум опускаемой якорной цепи. Корабль остановился. И они увидели, как по плохо различимой прибрежной тропинке кто-то идет им навстречу. Это был матрос в красно-белой полосатой рубашке, на его поясе болтался широкий тесак.

— Кто-нибудь из вас, случайно, не сеньор де Пейрак?

— Да, это я.

Матрос приподнял в знак приветствия свою шерстяную шляпу.

— В районе внешней гавани острова Сеген, перед тем, как выйти на Дрезденское течение, мы встретились с одним кораблем, с которого вам просили кое-что сообщить.

В случае, если вы его встретите, — сказали они, — передайте ему, что мадам де Пейрак находится на

борту яхты «Ларошелец» и будет ждать вашу светлость в Голдсборо.

— Очень хорошо, — воскликнул Пейрак с чувством большого облегчения. Когда вы их встретили?

— Вчера, незадолго до захода солнца.

Сегодня была среда. Таким образом, подумал он, Анжелика благополучно завершила свое несколько безрассудное путешествие в деревню Брансуик-Фолс. «Ларошелец», который был в тех краях, смог взять ее к себе на борт, как было условлено. По всей видимости, какие-то причины, связанные с находившимся на борту грузом или с изменением ветра, вынудили капитана яхты Корентена Ле Галля изменить время своего отплытия.

Избавившись от тревоги за жену и сына, граф перестал волноваться и по поводу своей возможной задержки. Он найдет другую возможность быстро добраться до своего имения в Голдсборо. Ему и в голову не приходила мысль о том, что встретившийся с ним человек ему солгал, так как среди моряков вообще не принято было говорить не правду.

— Давайте пойдем вместе до Пентагуэта, — предложил ему барон де Сен-Кастин. — Скорее всего, дорога по земле еще покрыта грязью и после оттепели вся завалена ветками. Но мы все равно доберемся быстрее, чем морем, так как вам какое-то время придется дожидаться попутного корабля или плыть на оставленных вами в Хоусноке лодках, а они далеко не быстроходны.

— Хорошая идея, — согласился Пейрак. — Эй, матрос!

Он подозвал к себе моряка, чей силуэт удалялся сквозь туман.

— Это вам, — сказал Пейрак, положив ему в руку горсть жемчужин.

Матрос аж вздрогнул и посмотрел на графа с открытым от удивления ртом.

— Ведь это розовые жемчужины «ламба». С Карибских островов...

— Да... вам они, я думаю, пригодятся. Не у каждого такие найдутся.

Матрос не мог скрыть своего смущения в связи с таким роскошным подарком.

— Спасибо, монсеньор, — пробормотал он наконец. Он посмотрел на Пейрака с плохо скрываемым испугом и стал быстро удаляться, а потом побежал так, будто за ним кто-то гнался.

Пройдет какое-то время и Жоффрей де Пейрак узнает, что этот человек ему солгал.

Глава 12

Дом Джорджа Шеплея в бухте Макуа, расположенный на оконечности заросшей кривыми кедрами косы, представлял из себя убогую, покосившуюся от ветра хижину из бревен и коры.

Ограда вокруг дома с трудом могла быть названа забором. Но Анжелике и англичанам, потратившим почти целый день, чтобы пройти три лье, отделявшие реку Андроскоггин от этого узкого полуострова, убежище показалось вполне надежным.

Жившая здесь старая и толстая индианка, которая, по-видимому, была матерью индейца, сопровождавшего старого медика, накормила их вареной тыквой с очень вкусным розовым мясом крупных моллюсков, напоминавшим мясо бретонских мидий или кальмаров. В хижине имелось также много коробочек из коры с лекарствами — порошками, травами, бальзамами. И Анжелика занялась лечением раненых и больных.

Несмотря на всю прелесть окружающей природы — великолепные цветы, росшие среди нежной травы, миролюбивое воркование горлиц и других птиц, — дорога всем казалась очень трудной. Нужно было поддержать и приободрить этих израненных, безмерно уставших и напуганных англичан. Больше, чем злых духов, которых они боялись встретить, проходя по болотам, Анжелика опасалась появления новых дикарей, воинственных, с размалеванными лицами и с поднятыми над головой топорами.

И еще двадцать трупов с окровавленными черепами будут оставлены на съедение хищным птицам в этой усыпанной цветами ложбине. Такое вполне могло случиться этой весной, когда почти три тысячи воинов пойдут на штурм факторий Новой Англии, разрушив

уже больше пятидесяти из них и предав смерти несколько сот поселенцев. Покрытые цветами поля, пушистые кусты кизила, кораллово-красные аквилегии на хрупких стеблях, растущие в тени столетних дубов, вдоль живописных берегов реки Андроскоггин, веками не забудут этой ужасной трагедии...

А здесь было море.

За мысом открывалась бухта Каско с ее многочисленными островами.

Море было всюду — и за скалами, и за лесами. Ветер доносил запах соли и водорослей, а крики тюленей на берегу смешивались с глухим шумом прибоя.

Хижина стояла посреди маленького поля, на котором росли кукуруза, тыквы и фасоль. А у подножья скалы под кронами низких верб стояло несколько ульев, в которых пчелы уже начали просыпаться.

Прошло два дня, и ни одного паруса так и не появилось. Приходил один индеец, шипскот, друг Шеплея, и сказал, что до самого Сабадахока они не видели ни одного корабля белых.

Что случилось с «Ларошельцем»? Где находился Жоффрей? Анжелика теряла терпение, и ее, воображение рисовало ей нашествие абенаков на восточный берег Кеннебека до самого Голдсборо.

А если барон де Сен-Кастин завлек Жоффрея де Пейрака в ловушку? Нет, этого не могло случиться. Жоффрей догадался бы... Но разве ее саму инстинкт не обманул?.. Разве она не дала усыпить себя?.. Разве она не смеялась над бедным Адемаром, когда тот кричал в отчаянии:

«Они разжигают костры войны!., кого они хотят перерезать?»»

Адемар, казалось, полностью лишился рассудка. Он бормотал молитвы и все время в полной растерянности озирался вокруг. Но фактически его поведение было оправданным. На этой безлюдной косе они были как на

пустынном острове. И несмотря на это, не чувствовали себя в полной безопасности от нападения рыскавших всюду дикарей, которые пожелали бы завладеть их скальпами.

При других обстоятельствах наиболее здоровые из них могли бы попытаться добраться пешком до какой-либо фактории на английском берегу залива Мэн, где было расположено множество мелких поселений, и найти там лодку. Но сегодня большинство этих деревянных поселков было сожжено. Идти на запад означало попасть под нож краснокожих убийц.

Иными словами, этим несчастным белым, застигнутым ужасными и полными жестокости событиями на побережье этого дикого континента, лучше всего было оставаться сейчас на месте, затеряться. Здесь у них хотя бы есть крыша над головой, лекарства для больных, овощи, мидии и морские рачки, чтобы утолить свой голод, и кусок забора, чтобы создавать себе иллюзию возможности организовать оборону. Но почти полное отсутствие оружия приводило Анжелику в отчаяние. Помимо мушкетона старого Шеплея с небольшим количеством боеприпасов, мушкета Адемара без пороха и пуль, у них были только тесаки и личные ножи.

Взошло солнце.

Анжелика велела Кантору наблюдать за горизонтом, чтобы следить за парусами, снующими между островами; какое-нибудь судно могло подойти поближе и увидеть их сигналы. Но ни один из этих кораблей и не собирался плыть в их сторону. На фоне синевы волн были видны их белые или коричневые паруса. Но эти корабли, казалось, нарочно не обращали внимания на их крики и жесты, и от такого кажущегося безразличия, от обиды щемило сердце.

Невзирая на угрозу, исходившую от местных племен, абенак Пиксарет продолжал издали следить за

своими пленниками или, вернее, за теми, кого он считал таковыми. С его стороны это было, скорее, проявлением заботы. Пока они шли к побережью, он не раз подходил к ним, чтобы взять на руки и понести кого-либо из детей, изнемогавших от усталости.

Потом, когда они добрались до хижины, он принес им полный горшок дикорастущих клубней, которые англичане очень любили и называли «пататоны».

Будучи испеченными в горячей золе, они были приятны на вкус, оказавшись менее сладкими, чем бататы или земляные груши. Он принес им также ароматные лишайники и громадного лосося, которого сам надел на палку и зажарил на костре.

Когда к ним приходили эти дикари во главе с вождем гигантского роста, бедные беженцы из Брансуик-Фолса стремительно разбегались по самым отдаленным уголкам: на поясах патсуикетов еще сохли скальпы, недавно снятые с черепов их родных и друзей.

Обменявшись между собой несколькими словами, Пиксарет и его воины уходили обратно в лес. Но часто, выходя, чтобы понаблюдать за горизонтом, Анжелика видела в другом конце фиорда Пиксарета и его двух краснокожих спутников, сидевших на вершинах деревьев и что-то высматривавших в глубине бухты. Они делали ей знаки и отпускали какие-то шутки, из которых она понимала лишь отдельные слова, но которые, насколько ей представлялось, были довольно дружелюбными.

Нужно было привыкнуть к непредсказуемости поведения этих дикарей, к их опасной и одновременно успокаивающей переменчивости, и стараться сосуществовать с ними, как с дикими животными, которых может подчинить себе лишь сильная воля укротителя. Сейчас, по крайней мере, ей нечего было их опасаться.

Если она вдруг проявит слабость, тогда можно будет ожидать любой неприятности.

Пиксарет представил ей обоих своих воинов, имена которых было легко запомнить: Тенуенант, что означало Кто-знает-много, тот-опытен-в-делах, и Уауэнуруэ, то есть Тот-кто-хитер-как-охотничья-собака.

Вообще-то она предпочитала называть их именами, которые им дали при крещении, и которые они ей с гордостью сообщили: Мишель и Жером. Эти имена католических святых подходили им довольно мало, особенно, при взгляде на их размалеванные физиономии: красный обвод вокруг левого глаза — первая рана; белый обвод вокруг правого — чтобы быть прозорливым; ужасная черная полоса поперек лба — чтобы внушить страх врагам; синее пятно на подбородке — след пальца Великого Духа и т.д. Надо всем этим возвышался варварский сноп волос, перемешанных с перьями, кусочками меха, четками и медальками.

Голая грудь была татуирована и раскрашена, на бедрах болталась кожаная повязка, босые, как правило, ноги натерты жиром. Оба были обвешаны оружием. Когда она их подзывала: «Мишель! Жером!», и они подходили к ней, она с большим трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться, и глядела на них даже с некоторым умилением.

В их языке слышался какой-то с трудом уловимый акцент, почти английский! Она так и не смогла принять Пиксарета всерьез из-за казавшегося ей комичным его полного имени: «Пиксарет, вождь патсуикетов». Но он сказал, что на самом деле его имя звучит иначе.

Сначала его из-за веселого характера называли Пиуэрлет, то есть Тот-кто-умеет-шутить. Но его военные подвиги изменили имя на Пикасурет, то есть Тот-кто-внушает-ужас. А французы стали называть его Пиксарет — так им было легче произносить.

Пиксарет так Пиксарет!

С того дня, когда она оказалась между ним и раненым ирокезом и предложила ему в обмен на жизнь его врага свой плащ цвета утренней зари, началась их необычная дружба. Этот союз породил много кривотолков, вызывая удивление, кое-кого шокировал, возмущал.

Анжелика еще не ведала о той роли, которую предстоит сыграть Пиксарету в ее жизни. Но сейчас она его не опасалась.

Он становился иногда мечтательным, казалось, хотел ответить на какой-то нечетко сформулированный вопрос.

— Да, — говорил он, — мы решили вступить в переговоры с инглишменами. Но потом вернулись французы. Разве мог я оставить тех, кто крестил меня в трудное для меня время?

И, поглаживая рукой свое ожерелье из медалей и крестов, он продолжил:

— У нас, воноланцетов, крещение прошло хорошо, а гуронам оно принесло несчастье. Почти все они умерли от оспы или были убиты ирокезами. А мы, мы — воноланцеты... и это не то же самое, что гуроны!

Старик Шеплей также очень любил поговорить с Анжеликой. Он ей рассказывал все, что знал о растениях. Он охотно делился своими знаниями и спорил с ней, когда она скептически относилась к его верованиям. Ознакомившись с лекарственной книгой, которую она постоянно носила в своей походной сумке, он неодобрительно отозвался об использовании ею белладонны, этой дьявольской травы, которая росла в саду богини мрака Текаты.

Зато он очень любил авромю, «эту великолепную траву, находящуюся под влиянием Меркурия, и достойную гораздо большего уважения, чем то, которое ей оказывают».

В этих коробочках содержится чудодейственная власть небесных светил. Он утверждал, что, например, медь, вербена, голубь находятся под знаком Венеры.

А по поводу чертополоха он говорил:

— Это трава Марса, которая находится под знаком Ареса и излечивает от венерических болезней, так как Арес испытывает неприязнь к покровительствующей этим болезням Венере. Много этого чертополоха я продаю морякам. Они покупают его под предлогом, что у них на корабле чума, но я-то знаю, зачем он им нужен...

При этом он снова вдруг начинал говорить как настоящий ученый. Он знал латинские наименования почти всех трав, которые применял. И среди всякого рода колдовских книг в глубине его старого сундука находился один экземпляр книги знаменитого ученого Эмилиуса Мацеса «Полезные растения» и другая замечательная книга: «Руководство по врачеванию недугов»... настоящий клад знаний.

Так прошло два дня. словно потерпевшие кораблекрушение, они не знали, что их ждет впереди.

Днем на юго-западе была видна искривленная линия берегов. То там, то сям проступали серые пятна. Все это было как бы растворено в нежном сине-розово-белом, как тонкий фарфор, воздухе, нависавшем над бухтой...

Серые пятна свидетельствовали о пожарах, зажженных индейскими факелами.

Горели Фрипорт, Ярмут и все расположенные вокруг них селения. Под угрозой находился Портленд.

Все это было далеко отсюда. Слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть толпы обезумевших от ужаса людей, ищущих спасения в водах залива. Паруса появлялись и исчезали. И издали их трудно было отличить от белых крыльев снующих взад-вперед чаек, бакланов и буревестников.

Птиц было столько, что, несмотря на яркий свет июньского солнца, то и дело как бы наступали сумерки, когда небо покрывалось, словно гигантским полотнищем, тысячами крылатых охотников, которых влекли сюда косяки трески, сельди, тунца, макрели, приплывших метать здесь икру. Большой Массачусетский залив был подобен рогу изобилия, широкая часть которого смыкалась с Атлантическим океаном, узкая переходила в богатый рыбой и опасный для мореплавателей Французский залив с его гигантскими приboями.

Когда наступил третий день их пребывания на косе Макуа, Кантор сказал своей матери:

— Если завтра ни один корабль, ни одна лодка не бросят якорь в этом проклятом месте, я пойду пешком. Я пойду вдоль берега на восток. Буду прятаться от дикарей, если попадутся по пути реки, то переплыву их на лодках, которые найду где-нибудь на берегу, и в конце концов дойду до Голдсборо. Один я буду привлекать меньше внимания, чем если бы мы шли всем табором.

— А ты представляешь себе, сколько дней тебе понадобится, чтобы проделать такую экспедицию?

— Я хожу так же быстро, как и индейцы. Она одобрила его план, хотя ее охватило глубокое беспокойство при мысли, что отпускает его одного. Но с другой стороны, его молодость и выносливость, уже проверенные в трудных условиях их американской жизни, укрепили ее в этом решении.

И вообще, нужно ведь было что-то делать. Нельзя же было оставаться вечно в ожидании весьма проблематичной помощи.

Этим вечером она продолжила свои наблюдения, воспользовавшись ясным небом и хорошей видимостью.

Над устьями рек затихали крики птиц. Густой до этого, как вата, туман начал рассеиваться.

Бухта Каско засыпала, погружаясь в величественное спокойствие.

Море как бы служило золотой оправой для своих островов, которые, в свою очередь, играли роль драгоценных камней — красноватого топаза, голубого лазурита, черного агата. Говорят, что этих островов здесь триста шестьдесят пять — столько, сколько дней в году.

Наступали сумерки. Море приобретало тускло-белый и холодный цвет, а земля и излучины берегов погружались в густую тень. Весь окружающий мир из золотого превращался в темно-бронзовый.

Порывы ветра доносили запахи залива.

Вдруг на востоке, за Харпуэлловской косой, сразу после того, как солнце скрылось за горизонтом, Анжелика увидела корабль.

В последних лучах дневного светила он сверкнул, как будто был сделан из золота. И тотчас же исчез из вида.

— Не было ли у него на носу гигантской берцовой кости? — крикнул старый медик. — Готов биться об заклад, что он опустил паруса, готовясь войти в порт. Я его знаю. Это корабль-призрак, который появляется у Харпуэлла и несет с собой несчастье тому, или той, кто его увидит. А порт, в который он готовится войти, называется Смерть...

— Он не опускал паруса, — ответила Анжелика с раздражением.

Юный Кантор, увидев, что мать в какой-то степени взволновали слова старого колдуна, бросил на нее понимающий и успокаивающий взгляд.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ

Глава 1

На следующий день Анжелика, рано проснувшись и будучи не в состоянии снова уснуть, решила пойти пособирать мидии в расщелинах скал, из которых после отлива ушла вода. На одном из ближайших берегов она увидела стадо тюленей, которые вели себя очень возбужденно и издавали пронзительные крики, подхватываемые эхом в глубине бухты.

Молодая женщина решила пойти посмотреть, что там произошло. Обычно эти животные ведут себя спокойно и мирно. Неуклюжие и тяжеловатые на берегу, их темные и блестящие тела демонстрируют изумительную гибкость, когда тюлени резвятся на искрящихся при свете солнца волнах.

Подойдя ближе, она обнаружила причину их возбужденного состояния.

Два или три тюленя лежали на боку и были мертвы. На них уже падала тень кружившихся над ними и издававших противное карканье морских птиц. Животные были кем-то зверски убиты. Крупные самцы, хозяева стойбища, с гневом пытались отогнать прожорливых пернатых стервятников.

При виде этого Анжелику охватило чувство тревоги: животные были убиты людьми. Значит, где-то здесь были люди...

Это не были индейцы, так как те устраивают охоту на тюленей лишь зимой, в январе месяце.

Анжелика окинула взором бухту. Этой ночью здесь стало на якорь какое-то судно, по всей видимости, тот самый корабль-призрак.

Она снова поднялась вверх по откосу.

Солнце еще не появилось на небе. Оно было скрыто за сгустившимися на горизонте облаками. Утро

оставалось первозданно голубым, чистым и спокойным.

Вдруг в свежем дуновении воздуха Анжелика почувствовала запах горячей травы. Он отличался от запаха дыма, исходившего из маленькой, сложенной из гальки печки, которая топилась в их хижине. Легким и быстрым шагом, инстинктивно прячась за кустами и стволами сосен, она прошла вдоль верхнего края высокого берега над фиордом.

Запах дыма от горевших сырых веток и влажной травы становился все отчетливее.

Нагнувшись, Анжелика увидела между деревьями кончик мачты и часть паруса. В одном из вклинившихся в высокий берег узких заливчиков на якоре стояло судно.

Снизу лениво поднимались клубы синего и густого дыма, доносились звуки людских голосов.

Анжелика легла на землю и подползла к краю берегового среза. Она не смогла увидеть тех, кто расположился внизу на узкой полосе покрытого кое-где водорослями гравия, но их голоса стали слышны несколько лучше. До нее долетали отдельные французские и португальские слова. Голоса были резкими и грубыми.

Зато она хорошо рассмотрела судно, которое было по-существу простым баркасом.

Глава 2

Вернувшись к хижине, она велела детям войти в помещение. Отдохнув и придя в себя на свежем воздухе, те принялись играть, бросая друг другу маленький мячик из конского волоса.

— Там в бухте появились какие-то люди. У них баркас, в который мы могли бы поместиться, если и не все, то человек восемь-десять. Но я не уверена, что эти люди встретят нас очень приветливо.

Она не ожидала ничего хорошего от этих типов, которые безо всякой нужды убили несколько безобидных животных, и даже не забрали их тушки...

Кантор пошел в указанном направлении посмотреть, что там. Вернувшись, он сказал, что увидел этих людей. Их пятеро или шестеро, не больше. Это скорее всего те мелкие морские грабители, которые приплывают к берегам Северной Атлантики за добычей, может быть, и не такой богатой, какую можно захватить на испанских кораблях, но зато и не требующей большого риска.

— Нам очень пригодился бы этот баркас, хотя бы для того, чтобы отправиться на нем за помощью.

Она обращалась, главным образом, к Кантору и Стоугтону. Только они могли бы ей помочь принять нужное решение.

Пастора сильно лихорадило, и он находился в полубессознательном состоянии. Коруэн сильно страдал от своей раны и все свои силы направлял на то, чтобы сдержать ругательства, готовые сорваться с его уст из-за вынужденного соседства с пастором. Оба батрака, крепкие и молчаливые парни, могли бы очень пригодиться, если бы дело дошло до рукопашной, но дельного совета от них получить было нельзя. Старого Шеплея не интересовали проблемы его гостей. Сегодня

вечером или завтра он должен был отправиться в лес, так как настало время собирать дикую вербену.

Что же касается Адемара, то тот вообще находился в полной прострации.

Оставались лишь Стоугтон, этот земледелец без особого, правда, воображения, но зато храбрый человек, и сын дворянина Кантор, который, несмотря на свою молодость, приобрел уже довольно богатый жизненный опыт. Анжелика верила в его мудрость юноши, когда инстинктивная детская осторожность сочетается с трезвой оценкой своих сил и отвагой уже зрелого мужчины.

Кантор мог в одиночку увести баркас из-под носа у разбойников, доставить его к другому берегу мыса и забрать там всех остальных.

Когда начали обсуждать этот вариант, Анжелика встала и открыла дверь. Она сразу поняла, что привлекло ее внимание.

Отчетливо слышался настойчиво повторяющийся крик козодоя.

Это ее вызывал Пиксарет.

Она бегом отправилась на край полуострова и на другом берегу, на верхушке черного дуба увидела индейца, который, наполовину спрятавшись в густой листве, делал ей энергичные знаки рукой.

Он показывал ей на что-то, находившееся ниже ее.

Она опустила глаза, посмотрела на берег, и у нее заледенела кровь. Цепляясь за ветки можжевельника и малорослых сосен, росших в расщелинах скалы, вверх карабкались люди.

Вне всякого сомнения, это были флибустьеры с баркаса. И когда один из них, догадавшись, что его заметили, поднял голову и показал свое пиратское лицо, она увидела, что между зубами он держал нож.

По всей видимости, они также обнаружили, что здесь по соседству с ними кто-то есть, и, как и

положено закоренелым грабителям, решили напасть врасплох.

Увидя, что их внезапная атака была раскрыта, пираты с ужасными ругательствами бегом бросились вперед.

Взгляд Анжелики упал на улья. Прежде чем убежать, она схватила один из них и, когда бандиты появились на краю плоскогорья, резким движением бросила его в их сторону.

Вылетевший из улья жужжащий рой пчел немедленно их атаковал. Раздались ужасающие вопли.

Анжелика не стала задерживаться, чтобы посмотреть, как они отбиваются от этой черной разъяренной тучи.

На бегу она вытащила из ножен свой остро заточенный нож. Сделала она это вовремя, так как бандиты с самого начала разделились на две группы. Теперь между ней и хижинной Шеплея появился некто вроде ухмыляющегося клоуна, он был одет в лохмотья и на голове его была треуголка с красными страусиными перьями. Он размахивал дубинкой.

Он был или слегка пьян, или просто не мог и подумать, что какая-то женщина может представлять для него опасность. Как бы там ни было, он бросился на нее. После того, как она увернулась от его просвистевшей в воздухе дубины, он прыгнул на нее, но тут же напоролся на острое лезвие ножа, которым она размахивала перед собой с целью защиты.

Раздался хриплый крик бандита, еще какое-то мгновение она ощущала зловонный запах рома и гнилых зубов, но затем его пальцы, вцепившиеся в тело Анжелики, разжались. Он чуть не увлек ее в своем падении. Оледенев от ужаса, она сбросила его с себя. Судорожно схватившись руками за живот, он рухнул у ее ног. В гноящихся глазах бандита застыло выражение крайнего удивления.

Не теряя ни секунды, Анжелика в три прыжка достигла хижины Шеплея, и сразу же закрыла ворота ограды на запор.

Глава 3

— У него вываливаются кишки!

Жалобный крик подхватывался эхом и долго раздавался в чистом июньском вечернем воздухе над бухтой Каско.

— У него вываливаются кишки!

Там, за кустами, звали на помощь. Забаррикадировавшиеся в своей хижине англичане и французы слышали этот крик, переходивший в жалобный и трагический вопль.

День, так плохо начавшийся, заканчивался как бы вничью. На одной стороне Анжелика и англичане. Хотя они и были слабо вооружены, но им удалось укрыться за бревенчатыми стенами. А на другой стороне находились пираты, озлобленные и агрессивные, но все искусанные пчелами и имевшие плюс ко всему на руках раненого, который терял свои внутренности.

Бандиты расположились у протекавшего рядом с домом ручья, чтобы омыть в его воде распухшие от пчелиных укусов лица и конечности, и теперь не давали возможности никому из осажденных выйти из хижины. Они то изрыгали проклятия, то снова начинали стонать. Пиратов не было видно, но их присутствие угадывалось за кронами деревьев. Время от времени оттуда доносились их крики. А когда наступила ночь, то их стоны, вздохи и вопли как бы перекликались с ревом тюленей, и все это сливалось в такую жуткую какофонию, что волосы на голове вставали дыбом.

Вскоре вошла луна и осветила все вокруг. Море засеребрилось, и разбросанные по нему черные пятна островов напоминали эскадру кораблей, готовящихся отплыть в белые дали.

В середине ночи Анжелика взобралась на одну из скамеек и, отодвинув в сторону кусок коры, стала смотреть сверху, что там происходит снаружи.

— Эй, там, матросы, послушайте! — закричала она по-французски громким и четким голосом.

Она увидела, как зашевелились тени пиратов.

— Послушайте, мы можем договориться. У меня здесь есть лекарства, которые облегчат ваши страдания. Я могу также перевязать вашего раненого...

Подойдите к дому и бросьте оружие. Мы не хотим вас убивать. Мы хотим одолжить у вас на время ваш баркас. Взамен мы вас будем лечить.

Сначала ответом было молчание. Потом порывы ветра донесли какое-то неясное перешептывание.

— Мы вас будем лечить, — повторила Анжелика. — Иначе все вы умрете. Пчелиные укусы очень опасны. А ваш раненый, если его не лечить, помрет.

— Еще как помрет... У него вываливаются наружу кишки, и он скоро сдохнет, — пробормотал сквозь зубы чей-то грубый голос.

— Это ранение очень опасно. Будьте благоразумны. Бросьте оружие, как я вам сказала. И я стану вас лечить.

Звучавший в ночи мелодичный женский голос действовал успокаивающе и, казалось, шел прямо с неба.

Однако пираты сразу не дали своего согласия. Нужно было дождаться рассвета.

— Эй, женщина! — закричал кто-то, — мы сейчас придем.

За кустами послышалось бряцание стальных предметов и, пошатываясь, появился силуэт одного из пиратов. Бандит нес в руках тесаки, ножи, абордажные сабли, а также один топор и маленький пистолет.

Все это он вывалил на землю в нескольких шагах от ограды.

Анжелика, держа в руках ружье старого Шеплея, и сопровождаемая вооруженным мушкетом Кантором, подошла к этому человеку. Он почти ослеп. Его лицо было перекошено от укусов насекомых, а шея, плечи, руки распухли до того, что представляли собой сплошную обтянутую кожей массу.

Шеплей отбросил на затылок свою высокую пуританскую шляпу и с радостным видом, с ухмылкой стал как бы принюхиваться.

— Тыква, мне кажется, совсем созрела.

— Спасите меня, — взмолился человек. Он был одет, как обычный пират: в рубаху, почерневшую от старых пятен крови, и короткие холщовые брюки, из которых торчали волосатые ноги.

Его пояс, к которому были прицеплены ножны разных размеров, сейчас, правда, пустые, говорил, вне всякого сомнения, о его принадлежности к корпорации тех людей, которые в Карибском море охотятся, забивают, разделывают туши свиней и диких быков, водящихся на островах. А затем, накопив достаточное количество мяса, продают его проходящим мимо кораблям. Обычные морские мясники, и, если угодно, торговцы, не лучше и не хуже любых других. Но их толкнул на пиратство и на войну испанец-завоеватель, который не терпит чужого присутствия на американских архипелагах.

Его спутники, стоявшие за деревьями, выглядели еще менее привлекательно, чем он. Молодой юнга, хилый и тщедушный, казалось, вот-вот отдаст богу душу. Португалец с лицом оливкового цвета был похож на кочан капусты, и, наконец последний, тоже темнолицый, — на тыкву. Что же касается раненого...

Анжелика приподняла наброшенный на него грязный лоскут, и все присутствующие вздрогнули от отвращения и ужаса. Сама Анжелика едва сдержала подступившую к горлу тошноту.

Зияющая рана имела в длину почти пятнадцать дюймов, и над ее краями, словно кошмарное видение, вздувалось и вздрагивало спазматическими движениями нечто подобное клубку змей. Оголенные внутренности во вскрытом животе!

Все застыли в оцепенении, за исключением Пиксарета, внезапно появившегося здесь и с веселым любопытством склонившегося над раненым.

Анжелика почти сразу же интуитивно почувствовала, что она может попытаться что-то сделать. Раненый не только не потерял сознание, но даже с некоторой насмешкой смотрел на нее из-под лохматых бровей. Несмотря на восковую бледность и глубоко ввалившиеся глаза, Анжелика не обнаружила на этом мерзком лице пьяницы никаких признаков смерти. Как это ни было удивительно, но он, казалось, решил остаться в живых. Кишечник ни в одном месте не был поврежден, иначе это повлекло бы за собой быстрый конец.

Он первым заговорил приглушенным голосом, стараясь при этом не гримасничать.

— Да, миледи!.. Здорово это вы ухитрились меня полоснуть... сработано прямо как настоящей цыганкой, а мне это знакомо... Теперь нужно все это мне зашить.

Он думал об этом всю ночь и, наверное, убедил себя, что это возможно. Этот человечек был не так уж глуп, хотя, судя по всему, был порядочный негодяй. Не было необходимости долго разглядывать его внешность и внешность всех его сотоварищей, чтобы понять, к какой категории людей все они принадлежали. Настоящие отбросы общества.

Взгляд Анжелики переходил с лица этого человека, которое отражало дьявольскую жизнеспособность, на чудовищную рану, из которой исходил гнилостный запах, и вокруг которой уже начали жужжать крупные мухи.

— Ладно, — решила она, — попытаемся.

Глава 4

«Ну, мне и не такое приходилось видеть», — повторяла она про себя, быстро раскладывая хирургические инструменты, которые достала из своей сумки.

Это было не совсем так... Конечно, зимой в Вапассу ей приходилось делать самые различные и даже весьма сложные хирургические операции. Необычная искусность ее тонких пальцев, столь подвижных, что, казалось, каждый из них живет своей самостоятельной жизнью, верный инстинкт ее исцеляющих рук толкали ее на эксперименты, которые для тех времен и для этой страны были не лишены смелости.

Так, весной ей пришлось лечить одного индейского вождя, которому лось своим рогом распорол спину. Впервые в подобном случае она попыталась сшить края раны при помощи ниток. Заживление прошло потрясающе.

Слава о ней как врачевателе широко разошлась по округе. И в Хоуснок хлынули толпы туземцев, желающих лечиться у белой дамы.

При операциях она пользовалась тонкими иглами, у которых, по ее просьбе, часовых дел мастер Жонас изогнул концы. И именно такими иглами Анжелика предпочитала выполнять свою деликатную работу. Она была очень довольна, что ей удалось сохранить свою драгоценную сумку, несмотря на все недавние события. Это было просто здорово. Она нашла там массу просто необходимых вещей. В одном кармашке она обнаружила горсть толченых засушенных стручков акации. Этот лечебный порошок обладал дубильными свойствами, и она использовала его в качестве пластыря, который, по-видимому, препятствовал

распространению в теле больного болезнетворной жидкости после закрытия раны. Его было маловато. Она показала порошок Пиксарету, и тот, рассмотрев и понюхав его, с понимающим видом улыбнулся и отправился в лес.

— Займись с кем-нибудь из англичан баркасом, — приказала Анжелика Кантору. — Убедись, что он в состоянии плыть под парусом, взяв на борт часть нашей группы. Будьте настороже и возьмите с собой оружие. Хотя я не думаю, что эти бедные бандиты способны сейчас причинить нам какой-либо вред.

Элизабет Пиджон застенчиво предложила Анжелике свою помощь. Но та предпочла послать ее накладывая мазь на несчастных жертв пчелиных укусов. Взяв с собой преподобного Пэтриджа, которому нужно было сменить повязку, старая дева отправилась выполнять порученную ей работу. Сознывая новую ситуацию, она выбрала из сваленного в кучу оружия пиратов наименее зазубренную саблю и, прицепив ее себе на пояс, с молодцеватым видом зашагала к хижине, где Шеплей начал с ухмылкой на устах раздавать свои снадобья.

Под деревом, рядом с раненым, Анжелика разложила на большом плоском камне свои иглы, зажимы, флакон с очень крепкой водкой, ножницы и чистую белую корпию, завернутую в кусок просмоленной ткани.

Раненого не нужно было куда-то переносить, так как рядом был ручей, из которого можно было брать воду. Она раздула угли маленького костра, поставила на них глиняный котелок с водой и высыпала туда порошок из стручков акации.

Пиксарет вернулся из леса и принес целую охапку стручков. Они были еще зеленые. Анжелика попробовала один из них на зуб, состроила гримасу и выплюнула зеленый и горький сок. Хотя и очень неприятный во рту, это еще не был сок созревшего

танина, который должен иметь вкус чернил и обладать свойством стягивать раны, заживлять их, бороться с воспалением и наконец благодаря своему тонизирующему действию, ликвидировать нагноение, из-за которого раны очень долго заживают.

— Придется пользоваться таким, какой есть. Она уже собиралась бросить стручки в кипяток, когда Пиксарет остановил ее.

— Дай их приготовить Мактаре.

Он показал на старую индианку, служанку или подругу английского медика. Похоже, что та знала о свойствах этого растения. Она села на корточки рядом с костром, взяла стручки и стала их жевать. Получающуюся массу она клала на широкие листья. Анжелика не стала возражать, так как знала (этому ее обучил старый колдун с Бобрового поля под Вапассу), что приготовленное таким образом лекарство приобретает все нужные свойства.

Она вернулась к своему пациенту, в широко открытых глазах которого отразились одновременно и надежда, и ужас, когда он увидел, как она опустилась на колени у его изголовья и склонила над ним свое обрамленное светлой шевелюрой лицо с выражением такой решимости, что он чуть не лишился чувств. Но взгляд этого старого бродяги оставался осмысленным.

— Послушай, красотка, — прошептал он. — Раньше, чем начнем, давай договоримся. Если тебе удастся меня заштопать, и я снова стану на киль, надеюсь, ты не будешь требовать, чтобы мы отдали вам свое оружие и нашу старую посудину? Это все, что эта сволочь Золотая Борода нам оставил, чтобы выжить здесь, на этой чертовой земле. А то получится, что ты еще хуже его.

— Золотая Борода? — переспросила Анжелика настороженно. — Значит вы — его люди?

— Были, ты хочешь сказать, его люди... Этот сукин сын высадил нас здесь, не оставив даже достаточно пороха, чтобы защищаться против зверей, дикарей и таких, как вы. Ведь здесь все сплошь бандиты...

— ..А теперь помолчите, — сказала Анжелика, стараясь оставаться спокойной, — вы слишком болтливы для умирающего... Поговорим об этом позже.

Силы его иссякли. И обтянутое прозрачной кожей бледное лицо с красными обводами вокруг воспаленных глаз все больше и больше стало походить на череп.

Но покрасневшие от притока крови края его век свидетельствовали о том, что его организм сопротивляется. «Он выживет», — подумала Анжелика и сжала губы. Затем снова в ее голове возникли мысли о всех этих историях, связанных с Золотой Бородой.

— Вы слишком рано ставите свои условия, сударь, — ответила она громко. — Мы поступим с вашим оружием и с вашим баркасом так, как сочтем нужным. А вы будьте довольны, если останетесь живым.

— В любом случае... потребуется несколько дней, чтобы ее починить... эту посудину.... — ответил он, не желая уступать.

— Для вас тоже потребуется несколько дней, чтобы вас починить, деревянная башка. А теперь поберегите силы и постарайтесь успокоиться.

И она положила руку на его воспаленный и липкий от пота лоб.

Она думала, стоит ли ему дать выпить успокаивающую микстуру, сделанную на базе той самой белладонны, которую так не любил Шеплей. Ничто так не помогло бы уменьшить боль во время операции.

— Грогу бы мне, — простонал раненый, — кружку бы доброго горячего грогу с половинкой лимона. Смогу ли я его выпить хоть в последний раз?..

— Неплохая идея, — заметила Анжелика. — Это ему поможет выдержать болевой шок. Этот флибустьер так

пропитался ромом, что, может быть, это его спасет... — Эй, вы, — обратилась она к подошедшему к ним пирату, — у вас там не найдется пинты рома?

Тот утвердительно кивнул, насколько это ему позволяли болезненные опухоли на лице. В сопровождении одного из англичан он пошел к месту их стоянки в бухте и вскоре вернулся, держа в руках фляжку из черного стекла с узким горлышком, наполовину заполненную превосходным ромом с островов, о чем можно было судить по тому запаху, который исходил из бутылки, когда Анжелика вынула пробку.

— Так оно будет лучше. Глотни это, парень, и держись, сколько можешь, потому что скоро тебе небо покажется с овчинку.

— Что, будет очень больно? — прохрипел он и растерянно спросил:

— А в этой проклятой дыре не найдется, случайно, исповедника?

— Я исповедник, — сказал Пиксарет, став на колени. — Черная Сутана доверил мне уроки катехизиса, и я вождь всех абенакских племен. И поэтому Господь избрал меня, чтобы совершать крещение и давать отпущение грехов.

— Господи Иисусе! Дикарь!.. Этого еще не хватало... или я совсем рехнулся! — воскликнул раненый и потерял сознание.

Правда, неизвестно от чего: то ли от сильного удивления, то ли от слишком больших, потребовавшихся от него усилий.

— Так будет лучше, — сказала Анжелика.

«Я промою рану, — подумала она, — теплой водой с разведенным в ней экстрактом белладонны».

Она взяла маленький кусок коры в форме желобка и стала с ее помощью направлять струю воды, лившуюся из выдолбленной тыквы, которую держал Пиксарет.

Затем она наклонилась над чудовищной зияющей раной.

Как только она к ней в первый раз прикоснулась, хотя и сделала это очень осторожно, больной вздрогнул и попытался вскочить. Его удержали на месте сильные руки Стоугтона.

Анжелика велела здоровенному пирату лечь поперек бедер своего товарища, лицом к земле, а индеец, слуга Шеплея, держал его за лодыжки. Раненый частично пришел в себя и стал умолять, чтобы ему приподняли голову. Потом сделал еще несколько глотков рома, и в полубессознательном состоянии позволил привязать свои запястья к врытым в землю колышкам. Анжелика вставила ему между зубов моток корпии, затем положила под затылок немного соломы, чтобы ему легче было дышать через нос.

С другой стороны от больного стоял на коленях старый английский лекарь. Он снял с головы свою большую шляпу, и ветер шевелил его седые кудри. Он выполнял роль ассистента. Понимая без слов, чем ей нужно помочь, он взял зацепы из тростника и с их помощью стал сближать края раны.

Полностью это было почти невозможно сделать, но решительными движениями руки Анжелика протыкала иглой с виду дряблую, но в действительности плотную и упругую ткань, удерживая пальцами края раны в натянутом состоянии, в то время, как неуловимым, но требующим больших усилий и ловкости, движением кисти она протягивала смазанную жиром нить и потом завязывала ее узлом. Она работала быстро, четко, без колебаний. Слегка наклонившись, она оставалась совершенно неподвижной; лишь ни на секунду не прекращались размеренные и ловкие движения ее рук. Старый Джон работал с ней в одном ритме, помогая при помощи зацепов или пальцами, когда зацепы не могли удержать истерзанные ткани.

Несчастный мученик был без чувств. Но по его телу постоянно пробегала дрожь, и временами сквозь кляп во рту слышалось глухое хрипение, которое, казалось, каждый раз было последним. И тогда клубок дурно пахнущих, липких и непрерывно шевелящихся внутренностей набухал и снова готов был вывалиться наружу. И нужно было снова его вдавливать обратно в полость живота. На беловато-лиловых кольцах кишечника часто образовывались вздутия, и каждый раз возникало опасение, что они могут лопнуть или окажутся случайно продырявленными, после чего, — и Анжелика хорошо это знала — неизбежно наступит фатальный исход. Но, в конце концов, последний шов был наложен.

Человек казался мертвым.

Анжелика взяла таниновую примочку, которую ей подала индианка, и наложила ее на всю поверхность живота, затем крепко стянула и завязала концы полотнища, которое она перед началом операции протянула под поясницей пациента.

Ему теперь оставалось лишь снова привыкать к своим внутренностям, которые его чуть не покинули, но вовремя были водворены на место. Следовало надеяться, что сейчас их удалось окончательно урезонить.

Анжелика встала и с трудом разогнула спину. Операция длилась более часа.

Она пошла к ручью вымыть руки. Затем вернулась назад и аккуратно сложила все инструменты.

Из бухты слышались удары колотушки. Баркас был готов к отплытию раньше его несчастного капитана.

Анжелика де Пейрак приоткрыла веки раненого, послушала сердце. Он по-прежнему был жив. Тогда, окинув взглядом всю его фигуру, начиная от грязных, покрытых мозолями ног и до его косматой головы, она

вдруг почувствовала прилив симпатии к этому подонку,
чью жалкую жизнь только что спасла.

Глава 5

Баркас флибустьеров был отремонтирован и подготовлен к плаванию, но всех, и прежде всего больных и раненых, не представлялось возможным взять на его борт. Нужно было выбрать тех, кто уедет и кто останется, и это была очень деликатная проблема. И снова окончательное решение должна была принять Анжелика.

Было очевидно, что Кантор, владевший искусством навигации, должен был взять на себя командование, чтобы доставить баркас в Голдсборо. Мужчины — Стоугтон и Коруэн, выросшие на берегу моря, должны были помогать ему в управлении кораблем, и было логичным, чтобы их семьи в полном составе отправились с ними.

Кроме того, их работники не хотели их покидать. Они умерли бы от страха без своих хозяев, это был бы для них конец света. Таким образом, баркас уже был заполнен до отказа. Кроме того, нечего было и думать грузить туда больных, нуждающихся в постоянном уходе. Анжелика с самого начала поняла, что она должна остаться с ними. Пожалуй, никогда ранее необходимость исполнить свой долг не обходилась ей так дорого. Но как могла она оставить на произвол судьбы умирающих, и громадного Пэтриджа, и отравленных укусами пчел флибустьеров, и чудом спасенного прооперированного? Кантор стал громко возражать. Он считал недопустимым оставить свою мать в столь гнусной и опасной компании.

— Ты хоть понимаешь, — сказала она ему, — что нельзя с собой брать никого из больных! Они будут мешать управлять кораблем, требовать ухода, который

нельзя им обеспечить на борту, и рискуют умереть в пути.

— Пусть тогда останется здесь и будет их лечить старик Шеплей.

— Шеплей мне сказал, что в один из ближайших вечеров он должен идти в лес за травами. Отложить это не может из-за луны. Кроме того, я думаю, что он не горит желанием остаться один на один с этими канальями с Карибских островов.

— А вы сами, разве вы не подвергаетесь большой опасности в этой компании?

— Себя я смогу защитить. А кроме того, все они больны.

— Не все. Один из них пришел в себя, и его поведение не внушает мне никакого доверия.

— Хорошо! Тогда вот что я предлагаю. Ты возьмешь этого типа с собой на корабль, Коруэн и Стоугтон будут следить за ним, пока вы не высадите его на одном из островов в бухте Каско. Затем вы отправитесь полным ходом в Голдсборо. И с попутным ветром вы сможете вернуться сюда на «Ларошельце» меньше чем через восемь дней. За это время ничего здесь страшного со мной не случится...

Она хотела сама себя в этом убедить. И Кантор в конце концов согласился, что никакого другого решения придумать нельзя.

Чем быстрее поднимут паруса, тем скорее все окажутся дома, под защитой прочных стен Голдсборо, которое представлялось им как мирная гавань, где придет конец всем их тревогам. В Голдсборо было оружие, богатство, люди, корабли...

***

А сейчас здесь, на оконечности мыса, на косе Макуа, они остались лишь восьмером.

Уже два дня, как баркас флибустьеров, влекомый вперед своими парусами и умело управляемый

Кантором, покинул бухту и, накренившись, как чайка на ветру, оставил за кормой последние острова.

На его борту находились семьи Коруэна и Стоугтона, их работники, маленькая Роз-Анн и наименее больной из флибустьеров, от которого необходимо было попытаться избавиться при первой же возможности, высадив его на одном из островов. Прежде чем отплыть, он долго говорил на их жаргоне с другими бандитами.

На берегу остались не совсем излечившийся от ожогов маленький Сэмми Коруэн, все еще слишком слабый преподобный Томас, и пожелавшая остаться вместе со своим пастором мисс Пиджон. Адемар сначала колебался, не следует ли ему тоже сесть на корабль, но его страх перед морем и англичанами взял верх, и, поразмыслив, он предпочел остаться с Анжеликой. Он был убежден, что дьявол или какие-то другие силы наделили ее способностью предохраняться от любой опасности. Анжелика посылала его за дровами, водой, съедобными ракушками или поручала ему отгонять от больных комаров, которые ужасно донимали их. Баркас не мог взять на борт больше ни одного человека, что, правда, не помешало росомахе Вольверине броситься вслед за Кантором, всем своим видом показывая, что место на борту корабля ей просто необходимо.

Анжелика, буквально как привязанная, не отходила от своего прооперированного, который упорно желал остаться живым. Звали его Аристид Бомаршан, как об этом сообщил ей один из его друзей. «Ему больше подошли бы имена «Деревянная башка» или «Дырявый живот», — сказала Анжелика, пожав плечами.

В это утро преподобный Пэтридж открыл наконец глаза. Он сказал, что сегодня воскресенье, и попросил, чтобы ему дали Библию, так как он хочет подготовиться к проповеди. Все решили, что он бредит из-за

лихорадки, и решили его успокоить. Но он разбушевался и стал настойчиво повторять, что сегодня воскресенье, день Господень. Действительно, было воскресенье и, следовательно, прошла уже неделя после нападения индейцев на маленькую английскую деревню.

Анжелика сохраняла надежду, что корабли Жоффрея де Пейрака еще не покинули устье Кеннебека. Кантору могло повезти, и он мог встретиться с одним из них. Хороший, прочный и большой корабль, с большими пушками, на котором можно бы было отдохнуть и благополучно вернуться домой.

Какое бы это было счастье!

Но прошло уже два дня, а на горизонте никто не появлялся.

Элизабет Пиджон дрожащим голосом читала пастору Библию. Ее также слушали с подозрительным и надменным видом двое больных пиратов. Эти еще нуждались в лечении, но не следовало торопиться ставить их на ноги. Третий, самый здоровенный и наименее больной, без конца ходил от изголовья «Дырявого живота» к постелям двух других своих товарищей на другом конце хижины и долго шушукался с ними на малопонятном жаргоне. Он выглядел уже гораздо бодрее, чем в первые дни, был гигантского роста и внушал определенное беспокойство.

— Следи за ним, — сказала Анжелика Адемару. — Он может ухитриться завладеть одним из своих ножей и воткнуть его нам в спину.

Этот верзила проявлял искреннюю заботу о прооперированном.

— Это мой брат, — говорил он.

— Что-то вы мало похожи друг на друга, — заметила Анжелика, сравнивая громадный рост одного и тщедушную фигуру другого.

— Мы береговые братья. Почти пятнадцать лет тому назад мы обменялись своей кровью и своей добычей.

И с мерзкой улыбкой на своем обезображенном пчелиными укусами лице он добавил:

— Может быть, поэтому я вас не прирежу... Потому что вы спасли Аристида...

Ночью она также должна была находиться при больном. Она натянула над ним кусок полотна, не столько, чтобы предохранить его от солнца, от лучей которого защищало растущее рядом дерево, сколько от ночной росы или от иногда моросившего дождя, или даже от морских брызг, которые доносил до них ветер во время прилива.

Она ухаживала за ним упорно, внимательно, с удивлением наблюдая, как в это уже, казалось, обреченное тело, приходит исцеление. И она так страстно желала благополучного исхода, что в некоторые моменты почти испытывала нечто вроде любви к этому бедному Аристиду.

В тот самый вечер, после операции, он на какой-то момент открыл глаза и стал требовать табаку и грог «с целым лимоном... который ты мне очистишь от кожуры, Гиацинт...»

Хотя он и не получил ни грога, ни лимона, которые она заменила хорошо процеженным рыбным бульоном, жизнь все-таки к нему вернулась.

А в это воскресенье, когда уже и пастор начал воскресать...

— Я вам помогу сесть, — сказала. Анжелика раненому.

— Сесть? Ты, что, хочешь моей смерти?

— Нет, надо чтобы ваша кровь лучше циркулировала и не загустевала. И я вам запрещаю обращаться ко мне на «ты» сейчас, когда вы уже вне опасности.

— Ну и ну! Вот это женщина!

— Идите помогите мне, — обратилась она к здоровенному пирату.

Вдвоем они взяли его под руки, приподняли и удержали в сидячем положении. Он был бледен и весь покрылся потом.

— Бренди! Дайте мне бренди!..

— Адемар, принеси флягу.

Когда он выпил, то почувствовал себя явно лучше; она прислонила его к мешкам, покрытым звериными шкурами, и долго смотрела на него с явным удовлетворением.

— Вот так. Деревянная башка! Теперь вам нужно по-с... и по-ср.... как все люди, и можно считать, что вы спасены.

— Ну, это вы здорово, — сказал он, — вы, по крайней мере, не стесняетесь в выражениях... правы те, кто говорят, что вы появились на свет из бедра самого Дьявола... Видно, это на самом деле так!

Он вытер свой вспотевший лоб. Она сбрила ему бороду, полную насекомых, и он сразу стал похож на безобидного мелкого бакалейщика, которого побил его собственная жена и его кредиторы.

— Теперь я совсем никуда не гожусь по сравнению с Золотой Бородой, — прохныкал он. — Такие вот дела...

Она снова помогла ему лечь, и, когда он немного отдохнул, сказала:

— Поговорим немного об этой Золотой Бороде и о тех, кто говорит, что я появилась из бедра Дьявола.

— Да я тут ни при чем, — ответил он.

— Вы знаете, кто я такая?

— Не очень, чтобы хорошо, но Золотая Борода, он-то знает. Вы француженка из Голдсборо, вроде как колдунья, а вместе с вами живет какой-то чародей, который делает золото из ракушек.

— А почему не из рома? — спросила Анжелика серьезным тоном. — Это вас бы больше устроило, не так

ли?

— Так, во всяком случае, болтают моряки, с которыми нам приходилось встречаться во Французском заливе. А моряки должны верить друг другу.

— Ну, моряки вроде вас, это скорее не моряки, а пираты. Прежде всего настоящие моряки не употребляют вашего жаргона.

— Говорите так, если хотите, о нас двоих, — сказал Дырявый живот с чувством оскорбленного достоинства, — а не о Золотой Бороде. Он, прошу прощения, настоящий благородный господин!.. И кроме того, он лучший моряк на свете. Можете мне поверить, когда вам это говорю я, потому что вы видели, как он с нами обошелся, этот сучий сын, бросив нас, как какую-то мразь, почти без продуктов и без оружия в этой стране дикарей. Он говорил, что мы позорим его корабль.

Стоявший рядом португалец, у которого опухоль немного спала, подтвердил:

— Да, это точно, я Золотую Бороду знаю раньше тебя, шеф, еще с Гоа и Индии. Я с ним поспорил из-за этой истории с Голдсборо и до сих пор об этом жалею.

Анжелике приходилось все время убирать рукой с глаз прядь волос, которую ветер упрямо возвращал ей на лоб.

Она пыталась собраться с мыслями, но этот вдруг усилившийся ветер мешал ей, и она никак не могла связать вместе два суждения.

— Вы хотите сказать, что знали, кто я такая, и что я нахожусь здесь, когда Золотая Борода бросил вас в нашей бухте?

— Нет, этого мы не знали, — ответил Бомаршан. — Все это получилось случайно. Это тот самый случай, который вдруг помогает таким хорошим ребятам, как мы, когда те сидят в дерьме. И не в первый раз случай нас вытаскивает в последний момент из такого дерьма, правду я говорю, Гиацинт?

— Но как вы узнали, что я здесь? — настойчиво переспросила она.

— Черт возьми! Когда мы заметили, что кто-то есть на скале, то подошли поближе, послушали и поняли, что это вы, француженка из Голдсборо, графиня де Пейрак, и с вами эти англичане, тогда мы и поверили, что это наш шанс.

— Почему это ваш шанс?

— Черт возьми! Золотая Борода сказал, что у него есть приказ относительно графа и графини де Пейрак, его надо убить, а ее взять в плен...

— Только и всего? Ничего себе... а приказ от кого? Сердце у Анжелики забилося в груди со страшной силой. Этот пьяница был болтлив, как сорока, да еще он выпил только что, поэтому от него можно было узнать массу исключительно важных сведений.

Глава 6

Однако, на этот вопрос он ответил, что, пожалуй, точно не знает.

— Вроде бы это случилось, когда он был в Париже перед последним плаванием к Караибам. Чтобы подписать у министра путевые грамоты. Эй, Лопеш, ты был с ним тогда?

Португалец утвердительно кивнул головой.

— А кто это «он», которого надо убить? — переспросила Анжелика.

— Как кто? Тот, кто там с вами живет, граф, который делает золото из ракушек.

— Его убить!? И именно для этого вы хотели меня захватить?..

— Черт подери! Встаньте на наше место. А теперь, когда вы меня заштопали и перештопали, я уж точно знаю, что вы колдунья и есть.

Он хитро при этом подмигнул. Только она не поняла, хотел ли он этим выразить свое соучастие или, наоборот, враждебность. И он почти неслышно и язвительно засмеялся.

— А почему ваш капитан вас все-таки высадил? — спросила она.

— А мы поспорили, как делить добычу; женщина в этом деле не разберется, даже если она и колдунья, — с некоторым презрением в голосе ответил Аристид.

— Я думаю, что это скорее всего потому, что вы портили его экипаж, если он, как вы говорите, знатный господин, — сказала Анжелика.

Глядя на этих оказавшихся на берегу пятерых флибустьеров, не нужно было быть особенно проницательным, чтобы определить, что все они настоящие подонки, подобно тем, которых Жоффрей де

Пейрак вынужден был повесить на реях своего корабля во время последнего плавания.

Задетый за живое, прооперированный хранил гордое молчание.

— А что нужно вашему Золотой Бороде в Голдсборо? — спросила с настойчивостью Анжелика.

Он не мог долго демонстрировать свою гордость и молчать.

— Как что, соображать надо: завладеть этими землями, черт возьми!

— Что?..

— Нечего таращить глаза, моя красавица. Я вам уже сказал, что мессир Золотая Борода — это корсар, который имеет все положенные полномочные грамоты от министра, от своей компании в Париже и даже от правительства Острова Черепахи. А еще, — и раненый с важным видом поднял указательный палец, — а еще он купил у короля Франции концессию на владение всей землей, которая расположена между мысом Синие горы и бухтой Голдсборо.

— Вот даже как?! — воскликнула Анжелика.

— Такая идея всегда была в голове Золотой Бороды, хотя он и моряк. Поселиться со своей братией в каком-нибудь уголке земли и выращивать там французскую пшеницу. Вот почему ни я, ни Лопеш не были с ним согласны. Я намерен плавать по морям до тех пор, пока меня не сожрут акулы, поэтому и считаю, что прав был я. А он, Золотая Борода, этот пройдоха, пользующийся покровительством короля, убедился, к чему его привели эти великие идеи колонизации. Ему хорошо надавали под зад. Они оказались не очень гостеприимны, эти парни из Голдсборо... Наше бедное «Сердце Марии»...

— А это еще кто?

— Так называется наш корабль.

Анжелика подумала, что чем больше флибустьеры проявляют свой разбойничий нрав, тем более

благочестивые названия они дают своим кораблям, вероятно, в надежде заручиться поддержкой небесных сил или заслужить прощение с их стороны.

— А ваш капитан, он что, не знал, что побережье уже имеет хозяина, и что там уже живут люди?

— Нам сказали: там есть женщины. Белые женщины, не индианки. Но тогда, черт возьми, совсем другое дело. Тогда займем землю и каждому будет по жене для начала. Вот и будет настоящая колонизация! Но не тут-то было! Задали нам перцу, когда мы попытались высадиться. Расколошматили нас как следует. Корабль дал крен, и на борту начался пожар. Пришлось, поджав хвост, драпать на острова. А наш Золотая Борода со своими дурацкими идеями величия, со своей грамотой в кармане и с его планами заняться земледелием — и земля, мол, и женщины — остался, как говорится, при своих...

Он хрипло рассмеялся, но этот смех закончился приступом кашля.

— Вам нельзя кашлять, — сказала Анжелика строго.

Она проверила, не разошелся ли шов.

Ужасный мерзавец, конечно, этот Аристид, но, если он говорит правду, то это очень ценные сведения.

Она содрогнулась при мысли, что без крепкой обороны, которую гугеноты организовали в Голдсборо, ее ларошельские подруги могли бы попасть в руки этих негодяев.

— Нет, Золотая Борода — это не то, что вы думаете, — продолжил больной слабым голосом, но с упрямством, как если бы он угадал ее мысли. — Путевые грамоты, поддержка короля, для которого он корсар под флагом королевских лилий, и принцы ему деньги в долг дают — у него есть все, что надо, говорю я вам... Со мной он поступил, конечно, сурово, но вообще-то капитан он отменный. Настоящий хозяин, говорю я вам. А в отношении водки... каждый день ее

выдают, прямо как на королевских кораблях. К матросам он относится по-человечески, можете мне поверить... У вас не найдется кусочка сыра, мадам?

— Сыра? Вы с ума сошли! Спите! — ответила Анжелика.

Она укрыла его одеялом до подбородка, вытерла ему рот.

«Несчастливая Деревянная башка! Черт ты окаянный, не стоишь ты веревки, на которой тебя повесят».

И несмотря на здешние холодные берега, крики тюленей, темные ряды сосен у кромки моря, она вспомнила, глядя на него, пиратов Средиземного моря, этот разноплеменный народ искателей приключений, обаятельный и страшный...

В Брансуик-Фолсе мистрис Уильям ей рассказывала, что самые закоренелые джентльмены удачи, чьи корабли бросали якорь рядом с бедными деревушками поселенцев из Новом Англии, не причиняли им зла; но эти времена уже прошли. Народ на берегах Америки стал жить богаче, и это теперь привлекает сюда грабителей.

Нужно все это оздоровить, приобщить людей к культуре, установить должный порядок на берегах этих рек и морей. И перед ее глазами возникла высокая фигура Жоффрея де Пейрака, сильного, уверенного в себе, само воплощение мужества, которое является основным принципом жизни и действия в Новом Свете.

Ах! Любимый мой... Так они, значит, сказали: убить его...

Он не даст себя убить.

Но сейчас здесь разразилась война, которая разбросала по бухтам и островам объятые ужасом население и которая скажется на отношениях между расположенными далеко отсюда королевствами. Обстановка стала более запутанной, и пиратские корабли не преминут воспользоваться этим, чтобы

заняться грабежами. А в результате какого неожиданного стечения обстоятельств сама она оказалась в этих местах? Ведь еще несколько дней тому назад она покинула форт Вапассу, надеясь без особых помех добраться до их владений в Голдсборо.

— Лопеш, — спросила она громким голосом, — вы были вместе с Золотой Бородой в Париже, когда он приехал туда, чтобы подписать свои путевые грамоты и, по всей видимости, чтобы достать деньги для оснащения своего корабля. Какой синьор ему покровительствовал? Кто были его судовладельцы или компаньоны? Можете вы назвать хоть одно имя?

Португалец отрицательно покачал головой.

— Нет... Я был там просто как его слуга. Другие слуги иногда носили письма и ему, и от него. Был еще также...

Он начал вспоминать.

— Не помню, как его звали. Но если когда-нибудь вам встретится высокий капитан с пятном на лице, с таким фиолетовым пятном здесь, — он показал на свой висок, — так вот, остерегайтесь, это ваш враг. Услуга за услугу: колдунья вы или нет, но вы спасли жизнь моему товарищу...

Глава 7

Над бухтой Каско опустился вечер. Заходящее солнце освещало синюю гладь моря с его многочисленными заливами, разбросанными повсюду островами и сине-серебристыми косяками рыбы.

В водах этого моря сливались теплое и холодное океанические течения, несущие с собой громадные массы планктона, за которым следовала рыба, чьи бесконечные запасы привлекали сюда рыбаков с незапамятных времен.

Мальвины приплывали сюда на своих шаландах за несколько веков до того, как Христофор Колумб открыл Антильские острова.

Весной море покрывалось белыми парусами кораблей, словно распутившимися гигантскими водяными лилиями.

С наступлением ночи Анжелика увидела сквозь темные просторы загорающиеся красные огоньки. Но они были далеко и мерцали как звезды.

— Он не пьет, — пробормотал рядом Аристид. — Что вы думаете о моряке, который не пьет?

— О ком это вы говорите?

— Об этом чертовом Золотой Бороде... Он не пьет, кроме разве что тех случаев, когда берет себе женщину. Но это бывает не часто. Насчет женщин говорят, что он не особо до них охоч... Насчет выпить, тоже не особо. И все же, это страшный человек. Когда брали Портобелло, он заставил монахов монастыря Сан Антонио идти впереди его солдат, в качестве прикрытия. Испанцы гарнизона стреляли в них и плакали. Анжелику охватила дрожь.

— Этот человек нечестивец!

— Да нет! Не такой уж нечестивец, как вы думаете. На борту его корабля постоянно устраивают молитвы. А тех, кто в чем-либо провинится, он посылает на смотровую площадку на мачте, прочесть двадцать молитв подряд.

Анжелике стало не по себе, и ей казалось, что в ночной темноте то здесь, то там появляется золотая борода кровавого флибустьера. При мысли о том, что рядом с их мысом как-то ночью бросил якорь корабль этого типа, когда он высаживал здесь своих смутьянов, у нее мурашки забегали по коже.

— Он вернется, вот увидите, — сказал раненый. Снова Анжелику пробрала дрожь. А завыванье ветра и внезапно вспыхнувшая на горизонте зарница показались ей зловещими.

— Ладно, спите!

Она обернула вокруг себя полы плаща. Анжелика решила остаться дежурить у постели больного до середины ночи, после чего ее должен был сменить пират, его так называемый береговой брат. Сейчас он тоже был здесь, сидел на корточках у костра, здоровенный, с головой, втянутой в плечи, и она слышала, как он скребет пальцами свою лохматую бороду, пытаясь успокоить донимавший его кожу зуд.

Думая о тысячах вещей и повернувшись лицом к звездам, она не видела, что тот уставился на нее своими блестящими в темноте глазами. Сейчас, когда он уже не был таким больным, он испытывал вполне определенные чувства, глядя на эту женщину.

В своем черном плаще и с лицом, светившимся в темноте, подобно ясной луне, она была неподвижна, как статуя. На ее лицо все время падала золотая прядь волос, которую она отбрасывала легким движением руки. И один этот простой жест высвечивал всю ее скрытую красоту, выразительность ее изящных форм, которые приводили его в восхищение.

— Я не как Золотая Борода, — сказал он тихим голосом. — Женщин я люблю.

Он кашлянул, чтобы прочистить себе горло.

— Вам не приходилось вдруг захотеть получить удовольствие, мадам?

Она медленно повернула голову в сторону его массивной фигуры.

— С такими мужчинами, как ты? Нет, мой мальчик.

— А чем вам не нравятся такие мужчины, как я?

— Голова у тебя, как тыква, и ты слишком безобразный, чтобы поцелуи с тобой доставляли удовольствие.

— А нам не обязательно целоваться, если это вам не нравится. Мы можем заняться совсем другим делом.

— Сиди на месте, — сказала она ему сухо, увидев, что он сделал движение в ее направлении. — Я приводила в чувство и не таких, как ты. А тебя я уже не стану заштопывать.

— Какая же вы несговорчивая, — проворчал он, начав снова яростно чесаться. — А я вам предлагаю воспользоваться такой удобной возможностью. Мы одни, и время у нас есть. Меня зовут Гиацинт... Гиацинт Буланже. Вам это ни о чем не говорит?

— Не обижайся, но ни о чем. Во мне. Гиацинт, говорит осторожность, — сказала она ровным голосом, не желая превращать его в своего врага. — Матросы, которых выгоняют с корабля и высаживают на берегу, не всегда первой свежести. Посмотрев на тебя, я готова биться об заклад, что ты весь пропитан сифилисом до мозга костей.

— Нет, это не правда, готов вам поклясться, — вскричал пират с откровенно оскорбленным видом. — У меня такая морда только из-за ваших чертовых пчел, которых вы нам швырнули прямо в котелок.

Аристид заныл:

— Перестаньте вы там спорить прямо у меня над головой, как будто я уже покойник.

Снова наступила тишина.

Анжелика говорила себе, что не из-за чего излишне драматизировать ситуацию. Она и не таких видывала. Но сейчас похоть этого гнусного типа приводила ее в состояние скрытой тревоги, и вскоре ею овладел настоящий страх. Нервы ее были натянуты до предела, и она испытала неодолимое желание немедленно убежать отсюда. Усилием воли она заставила себя остаться на месте и продемонстрировать свое безразличие, чтобы он не видел ее испуга. Затем она воспользовалась первым предоставившимся предложением, чтобы подняться, велела пирату следить за костром и за своим названным братом, и вернулась в хижину.

Сидя согнувшись, мисс Пиджон была похожа на маленькую колдунью, занятую приготовлением своего зелья.

Анжелика наклонилась к Сэмми, потрогала его горячий лоб, поправила повязки на ожогах, потом, улыбнувшись старой деве, вышла из помещения и села за хижинкой, рядом с индианкой Мактарой.

Серп луны показался из-за облаков. Это была ночь, в которую трудно уснуть. Стрекотание кузнечиков шло, как бы на одной высокой ноте и накладывалось на шум ветра и моря.

Появился старый лекарь, одетый в свой широкий плащ. Между поднятым воротником этого плаща и полями шляпы были видны лишь стекла его очков, в которых отражение луны внезапно зажгло две яркие звездочки. За ним, словно тень, с мушкетонном в руках следовал его индеец, завернутый в красное одеяло.

— Итак, — сказал Шеплей, — я иду собирать дикую вербену. Эту святую траву, траву колдунов. Она — слеза Юноны, капля крови Меркурия, радость простых смертных. Собирать ее надо тогда, когда над

горизонтом поднимается звезда Сириус, когда в небе нет ни солнца, ни луны, которые не должны присутствовать при сборе вербены. И ночь близка, и небесные знаки совпадают. Ждать я больше не могу... Оставляю вам две порции пороха для вашего мушкета и то, чем поить больных, чтобы они были не так опасны... Берегитесь этих каналов!

Она тихо сказала по-английски: «Спасибо, мистер Шеплей»!

Он уже сделал несколько шагов, но снова обернулся, чтобы прислушаться к нежному голосу иностранки, который тихо прозвучал в ночи: «Thank you, мистер Шеплей».

Он посмотрел на нее. При свете луны зеленые глаза Анжелики излучали невыносимый блеск.

Из его беззубого рта слышался сардонический смех.

— Вы пойдете на Ночной шабаш? — спросил он, — вы полетите туда на вашей метле? Для такой женщины, как вы, это должно быть или сегодня ночью, или никогда. Когда на небе такая луна, вы встретите демона на гусиных лапах... У вас нет жезла, смазанного специальной мазью? Вы знаете ее рецепт? Сто унций топленого свиного или человеческого жира, пять унций гашиша, полгорсти цветов конопли, полгорсти цветов мака, щепотку порошка из корня морозника, растертое семя подсолнуха...

Так как он говорил по-английски, то она поняла не все, что он сказал, но он повторил формулу по-латыни, и она в испуге замахала рукой.

Старая толстая индианка проводила Шеплея вдоль берега полуострова до лесной опушки, затем вернулась назад своим торжественным шагом. Анжелика задавала себе вопрос, какое место занимает Мактара в жизни этого старого сумасшедшего англичанина. Индианки редко идут работать в качестве прислуги. Была ли она

его женой? Тогда понятен тот остракизм, которому подвергли ученого его соотечественники, считающие красный цвет кожи признаком вырождения.

Через какое-то время Анжелика узнает историю этой странной пары, которая жила на диком мысу бухты Макуа, историю юной индианки, последней оставшейся в живых из полностью истребленного племени пеквотов. Сорок лет тому назад ее привели на рыночную площадь Бостона, чтобы продать, как рабыню. Она была куплена для хозяев молодым англичанином, недавно прибывшим в эти края с дипломом аптекаря в кармане для работы по контракту. Он отправился в путь, ведя ее за собой на веревке. В какой-то момент он заглянул в темные, похожие на лесной родник, глаза беззащитной, как лань, девушки и ощутил внезапный порыв к добру и желание совершить безрассудный поступок, что часто свойственно сынам Шекспира.

И, вместо того, чтобы вернуться к хозяевам, он ушел с ней в лес. Вот так они оба оказались в проклятом царстве отверженных.

Глава 8

Легко перепрыгивая через лужи, оставленные недавним отливом среди бурых камней, искрившихся каплями морской воды, шел человек.

Когда он приблизился, Анжелика узнала в нем Жана Ле Куеннека, бретонца из форта Вапассу, конюшего своего мужа.

Вне себя от радости, она подбежала к нему и крепко, по-дружески обняла:

— Жан, мой дорогой Жан! Я так счастлива видеть тебя!.. А господин граф? Тебе известно, где он?

— Я пришел один, — сказал юный бретонец. На лице Анжелики проступило глубокое разочарование. Заметив это, бретонец пояснил:

— Когда господин граф узнал о вашем отъезде в английскую деревню, он приказал мне разыскать вас во что бы то ни стало. Я иду по вашему следу уже восьмой день — от Хоуснока до Брансуик-Фолса, и дальше вдоль реки Андроскоггин.

С этими словами он вынул из-под рубахи лист бумаги.

— Это вам от господина графа.

Она жадно схватила письмо, ощутив великое счастье. От того, что в руке у нее нечто, полученное от мужа, и едва не покрыв поцелуями конверт, запечатанный восковой печатью.

Вскрывая письмо, она надеялась, что Жоффрей назначал ей свидание в какой-нибудь точке на побережье и, вопреки всякой вероятности, сообщал о скорой встрече. Однако, все послание состояло всего лишь из нескольких довольно сухих строк:

«Если это письмо застанет вас в Брансуик-Фолсе, возвращайтесь с Жаном на фабрику Петера Боггена.

Если же вы уже вернулись в Хоуснок, наберитесь терпения и ждите меня. Прошу вас воздерживаться от проявлений излишней смелости и импульсивности».

Ощущение ледяного холода пронзило Анжелику — так ее расстроил тон сдержанной неприязни, прозвучавшей в письме.

Догадываясь, что послание хозяина не отличалось особой любезностью (кроме того, он запомнил, с каким свирепым видом Жоффрей де Пейрак вручал ему конверт), славный Жан с деликатностью простого человека попытался смягчить произведенное впечатление.

— Господин граф беспокоится о вас из-за слухов насчет войны...

— Но ведь... — сказала она.

Ее поразили следующие слова Жана:

— Когда господин граф узнал о вашем отъезде в английскую деревню...

Разве не он сам послал ее туда?..

После восьми наполненных событиями дней, прошедших со времени ее злополучного отъезда, все подробности начали погружаться в густой туман, и Анжелика не могла четко восстановить их в своей памяти.

Между тем, Жан продолжал:

— Господин граф был совершенно прав, к западу от Кеннебека царил жуткий хаос, как будто под деревьями кишел красный муравейник индейцев с томагавками, с зажженными факелами по ночам.

...Кругом пепелища, обугленные бревна, трупы, над ними воронье... В Невееванике мне повезло: индейцы-мародеры сообщили мне, что вы движетесь с Пиксаретом в южном направлении, а не в северном, как другие пленные... я боялся, что меня схватят, приняв за англичанина... Я ведь немного рыжеват... Поэтому приходилось все время прятаться...

Внимательно посмотрев на его изможденное, обросшее бородой лицо, Анжелика постаралась взять себя в руки.

— Но ведь ты, должно быть, совсем без сил, мой бедный друг! Как тебе удавалось раздобывать в пути какую-то еду?.. Иди, подкрепись!

Жан принес с собой теплоту близких, преданных людей, дыхание родного Вапассу, и она с огромной тоской ощутила, как ей не хватает далекого лесного форта, Онорины...

Теперь казалось, что все это осталось на другом краю земли.

Все происшедшее разорвало дивный волшебный круг, круг любви... Меловой круг старинных кельтских легенд.

Наступал вечер. Анжелика почувствовала, как к ней возвращается былой огромный страх. Рокот волн говорил ей о пережитом одиночестве, об изнурительной, безысходной борьбе одинокой женщины с коварством и ловушками похотливых мужчин... Шум этого моря, его терпкое дыхание, голоса пиратов — все это возвращало ее память к Средиземному морю, к охоте за нею, беззащитной жертвой.

Только не поддаваться слабости! Теперь у нее достаточно сил: счастье последних месяцев укрепило Анжелику.

— Ей удалось преодолеть препятствия, мешавшие полному расцвету ее личности, и она знала об этом, как и о том, что в душе ее восстанавливалось мало-помалу то внутреннее равновесие, которое было свойственно ее возрасту и служило источником ее очарования.

Обретя уверенность в себе и в любви, навсегда ставшей ее надежной опорой, она внезапно осознала свою способность заставить отступить враждебность мира и подчинить себе ход событий.

Немного терпения и этому испытанию придет конец. Снова восторгается порядок.

Ей очень хотелось подольше поговорить с Жаном, не сумевшим скрыть удивления при виде зловещей компании, в которой он застал ее. Однако, то ли случайно, то ли по злему умыслу заговорщиков за весь вечер ей так и не удалось остаться с ним с глазу на глаз. Им прочно завладели пираты. Но, хотя Буланже и Бомаршан всячески подчеркивали свою готовность принять в свой круг конюшего графа де Пейрака, ему не удавалось преодолеть в себе чувство отвращения к этим людям.

— Кушай, кушай, сынок, — гостеприимно приговаривал Гиацинт, наливая ему полный половник супа и пытаясь придать своей заплывшей свирепой физиономии приветливое выражение.

Жан вежливо благодарил, но напряженность не покидала его, и время от времени он пытался поймать взгляд Анжелики, чтобы прочесть в нем какое-нибудь объяснение.

Суп из черепахи, который они ели в тот вечер, оказался действительно восхитительным. Его приготовил сам Гиацинт, который, как и многие ему подобные, весьма дорожил своей репутацией умелого повара. Недаром этот суп был наиболее престижным блюдом караибских флибустьеров.

— Я снова ожил, — проговорил Аристид, причмокивая языком.

— Скоро, любезный, вы опять будете бегать, как заяц, — сказала Анжелика, накрывая его одеялом.

Ее не покидало ощущение, что она все время является предметом пристального внимания. Все же ей удалось на мгновение отвести Жана в сторону и прошептать:

— Капитан корабля оставил их на берегу за непослушание. Все они больны или ранены и поэтому

пока не опасны... Тем не менее, чем быстрее господин де Пейрак доберется до нас, тем лучше будет для всех. Кантор должен быть уже в Голдсборо... У тебя остались патроны?

Увы, бретонец все израсходовал на отстрел дичи, в пути, и теперь у него была лишь горстка пороха.

Анжелика зарядила мушкет и положила его рядом с собой.

Стояла удушливая жара, и тяжкое состояние, которое она создавала, нисколько не смягчалось ночным бризом.

Как обычно, Анжелика расположилась под деревом неподалеку от своего подопечного. Странная сонливость сразу же овладела ею, и вскоре ей стало трудно заставлять себя не закрывать глаза.

Последнее, что запечатлелось у нее в памяти, была выходящая из-за облака луна, чей золотистый луч высветил темные силуэты разбросанных островов и молчаливую гладь бухты.

«Это моя луна, — смутно пронеслось в уме Анжелики, — та самая, которая делает меня влюбчивой»... И действительно, Анжелика знала, что в ночи, когда луна набирает полноту, как парус на горизонте, она становится более доступной.

Вскоре ее охватил глубокий сон, но было и тревожное видение: на фоне ледяного розового неба ее окружала толпа людей с неразличимыми лицами, похожими на черные круги.

Внезапно она вздрогнула наяву. Это был не сон, глаза ее были открыты. ЕЕ ОКРУЖАЛА ТОЛПА ЛЮДЕЙ. Их тяжелые темные тени медленно передвигались вокруг нее, а небо было розовым: над бухтой Каско занималась заря.

Анжелика полупривстала. Ей показалось, что тело ее налито свинцом. Машинально она провела рукой по лицу.

В нескольких шагах от себя она увидела Жана. Привязанный к дереву, он был вне себя от ярости.

Затем она узнала Аристида Бомаршана, который, опираясь на двух незнакомых ей матросов, жадно высасывал содержимое только что откупоренной бутылки с ромом.

— Ну, что ж, красавица, — сказал он с усмешкой, — теперь наша очередь распорядиться вами... Раздался чей-то голос:

— Молчи, старый хрыч, порядочный джентльмен с большой дороги не должен оскорблять побежденного врага... Тем более, если это прекрасная дама.

Анжелика подняла глаза на говорившего. Он оказался молодым человеком с авантажной наружностью, хорошо одетым, с манерами и улыбкой бывшего придворного пажа.

— Кто вы? — спросила она каким-то бесцветным волосом.

Он снял широкополую шляпу, украшенную красным пером, и галантно поклонился.

— Мое имя Франсуа де Барсампюи.

Повторно поклонившись и прижав руку к сердцу, он сказал:

— Я помощник капитана Золотая Борода.

Глава 9

И тут Анжелика увидела корабль, стоявший на якоре у самого мыса.

Он выглядел очень нарядно, хотя и был выстроен в укороченных пропорциях старинных моделей, с башнями на носу и на корме, яркая окраска которых сверкала в лучах восходящего солнца.

Это была скорее большая ладья, чем корабль... В мягком плеске волн к берегу отчалила лодка... Раздался голос Гиацинта:

— Ну, как суп из черепахи? Правда, неплохо усыпляет, если подсыпать небольшую добавку?.. Я нашел ее в ваших флаконах...

В одно мгновение сон с Анжелики сняло как рукой. Ей стало ясно все. Гибко разогнув поясницу, она мгновенно вскочила на ноги, стремительно бросилась на Бомаршана, схватила его за плечи и начала трясти, как сливовое дерево.

— Негодяй! Я зашила вам распоротое брюхо, а вы продали меня Золотой Бороде.

Четыре пирата с трудом вырвали Аристиду из ее рук. От полученной встряски он стал бледным, как восковая свеча, и покрылся испариной.

— Сейчас все вывалится! — простонал он, обхватив руками живот.

— Желаю вам, чтоб так и было, — свирепо бросила Анжелика.

— Держите же ее покрепче, — умолял Аристид, — вы же видели, что она сделала со мной?.. Женщина, которая так обходится с бедным больным, не заслуживает снисхождения.

— Кретин! — крикнула ему Анжелика.

Затем со словами «Руки прочь!», она властно отстранила державших ее матросов, и, порывисто дыша, яростно обрушилась на раненого пирата, который являл собой весьма жалкую картину: исхудавшее тело, сжатое в комочек под лохмотьями, которые мешком спадали с него.

— Гнусная ничтожная макака, — с презрением говорила ему Анжелика. — Самое отвратительное существо, которое я когда-либо встречала. С удовольствием бы плюнула на вас...

— Заберите у нее нож, — умолял Аристид.

— Пусть только кто-либо осмелится приблизиться ко мне, — сказала Анжелика, чуть отступив и держа руку на рукоятке кинжала.

Ошеломленные пираты смотрели на нее, как на какое-то привидение с развеянными по ветру искрящимися волосами и светло-зелеными глазами, в которых отражалось свечение моря.

— Мадам, — вежливо произнес де Барсампюи, — вы должны отдать мне это оружие.

— Попробуйте взять его сами!

— Будьте осторожны! — воскликнул Аристид, — она умеет пользоваться этим кинжалом. Именно им она распотрошила меня.

— А нас она забросала ульями, — вспомнил Гиацинт, осторожно державшийся поодаль. — До сих пор головы у нас гудят, как пустые тыквы.

При этих словах все посмотрели в его сторону и Дружно расхохотались.

— А я говорю, она очень опасна! — возмутился Гиацинт. — Эта женщина — колдунья, и вы прекрасно знаете это. На побережье и раньше поговаривали об этом.

Все расхохотались пуще прежнего.

Анжелика догадывалась, что в большинстве своем экипаж корабля не испытывал ни малейшего уважения

к пиратам и дезертирам, которые так подло выдали ее.

Сделав вид, что ее больше не интересуют эти презренные людишки, она повернулась к помощнику капитана, который был французом и, конечно, дворянином.

— Как же им удалось осуществить свое предательство? — спросила она непринужденно. — Этот негодяй тяжело ранен, да и другие чувствуют себя не намного лучше, причем мы не спускали с них глаз. Как же им удалось сообщить вам, что я здесь?..

— Это сделал Мартинес, — ответил молодой человек. — Мы заметили его, когда он высаживался на одном из островов залива, где мы остановились подлатать корабль, и он нам все рассказал.

Мартинес?.. Тот самый пятый разбойник, которого взяли с собой Кантор и англичане с намерением избавиться от этой обузы перед выходом из бухты Каско. Хитрецу же было проще простого уговорить их высадить его как раз на том острове, где, как он знал, отдыхали и чинились французские корсары.

Сообщив Золотой Бороде, что графиня де Пейрак находится всего лишь в нескольких милях от его корабля, Мартинес мог быть уверен в хорошем приеме.

Вся эта интрига и предательство, жертвой которых она теперь стала, были делом рук «гносного макаки», гномика, которого она все это время всячески старалась вырвать из когтей смерти.

Нежелательное появление Жана не остановило их, потому что он был один.

Получив предупредительный сигнал о приближении корсаров, бунтовщики подсыпали им в суп сонный порошок.

...Анжелика огляделась вокруг себя. Где были старуха-индианка, Адемар и четверо англичан, уцелевших от бойни? Недавний шум на берегу позволял предположить, что и их доставили пленниками на борт.

А Пиксарет? Анжелика взглянула в сторону леса, надеясь увидеть его там. Однако, лес стоял, как глухая неподвижная стена, не сулившая надежды. Перед ней простиралось море, подернутое легкой дымкой лилового тумана на горизонте, а ближе открывался вход в бухту Макуа, где в розовом ореоле зари, которая постепенно бледнела, покачивался на волнах разноцветный корабль.

Вновь обретя хладнокровие, Анжелика лихорадочно прикидывала, удастся ли ей извлечь выгоду из встречи с французскими корсарами. Одна половина карибских флибустьеров находилась под французским, а вторая под английским влиянием. Англичане могли, конечно, вообще оставить ее в покое, но зато со своими соотечественниками она могла — хоть и в плену — все же разговаривать на родном языке.

Ладно, капитан Золотая Борода хочет войны и попытается использовать ее захват против Жоффрея де Пейрака! Все так, но ему придется выслушать все, что она ему скажет, и он еще пожалеет о своем разбойном поступке.

Кем бы ни оказался этот человек, она заставит его считаться с собой.

Золотая Борода! Похоже, что он взял себе это имя, чтобы его боялись. Когда-то думали, что одежда создает человека, и что если одеть устрашающий наряд, то можно обратить в бегство любого врага... Умом, наверное, не блещет. Правда, может быть, он вежливее и обходительнее многих других его соотечественников.

Анжелика отметила про себя необычную чистоту и аккуратность одежды матросов, что также могло говорить в пользу возможности договориться с их господином. Разумеется, все они были одеты очень броско и ярко, как и большинство матросов, которые, освободившись от всех привязанностей и часто имея

полные карманы золота, любят жить на широкую ногу и не могут устоять против соблазна разукраситься павлиньими перьями. В каждом вольном мужчине дремлет мальчишка, мечтающий о славе. В то же время в поведении матросов не ощущалось никакой распушенности. Анжелика начинала понимать, почему этот экипаж отверг и оставил на пустынном берегу пятерку негодяев, которых она пожалела.

Зафиксировав все это в уме буквально за несколько секунд, Анжелика почувствовала, что сердце ее обрело свой нормальный ритм. Теперь она могла наметить четкий план действий.

— Где находится ваш капитан Золотая Борода?

— Вот он плывет сюда, мадам.

Глава 10

Франсуа де Барсампюи показывал на лодку, которая на веслах шла от корабля к берегу.

На носу стоял настоящий гигант. Против света он смотрелся, как огромный темный силуэт с неразличимыми чертами лица, видимо, окаймленного бородой. Голова его, как у викинга, заросла густой шевелюрой, которая в подсветке солнечных лучей казалась окруженной пылающим ореолом. Был он одет в камзол с широкими, расшитыми золотом отворотами на рукавах, широкая портупея была увешана оружием. Кавалерийские ботфорты, доходившие ему до середины бедер, тесно облегли его мощные ноги, похожие на две колонны. Именно таким исполином предстал он перед Анжеликой на искрящемся фоне голубой бухты.

За несколько сажень от берега он надел на голову широкополую шляпу, украшенную желто-зелеными перьями попугая.

Анжелику кольнуло опасливое сомнение. Не окажется ли капитан менее цивилизованным, чем его экипаж?.. Пользуясь тем, что все взгляды были обращены к подходившей лодке, она незаметно приблизилась к привязанному к дереву Жану.

— Будь готов, — прошептала она. — Сейчас я разрежу веревку. Когда Золотая Борода ступит на берег, все бросятся ему навстречу, а ты беги в сторону леса... Беги во всю мочь!.. Передай графу, чтобы за меня он особенно не волновался, а я попытаюсь задержать здесь корсаров, пока не подоспеет подмога...

Она говорила, как индианка, почти не шевеля губами, не спуская глаз с приближающейся лодки.

Золотая Борода был грозным предводителем, который, видимо, пользовался большим влиянием у своих подчиненных. Это было видно по тому, как внимательно они следили за его приближением, давая советы, куда грести.

За мгновение до того, как он переступил через борт в воду и тяжелым шагом направился к берегу, Анжелика одним движением ножа перерезала веревку и освободила Жана.

В полной тишине, которую нарушал лишь пронзительный крик чаек, пират шел к берегу.

Отвлекая внимание от Жана, Анжелика смело двинулась вперед.

...Жан уже мчался во весь опор, перепрыгивая через кусты, ямы и расщелины, проскальзывая между стволами сосен, карабкаясь по скалам и постепенно поднимаясь все выше и выше. Попадая в заросли, он ориентировался на свет со стороны моря и, наконец, добрался до противоположного берега бухты.

Убедившись в отсутствии погони и чуть отдышавшись, он подошел к краю обрывистой скалы и внимательно огляделся вокруг.

С места, где он оказался, были хорошо видны бухта, корабль на якоре, собравшиеся на берегу люди.

Глаза его искали мадам де Пейрак. Не видя ее, он ухватился за корень чахлого дерева на самом краю утеса, и подался вперед.

И тут он увидел... увидел...

Челюсть его отвисла, глаза полезли на лоб, и матрос Жан, который успел многое повидать в своей нелегкой жизни, вдруг ощутил, как все внутри его словно оборвалось и полетело вниз.

Он увидел откиннутое вверх преобразенное женское лицо.

Это была она. Она, жена графа де Пейрака!

В плотном кольце оцепеневших мужчин, которые были ошеломлены почти как Жан на своей скале. Золотая Борода и Анжелика, не сводя глаз друг с друга, неистово обнимались и целовались, как вновь обретшие друг друга влюбленные... КАК ВНОВЬ ОБРЕТШИЕ ДРУГ ДРУГА ВЛЮБЛЕННЫЕ!

Глава 11

— Колен! — сказала Анжелика.

В каюте на корабле, куда он ее привел, царил полумрак. Через открытые окна кормовой башни было видно свечение бухты и зыбкое отражение маленького острова.

Корабль стоял на якоре.

Как бы оцепенев от дневной жары, он мечтательно покачивался на тихих волнах, которые ласково плескались вокруг. Казалось, что «Сердце Марии» покинули все его обитатели, оставив на борту только эти два существа, внезапно воссоединенные по воле судьбы.

— Колен! Колен! — как во сне повторяла она.

...Теперь она молча смотрела на него, полуоткрыв губы. Она все еще переживала то сильнейшее потрясение от неожиданности, испуга и острого счастья, которые она испытала, когда вдруг ей показалось, что в шагающем по гальке гиганте она узнает, угадывает... О, этот разворот плеч, этот взгляд... А неопишемое волнение и пригвоздившее его к месту оцепенение, когда он заметил ее, и она ринулась ему навстречу! Колен! Колен! Ах, дорогой друг мой, друг из пустыни!

Высокая статная фигура человека по имени Золотая Борода заполняла все узкое пространство каюты.

Стоя прямо перед ней, он молчал как немой.

Было очень жарко. Отстегнув портупею, он положил ее на стул и снял камзол. К портупее были прицеплены три пистолета и топорик. Когда он прижал ее к себе, весь этот арсенал даже причинил ей боль, а затем губы их слились в поцелуе, и она начала сожалеть, что,

поддавшись спонтанному порыву, сама бросилась к нему в объятия.

В тяжелом полумраке светлыми пятнами проступали белый воротник его расстегнутой на могучем торсе рубахи и закатанные на мощных руках рукава. Последний раз она видела его в Суете^[4], испанском городе на земле сарацинов.

С тех пор прошло четыре, нет, пять лет. И вот сейчас они в Америке.

Анжелика возвращалась к реальной действительности, к трезвой оценке фактов. Сегодня утром, когда занималась тревожная заря, она ждала появления грозного пирата, врага... Но Золотой Бородой оказался Колен, ее соратник, ее друг... ее бывший любовник. Какая страшная, ошеломляющая неожиданность!

И, в то же время, это была действительность, чуть сумасшедшая, но вполне реальная. Разве не для того они созданы, все авантюристы, все моряки нашего мира, чтобы вдруг встретиться в любой точке земного шара, всюду, куда море несет корабли?

Совершенно непредсказуемый случай снова свел ее с человеком, вместе с которым она убежала из Микнеса, а потом из Барбарии... Но все это было по ту сторону земного шара, и за прошедшее время оба они прожили две неведомые друг другу жизни.

В молчании каждый из них сравнивал свои впечатления с тем, что было много лет тому назад. Было много схожего, но еще больше чего-то чужого... Казалось, что прошедшие годы постепенно наполняют узкое пространство каюты какой-то тяжелой, чуть вязкой водой, и эта вода начинала отдалять их друг от друга. Время как бы обретало реальную, осязаемую форму.

Подперев подбородок руками, Анжелика попыталась улыбнуться, чтобы остановить новый прилив неясного возбуждения, которое вдруг снова обожгло ее щеки и вызвало блеск в глазах.

— Так, значит, это ты, — сказала она и тут же поправилась, — значит это вы, мой дорогой друг Колен. Именно вы оказались тем самым корсаром Золотая Борода, о котором я столько слышана?.. Я бы солгала, сказав, что ожидала этого... У меня и в помине не было мысли о том...

Она прервалась, глядя, как он садится к столу напротив нее. Скрестив руки на груди, чуть подавшись вперед и втянув голову в плечи, он теперь смотрел на нее задумчивыми немигающими светло-голубыми глазами.

Она не знала, как реагировать на этот внимательный взгляд, понимая, что он искал в ее лице, узнавал во всех его чертах и находил почти неизменившимся родной, близкий, любимый облик, который явился ей самой в обветренном лице этого человека с его широким лбом, пересеченным тремя глубокими морщинами, похожими на шрамы, вихрастой головой нормандца и светлой бородой. Но какая это, должно быть, иллюзия! Сколько преступлений было совершено этим человеком за прошедшие годы?

И хотя какой-то страх вновь овладел ею, она признавалась себе, что он нравится ей теперь именно таким, каким он стал, и понимала, что и он смотрел на нее и видел ее именно такой, какой она была сейчас, с обращенным к нему лицом, с перламутровыми отблесками на волосах. Это было лицо женщины, которая не стеснялась своей привлекательности, которая была горда своей зрелостью и свободным умом и ощущала в себе какую-то королевскую статью, большее совершенство в линиях, большую гармонию в осанке, в тонком очертании носа, бровей, губ, большую мягкость,

но и загадочность в океанской синеве взгляда, и все это было почти идеальным образом цельной натуры, которая околдовывала своими чарами всех мужчин, иногда до безумия, как Пон-Бриана.

Глава 12

Наконец корсар произнес:

— Это невероятно! Вы еще прекраснее, чем были тогда и какой вы запечатлелись в моей памяти. Бог свидетель: ваш образ не покидал меня все эти годы.

Выразительным движением головы Анжелика отвергла это признание.

— Нет никакого чуда в том, что сегодня я выгляжу более красивой, чем та несчастная женщина, какой я была тогда... Впрочем, вы видите, у меня поседели волосы.

Он кивнул.

— Я помню... они начали сесть на дорогах пустыни... слишком много горя... Слишком много перенесенных страданий... Бедная малышка! Бедное храброе дитя...

Она вновь узнавала его голос и его чуть крестьянский выговор, басовые нотки той немного отеческой интонации, которая когда-то так трогала ее. Теперь она хотела во что бы то ни стало не поддаваться новому волнению, но не находила нужных слов.

Когда она грациозным, но немного страдальческим жестом отвела со лба светлую прядь волос, глубокий вздох вырвался из его груди.

Анжелике очень хотелось придать их встрече больше легкости, хотелось говорить, шутить. Но пристальный взгляд Колена Патюреля полностью сковывал, парализовывал ее.

Он всегда был серьезен и редко смеялся. Сегодня он выглядел еще серьезнее... Впрочем, она знала, что за его суровой невозмутимостью могла скрываться не только печаль, но и хитрость.

— Итак, вам известно, что я жена графа де Пейрака?
— сказала она, чтобы прервать молчание.

— Разумеется, знаю... именно поэтому я и появился здесь. Мне надо захватить вас, чтобы свести кое-какие счета с правителем Голдсборо.

Его суровое лицо вдруг озарилось улыбкой, став добрым и открытым.

— Я бы солгал, — передразнил он ее, — если бы сказал, что ожидал встретить под этой фамилией именно вас. Но это оказались вы, вы — мечта моих дней и ночей на протяжении стольких лет!

Анжелику охватывала все большая растерянность. Дни, проведенные ею на крайней точке этого полуострова, продуваемого всеми ветрами, все эти дни бесплодного ожидания настолько подорвали твердость ее духа, что она чувствовала себя беззащитной перед новым испытанием... «Непреодолимым испытанием» — уже подсказывало ей предчувствие.

— Но ведь вы — Золотая Борода! — воскликнула она, как бы обороняясь от самой себя. — Вы более не Колен Патюрель... Вы стали преступником.

— Да нет же, нет, откуда вы это взяли? — удивленно, но миролюбиво возразил он. — Я корсар от имени короля и имею на сей счет должным образом заверенную и подписанную грамоту.

— Правда ли, что при взятии Портобелло вы выставили вперед монахов в качестве прикрытия от огня?

— Это особая история! Они были подсланы губернатором с расчетом склонить нас своими молитвами к сделке, но измена всегда измена, даже когда она облачена в сутану. Наша задача была разгромить испанцев, и мы их разгромили. Испанцы — люди совсем иного племени, чем мы, северяне. Они никогда не станут такими, как мы. В их жилах течет слишком много мавританской крови... Это еще не все...

Я ненавижу их жестокость, прикрываемую именем Христовым. В тот самый день, когда мы проучили монахов, на холмах было разложено десять костров, на которых были сожжены сотни индейцев из числа тех, кто отказался работать на добыче золота или перейти в католическую веру. И сделано это было по приказу благочестивых слуг Господних...

Более жестокие, чем мавры, более хищные, чем христиане, — вот кто такие испанцы. Это страшная смесь — смесь алчности и фанатизма... Нет, я не жалею, что в битве за Портобелло мы выставили впереди себя монахов в качестве прикрытия. Правда, должен сказать вам, как на духу, мой дружок, что я уже не тот добрый христианин, каким был раньше...

Выйдя из Сеута на паруснике «Бонавантюр», я сначала направился в Ост-Индию. Там я отбил у пиратов дочь Великого Могола, захваченную ими в плен, и стал обладателем больших богатств, которые мне пожаловал в знак признательности этот выдающийся азиатский властелин. Затем, вдоль островов Тихого океана я доплыл до Перу и через Новую Гренаду добрался до Антильских островов. В Панаме вместе со знаменитым английским капитаном Морганом воевал с испанцами, затем вместе с ним отправился на Ямайку, где он был губернатором. Благодаря дару Великого Могола и новым трофеям мне удалось снарядить свой собственный корабль для каперских экспедиций. Это было в прошлом году. Да, должен признать, что после Марокко я перестал быть добрым христианином. Теперь я мог молиться только Святой Деве Марии, потому что она женщина. Она помогала мне мечтать о вас. Я знаю, что это не очень хорошо, но я чувствовал, что сердце Святой Девы снисходительно к бедным мужчинам, что она понимает все и особенно хорошо эти вещи. Поэтому, став хозяином корабля, я назвал его «Сердце Марии».

Он медленно стянул с рук перчатки и протянул к ней обе ладони.

— Вот смотрите, вы узнаете эти следы гвоздей? С тех пор они всегда со мной... — сказал он.

Отведя взгляд от его лица, она узнала посиневшие шрамы от казни на кресте. Это случилось в Микнесе, когда в один прекрасный день султан Мулей Исмаил приказал распять его на дереве у въезда в город, на краю леса Порт Нев. Он не погиб только потому, что не было такой силы, которая могла бы справиться с Коленом Патюрелем, Королем рабов.

— Было время, когда среди морской братии мне дали прозвище Распятый, — продолжал он свой рассказ. — Тогда я объявил, что убью всякого, кто назовет меня так. Я понимал, что недостойн этого святого имени. Но преступником я не был. Я был просто человеком моря, которому, благодаря сражениям... и трофеям, удалось стать самому себе господином... Я сам завоевал себе свободу. Только нам дано понять, что это — больше, чем жизнь.

Говорил он долго, и сердце Анжелики начинало успокаиваться, и за это она была ему признательна. Жара теперь казалась ей не такой гнетущей.

— Самому себе господином... — повторил он. — После двенадцати лет рабства и долгих лет подневольной службы под началом капитанов, которые не стоили и веревки, чтобы их повесить, только это может вернуть радость в сердце человека.

Его руки приблизились к рукам Анжелики, но он не схватил их, а лишь накрыл своими ладонями.

— Ты помнишь? — спросил он. — Ты помнишь Микнес?

Она отрицательно покачала головой и высвободила руки, прижав их к груди жестом неприятия.

— Нет, почти ничего не помню и не хочу вспоминать. Теперь все по-другому. Здесь мы находимся на другой

земле. Колен и я, жена графа де Пейрака...

— Да, да, я знаю, — сказал он с легкой улыбкой, — вы мне это уже говорили.

Но она прекрасно видела, что эти слова ничего для него не означали, и что в его глазах она всегда будет той одинокой гонимой рабыней, которую он тогда взял под свою защиту и совершил с ней побег, той, которую он пронес на спине через пустыню, как родное дитя, и там же, на каменистой земле рифа овладел ею, познав несказанное наслаждение.

Внезапно ее пронзило воспоминание о ребенке Колена, которого она носила под сердцем, и она ощутила такую же нетерпимую боль, как и тогда...

Веки ее опустились, голова невольно полуоткинулась назад, и она вновь увидела себя, пленницу короля, в карете, бешено мчащейся по дорогам Франции, и вдруг страшный удар, резкая боль, отпавший плод в хлещущей крови... Ее преследовал все тот же недоуменный вопрос: каким образом, всеми покинутая, смогла она тогда выскользнуть из тисков королевского остракизма и начать свою вторую жизнь. Это казалось невероятным...

Человек, сидевший напротив, видел на потрясенном женском лице отсвет пережитых страданий и горя, о которых не было поведано никому и никогда. Тех тайных страданий, которые женщины хранят про себя, зная, что мужчины не способны понять...

В свете солнца золотисто-розовое лицо Анжелики с продолговатой тенью ресниц на щеках, прекрасное в своей неземной красоте, возвращало его к чудесному воспоминанию о женщине, засыпавшей в его объятиях, женщине, которая, казалось, не переживет экстаза любви.

Привстав, он в неудержимом порыве наклонился к ней:

— Что с тобой, мой ягненочек? Ты заболела?

— Нет, ничего, — тихо ответила она.

Глуховатый голос Колена, как бы вернувшись из прошлого, снова заполнил все ее существо, но на этот раз она ощущала его более мягко, как будто то был шевелившийся в ней ребенок. От самого присутствия этого человека, вопреки ее воле, к ней возвращалось и возбуждение, теплая волна плотского желания.

— Я так устала, — прошептала она, — столько дней ждать на берегу, да еще ухаживать за этим мерзавцем... Забыла уже, как его зовут.

Медленно поглаживая ладонями лоб и щеки, она старалась не глядеть на него.

Вдруг он встал в полный рост, обошел стол и остановился прямо перед ней. В низенькой каюте он казался огромным. Некогда самый сильный раб Мулея Исмаила, геркулес, сотканный из одних мускулов и костей, за годы последующих вольных плаваний он нагулял мясную плоть, и никто не смог бы свалить или согнуть этого мощного гиганта с квадратными плечами, круглой, сильной шеей, бычьим лбом и широкой, как щит, грудью.

— Отдохни, — сказал он ласково, — а я принесу тебе прохладительные напитки. Чуть передохни, и ты сразу почувствуешь себя лучше, а потом мы продолжим разговор.

Его плавная, спокойная речь снимала напряженность, но в то же время она чувствовала, что может стать жертвой неотвратимого решения. Она бросила на него умоляющий взгляд, но он лишь вздрогнул и крепче сжал челюсти.

Она все еще надеялась, что он сейчас уйдет, но он вдруг опустился на колени, горячими тисками пальцев сжал ей ногу и, откинув выше колен подол платья, обнажил нежно-перламутровую белизну ее ног.

— Вот он, след укуса змеи, он на месте, — воскликнул он почти с восторгом и, прильнув головой к

ее коленям, благоговейно приложил губы к синеватой извилинке шрама.

Все это длилось какое-то мгновение. Поднявшись, он бросил на нее страстный взгляд, но тут же вышел из каюты. Она осталась одна. На коже пылал ожогом поцелуй Колена, чей нож сделал когда-то этот надрез, спасший ее от укуса змеи. Красно-розовая полоска — след железного браслета его пальцев — медленно сходил с обнаженной ноги.

***

Он всегда был таким, этот мужчина: нежным, миролюбивым, великодушным, но совершенно не осознающим своей силы! В порыве чувств, совершенно произвольно, он порою причинял боль, вызывая испуг и даже слезы, и тогда она чувствовала себя в его руках беспомощной хрупкой вещью, которую так просто случайно разбить. Спыхватываясь, он умолял: «Прости меня... Я — животное, правда ведь? Скажи мне это, назови меня так!»... А она отвечала, смеясь: «Да нет же, разве ты не понял, что делаешь меня счастливой...»

Внезапно Анжелику охватила сильная дрожь. Тщетно пытаясь избавиться от нежданного недомогания, она принялась ходить взад и вперед по узкой каюте, вне себя от тяжелой жары и мутно-оранжевых отблесков заката.

Платье ее прилипало к лопаткам, ей нестерпимо хотелось обдать себя свежей водой и переодеться.

Пираты захватили ее утром с босыми ногами. Так она и пошла навстречу Золотой Бороде. С какой силой он прижал тогда ее к себе! И сейчас она вышагивала босая по дощатому полу каюты. Подойдя к окну, она выставила наружу голову в надежде, что морской бриз немного освежит ее. Увы, в воздухе не было ни малейшей прохлады. С берега доносился запах расплавленного вара: матросы продолжали что-то чинить и конопатить...

В состоянии полной подавленности она подумала: вот случай вернул ей из прошлого любовника, и сразу же память ее с необычайной живостью воспроизвела это прошлое... Она и не подозревала, что в ее сердце остался такой глубокий след, и что на нее вновь нахлынет та сладостная волна, во власти которой она оказалась, когда он произнес своим мягким басом: «Что с тобой, мой ягненок? Ты заболела?»

Простые слова, но они всегда проникали в самую глубину ее существа. Таким же глубоким, полным и мощным было то чувство, которое она испытывала, когда этот же человек так примитивно овладел ею много лет тому назад, а она и не отвергла, и не приняла его.

Теряя дыхание, она погрузилась в поток воспоминаний. Каким неукротимым было вождение гиганта нормандца! Но разве его влечение не было ответом на зов ее взгляда, сказавшего: «Да!» Тело ее вновь трепетало от возвращенных памятью забытых было восторгов любви в пустыне.

Он всегда был потрясающе нетерпелив в своем стремлении обладать ею. Он хотел ее немедленно. Он опускал ее на песок и тут же овладевал ею без единого слова любви, без единой ласки. Однако она ни разу не обиделась на него. В мощном давлении его тела, в неотвратимости его проникновения она всегда ощущала чистоту и щедрость великого, почти мистического дара всего его существа.

В чудесной силе его порывов не было, быть может, заботы о ней, но было чествование действия любви.

И был жрец любви, приносящий себя в жертву во имя союза и счастья людей на земле.

Не было никакого кощунства в мысли о том, что Колен Патюрель совершал действие любви столь же благоговейно и столь же неистово, как все то, чему он себя посвящал...

Да, были объятия, которые, казалось, несли ей смерть, ибо тело ее было истощено испытаниями и не было в нем силы отдаваться порывам и отвечать на них. Но в этих же объятиях она познавала всю прелесть покорности, всю сладость наслаждения быть всего лишь чашей для утоления жажды любимого, орудием радости его плоти, когда женская плоть кажется покинутой и забытой, но остается щедрым источником сладчайшего экстаза.

Да, были самозабвение и самоотречение, из которых внезапно, как вспышка молнии, возникала награда, возникала в то самое мгновение, когда она начинала терять сознание, когда мужской натиск достигал своей цели, вырывая ее из небытия и возвращая к жизни криком пробуждения, криком возрождения и обновления, первозданным криком мужчины в последней судороге действия любви.

Эта неодолимая судорога вспоминалась ей, как сверкающая волна, захлестывающая всю ее плоть, — уже полумертвую, но еще открытую наслаждению, в котором зарождается жизнь.

Как почка, которая внезапно распускается от весеннего света.

И когда ее чрево всепоглощающе откликалось на зов любви, к ней возвращалась сила жизни.

— Я жива, я жива, — повторяла тогда она.

Его слепое вожделение как бы вырывало ее из сна смерти, и кровь ее начинала бежать быстрее, и к ней нисходило несказанное чудо: голубые, прозрачные, как родниковая вода, широко открытые глаз Колена, его губы в золотистом окаймлении бороды, легкое дуновение его дыхания.

Да, Колен не просто спас ей жизнь, он вернул ей и жизнь, и радость жить, а не одно желание просто выжить. Если бы не он, вряд ли хватило бы у нее сил отыскать и вновь обрести мужа и детей.

Ах, море, море, что же ты наделало, что наделали твоя зыбь, твои волны, твой прилив, который уже начинает накатываться на берег, как остро вы пробудили видения прежних лет! Останься она в лесах Вапассу, забыла бы Колена навсегда...

«Мне надо выбраться отсюда», — сказала она себе, охваченная паникой.

Подбежав к дверям, она попыталась их открыть, но двери оказались на засове. Оглядевшись, она увидела на полу свою дорожную сумку, а на столе обнаружила еду: кусок жареного лосося с гарниром из отваренных зерен кукурузы, салат и розетку с ломтиками засахаренного лимона и ананаса. Стоял графин с неплохим, видимо, вином и кувшин со свежей водой.

Все это принесли, пока она лежала, погруженная в свои раздумья так глубоко, что даже не заметила, когда кто-то вошел в каюту.

К блюдам она не притронулась, выпила только немного воды.

Раскрыв сумку, она увидела, что там нет ее вещей. Надо попросить Колена послать за ними на берег одного из своих бездельников-матросов.

Он должен подчиниться ей. Он был ее рабом. Она была единственным человеком, с которым он считался. Она поняла это, как только они встретились и узнали Друг друга.

Все, чего он хотел на этой земле, это была ОНА... еще и всегда ОНА. И вот теперь она в его власти...

Как же убежать от него? Как убежать от самой себя?

Совсем было собравшись постучать в дверь и громко позвать кого-нибудь, она все же образумилась. Нет, Колена ей видеть опасно. При одной мысли о том, каким взглядом он смотрит на нее, ее охватывало крайнее волнение и чувство беспомощности.

Когда же появится Жоффрей и успеет ли вовремя Жан?

Она выглянула наружу. День уходил, солнце исчезало за серой грядой облаков, которые временами как бы вздрагивали от зноя, усиливалось качание стоявшего на якоре корабля.

Анжелика сняла с себя одежду. Взяв кувшин, она стала лить на себя холодную воду — сначала на затылок, потом на все тело, и сразу почувствовала себя лучше. Надев сорочку из тонкого полотна, она снова принялась ходить по сумеречной каюте, подобно бледной мечущейся тени. Ее перегретому телу было приятно в короткой легкой рубашке, голые ноги ощущали ласку задувшего наконец ветерка, под которым уже запенились первые волны.

«Возможно, будет буря... Вот почему корабль стоит на якоре, а не под парусами, — подумала она. — Колен предчувствовал это».

Натянув на себя покрывало, которым была накрыта койка, она растянулась на постели.

Ее одолевал сон.

Разные мысли теснились у ней в голове. Почему Золотой Бороде понадобилось захватить ее? Какие права собственности были у него на Голдсборо? Почему Жоффрей послал именно ее, Анжелику, в английскую деревню?.. Ну, да ладно, обо всем этом можно подумать позднее.

Раздался глухой удар грома, на который сразу откликнулось ближнее эхо, но следующий раскат прозвучал уже в отдалении.

— Буря уходит в сторону моря...

Покачивание корабля погружало ее в сладкое оцепенение. Колен... Как давно это было...

Тогда в пустыне он целовал ее только после того, как удовлетворял свою нетерпеливую жажду любовной близости. Только тогда он начинал ее ласкать... Их

поцелуи были нежными, но осторожными — ведь они оба знали, что на потрескавшихся от сухости и солнечных ожогов губах часто проступала кровь... Она вся вздрогнула и напряглась, вспомнив о сухих израненных губах Колена на своих губах, на всех местах ее тела... Резко повернувшись на другой бок, на пределе усталости и нервного напряжения, она мгновенно провалилась в глубокий сон.

Глава 13

— Нет, Колен, не это, умоляю тебя... только не это.

Стальные руки Золотой Бороды неумолимо приподняли и прижали Анжелику к его жесткой обнаженной груди, а пальцы его, которые она ощущала всей своей кожей, ухватили между грудьми и потянули тонкое льняное полотно рубашки, которое разорвалось легко и бесшумно, как пелена тумана. Рука Колена — на пояснице, на бедрах — овладевала ею, вела разведку, протискивалась меж ее ног туда, в то заветное место, где кожа нежна, как шелк, а ласка беспредельна.

— Нет, Колен, только не это, умоляю тебя... Я умоляю тебя!

Отдаленная гроза озаряла темно-красными сполохами беспредельную черноту ночи.

На столе за спиной Колена горела свеча, которую он принес с собой. Но для обнаженной, почти потерявшей сознание в его руках Анжелики не было ничего, кроме ночи, и огромного, как ночная бездна, Колена, прильнувшего к ней, обволакивающего ее своей темной необузданной страстью. Крепко держа и неослабно лаская ее тело, он искал губами ее уста, но она упрямо отводила лицо то вправо, то влево, как на последнем рубеже обороны.

— Ласкунья ты моя! — нежно шептал он, как когда-то прежде.

Наконец, ему удалось прижать свои губы к ее устам, сразу же ощутившим теплое щекотание его бороды.

Не выпуская ее затылка из своих железных рук, теперь он замер в полной неподвижности, как бы смирившись перед барьером ее сомкнутых губ. И вот уже ей самой захотелось проникнуть в секрет печати, которую губы его наложили ей на уста, умоляя ее

ожить, откликнуться. Губы ее приоткрылись, поддаваясь жадному зову внезапного голода, приближающему таинству поцелуя.

Это был охмеляющий диалог, поиск более нежный и деликатный, чем само обладание, все еще робкое любопытство, благодарность, признание, открытие, и та звенящая, негасимая искра, от которой вспыхивают в крови желание и блаженство, а в голове зажигается солнечный пожар. Это было слияние навеки, никогда не утоляемая жажда, райский вкус небытия, сочная мякоть плода, предлагающего себя голоду, ответ, еще ответ... каждый раз все нежнее и полнее, и вот уже вымаливаемое тело само торопится пасть на алтарь ритуального пира любви.

Сила Колена взяла верх и, опрокинув ее, пригвоздила к постели.

— Нет, Колен!.. О, прошу тебя, моя любовь, не надо. Сжался надо мной, я больше не могу... больше не могу... сопротивляться.

Его колени все мощнее давили на ее сжатые ноги, стремясь в последнем, неодолимом нажатии надежно раздвинуть их...

Раздался крик:

— Я возненавижу тебя!

Сама она уже почти не слышала своих слов.

— Богом клянусь, я тебя возненавижу. Колен!

Он замер, как пораженный молнией, как пронзенный кинжалом.

На какое-то время наступило молчание. Колеблющееся пламя свечи отбрасывало на стены каюты нетленную тень людей в ночи, бесконечно повторяющуюся с незапамятных времен единую тень мужчины и женщины, сплетенных в объятии для любви...

Резким движением Анжелика вырвалась из плена могучих рук Колена и соскочила с койки с такой

безумной стремительностью, что повалила стол, и упавшая свеча сразу потухла.

В руках у нее оказалась шаль из индейской ткани, которой она накрылась перед сном. Лихорадочно закутываясь в нее и больно ударяясь, она стала загоразживаться столом от Колена, не видя, где он: в каюте было совсем темно, да и ночь была безлунной, небо затянулось тучами, сгущался туман.

Она догадывалась, что Колен готовится к прыжку, как зверь.

— Анжелика! Анжелика! — раздался в темноте его голос.

Это был страшный крик обманутого желания, душераздирающий крик отчаяния.

— Анжелика!

Шатаясь, он двинулся вперед с протянутыми руками, но наткнулся на стол.

— Молчи! — сказала Анжелика тихим голосом, сжав зубы. — Оставь меня! Я не могу отдаться тебе. Колен. Я — жена графа де Пейрака.

— Де Пейрака! — хрипло произнес он голосом человека при смерти. — Этого объявленного вне закона авантюриста, того, кто строит из себя принца, а скорее, короля Акадии...

— Я — его жена!

— Ты вышла за него, как те антильские шлюхи, которые охотятся здесь за мужьями... За его золото, за его флот, за драгоценности, которыми он тебя увешивает, за то, что он тебя кормит... Разве нет? На какой скале ты его подцепила?.. Специально отлавливала богатого корсара, не так ли? А разве он не дарил тебе изумруды и жемчуг? Отвечай!..

— Я не обязана давать тебе объяснения. Я — его супруга. Наш брачный союз скреплен господом богом.

— Чепуха!.. Все это забывается!..

— Не кощунствуй. Колен!

— И я могу дарить тебе изумруды и жемчуг... Могу стать таким же богатым... Ты любишь его?

— Тебя не касается, люблю ли я его! — отчаянно выкрикнула она. — Я — ЕГО ЖЕНА, и не для того я живу на этом свете, чтобы нарушить святую клятву.

Колен дрогнул. Анжелика быстро проговорила:

— Мы не можем этого делать, Колен... Это невозможно! Между нами все кончено, иначе ты разрушишь мою жизнь...

Он спросил глухим голосом:

— Ты правда можешь возненавидеть меня?

— Да, правда. И тебя, и даже память о тебе, наше прошлое... Ты стал бы виновником моей беды, моим злейшим врагом... Виновником моего тягчайшего предательства... Я бы возненавидела и самое себя... так лучше убей меня на месте... Убей меня! Лучше убей меня...

Грудь Колена вздымалась, как кузнечные мехи, он дышал, как человек, испытывающий предсмертные муки.

— Оставь меня, оставь меня, Колен...

Голос ее звучал тихо, но в каждом ее слове было столько сдерживаемой силы, что они пронзали, как удар кинжала.

— Я не могу оставить тебя, — отвечал он, как в лихорадке, — ты принадлежишь мне. Ты принадлежишь мне всегда — и во сне и в мечтах... И теперь, когда ты здесь, когда ты прямо передо мной, а не отрекись от тебя... Иначе что толку в том, что я тебя нашел?... Какой смысл в той случайности, которая снова привела тебя на мой путь... Мне так не доставало тебя, не хватало все дни в ночи... Я слишком исстрадался, вспоминая о тебе, чтобы отречься... ты должна стать моей!..

— Тогда убей меня, убей немедленно!

Шум отрывистого дыхания обоих загустевал в плотной темноте. Вцепившись в стол, Анжелика была

почти без памяти. Едва ощутимая качка казалась ей головокружительной, она чувствовала себя беззащитной, как слепой, которому неотвратимо угрожает нечто такое, чему предпочтительна сама смерть.

Услышав, что Колен сдвинулся с места, и не сомневаясь, что он приближается к ней, она вдруг ощутила внутри себя пронзительный, но беззвучный крик, какого не было никогда... Она не знала, что это был зов о помощи, обращенный к чему-то более сильному, чем ее слабость, к чему-то более прозорливому и милостивому...

Мало-помалу она осознала, что все вокруг неподвижно, что вернулись мир и пустота, что она снова одна. Колен оставил ее в покое. Колен ушел.

Глава 14

Настал очень трудный для нее момент, момент смятения, отчаяния, когда то вечно детское, что есть в каждой женщине, вновь берет верх надо всем, когда отбрасывается всякая логика, бросается вызов реализму, действительности, возникают сожаления. Измученное тело и смятенный дух Анжелики, казалось, не выдержат тяжести неразрешимой дилеммы, ей было нестерпимо больно.

Когда, наконец, нервы ее немного успокоились, она стала наощупь искать свечу, которая куда-то закатилась, но не нашла ее. Внезапно сквозь ночной мрак проступило слабое молочное свечение, возвестившее о том, что между двух туч появилась луна, и тогда Анжелика, пошатываясь, как пьяная, вышла на балкончик перед окном, и, опершись на позолоченные деревянные перила, несколько раз глубоко втянула в себя воздух.

Сбросившая с себя вуаль луна озаряла все вокруг своим очищающим светом. По небу плыли перламутровые облака, раздавался мерный шум прибоя, где-то вдали тоскливо и чуть зловеще выли морские волки.

Глядя вокруг, но ни на чем не задерживаясь взором и постепенно успокаивая расходившиеся нервы, Анжелика начинала осознавать, какой страшной беды она чудом избежала. При мысли об этом она снова ощутила слабость в ногах.

«Ведь я почти пошла на «это», — призналась она себе, покрываясь холодным потом.

Одна за другой проносились секунды, и с каждой из них в ней нарастал самый элементарный страх, который

беспощадно рассеивал ослепивший было ее мираж сладостного искушения.

«А если бы «это» произошло?..»

Это было бы равносильно смерти... Равносильно... она не находила слов, чтобы передать полную опустошенность, на которую она обрекла бы себя, если...

Отныне она знала, что желание может сравниться с самой ужасной стихийной катастрофой наравне с приливами, циклонами и землетрясениями, пересилить все доводы рассудка, закружить в неудержимом слепом вихре слабое человеческое существо.

Как же нашла она силу устоять? Все больше злясь на себя и кусая с досадой сжатые в кулак пальцы, она безрадостно смотрела в пучину моря.

«Как же я могла?..»

«А этот поцелуй... — подумала она, притрагиваясь к губам. — Я не должна была... Не должна была допустить такой поцелуй...»

Поцелуй, в котором ее язык соединялся с языком Колена.

Она обхватила лицо руками:

«Это непростительно! Непростительно!..»

Жоффрей, Жоффрей!

Какой-то суеверный страх заставлял ее гнать от себя мысли о муже. Ей чудилось, что он стоит у нее за спиной и пристально смотрит своими горящими глазами.

«Ведь именно Жоффрей привил мне вкус к поцелуям. Никто иной как он, научил меня так целоваться, и я так люблю — люблю с ним — эти поцелуи, у которых нет конца. Мне хочется всю свою жизнь прожить с ним, сердце к сердцу, обнявши его, прильнув устами к его устам... И он это знает. Как же я могла так близко подойти к измене ему!.. Я стала слабой, и причина то — наша разлука...»

Женщина становится особенно уязвимой, когда чье-то отсутствие порождает в ней потребность в утешении. Это необходимо знать всем мужчинам, каждому супругу.

Выяснив для себя, что смятение ее было порождено той невыносимой пустотой, которая возникла в ней из-за разлуки и одиночества, Анжелика начала потихоньку оправдывать себя.

«Он не должен был, никогда не должен оставлять меня одну... А потом — так ли уж это серьезно? И что на самом деле произошло между мной и Коленом? Неужели этого достаточно, чтобы разлучить меня с мужем? Сущий пустяк... Вроде как попить воды, чтобы утолить жажду. Разве грешно попить воды?.. Нас, бедных женщин, просто шантажируют, хотя никаких оснований для трагедии нет... Ну, понравился человек, возникло желание... В общем, мелочь. И мне теперь надо более снисходительно относиться к мужским проказам... А вдруг в один прекрасный день Жоффрей... с другой женщиной... О, нет, я никогда не потерплю такого... Я бы умерла... Нет, это очень серьезная вещь! Прости меня... И все же, почему какое-то случайное приключение может обернуться настоящей трагедией, и это с тех пор, как существует мир?.. И как ни быстр человеческий разум, а плоть слаба, и в этом вся правда!

А этот Колен, ведь он уже стал для меня почти совсем чужим человеком... Почему же так сильно искушение... Любовь — это дело кожи... Так говорит Жоффрей, с присущим ему цинизмом, когда ему хочется меня подразнить... Любовь — это когда на коже возникают волны, которые притягивают друг к другу... Нет, это не только волны от кожи, хотя, может быть, они самые главные... Ведь и мне встречались мужчины, с которыми не было неприятно, даже когда я знала, что им чего-то недостает. А вот у нас с Жоффреем это «что-

то» возникло сразу и сохранялось даже тогда, когда я боялась его.

А с Коленом?.. С ним всегда было «что-то еще», чего я объяснить не могла... С Дегре тоже, мне кажется... Как ни странно, но если хорошенько подумать, то и тому толстяку, капитану из Шатле, видимо, я не случайно уплатила такую «плату», когда надо было спасти Кантора. Он тоже оставил о себе неплохую память... А с королем? Вот с ним это «что-то» отсутствовало. Теперь мне стало яснее, почему... Это удивительное признание друг друга «всей кожей» возникает не у всех, а почему — непонятно.

У нас с Коленом оно есть, потому и опасно оставаться с ним наедине... Я никогда не должна этого делать».

Под мягкое покачивание корабля, паря в сиянии луны, ее воображение как бы возвращалось к далеким образам мужчин, с которыми она была близка. К ее изумлению, в памяти возникло и приветливое открытое лицо графа Ломени-Шамбора, и даже чуть напыщенные, но благородные и полные милосердия черты совсем было забытого аббата из Ниеля^[5].

Глава 15

Под перилами, крепко вцепившись в них, прятался человек. Уже несколько секунд наблюдая за ним, Анжелика оставила свои путаные размышления о непоследовательности и нелогичности человеческих поступков в любви и прервала возникшие в памяти сопоставления.

Привлеченная легким шумом, она перегнулась через перила и увидела взлохмаченного человека в оборванной одежде, который прижимался к декоративной балюстраде кормовой башни.

— Эй, что вы тут делаете? — шепотом спросила Анжелика.

Поняв, что его обнаружили, человек соскользнул чуть пониже и уцепился за рамку большого панно с изображением аллегории Сердца Марии в окружении ангелов.

Таинственный акробат бросил на нее взгляд, в котором была и угроза, и мольба.

Анжелика разглядела, что его запястья были изранены кандалами.

Она знала, что на корабле Золотой Бороды находились пленники, и поняла, что перед нею был один из них.

Ободрив его знаком руки, она сделала шаг назад.

Поняв, что она не даст сигнала тревоги, ободренный беглец оттолкнулся и прыгнул в воду. Глянув вниз, Анжелика увидела, что все спокойно. У борта корабля никого не было, но Анжелика заметила, как кто-то вынырнул в темном отсвете ближайшего островка и поплыл дальше.

Страшная тоска охватила Анжелику. Ей хотелось бежать, поскорее оставить этот корабль, где западней

для нее оказалась ее собственная слабость. Завтра ее ожидала новая встреча с Коленом.

«Я должна во что бы то ни стало покинуть этот корабль», — сказала она себе.

Глава 16

У подножия горы Мон-Дезер есть осененный тенью прохладный источник с чистой водой, имеющей легкий привкус глины. Он известен тем, что здесь утолил свою жажду вице-король атлантического побережья Нового Света Пьюр дю Гаст де Монс, богатый вельможа-гугенот, которому этот титул был пожалован его другом, королем Франции Генрихом IV. Прибыв сюда в 1604 году, он основал здесь первое европейское поселение в Северной Америке. В путешествии его сопровождали географ Самюэль Шамплен, а также поэт Лескарбо, воспевавший «тихие воды Акадии».

От первого поселения остался лишь покосившийся крест, установленный иезуитом отцом Биаром, а также ветхая часовня с маленьким серебряным колоколом, который позванивает на ветру. Любят с ним поиграть и любопытные ребятишки индейского племени кадиллаков ^[6].

Здесь заканчивается старинная индейская тропа, идущая с севера через озера и леса от далекой горы Каттхеден. Прежде чем дойти до острова, на котором расположена гора Мон-Дезер, тропа пробегает по множеству скал, а в конце перешагивает через морской рукав.

Той весной зеленая трава и нежные побеги берез привлекли сюда стада бизонов, громоподобно мычащих первобытных гигантов с темной шерстью, упрямыми лбами и лохматыми загривками.

Увидев сквозь позолоту листья массивный темный силуэт такого гиганта, неискушенный человек может испугаться, хотя бизоны — мирные пастбищные животные.

Лесные индейцы мало охотились на них, предпочитая ланей, оленей, косуль. Стадо, которое в то утро паслось на высоких травах у подножья горы, не встревожилось, когда чуткие ноздри животных уловили по ветру человеческий запах.

В гору поднималась группа людей. Это были Жоффрей де Пейрак, нормандец Ролан д'Урвилль, дюнкерский флибустьер Жиль Ванерек и реформат отец Эразм Бор. Свою трехмачтовую шебеку они оставили в укрытии на восточном берегу острова, на расстоянии чуть больше одной морской мили от Голдсборо.

Гора представляла собой два огромных купола из розового гранита, которые сращивались на высоте полуторы тысячи футов, образуя самую высокую точку острова. Миновав зеленую зону густолиственных деревьев у подножья, путники шли теперь среди редких чахлых сосен и лакированных кустиков черники в окружении пышных пурпурных ковров карликовых рододендронов.

Чем выше они поднимались, тем больше крепчал и холодел ветер.

Вслед за Пейраком и его спутниками шел эскорт матросов с мушкетами. Все они двигались легким быстрым шагом прямо по склону, не отыскивая дорожек или тропинок. Огромные плиты розового и фиолетового гранита были для них по пути к вершине как бы ступеньками выдавшей виды пологой лестницы.

Многие каменные плиты были покрыты причудливыми узорами из тысяч цветков — зеленицы, бадана, очитка, — выросших в расщелинах и выемках на плодородной земле, нанесенной ветрами.

Безразличный к дикой красоте природы граф де Пейрак, наклоня голову, продвигался вперед, стремясь достичь вершины, пока капризный непредсказуемый туман не закрыл горизонт.

Целью восхождения было использовать широкую панораму с вершины горы, чтобы осмотреть каждый островок, каждую бухточку и мыс.

Времени оставалось мало. В звонком весеннем хороводе просыпающейся жизни, когда все вокруг жадно устремлено к лету, дни пробегали стремительно и незаметно.

Индейцы спешили к побережью для торговли, корабли белых — для рыбной ловли, люди заготавливали древесину, разбивали плантации, покупали и продавали товары, сходясь и расходясь в лихорадке быстротечной смены времен года.

Завязывались и переплетались всевозможные события. Прошло десять дней с того момента, когда, оставив в Пентагуете на реке Пенопскот своего юного союзника барона де Сен-Кастина, граф де Пейрак выступил на запад в направлении Голдсборо.

Немного отклонившись от маршрута, он по трудно проходимой дороге добрался до двух небольших принадлежавших ему рудников. На одном добывали серебро, на другом — черную золотоносную руду под названием сильванит. Ознакомившись с состоянием дел и подбодрив рабочих, которые провели здесь всю зиму, он оставил им Кловиса в качестве помощника мастера и продолжил путь. Чуть дальше его встретил капеллан отец Бор с письмом от барона де Сен-Кастина.

В письме сообщалось о кровавых событиях на Западе. Откопав топор войны, абенаки громили английские поселения от Мэна до Бостона.

«...Мне пока удастся держать в узде мои племена, — писал барон. — Никто не осмелится выступить в наших краях. Я обратился к английским откупщикам, моим соседям из Пермакида и Вискассета, с просьбой на этот раз не поддаваться панике и оставаться дома.

Однако, они укрылись на острове Неваган, захватив с собой продовольствие и боеприпасы. Тем не менее, я

гарантирую, что с вашей помощью в районах, находящихся под нашей юрисдикцией, мир будет сохранен».

Добравшись до Голдсборо, граф де Пейрак выяснил два обстоятельства. Оказалось, что Анжелика, погрузившись в бухте Сабадахок на судно «Ларошелец», о чем он узнал в свое время от незнакомого матроса, так и не доехала до Голдсборо и должна была находиться в бухте Каско, где, по слухам, она осталась с больными и ранеными. Во-вторых, его сын Кантор, доставив в Голдсборо шлюп с английскими беженцами, отправился на борту все того же «Ларошельца» вместе с капитаном Ле Галлем в вышеупомянутую бухту, чтобы разыскать и увезти свою мать.

Граф несколько успокоился по поводу жены, но в то же время его тревожили бесконечные трудности, неразбериха, непонятные действия одних и других. Сперва он думал немедленно пуститься вдогонку за сыном, но затем, видя, как лихорадит все побережье, решил выждать.

Встреча на реке Кеннебек с человеком с корабля «Камби», которому он подарил жемчуг, продолжала его тревожить. А корабль с оранжевым флагом? Неужели эти люди соврали ему? Может быть, они плохо поняли смысл какой-то информации, переданной в тумане с другого судна?

Чтобы разобраться в этом ребусе, надо было дожждаться возвращения Анжелики и Ле Галля. Главное, чтобы она осталась живой и здоровой, но в, этом он сможет убедиться, лишь когда заключит ее в свои объятия.

Все это было четыре дня тому назад. Теперь, спеша достигнуть вершины Мон-Дезер, он был движим тайной надеждой первым увидеть далекий парус, который наконец принесет ему успокоение.

Вслед за ним по склону шли два его товарища, перешучиваясь между собой, невзирая на сильный ветер. Первый — Жиль Ванерек, выходец из потомственной протестантской семьи, отличался живым и веселым нравом, но предпочитал нести службу королю Франции подальше от Парижа. На нем были камзол из желтого сатина с пуговицами из настоящих золотых пистолей, шелковые штаны цвета сливы, зеленые плиссированные чулки. Лоб его был повязан платком с цветочками, на котором красовалась шляпа, украшенная перьями попугая, а чуть располневший живот был перехвачен поясом из той же материи, что и платок. Несмотря на некоторую грузность, он был ловок и быстр, пользовался репутацией настоящего дьявола на поле боя и славился тем, что ни разу не был ранен. Был у него один-единственный шрам на тыльной стороне ладони, да и тот был натерт эфесом абордажной сабли, которой он пользовался днем и ночью... Обратите внимание: и ночью!..

Родом он был из Фландрии, плоской северной страны, долго остававшейся под властью Карла Великого и его потомков. У него были темные глаза и загнутые кверху на испанский манер черные усы. Ему была свойственна добродушная фламандская чувственность.

Граф де Пейрак подружился с ним на Караибах, и теперь Ванерек прибыл к нему в северное поселение с обратным визитом, тем более, что в это время года ему, скромному флибустьеру из Сен-Кристофа, было слишком тяжело, как он считал, противостоять испанцам.

Он высадился на берег одновременно с экипажем «Голдсборо», прибывшим обратным рейсом из Европы, под командованием капитана Эриксона.

Если па борту «Голдсборо» находились ремесленники и беженцы-гугеноты, то корабль

Ванерека высадил на берег целую компанию более или менее смуглых женщин, в том числе его собственную любовницу, великолепную метиску испано-индейских кровей. Едва ступив на сушу, она лихо исполнила танец с кастаньетами к величайшему неудовольствию господ Маниго и Берна, ответственных за дисциплину в порту и моральную устойчивость своей маленькой протестантской общины. Когда наступила ночь летнего противостояния, а с ней и праздник святого Жана, в порту завязались довольно серьезные драки, которые не привели к печальному исходу только благодаря присутствию Жоффрея де Пейрака. Тем не менее, губернатор д'Урвилль заявил, что ему настолько надоели все эти бешеные, что он обязательно подаст в отставку.

Дабы разрядить обстановку после бурной ночи, Пейрак пригласил утром своих приятелей пойти с ним в горы. Да и сам он испытывал потребность уединиться, осмыслить ситуацию. И уж, конечно, он надеялся, что при благоприятном ветре с вершины Мон-Дезер ему удастся на самом большом отдалении обнаружить парус корабля, который возвратит ему Анжелику.

Наконец, ему пришла в голову одна идея по поводу подозрительного корабля с оранжевым флагом, который догнал их на реке Кеннебек, и ему хотелось проверить свое предположение.

Бодрым шагом поднимаясь за ним по плитам из розового гранита, его друзья продолжали оживленный разговор.

Д'Урвилль расспрашивал Ванерека о причинах, побудивших антильского флибустьера решиться попытать счастья у берегов Массачусетса и Французского залива.

Фламандец не стал скрывать свои резоны.

— У меня силенок маловато против громадных испанских галионов в шестьсот тонн каждый. Все они

вооружены до зубов, их сопровождает огромный эскорт, как сейчас в Карибских водах. Зато с господином де Пейраком я могу торговать сахаром, патокой, ромом и хлопком в обмен на сушеную треску и мачтовый лес... А если мы объединим свои усилия, то, может быть, удастся и пощипать кое-кого из врагов господина графа.

— Поживем — увидим, — сказал Пейрак... — Пока вы займитесь починкой корабля, отдохните у нас без церемоний. Мне думается, что и в самом деле вы смогли бы вскоре оказать мне помощь против Золотой Бороды. На Ямайке вы, конечно, слышали об этом пирате.

Теперь группа шла по самой вершине.

Ветер, скользивший острой бритвой по лысой макушке горы, встретил их такими сильными порывами, что они с трудом удерживались на ногах. Первым запросил пощады Ванерек. Продрогнув до костей, он напоминал, что привык к жарким странам и, определив наименее продуваемый ветром склон, укрылся за выступом скалы. Вскоре к нему присоединился Ролан д'Урвилль, крепко держа руками свою шляпу. Отец Эразм Бор с развевающейся бородой, задержавшись на ветру ровно столько времени, сколько нужно было для прочтения молитвы, также перешел в укрытие вместе с матросами Ванерека.

Лишь Энрико Энци, из личной охраны Пейрака, стоически оставался рядом с ним. Лицо его было желтым, как айва, голова была повязана тюрбаном, а сам он носил арабский бурнус по тогдашней мальтийской моде.

— Иди, спрячься ты тоже, — приказал ему граф.

Чуть прогнув спину под непрерывным ветром, он продолжал стоять один на вершине горы, не отводя взора от расстилавшейся перед ним панорамы.

Прекрасны и грандиозны были заплетенные в сложные иероглифы земля и вода этого края,

просыпавшегося к новому дню во всей своей силе, с неисчерпаемым запасом редких зрелищ.

Повсюду море наступало на землю, а земля отражала его натиск, выдвинув вперед полуострова и мысы, разбивающие зыбкую толщу волн. На муаровой поверхности воды сверху были хорошо различимы мягкие, нежные сатиновые полосы, — темные короны елей на одних островах, золотисто-зеленая пелена весенних березовых рощ на других.

А вон и розовое дно бухты, окруженное венцом светло-красных скал, выросших из осадочных пород железнорудного песчаника, ставшего почти фиолетовым в тех местах, где в древние времена его сжимали огромные ледники. В более поздних отложениях речных морен здесь не раз обнаруживали тысячелетние останки покрытых шерстью слонов с бивнями в форме охотничьих рогов. Всюду отполированный гигантскими льдами гранит, отвесные фалезы, живые раны скальных провалов, отраженные в воде глубоких рейдов.

Залитые морем бухты, острова, устья рек с пресно-соленой водой, доступные только при отливе, где так часты туманы и бури, косы с резвящимися тюленями, тянущиеся вдоль рек леса, кишачие пушным зверем, водопои, где можно встретить черного медведя, вереницы индейцев, несущих пушнину навстречу кораблям. Глубоко врезавшийся в сушу Французский залив, похожий на Средиземное море и почти сравнимый с ним по числу пиратов и торговых гостей, иногда столь же синий и всегда более рыбный и более девственный в своих берегах с их розовыми, белыми, голубоватыми, а изредка и малиново-красными косами, вся эта пустыня, весь этот рай, колдовской котел, который постепенно сужается в темное ущелье туманов, и, наконец, уже вдали от шума прибоя, болота Чайгектоу — самый конец залива — где четверо братьев

Дефур, красотка Марселина и ее десять детей, Гонтран Ле-Жен, зять старого Никола Париса и еще несколько человек по колению в грязи добывают каменный уголь, несут его в плетеных корзинах на побережье и продают тем, кто даст большую цену, а затем возвращаются домой, где местный священник отец Жан Русс не скупится на проклятия в адрес этих нечестивцев и дикарей. Крохотная частица Америки, каким гигантским виделся этот край жалким людишкам, захотевшим стать здесь на якорь, край новый, но у которого уже была своя история, история жестокая, неведомая чужим, растекшаяся по просторам и безднам потерянных горизонтов, полная печали и страданий^[7]...Теперь Жоффрей де Пейрак смотрел в сторону маленькой овальной бухты, где он оставил в укрытии свою шебеку, которая отсюда, с горы, выглядела совсем крошечной.

Это судно с острым носом и стройным корпусом было выстроено по его чертежам в Киттери, в Новой Англии. Расположенный на реке Пистакуата Киттери был одним из старейших морских городов штата Массачусетс и славился своими судостроительными верфями. Что осталось от них после индейцев? Может быть, только пепел? Вновь вспыхнувшая война грозила неисчислимыми последствиями буквально для всех.

К вершинам поднимались стаи громко кричавших птиц. Они предупреждали о появлении одного из властителей здешних мест — тумана...

Жоффрей де Пейрак сложил подзорную трубу и присоединился к своим товарищам, которые, уткнувшись носами в воротники, терпеливо пережидали ненастье.

Завернувшись в широкий плащ, он сел рядом с ними. Дикий ветер трепал цветные перья на их шляпах.

Но вот внезапно и бесшумно их окутали лохматые языки тумана, поднимавшегося по розовым склонам горы. Его могучее дыхание остановило ветер и вынудило его ретироваться, и на какое-то время наступило спокойствие. Белые силуэты одиноких людей как бы воспарили на облаке над слепым исчезнувшим миром.

— Итак, господин д'Урвилль, вы, кажется, намерены подать в отставку с поста губернатора Голдсборо? — спросил Пейрак.

Нормандский дворянин покраснел, затем побледнел и посмотрел на графа, как на человека, обладающего опасной способностью читать самые сокровенные чужие мысли. По правде сказать, в прозорливости де Пейрака на этот раз не было ничего необыкновенного. Несколько дней тому назад он видел, как губернатор хватался за голову, не зная, как справиться с трудностями своего положения.

— В Голдсборо собралось слишком много народа, — воскликнул он.

И в самом деле, было весьма нелегко все время оставаться на высоте положения среди множества гугенотов, рудокопов, пиратов, матросов всех национальностей. Как было хорошо в доброе старое время, когда он, по существу почти единственный хозяин этого глухого края, вел прибыльную торговлю кожей и мехами с индейцами и редкими кораблями, которые отваживались заходить в необустроенный и труднодоступный местный порт.

Теперь Голдсборо стал ярмаркой всего континента, и он, д'Урвилль, нормандский дворянин с мыса Котентен, не успевал даже уделять должного внимания своей жене, красавице-индианке, дочери Абенаки-Каку, вождя местных индейцев. Не оставалось у него времени и на то, чтобы под предлогом визита к какому-нибудь

далекому соседу, французу или англичанину, немного пошалить на бурных волнах океана.

— Монсеньор, — продолжал между тем губернатор, — не думайте, ради бога, что я не хочу больше служить вам. Я всегда буду оставаться под вашим началом, отдавать вам все свои способности, не давать спуску вашим врагам, защищать пушечными ядрами и даже шпагой ваши владения, принимать под свою команду ваших солдат и матросов. Но должен откровенно признаться, что мне не по силам совладать с ситуацией, когда в дело вступают одновременно святые, демоны и священное писание. Ваши гугеноты — все они работающие, храбрые, способные, предприимчивые люди, прекрасные купцы, но и не менее замечательные зануды. Благодаря им Голдсборо прославится своей чистотой, но одновременно превратится в такую говорильню, что порядка здесь никогда не будет. Несмотря на ларошельское побоище, они очень тяжело переживают то обстоятельство, что более не являются подданными короля Франции. Но стоит только здесь появиться французу с медалью святой Богородицы на шее, как они тотчас же впадают в ярость и отказывают ему даже в пополнении запаса пресной воды. Эта зима прошла у нас в довольно добром согласии. В непогоду мы проводили много времени в беседах у камина, причем я, как человек мало набожный, — да простит мне святой отец, наш попутчик, — никогда не досаждал им никакими религиозными поучениями. Нам приходилось и отлично сражаться вместе против этого пирата Золотой Бороды. Но как раз потому, что теперь я их знаю слишком хорошо, мне ясно, что мне не достает дипломатического искусства, чтобы поддерживать равновесие между реформатами различных оттенков с обостренными национальными чувствами и всеми этими пиратами.

Жоффрей де Пейрак молчал. Он думал о другом гонимом гугеноте, о своем друге капитане Жазоне, который, плавая с ним в Средиземном море, научился находить общий язык с латинянами. Как превосходно подошла бы ему та роль, от которой отказывается д'Урвилль. Но Жазон ушел в мир иной, равно как и выдающийся арабский ученый, доктор Абд-эль-Медра, который мог бы стать его помощником. Жизнелюбивый, но прозорливый д'Урвилль складывал с себя полномочия отнюдь не из трусости, и даже не из лени, — просто неограниченная свобода, которой он пользовался здесь, привила ему определенный вкус к вольготной жизни.

Будучи младшим в семье, он не получил никакого профессионального образования, если не считать искусства владеть шпагой и ездить верхом. Он даже читал с трудом, полностью отдавая, впрочем, себе отчет во всех своих пробелах. В Америку он бежал после дуэли со смертельным исходом, спасая свою голову от законов, введенных кардиналом Ришелье. Это было вынужденное решение, так как он не представлял своей жизни без таверн и игорных притонов Парижа. К счастью, он был сыном полуострова Котентен, этого «улиткового рожка Франции», дерзко устремляющего свой моллюсковый взгляд на Англию, этого «почти острова», столь одинокого в дикости своих берегов, роц и ланд.

Д'Урвилль вырос в старом замке, расположенном на самом краю мыса Ла Аг, и он любил и понимал свою кормилицу — море. Конечно, он мог бы вполне успешно командовать маленьким флотом Голдсборо, каждый год пополнявшимся новыми кораблями, но Жоффрей де Пейрак понимал необходимость освободить его от груза дел, грозивших превысить его компетенцию.

— А вы, господин Ванерек, поскольку вы устали от испанской авантюры, не соблазнят ли вас лавры вице-короля наших широт?

— Может быть... Но только, когда меня поставят на деревянный протез. В этом случае я предпочел бы этот пост торговле репой и кокосовыми орехами не далее острова Черепахи... Но если отбросить шутки в сторону, беда в том, что у меня в сундуках мало добра. А ведь быть богатым просто необходимо, чтобы импонировать местным авантюристам и нечестивым реформатам, которые уже шокированы моей Инес. Вы видели Инес?

— Видел.

— Разве она не восхитительна?

— Восхитительна.

— Как вы понимаете, я пока еще не могу отказаться от этого прелестного создания. Но на будущее ваше предложение мне кажется весьма привлекательным... Возьмите Моргана, этого величайшего пирата и грабителя нашего времени, который теперь является губернатором Ямайки. Уверяю вас, с порядком он не шутит и даже самые знатные дворяне снимают перед ним шляпу... Я чувствую в себе такую же закваску. Вы знаете, я не так глуп, как это может показаться.

— Поэтому я и делаю вам с полным доверием свое предложение.

— Вы оказываете мне большую честь, мой дорогой граф, но лучше повременить, пока я все еще ощущаю себя юношей, который повзрослел, но не истратил избытка сил.

Глава 17

Туман отступал.

Поднявшись на ноги, Жоффрей де Пейрак возвратился на площадку вершины.

— Вы, наверное, ищете и надеетесь обнаружить в какой-нибудь нише Золотую Бороду? — спросил д'Урвилль.

— Может быть!

Что же он действительно искал и надеялся обнаружить в лабиринте воды и деревьев, расстилавшемся внизу? Подъем на эту смотровую площадку был подсказан ему не столько логикой, сколько каким-то чутьем охотничьей собаки.

Человек в лохмотьях, тот самый, которому он дал розовый жемчуг по пути в Кеннебек. Человек, который солгал ему. Был ли он просто сообщником Золотой Бороды?.. А загадочный корабль? Не принадлежал ли он этому же пирату? И почему уже во второй раз пытаются ввести его в заблуждение относительно участи Анжелики?

Были ли случайными эти «ошибки»?.. Он не верил этому. Уж очень редко бывает на море, чтобы известие, передаваемое из уст в уста, оказывалось недостоверным. Ведь это совершенно несовместимо с солидарностью, душой, надеждами моряков.

Кто же прибегнул, и не один раз, к такому непредвиденному обману? Какая новая опасность таилась за ним?..

Последний порыв ветра, как на крыльях, пронесся над бухтой до самой линии горизонта. Как на крыльях, парила теперь над морем молочно-белая синева неба, подобного звонкой перламутровой раковине.

Но на вершине ветер вновь задул с прежней силой, и де Пейраку пришлось преодолеть немалое сопротивление, прежде чем шаг за шагом он добрался до края площадки и лег на камень.

Приставив к глазу подзорную трубу, он начал тщательно, точка за точкой, разглядывать россыпь островов.

Вот в окуляре появились корабль на якоре, затем барка, потом целая флотилия индейских лодок в проливе и, наконец, две рыбацьи лодки на песчаной отмели маленького острова.

Рыбаки готовились коптить треску, уже дымились костры, разведенные под жаровнями и решетками.

Острые выступы гранита больно резали ему грудь, и эта боль постепенно переходила в чувство страдания, подавленности.

Удастся ли ему обнаружить то, ради чего он поднялся в это царство ветра на лысой вершине горы?.. Между тем, на западе, в разливах тумана, начали возникать контуры Синих гор, давших свое имя прилегающей бухте.

Может быть, где-то там находилась в опасности Анжелика...

— Анжелика! Анжелика! Жизнь моя!

Припав к сухому камню, он звал ее в таком порыве, которому было под силу преодолеть любые расстояния. Он вдруг ощутил ее как нечто далекое и безликое, но полное теплоты, неистребимой жизнестойкости, неотразимой, уникальной красоты.

— Анжелика! Анжелика! Жизнь моя!

Хлесткий ветер зло свистел ему в уши:

«Он разлучит вас! Вот увидите! Вот увидите!» Это было предсказание Пон-Бриана, человека, заплатившего своей жизнью за то, что он пожелал Анжелику, это были его слова: «Он вас разлучит... Вот увидите!».

Он почувствовал прилив острой тревоги, машинально прижал руку к сердцу, но тут же спохватился:

— Чего я боюсь?.. Завтра, самое позднее послезавтра, она будет здесь. Анжелика — уже совсем не та хрупкая, неопытная, молодая женщина, какой была когда-то. Она не раз доказывала мне, что жизнь не может выбить ее из седла. Ей под силу любые испытания. Вот и совсем недавно ей удалось избежать — одному Богу известно как — этой непонятной засады в Брансуик-Фолсе... Да, она из породы неукротимых, из породы воинов и рыцарей! Можно сказать, что опасность делает ее сильнее, удачливее, прозорливее... И еще прекраснее... Как бы усиливая ее невероятную жизнестойкость... Анжелика! Анжелика!.. Мы пройдем через все, не так ли, родная моя? Пройдем оба... Где бы ты ни была, я знаю, что ты найдешь меня...

Он вздрогнул. Над кущей зарослей одного острова взгляд его обнаружил необычный предмет. Это был оранжевый вымпел на мачте корабля, корпус которого был закрыт деревьями. Застыв, как заметивший добычу охотник, он долго и внимательно разглядывал это место в подзорную трубу, затем встал и в раздумье зашагал к своим спутникам.

Он нашел то, зачем пришел на вершину горы Мон-Дезер.

Глава 18

— Монсеньор, монсеньор!

Он услышал это обращение с французской рыболовной лодки, которая шла по ветру в нескольких кабельтовых от шебеки графа де Пейрака в момент, когда он огибал мыс Шоодикка.

На баке стоял Жан Ле Куеннек, которого он послал из Пофама на поиски Анжелики.

Вскоре оба судна бросили якорь у причалов Голдсборо, и граф поспешил навстречу бретонцу.

— Рассказывай и побыстрее!

На лице Жана не было обычного радостного выражения, и Жоффрей де Пейрак ощутил в груди холодок страха.

— Ты смог добраться до госпожи графини? Почему она не с тобой? Вы встретили «Ларошельца»?

Бедный Жан стоял с опущенной головой. Нет, он не встречал «Ларошельца», да, ему удалось добраться до госпожи графини. Пройдя весь район Андроскоггина, разграбленный и испепеленный индейцами, он нашел ее в бухте Каско.

— Мне известно все это... Нам сообщил об этом Кантор, после чего он отправился за ними.

— Увы, он уже опоздал, — грустно сказал Жан. — Кантор никого там не найдет. Золотая Борода захватил мадам де Пейрак в заложницы.

Чтобы смягчить эффект этой трагической новости, Жан уточнил, что, по его мнению, госпожа графиня не подвергалась опасности. Она умела постоять за себя, а пират держал в узде свой экипаж. Полностью сохранив хладнокровие, она помогла ему вовремя убежать, чтобы он смог доложить графу обо всем, что с ней произошло.

Затем он рассказал, каким образом ему удалось бежать.

— К счастью, они не преследовали меня. Целый день я шел вдоль берега моря. К вечеру я наткнулся в маленьком заливчике на эту французскую рыбацкую лодку, причалившую к берегу, чтобы запастись пресной водой. Рыбаки согласились взять меня на борт и даже изменить свой курс, чтобы побыстрее доставить меня сюда.

Побледнев, Жоффрей де Пейрак сжал кулаки:

— Опять этот бандит Золотая Борода... Я буду преследовать его, пока не придет его смертный час! В прошлом месяце он захватил командира моих наемников, а теперь мою жену!.. Какая дерзость!

Он с беспокойством думал о Ле Галле и Канторе, которые, скорее всего, вышли к месту встречи, когда там никого уже не было, или, что гораздо хуже, могли натолкнуться там на морских разбойников. Обнаружив, что мать его попала в их руки, Кантор может не выдержать и вступить в преждевременную схватку с пиратами. Впрочем, нет, его сын знал подлинную цену осторожности! На Средиземном море он постиг все хитрости корсарской жизни. Он должен ограничиться тем, что установит тщательное наблюдение за кораблем Золотой Бороды и постарается обо всем известить отца.

Увы, на подготовку «Голдсборо» к погоне и бою должно было уйти не менее двух дней. Если работать всю ночь напролет, может быть, удастся завтра вечером вывести в море и шебеку, усилив ее двумя пушками, и корабль Ванерека. Надежда была на то, что увидев эти силы, пират устрашится и пойдет на переговоры.

Жоффрей де Пейрак снова обратился к бретонцу:

— Я чувствую, что ты не осмеливаешься сказать мне все... Что ты скрываешь от меня?

Его горящий взгляд впился в перепуганные глаза Жана, который продолжал отрицательно качать головой.

— Нет... монсеньор, клянусь вам... Клянусь пресвятой Богородицей и святой Анной... Я сказал вам все... Почему вы думаете, что я что-то скрываю?

— Но что-то с ней все же случилось?.. Она ранена?.. Больна?.. Говори!

— Нет, монсеньор, я бы не мог скрыть от вас такой беды... Мадам де Пейрак совершенно здорова... Она оказывает помощь всем другим... Она осталась там как раз для того, чтобы помочь больным и раненым... Она даже зашила брюхо одного из этих сабуинов, того, который продал ее...

— Об этом тоже мне известно... — пронизательный взгляд Пейрака не отрывался от честного лица матроса, который за зиму стал для него не просто соратником, но и другом. Он не дрогнул ни перед ирокезами, ни перед надвигавшимся голодом. А вот сейчас Жан весь дрожал. Пейрак обнял за плечи молодого человека.

— Что с тобой?..

Жану казалось, что он вот-вот разрыдается, как ребенок. Он опустил голову еще ниже.

— Я так долго шел, — пробормотал он. — Мне было так трудно не попасться в руки поднявшихся на войну дикарей.

— Это правда... Пойди отдохни. Чуть ниже форта есть маленькая таверна. Хозяйка мадам Каррер и ее дочери вкусно готовят, а сегодня из Европы им доставили вино из Бордо. Подкрепи свои силы и приготовься выступить со мной уже завтра, если погода будет благоприятствовать нам.

Граф де Пейрак и Ролан д'Урвилль собрали в зале совета Маниго, Берна, пастора Бокера — главных должностных лиц гугенотской общины. Кроме того, они

пригласили на совет Ванерека и его помощника, а также капитана «Голдсборо» Эриксона и отца Бора.

Неотлучный телохранитель Хуан Альварес с суровым видом встал за графом.

Жофfrey де Пейрак кратко рассказал присутствующим о последних событиях. В связи с тем, что его супруга, графиня де Пейрак попала в руки противника, необходимо проявлять крайнюю осмотрительность. Нравы корсаров дворянского происхождения были хорошо им известны по опыту карибских островов и мадам де Пейрак могла не опасаться плохого обращения, пока выступала в роли заложницы. Жиль Ванерек согласился с этим мнением графа. Дамы из дворянских семей, будь то испанки, француженки или португалки, не имели оснований жаловаться на своих тюремщиков по поводу условий, в которых они вынуждены были дожидаться свободы в обмен на щедрый выкуп. Поговаривали даже, что некоторые пленницы, оказавшись во власти флибустьеров с приятной внешностью, не слишком торопились на волю. Но было известно и другое. Некоторые пираты, озверев от преследования, особенно, когда им угрожало неравное сражение или кораблекрушение, и не оставалось никакой надежды получить выкуп, жестоко расправлялись с заложниками.

Надо было предусмотреть также, что после ухода кораблей Голдсборо, в случае нападения, сможет обороняться лишь на суше. Поэтому до отплытия надо было подготовить все вооружение, пополнить боеприпасы.

Пока они обсуждали эти вопросы, в приоткрытую дверь просунулась голова часового-испанца в черном стальном шлеме, который прокричал испуганным голосом:

— Ваше превосходительство, вас здесь спрашивают!

— Кто это?

— Какой-то человек.

— Пусть войдет.

В дверях появился ладно скроенный, заросший бородой человек в одних рваных и мокрых матросских штанах.

— Курт Риц! — воскликнул Пейрак.

Он сразу узнал второго заложника Золотой Бороды, вербовщика-швейцарца, которого он нанял к себе на службу во время поездки в Мериленд. Жители Голдсборо также узнали его, потому что в мае он высадился в порту с группой солдат, завербованных в качестве наемников графа де Пейрака. Пока наемники готовились к походу в глубь континента, люди Золотой Бороды напали на них под покровом темноты из засады, устроенной на островах. Произошло это незадолго до решающего сражения, вынудившего пирата обратиться в бегство. В Голдсборо опасались, что Курту Рицу пришлось поплатиться жизнью за это поражение Золотой Бороды. Но вот он стоял теперь перед всеми, живой и невредимый, хотя и выглядел очень усталым.

Пейрак сердечно обнял его за плечи:

— Gruss Gott! Wie geht es Ihnen, lieber Herr?^[8] Я волновался за вас.

— Мне все же удалось бежать с этого проклятого корабля, провести этого чертова пирата, монсеньор.

— Когда это случилось?

— Почти три дня назад.

— Три дня, — задумчиво повторил Пейрак. — Не стоял ли тогда корабль Золотой Бороды в северной части бухты Каско, у мыса Макуа?

— Вы ясновидящий, господин граф!.. Именно там я услышал это название в разговоре между матросами корабля... Мы бросили якорь на рассвете... Экипаж сошел на берег, весь день шла какая-то суета... К

вечеру я заметил, что каморка, в которой меня держали, плохо закрыта. Юнга, принесший мне еду, забыл задвинуть засов. Я дождался глубокой ночи и выскользнул наружу. Я оказался на корме под ютом. Казалось, что на корабле никого нет, на берегу горели огни. Видимо, экипаж решит отпраздновать свою удачу. Ночь была безлунной. Забравшись на ют, я постепенно продвинулся к кают-компани, там прыгнул в воду и доплыл до ближайшего островка. Убедившись, что на корабле не объявлена тревога, я определил следующий островок по направлению к суше и поплыл дальше, хотя не такой уж я хороший пловец. На берег я ступил к восходу солнца. В западной стороне я увидел беженцев-англичан, но решил не подходить к ним, а направился на восток и спрятался среди скал. Днем наблюдал за каноэ индейцев-тарратингов, себаго и эчеминов, которые шли на север. На поясах у них висели скальпы. Помахав им рукой, я показал на крест, который ношу на шее. Мы, жители Верховьев Роны, католики. Они взяли меня с собой и высадили где-то в устье реки Пенобскот. Дальше я шел и днем и ночью. Чтобы не обходить фиорды по берегу, пересек вплавь несколько морских рукавов. Не раз меня чуть не унесло течениями и приливом... И вот я здесь.

— Gott sei dank!^[9] — воскликнул Пейрак. — Господин Берн, нет ли у нас поблизости фляжки с добрым вином, способным влить бодрость в представителя лесных кантонов Швейцарии, самого великого пловца в соленой воде этой страны?

— С удовольствием.

Взяв с маленького столика флягу с бордосским вином, мэтр Берн наполнил им большую оловянную кружку.

Швейцарец залпом осушил ее. После соленой морской воды он испытывал страшную жажду, но и

желудок его был пуст, и поэтому крепкое вино сразу ударило ему в голову, а лицо налилось кровью.

— Уф! Es schmeckt prima. Ein feiner Wein!^[10] Меня так заболтало волнами, что закружилась голова.

— Вам повезло, — сказал кто-то. — В период равноденствия здесь всегда бывают бури, но на этот раз они прошли стороной.

Швейцарец налил себе вторую порцию, после которой стал совсем молодцом.

— А вы сохранили мою славную алебарду? — спросил он. — Ведь я был без нее, когда эти дьяволы напали на меня в скалах.

— Она там, на своем месте, — ответил ему Маниго, указывая на оборудованные в стене козлы с копьями различной длины. Самое длинное, украшенное прекрасной чеканкой, принадлежало швейцарцу. Под изящной стальной шишкой, надетой на конец копья, скрывалось грозное оружие: крюк, которым можно было поддеть и потащить противника, отточенное лезвие, как бритвой срезающее голову, тонкое острие для укола в живот и сердце.

Курт Риц, вернув себе любимую алебарду, радостно вздохнул.

— Наконец-то ты со мной! Сколько же мучительных недель я провел на этом корабле, грызя себе кулаки... А что с моими людьми?

— Они в форте Вапассу.

Глядя на него, все думали о том, что он бежал в тот самый день, когда Анжелика де Пейрак была захвачена Золотой Бородой. Знал ли он об этом? Видел ли он супругу графа? Какое-то неясное предчувствие удерживало и их, и самого Пейрака, от вопросов.

— Плохо ли с вами обращались? — спросил Пейрак не без некоторого колебания.

— Отнюдь нет! Золотая Борода не негодяй и, к тому же, он добрый христианин. Каждый вечер и каждое утро его матросы собираются на палубе для молитвы. Но, господин граф, он хочет вашей смерти. Он говорит, что ему принадлежат все территории района Мэн, которыми вы владеете, и что он прибыл сюда со своими людьми основать колонию... Ему было обещано, что женщины Голдсборо отписаны в его распоряжение и достанутся ему и его людям.

— Какая наглость! — завопил Маниго, подпрыгнув на стуле.

— Встретив неожиданное сопротивление, он сначала решил использовать меня как заложника для вступления в переговоры. Но после того, как вы разгромили его десант, он ретировался в бухту Каско, чтобы подлатать свой корабль. Однако, он упрям, как осел, и обязательно вернется сюда.

Еще раз приложившись к кружке с вином, швейцарец впал в полную эйфорию.

— О, я мог бы многое рассказать вам о Золотой Бороде. Мне довелось говорить и с его матросами, и с ним самим. Человек он крутой, но, безусловно, честный... На расстоянии он внушает страх, однако, намерения его прямы... Но дело в том, что в этой истории замешана женщина... Его любовница... Они встретились в Макуа. Видимо, она все и подстроила... Лихая баба, ничего не скажешь. Одна из тех, кто при вас все подсчитает, подскажет вам, как получить хороший барыш, наполнит добром сундуки и снова отправит вас воевать за новые трофеи. А вы будете рады стараться... Правда, эти шлюшки умеют и отблагодарить мужчину. Красивы, как Венеры, хорошо соображают. Если кто и не захочет рисковать ради них своей головой, то, значит, он не любит ни жизни, ни любви... Любовница Золотой Бороды — женщина как раз такой закваски... Красотка, каких мало... Когда она

поднималась на борт, весь экипаж буквально затрясло. Она француженка. Ждала его на косе Макуа. Глаза у нее, как родниковая вода, волосы, как луч солнца... В ту ночь именно она помогла мне бежать. Днем Золотая Борода распорядился выдать матросам по три кружки рома, чтобы отпраздновать событие... Сам же он...

Курт Риц запрокинул голову назад и беззвучно засмеялся. Затем он опрокинул в горло еще одну кружку вина и продолжил свой рассказ:

— Так вот... Кто бы мог подумать... Он обезумел от любви... Сквозь щели моей каморки я видел, как он вел ее на корму корабля. Он держал ее за руку и смотрел, неотрывно смотрел ей в лицо.

Хмель все сильнее ударял ему в голову, и он разглагольствовал, не замечая их молчания, не видя, что они застыли, как свечи, в неясном свете, что никто не улыбается, что лица их окаменели.

Раздался отрывистый голос графа:

— Имя этой женщины?

Голос графа прозвучал, как из ваты, глухо и отдаленно. Все присутствующие готовы были провалиться сквозь землю. Курт Риц тряхнул головой.

— Не знаю! Знаю только, что она француженка... И красавица, это точно! И еще, что Золотая Борода прилип к ней всей кожей насмерть...Я ВИДЕЛ ИХ... Ночью в кают-компании, через окошко кормовой башни... Окошко было открыто... Я уже был на корме и рискнул заглянуть... На столе стояла свеча и освещала их... Голая женщина в объятиях Золотой Бороды... Тело богини... Волосы до плеч... На солнце она казалась блондинкой, но тут я увидел, что волосы ее были как из лунного света... Россыпь бледного золота... Волосы феи... В этой женщине есть нечто такое, чего нет ни у одной другой... Что-то... сказочное... Понятно, почему пират потерял голову... Я не решился прыгнуть в воду

оттуда, испугался приоткрытого окна. Некоторые люди сохраняют чуткий слух даже в момент любви...

А Золотая Борода — это такой командир, который всегда начеку... Поэтому я выждал немного еще...

Он все говорил и говорил. Опьянев, он не замечал гнетущей тишины, не ощущал ничего тревожного в том, что ему давали все сказать, описывать подробности любовной сцены.

— Откуда же она, эта женщина?

— Понятия не имею. В общем, они встретились... Ее имя... Погодите, кажется, вспоминаю. Я слышал, слышал, как лаская ее, он говорил: «Анжелика! Анжелика!». Ей подходит это имя...

Наступило зловещее молчание.

И тут алебарда выпала из рук Курта Рица, а сам он, немного протрезвев, отшатнулся назад и прислонился к стене. Лицо его побледнело, выпученные глаза в панике уставились на Пейрака.

— Не убивайте меня, господин граф!

Никто не двигался. Граф де Пейрак также сохранял полную неподвижность, но в его мрачном взгляде бывалый солдат прочитал свой приговор. Протрезвев окончательно, но все еще ничего не понимая, он смотрел на де Пейрака, и ощущение смертельной опасности все больше охватывало его.

Каким-то внутренним чутьем он уловил, что все участники этой непонятной для него сцены, все те, кто стояли как привидения в могильной тишине, все вместе и каждый в отдельности предпочли бы быть глухими, немыми, слепыми, погребенными на шесть футов под землей, лишь бы не переживать то, что происходило в это мгновение здесь, за закрытыми дверями этого зала.

— Что случилось, господа? — простонал он. — Что я сказал?

— Ничего.

Это «ничего» упало из уст Пейрака, как нож гильотины.

— Ровно ничего, в чем вы могли бы себя упрекнуть, Риц... Идите... Теперь идите, вы нуждаетесь в отдыхе... Через несколько дней вы должны присоединиться к нашим людям в Аппалачах, в форте Вапассу...

Шатающейся походкой швейцарец дошел до двери. Когда он вышел, за ним молча последовали другие, низким поклоном прощаясь с правителем Голдсборо, как если бы перед ними был сам король.

Выйдя наружу и надев на головы свои шляпы, все они, не вступая в разговор, отправились по домам, и только Жиль Ванерек отвел в сторону д'Урвилля и попросил его:

«Объясните мне...»

Глава 19

Жоффрей де Пейрак повернулся к Хуану Фернандесу:

— Позови ко мне Жана Ле Куеннека!

Когда Жан вошел в зал совета, граф уже был один. Склонившись над развернутой картой, он, казалось, внимательно ее изучал.

Лицо его было наполовину закрыто густой шевелюрой, чуть посеребренной на висках, глаза опущены вниз к карте.

Но когда он выпрямился и взглянул на Жана, тот сразу почувствовал, как холодная змея тревоги свилась в клубок у него в груди.

«Что же с ним происходит? Что случилось с моим господином? Болезнь? Рана?.. Да, похоже, рана души... Рана смертельная...» — пронеслось у него в голове.

Жоффрей де Пейрак обошел стол и приблизился к бретонцу таким твердым и спокойным шагом, что тот опять засомневался.

«Нет, все в порядке... Я не должен давать волю своему воображению...»

Жоффрей де Пейрак пристально смотрел на него. Жан был среднего роста, ему по плечо. Он был хорошо сложен, на лице его были написаны живость и отвага. Выглядел он моложе своих тридцати лет. Характер его закалился в бесчисленных испытаниях, он умел быть при необходимости скрытным, но для графа де Пейрака не было секретов на его лице, он читал на нем, как в открытой книге.

— А теперь, Жан, — тихо сказал он, — скажи мне все, что ты не осмеливаешься говорить.

Бретонец побледнел. Он с ужасом осознал, что уклониться ему не удастся. Он знал, с какой

настойчивостью Жоффрей де Пейрак шел к поставленной цели, особенно, когда он нуждался в подтверждении своих дьявольских прозрений ясновидца. Тогда он уподоблялся охотнику, неумолимо преследующему свою жертву.

— Что ты хочешь скрыть от меня? Ты думаешь, я не вижу смущения в твоих глазах? Скажи мне все, что было. Где ты оставил графиню? На косе Макуа?.. Что могло так поразить тебя?..

— Но я не... — Жан сделал беспомощный жест рукой, — я все сказал вам, монсеньор.

— Отвечай, это было там?

— Да, — ответил, опустив голову, бедный бретонец. Он спрятал лицо в ладонях.

— Что ты видел? Когда? Перед тем, как убежал?..

— Нет, — не поднимая головы, отвечал Ле Куеннек.

— Так когда же? После побега? Ты мне говорил, что сначала ты бежал, а потом обернулся и что-то увидел... Так все было? Увидел что-то странное, невероятное...

Как он мог угадать?.. Точно дьявол.

Жан был почти без сознания.

— Так что ты видел? — настаивал безжалостный голос. — Что видел, когда обернулся к тому месту на побережье, где ты ее оставил?

Страшная рука схватила Жана за затылок и начала сжимать, как тиски.

— Говори, — негромко, но с угрозой произнес граф. Заметив, что молодой человек весь посинел и начал задыхаться, граф разжал пальцы, немного приходя в себя.

Затем он сказал мягким, вкрадчивым голосом:

— Говори, сын мой... Я очень прошу тебя!

Эти слова сломили Жана. Он упал на колени, цепляясь за камзол Жоффрея де Пейрака, как заблудившийся слепой.

— Простите меня, монсеньор. Простите меня!

— Говори...

— Да, я бежал, продолжал бежать... А начал я бежать, когда Золотая Борода подходил к берегу. Я использовал момент, когда все взоры были обращены на него. Так мне посоветовала графиня... Я бежал, бежал, а потом решил взглянуть, нет ли за мной погони, и обернулся в сторону берега...

Его глаза страдальчески смотрели на Пейрака.

— Он держал ее в своих объятиях! — выкрикнул он, вцепившись в графа, как человек, которого бьют, которому достаются самые тяжкие удары. — Золотая Борода держал ее в своих объятиях, и они целовались! О, простите меня, монсеньор, убейте меня... Они целовались, как любовники, как два любовника, встретившиеся после разлуки...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛОДКА ДЖЕКА МЭУИНА

Глава 1

За три дня до описываемых событий в северной части бухты Каско можно было заметить корабль, шедший в южном направлении. Здесь много барок и лодок, но много и островов: в бухте Каско их насчитывается 365, и в этом лабиринте каждое суденышко чувствует себя одиноким, отданным на милость ветра и течений. Проходя из освещенных солнцем мест в тень, затем снова выплывая на солнце, люди на лодках ощущают то запахи цветущих берегов, то соль морского простора. С берега приветствуют каждую лодку, машут руками, что-то кричат.

...Прошедшая ночь была для Анжелики невыносимо тяжелой. Спала она очень мало, все время думая о том, как убежать от Колена.

Утром он зашел к ней в каюту. Несмотря на огромную усталость Анжелики, лицо ее отражало решимость добиться свободы.

Колен опередил ее.

— Пойдемте, мадам, — холодно произнес он.

Он был спокоен и даже подчеркивал определенную отстраненность, когда она шла за ним на палубу. Как всегда, впечатлял набор оружия, висевшего на его одежде. Часть экипажа неторопливо занималась утренними делами, обычными на каждом корабле. Впрочем, всех матросов сейчас интересовало только одно: поглазеть на пленницу Золотой Бороды. Взглянув вниз, Анжелика обнаружила пришвартованную к судну лодку. Специальный соломенный мат смягчал ее удары о корпус корабля. Это была большая парусная лодка, одна из тех английских барок, которые занимались каботажным плаванием от Нью-Йорка до Пемоклида и даже севернее, заходя из бухты в бухту,

от одного поселения к другому. Хозяин лодки, крепкий мужчина с мрачным лицом, видимо, не мог отказать французским флибустьерам выполнить кое-какую работу для «Сердца Марии». Никто не знал, разумеется, что он думал о трофейном грузе, который сейчас укладывали к нему в лодку, однако, опыт плавания в этих широтах, несомненно, научил его осмотрительности в отношениях с незваными гостями из Карибского моря. Среди пассажиров барки Анжелика узнала преподобного отца Пэтриджа с его бульдожьей физиономией, преданную ему маленькую мисс Пиджон, юного Сэмми и Адемара, чьи причитания никак не гармонировали с розовой прозрачностью занимавшейся зари.

— Надо же так попасться в лапы пиратов! Сколько бед на мою бедную голову... — без устали повторял он.

С корабля на лодку уже была спущена веревочная лестница.

Понизив голос, чтобы его могла слышать только она, Колен обратился к Анжелике:

— Ничего не поделаешь, значит, не судьба! Хозяин лодки сказал мне, что он направляется к устью Пенобскота. При хорошем ветре, если идти прямо на восток-север-восток, ты будешь на месте не позднее, чем через четыре дня...

Несмотря на все старания, ему не удавалось говорить с ней иначе, чем на «ты», и она понимала, что каждый раз, когда они окажутся рядом, им не избежать возвращения в пустыню, где только он один в целом мире мог любоваться ею, держать ее в своих объятиях...

Анжелика посмотрела ему в глаза и попыталась вложить в этот взгляд охватившие ее чувства дружеской теплоты и признательности.

Анжелика с радостью представила себе, что всего лишь через четыре дня она встретится с Жоффреем, и кошмару придет конец.

Тогда она сможет перевести дыхание и разобраться в своих мыслях. Успокоенная любимым, таким ласковым для нее голосом мужа, она постарается понять самое себя. Сколько всего у них будет сказать друг другу...

Ослепительная улыбка, которой она одарила Колена, возымела обратный эффект: лицо его исказилось страданием.

— Да, ты любишь его, я вижу это... — прошептал он.

Она почти не расслышала эти слова.

Она понимала, что ей никак нельзя поддаваться эмоциям. Бежать, бежать как можно скорее.

Надо было немедленно воспользоваться предоставившейся возможностью, пока Колен не передумал. В благородстве и искренности его поступка, в котором так полно раскрылось все его существо, в том, что он давал возможность ей уехать, было нечто такое, от чего она вдруг ощутила боль сожаления в самой глубине своего сердца.

Взяв сумку, которую протянул ей один из матросов, Анжелика небрежно перекинула ее через плечо и вдруг вспомнила, что у нее по-прежнему босые ноги. Ну, и пусть, кому нужны туфли на скользком настиле барки. В последний момент она чуть не спросила о самочувствии своего пациента Дырявый живот, но удержала себя. Нельзя было терять ни секунды. Отказалась она и от помощи матроса, который хотел поддержать ее на веревочной лестнице, весело бросив ему: «Да что вы, приятель! За мной Средиземное море!»

На плечо ей опустилась рука Колена. Сейчас она скроется из виду. Это было невыносимо. Его глаза напряженно смотрели ей в лицо, и некуда ей было укрыться от этого пронзительно-голубого взгляда, от его обветренного мужественного лица в светлом ореоле выцветшей шевелюры и бороды, превращенной им в символ страха. Казалось, он хотел ее удержать, как удерживают привидения, фантастические создания

духа, нечто не совсем реальное. И все же она каким-то чутьем поняла, что сейчас он думал не только о своей страсти, но еще и о чем-то неотложном, пусть более поверхностном, но и более серьезном для нее в этот момент. Дважды он порывался что-то сказать ей.

— Будь осторожна, — прошептал он наконец, — будь осторожна, мой ягненочек... Кто-то желает тебе зла!.. Большого зла!..

Она могла идти. Ловко спустившись, она встала на нос лодки в то самое мгновение, когда хозяин отталкивался багром от корабля, нисколько не заботясь об Анжелике, которая чуть было не упала в воду.

Тем не менее, она сердечно приветствовала его по-английски. В ответ он бросил на нее взгляд не более выразительный, чем у дохлой рыбы. Наверняка, это был очередной пуританин, который видел в любой молодой, веселой и чуточку сумасшедшей женщине воплощение самого дьявола!.. Анжелика с удовольствием уселась рядом с Адемаром и Сэмми, в то время как юнга с волосами, как из пакли, уже разворачивал фок и главный парус, хозяин же на веслах обходил корабль корсаров, чтобы стать под ветер.

Похожая на прекрасную птицу в наклонном полете, парусная лодка англичанина Джека Мэуина отправилась в плавание по островам бухты Каско, то возносясь на гребнях волн, то падая между ними.

Кроме уже упомянутых пассажиров, в лодке, взявшей на свой борт Анжелику, находились трое других. Это были бродячий торговец из Коннектикута, негритенок, служивший ему помощником, и... медведь. Его Анжелика заметила первым, почувствовав на себе умный, оценивающий и любопытный взгляд зверя, но не поняв поначалу, кому он принадлежит.

Обернувшись, она увидела под кормовым сидением торчащую, как из берлоги, острую морду, лапы и

блестящие маленькие глаза. Торговец сразу же представил медведя:

— Мистер Уилаби... Поверьте мне, миледи, что я и не мечтаю о лучшем друге, чем это животное.

Самого его звали Илай Кемптон. Не прошло и часа, как Анжелика знала о нем все. Родом он был из Массачусетса. Когда ему исполнилось восемь лет, то вместе с родителями и сотней других обитателей поселка Ньютон он отправился в далекий путь под водительством пастора Томаса Хукера, человека либеральных взглядов, которому не нравился жесткий олигархический уклад жизни местных пуритан. Оставив позади полосу лесов, они вышли к Коннектикуту, полноводной, спокойно текущей реке. На ее берегу, где раньше находилась только одна маленькая голландская фактория, заготавливавшая пушнину, они основали поселок Хатфорд. Теперь это был симпатичный городок, набожный, но веселый, полностью посвятивший себя морской торговле. Что касается земледелия, то на берегах такой реки, как Коннектикут, заниматься им было нелегко, к тому же семье Кемптона достался бедный надел. Главное же, манили морские просторы, хотелось спуститься к устью... В двадцать лет Илай с мешком, полным всевозможных товаров, двинулся в путь. Медведь — мистер Уилаби — последовал за ним.

— Я вырастил его, и с тех пор мы никогда не разлучались.

Он рассказывал, что путешествовать с медведем было непросто, но в атмосфере хорошего настроения, которое тот каждый раз создавал, клиенты, даже самые осмотрительные, охотнее расставались со своими экю. Медведь умел танцевать и показывать кое-какие трюки. Кроме того, он был непобедимым борцом. В деревнях с ним мерялись силой самые крепкие парни. Как благородный спортсмен, поначалу он давал им какой-то

шанс, а затем как бы ненароком, одним взмахом лапы опрокидывал на землю.

— Уилаби... — задумчиво проговорил преподобный Пэтридж, — мне кажется, я встречал пастора с такой фамилией где-то в районе Уатэртауна.

— Вполне возможно, — признался торговец. — Мой друг — медведь был так похож на этого почтенного священника, которого я очень боялся, хотя он и казался мне забавным, что я и назвал косолапого его именем.

— Какой неуважительный поступок, — строго сказал Томас Пэтридж и тут же пригрозил:

— У вас могут быть серьезные неприятности...

— Коннектикут не Массачусетс, ваше преподобие. У нас все либералы и любители посмеяться.

— Страна трактиров, — пробурчал пастор, — ром у вас начинают пить со дня рождения.

— Зато у нас есть собственная конституция, и в угоду Господу Богу мы не путешествуем по воскресеньям.

Очень довольный собой Илай Кемптон начал расхваливать свой товар: табак, святые образы, кружева, часики. У него было все, что могло привлечь жителей, а точнее, жительниц самых отдаленных поселков. Занимаясь прибрежной торговлей, он побывал во всех уголках всех без исключения бухт и лучше других знал, где что можно было достать, чего не хватало жителям тех или иных поселков, что наполняло блеском глаза одной девушки и вызывало гримасу у другой, что нравилось внукам и дедушкам, что могло доставить радость в самой убогой хижине.

Он рассказал, что направляется сейчас на остров Барклед, к востоку от Пенобскота, чтобы купить там шерстяные ткани цвета индиго и ярко-красных тонов. Такая краска получалась благодаря обилию самых различных цветов на овечьих пастбищах. Кроме того, обитатели этого острова торговали с кораблями,

приходившими из Карибского моря, смолистым соком акации катеху.

«Но ведь этот остров должен быть расположен неподалеку от Голдсборо, — отметила про себя Анжелика, — там будет интересно сделать кое-какие покупки».

Илай Кемптон знал о Голдсборо только понаслышке, потому что раньше там не было его обычных клиентов — жен колонистов.

— Теперь там есть женщины, и я буду вашей первой покупательницей, — сказала Анжелика.

Не скрывая восторга, торговец опустился перед ней на колени, но, как оказалось, это ему понадобилось прежде всего для того, чтобы снять мерку с ее ног. Без конца путешествуя, он обучился сапожному ремеслу и теперь обещал Анжелике сшить из мягкой кожи пару очаровательных туфель со шнурками, подчеркнув, что его шнурки самые прочные, потому что он ставит на концы медные защипочки. На севере есть остров Лис, где живет старый одинокий шотландец, который выделывает для него самые мягкие кожи... Все это, конечно, осуществимо при условии, что его поставщики-англичане не были оскальпированы индейцами и не отправились в мир иной.

Между тем, хозяин барки вел свое суденышко, храня полное молчание и не обращая никакого внимания на пассажиров. Про него словоохотливый торговец рассказал, что зовут его Джек Мэуин, и что встретил он его в нью-йоркском порту. Характер у него не из легких, но управляет баркой он просто замечательно.

И действительно, Джек Мэуин проходил опасные течения и пороги с такой мастерской беспечностью, что это казалось каким-то чудом.

Юнге он доверял лишь некоторые маневры с малым фоком, сам же, не выпуская из рук штурвала, управлял

главным парусом, иногда используя для натяжки каната большой палец ноги.

Если бы сохранилась хорошая погода, путешествие должно было завершиться быстро. Однако, через несколько часов Анжелика с тревогой заметила, что лодка упорно идет к югу. На вопрос, который она ему задала, Джек Мэуин не ответил, сделав вид, что ему непонятен ее ломаный английский язык. Тогда преподобный отец Пэтридж торжественно приказал ему отвечать, когда к нему обращаются. Наконец, глядя куда-то в сторону, Мэуин пробормотал сквозь зубы, что для того, чтобы выбраться из этой чертовой кучи островов бухты Каско, не оставив здесь и лодки, и своей шкуры, надо спуститься до Портленда и там поймать течение между островом Пике и островом Кашинг, который еще называют Белая Шапка. Пока он не увидит Белую Шапку, заключил он, самый короткий путь — курс на юг. При этих словах маленький Сэмми, выпучив глаза, начал следить за появлением пресловутой Белой Шапки.

Недовольный непочтительностью английского лодочника к духовному лицу, преподобный отец Томас с подозрением взглянул на него и стал бормотать нечто вроде того, что, вполне возможно, хозяин лодки — вирджинец, а известно, что жители этой колонии почти сплошь — разбойники с большой дороги, бездельники, ссыльные и прочие отбросы человечества... И что даже если они и разбогатели благодаря своему вирджинскому табаку, это не значит, что у них есть право на нечестивое поведение в Массачусетской бухте. Заодно он прочитал мисс Пиджон лекцию по истории Вирджинии, в то время как Адемар, лишь наполовину понимавший его слова, причитал:

— Если это ссыльный, а он так и выглядит, то он вполне может оставить нас на необитаемом острове...

— Здесь нет ни одного необитаемого острова, бедняжка Адемар, — успокоила его Анжелика.

Картина была совершенно необычайной: одинокая барка между небом и морем, между скалами и отмелями, а вокруг, как в калейдоскопе, паруса, каноэ, деревянные домики, верфь, рыбацкие лодки на мостиках, вдали несколько пузатых барок, костры на берегу, вокруг которых суетятся люди в ярких лохмотьях, плавающие вар, размешивающие в огромных котлах тюлений и китовый жир; рыбаки в шерстяных шапочках, просушивающие сети, сортирующие устриц; собиратели съедобных ракушек — мужчины в черных островерхих шляпах и темных сюртуках, женщины в белых чепчиках, синих и черных платьях: эти готовятся к пикнику, будут варить на костре собранные дары моря...

Вот уже более полувека архипелаг Каско был заселен шотландцами, ирландцами, англичанами и даже французами-гугенотами; когда начинали идти треска и тунец, сюда же стекались мальвинские, дьепские, бостонские раболовецкие флотилии, баскские китобои; в те жаркие дни конца тропического июня-месяца здесь было также множество беженцев из мест, подвергшихся кровавым набегам индейцев.

Повсюду виднелись лодки, нагруженные оловянной посудой, библиями, старыми мушкетами. После низовьев Кеннебека и Андроскоггина абенаки пронесли свои факелы поджигателей через Нью-Эваник, Брансуик-Фрипорт, Ярмут, Фалмут, Портленд, на юге пылали Сако и Биддельфорд. Когда к концу дня барка оказалась в устье маленькой речки Презумпскот, в двух милях от Портленда, в воздухе стоял запах дотлевавших пожарищ и полусгнивших трупов, и только легкий бриз доносил иногда с суши бальзамное благоухание сосен. Лодка была уже в нескольких кабельтовых от берега, качка усилилась, и пассажиры

опасливо смотрели на приближающиеся скалы, вокруг которых вскипала пена. Они то и дело с тревогой взглядывали на Джека Мэуина, который, казалось, ничего не замечал, полностью доверяя своему чутью.

Он и ранее уже не раз подходил к тому или иному острову настолько близко, что, казалось, лодка вот-вот пристанет, внимательно оглядывал берег, как если бы искал что-то или кого-то. Анжелика догадывалась, что он разыскивает среди беженцев кого-то из своих. Уже одно это означало, что он не был вирджинцем. Несколько раз он осведомился у проходивших вблизи кораблей, не приближаются ли к берегу индейцы.

Глава 2

Но вот Мэуин резко спустил паруса, и лодка, мягко подхваченная прибоем, понеслась к берегу. В лучах заходящего солнца маленький остров был похож на изумрудную корону из сплошной зелено-синей листвы, откуда доносилась небесная музыка миллионов поющих птиц.

— Это остров Макуорт, — понизив голос, сказал пастор. — Рай индейцев. Остерегайтесь, — произнес он, обратившись к хозяину лодки. — Держу пари, что сегодня остров кишит дикарями. Они пришли сюда из внутренних районов через озеро Сибаго, по реке Презумпкот. Они говоря г, что здесь их старинный рай, и что англичанам здесь места никогда не будет. В прошлом году этот чертов француз из Пентагуэта, барон де Сен-Кастин, объединившись с дикарями, захватил этот остров. Здесь к ним присоединились тарратины с острова Сибаго, которые перебили всех сыновей старика Макуорта, Ричарда Байнза, Самуэля Эндрюса. С тех пор остров необитаем...

Едва он кончил говорить, как лодка обогнула косу и вошла в маленькую бухточку, едва вмещающую множество каноэ красноватого цвета. Каноэ были пусты. Сделанные из коры, они казались прозрачными в золотых лучах заката и напоминали гигантских жуков-скарабеев. От хрупкой коры суденышек исходил аромат бальзама и смолы. Внезапно небо потемнело, как будто надвинулась грозная туча, ночная тень мгновенно упала на землю, и тут же из всех зарослей острова взмыли вверх стаи тысяч птиц. На несколько секунд они как бы образовали плотный верещащий занавес между небом и сушей.

И тут пассажиры лодки онемели от ужаса. Из внезапно наступивших зыбких сумерек вдруг начали проступать между красными стволами сосен столь же красные призраки индейцев с отвратительными раскрашенными лицами.

Страх мгновенно сбил сидящих в лодке в плотно сжавшуюся кучку, и позднее Анжелика вспоминала, что она прижимала к себе и Сэмми, и Илая Кемптона одновременно. Отданная на волю волн лодка быстро приближала их к отмели.

Анжелика в панике устремила загнанный взгляд к Джеку Мэуину. Внезапно выйдя из оцепенения, тот схватил обеими руками штурвал и в одну секунду поднял главный парус. Невероятная быстрота, с которой он проделал этот маневр, должна была искупить его беспечность. Теперь лодка не поддавалась опасному накату волн. Однако, кормчий не обратился в бегство, а, отплыв на несколько узлов, снова приблизился к острову Макуорт. Дистанция, на которой он шел теперь вдоль него, была достаточной, чтобы не допустить попадания стрел в лодку, и в то же время пассажирам были видны все детали одежды и оружия индейцев, грозно и молчаливо стоявших между деревьев, кустов и скал острова. Воздух был по-прежнему наполнен тревожными криками птичьих стай. Англичанин Джек Мэуин внимательно вглядывался в индейцев, проплывая вдоль берега то в одну, то в другую сторону. Что это было — вызов, любопытство, провокация? Даже самый проницательный человек не смог бы разгадать по выражению его лица, какими чувствами он руководствовался.

Наконец, с прежней бесшабашностью он дал знак юнге поставить фок и взял курс на юго-восток, на этот раз окончательно оставив позади остров Макуорт, рай индейских легенд.

Постепенно снова посветлело. За лодкой летели несколько чаек и бакланов.

Анжелика была напугана почти так же сильно, как и англичане. Она не знала, что это было, то ли мираж, то ли наваждение, но готова была держать пари, что сквозь внезапно окутавшую берег густую тень она видела, как между деревьями мелькнуло насмешливое лицо сагамора Пиксарета.

— Вы проявляете неосторожность, Джек Мэуин, — сердито заметил торговец. — За те три недели, что мы плаваем вместе, ваши дикие фантазии сделали меня просто больным человеком. Каждый раз, когда мы едва не задеваем скалу или выходим в море в тот самый момент, когда начинается гроза, мне кажется, что наступает мой последний час... А мистер Уилаби, мой бедный зверь? Разве вы не видите, как он похудел от страха: бока обвисли, почти не двигается, не хочет танцевать...

— Тем лучше, что не двигается, — буркнул Мэуин. — Что бы мы стали делать в этой лодке, позволь спросить, если б медведь пустился в пляс?..

Он презрительно сплюнул в воду. Анжелика не смогла удержаться от смеха: это была не только разрядка после испытанного страха, но и реакция на ту живописную картину, которую являла их компания на ореховой скорлупе барки. Нереальность всей сцены подчеркивалась фигурой негритенка, закутанного в капот из красного сукна и похожего на круглую черную редиску с выпученными белыми глазами.

Где же был Адемар, не потерял ли он сознание? Нет, совершенно обессиленный, он перегнулся за борт лодки — его рвало. Он вообще очень плохо переносил море.

Между тем, торговец, все еще не успокоившись, продолжал свой монолог:

— Джек Мэуин, не кажется ли вам, что в то время, когда вы проводили свой парад перед этой ассамблеей

красных змей, другая флотилия каноэ могла, например, выйти из-за мыса и ударить нам в тыл?

Хозяин лодки обращал на эти жалобы не больше внимания, чем на укол одной из тех иголок, которые были припасены Илаем для торговли.

В Анжелике пробудилось любопытство, и она с большим вниманием взглянула на Джека Мэуина. Выцветший колпак из красной шерсти на очень черных длинных волосах, какие почему-то встречаются у многих англичан, самые банальные, расплывчатые черты лица, лица здорового европейца, слегка продубленного морскими ветрами.

Лет сорок, может быть, чуть больше или чуть меньше... Черные глаза, живость которых скрыта тяжелыми веками, что часто придает ему отсутствующий вид. Привычка постоянно жевать табак, с небрежным шиком сплевывая в море.

На узких, но сильных плечах рубаха из толстого полотна, расстегнутая на груди, а поверх рубахи жилет с роговыми пуговицами. На ногах штаны из дрогета — шерстяной материи для моряков, грубой, но очень прочной. Штаны застегивались под коленями, а ниже можно было видеть крепкие, как канаты, мышцы ног, которые были его главными инструментами.

Анжелика решила, что в общем Мэуин не симпатичен ей, и что легкость руки изменила Колену, когда он его нанимал. Но, наверное, у Колена не было выбора...

Золотая Борода! На мгновение она ощутила укол испуга и стыда. Первый день плавания оказался столь насыщенным всевозможными впечатлениями, что память о Колене как-то стерлась. В глубине души она чувствовала облегчение от того, что все завершилось таким образом. Но по мере того, как она переставала бояться своей собственной слабости, с нелогичностью, свойственной женской натуре, Анжелика порой

испытывала нечто вроде сожаления и смутной печали. Колен... Голубая глубина его глаз, пьянящих от ее присутствия, первобытная сила его объятий. Тайна, известная только ей, принадлежавшая ей одной в сокровенных глубинах души. Почему нельзя любить, подчиняясь внезапным порывам своего сердца, своего тела, почему качество и сила любви должны зависеть от трудностей выбора?.. Разве некоторое непостоянство несовместимо с большим чувством? Что это — истина или иллюзия, идущая от воспитания, провозглашающего верность супругу главным долгом чести для жены? Не зря ли она сама возводит перед собой ненужные препятствия? Если бы она уступила Колену, сколь чудесен был бы момент их любви, а Жоффри... Жоффри об этом никогда бы ничего не узнал.

Она почувствовала, что краснеет при одной только мысли об этом.

Резко подставив голову морскому ветру, она сказала себе: «Надо забыть, забыть во что бы то ни стало».

Силуэт острова Макуорт растворялся вдали, все еще сверкая, как драгоценная корона в отблесках сумерек цвета зеленой мяты.

— Я вижу, вижу там Белую Шапку! — воскликнул маленький Сэмми.

Олд Уайт Хэд — так называется по-английски большой гранитный купол, увенчивающий островок Кашинг. Его стопятидесятифутовая громада высилась над входом в бухту поселения Портленд.

Пресная вода суши и соленая вода моря, смешиваясь в накатах волн, образовывали вдоль берега густую пену. Подхватываемая ветром, она оседала на сером граните купола и, высыхая, делала его похожим на большую шапку, а иногда на голову пожилого человека с седыми волосами, — в зависимости от освещения. Снизу скалы были белыми от пены, а выше

— от бесчисленного множества сидевших на них птиц. Каких птиц и зверей там только не было в эти последние дни июня с его интенсивным и коротким цветением: тюлени, птицы по прозванию пуритане, крячки, чайки, бакланы, фомки, морские разбойники, морские сороки. Все кругом утопало в птичьем пуху. Чуть пройдя вглубь, здесь можно было встретить тюленя, забавно вышагивающего на задних лапах, большущего «пуританина» в оперении, напоминающем судейскую мантию. Под ногами то и дело попадались птичьи гнезда с яйцами, ракушки морского гребешка, лангусты, крабы, устрицы, мули, кучками лежавшие на водорослевой подстилке, плотной, как ковер; и над всем этим висел постоянный птичий гомон, такой громкий, что желающим быть услышанными приходилось переходить на крик.

— Не высаживайтесь! Не высаживайтесь! — закричали скопившиеся на острове беженцы при виде их барки. — У нас не осталось продовольствия, нас здесь слишком много. Скоро не хватит ракушек, кончатся боеприпасы для охоты.

Мэуин рулил, стараясь удерживать лодку на одном месте. Маленький Сэмми приложил руки рупором ко рту:

— На скале Макуорт полно индейцев, — крикнул он, и звонкий тембр детского голоса пробился сквозь шум прибоя и гвалт птиц. — Будьте осторожны, как бы вас здесь не перерезали...

— Откуда ты, малыш?

— Из Брансуик-Фолса, с границы.

— Что произошло на севере?

— Все погибли, — крикнул мальчик своим легким голосом, и слова его летели, как ноты флейты.

Прилив был такой высокий, что лодка могла подойти к самому причалу, но Мэуин не сделал этого, как бы откликаясь на настойчивые просьбы первых

поселенцев. Однако, он продолжал внимательно, с любопытством разглядывать берег.

Тем временем толстая женщина с высоко подоткнутой юбкой, занятая ловлей лангустов в расщелинах скалы, окликнула его.

— Вы с этого побережья?

— Нет, я из Нью-Йорка.

— А куда идете?

Он кивком подбородка показал на север — в Голдсборо.

— Я знаю, где это, — сказал один из беженцев. — Это у входа во Французский залив. Как бы вас не оскальпировали французы со своими союзниками-дикарями...

Джек Мэуин начал маневрировать для выхода из маленького порта. Когда он проходил близ одной скалы, на берег выскочила взволнованно жестикулировавшая женщина. Она тянула за собой девочку с мешком за спиной.

— Возьмите ее с собой! — закричала женщина. — Здесь у нее никого нет, но я знаю, что неподалеку от Французского залива на острове Матеникюз, может быть, на острове Долгом за горой Мон-Дезер у нее есть дядя. Возьмите ее.

Подталкиваемая женщиной напуганная девочка прыгнула в лодку, которую волна уже выносила на простор.

— Crazy wích!^[11] — крикнул Мэуин, теряя присущее ему самообладание, — вы что, принимаете меня за собирателя сирот? У меня хватает забот, и мне нет никакого дела до всех этих любителей библейского чтения, чтоб их черт побрал всех вместе взятых!

— Вы выражаетесь, как язычник, — ответила ему женщина со скалы, — и вы говорите с девонширским акцентом. Сам Ваал сделал вас дважды

жестокосердным с момента рождения... И все же отвезите этого ребенка в надежное место, а иначе несчастье настигнет вас, как бы далеко вы ни были, клянусь вам в этом.

Мэуин, в ярости вскочивший на ноги, успел ухватить штурвал и чудом обойти подводный камень.

— Old wich!^[12] — сердито повторил он. — Если им помогают силы ада, то что им мешает уже сейчас подчинить себе весь мир?..

— Эта женщина говорит правильно, а ваши слова... — начал было вещать преподобный Томас, как вдруг их захлестнула волна, все промокли, и дискуссия Прервалась. Мэуин приказал юнге отлить воду черпаком.

Волнение усилилось, лодка ныряла все круче. Маневрировать приходилось все более внимательно, и теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы вернуться к острову Белая Шапка и высадить сироту на берег. Спускался предвечерний серо-жемчужно-розовый туман, надо было искать стоянку на ночь. К счастью, Мэуин, видимо, не раз бывал здесь. Пройдя вдоль острова Пик и обогнув Долгий остров и остров Чебрат, он нашел, наконец, подходящее место, спрыгнул в воду, закрепил лодку в расщелине и вышел на берег, предоставив пассажирам, в том числе и дамам, самим выбирать на сушу. Слегка подмочив юбки, дамы, после долгих часов неподвижности, с удовольствием ступили в воду и вышли на песок. Девочка с острова Кашинг, которую звали Эстер Холби, начала рассказывать мисс Пиджон о своих несчастьях. Выползший из своего убежища медведь Уилаби сразу же забрался на кучу гальки и, задрав нос, принялся вдыхать лесные запахи. Тут Анжелика увидела, как огромен этот медлительный и миролюбивый зверь. Добравшись до зарослей, он стал рыть землю в поисках

корешков. Время от времени Илай Кемптон подзывал его к себе, опасаясь, что, отойдя слишком далеко, косолапый кого-нибудь напугает.

Слушая юную Эстер, Анжелика почувствовала уважение к бедному ребенку. Оказавшись в компании совершенно чужих людей, среди которых была и француженка-папистка и даже медведь, она не выказала ни малейшего страха и вела себя весьма достойно. В трудных обстоятельствах англичанам не свойственна шумная говорливость, часто присущая французам. Если случается какое-то несчастье, оно остается внутри них, как камень на дне темного колодца, где вода на поверхности гладка и спокойна.

Анжелика была готова сама расплакаться вместо Эстер, слушая рассказ девочки о том, как она увидела убитых отца, мать и братьев, с которых индейцы сняли скальпы, как узнала, что они забрали с собой ее младшую сестру...

Тем временем Мэуин принес сухие ветки и развел огонь.

Затем он наполнил водой чугунный котелок, положил туда кусок солонины и поставил вариться. Все его жесты были четкими жестами человека, любящего порядок и привыкшего жить в одиночестве.

С невероятной скоростью отлив обнажил покрытый водорослями берег, сверкающий бесчисленными маленькими лужицами почти до самого горизонта.

На гальку выбежали из леса английские ребятишки и стали собирать ракушки.

За черными деревьями опускалась ночь. По небу и морю разлился восхитительный оранжевый цвет, сразу же начавший переходить в огненно-розовое зарево такой прозрачности, что хотелось, чтобы оно никогда не потухло.

Дети прыгали с камня на камень, распевая веселую песенку. Гордясь своими трофеями, они подбежали к

вновь прибывшим, чтобы похвастаться. Мэуин купил у них две пинты устриц и ракушек, а Анжелика попросила их спеть еще раз. Маленькая девочка, которая родилась на этом острове, объяснила, что эта песенка нравится ракушкам. Звонкие детские голоса запели ритмичную песенку, которую тут же подхватили другие дети, многие из которых прибыли сюда с беженцами. После тяжелой работы на ферме и школьных занятий все они были очень рады возможности порезвиться в бухте и очень дружно и убежденно пели:

«Clams is physic the years all troug came cat clams, bid the doctors adieu».^[13]

Детям очень нравились эти слова, они прыгали, били в ладоши и кричали: «Правда, правда, истинная правда».

Чтобы отблагодарить ребятишек за любезность, торговец позвал своего медведя. К огромному восторгу детей зверь встал на задние лапы, торжественно поприветствовал их, а потом, получив команду показать сначала самую красивую, потом самую хитрую девочку и еще самого драчливого мальчика, он стал изображать, как он задумался, как он колеблется, и наконец, положил перед теми, кого выбрал, матерчатый цветок, какую-то безделушку и серебряную монетку.

Вскоре вокруг них собралась целая компания. Заметив парня спортивного вида, с крепкими руками, Илай Кемптон предложил ему побороться с медведем. Схватка была честной: парень имел право пускать в ход кулаки, а мистер Уилаби обязывался не пользоваться когтями. Прекрасно разыгрывая свою роль, медведь несколько раз притворился, что потрясен ударами противника, но в момент, когда тот уже начал верить в победу, он одним щелчком отправил его кувырком на землю... Подождав, пока стихнут смех и аплодисменты,

пастор предложил всем помолиться; после молитвы люди разошлись.

Анжелика не могла заснуть. Ночь была холодной, и она не могла согреться даже возле самого костра. У всех было, чем накрыться, а торговец и мистер Уилаби, обнявшись, дружно храпели. Анжелика позавидовала человечку из Коннектикута, которого так хорошо согревала шерсть его добродушного друга.

Про себя она твердо решила, что отныне никогда не ляжет спать, не имея рядом с собой плаща, пистолетов и туфель; если что случится, она сразу же, не успев открыть глаза, схватит эти необходимые для жизни предметы и только тогда начнет выяснять, что происходит, — и нет ли здесь пиратов, готовящихся ее захватить, и все что угодно. Теперь же ей приходилось мерзнуть в тоненькой блузке, с полуголыми руками, и холод пронизывал ее до самого сердца, хотя воздух оставался очень сухим.

Она поднялась на ноги и пошла вдоль берега. Воздух был прозрачен и звонок. Казалось, что в дыхании спящего острова слышались мелодичные жалобы ветра, шепот и дыхание людей, лай тюленей, шум прибоя...

Постепенно отдаляясь от лагеря, где желтым огнем светился фонарь, зажженный на ночь Мэуином, Анжелика шла на другой огонек, мерцавший за деревьями, за которыми угадывался более широкий заливчик. Она когда-то слышала, что на этом острове есть «поющий» пляж; надо было только, чтобы подул нужный ветер, и тогда на пляже раздавались либо сладкая мелодия, либо топот марширующей армии. Что-то манило ее туда, возможно, надежда увидеть в галлюцинации души грешников или мираж с лодками индейцев, преследующих свои жертвы от острова к острову...

Но свет, на который она шла, оказался не светом галлюцинации и миража, а просто заревом долгой июньской ночи, медленно умиравшей под натянутым ею над землей фосфоресцирующим тентом...

Вдоль песчаной отмели раскинулась колония тюленей. Самые крупные самцы, те, которых называют хозяевами пляжа, кое-где вставали во весь рост, как темные монолиты, повернутые к искрящемуся морю, высматривая что-то вдали, а вокруг них лежали, свернувшись, более мелкие и более темные блестящие самки... Мирные и торжественные в своей невинности существа, они были встревожены людской суетой, ворвавшейся в некогда заповедные места, где долго царствовали одни они. Тюлени вызвали у Анжелики чувство жалости и нежности. Чтобы не беспокоить их, она пошла вдоль опушки леса. Крупные самцы поворачивали к ней свои толстые усатые головы.

Лет за сто до происходящих событий один путешественник с удивлением писал о тюленях: «Головы у них, как у собак безухих, а шерсть цвета тех коричневых бурых рубищ нищих отшельников, что носят у нас монахи-минимы...»

Анжелика прочла это описание еще в детстве, когда мечтала уехать в Америку... И вот теперь она была здесь, в потерянной бухте, была здесь, пройдя уже половину своего жизненного пути, совсем не похожая на мечтательную и восторженную девочку из старого замка Монтелу, и все же ей казалось, что мало что изменилось в ее внутреннем мире. «Все в нас сказано с самого раннего возраста... Меняется только тот, кто отрекается от самого себя...»

Но что означает в точности отречься от самого себя?.. Например, Жоффрей никогда не отрекался от себя...

Она принялась растирать ладонями плечи и руки, чтобы согреться. Прошлой ночью она была на корабле

Золотой Бороды, и Колен держал ее в своих объятиях. Вспомнив об этом, она задрожала еще сильнее... Вся эта история теперь представлялась ей как какой-то двусмысленный сон, который надо было забыть, поглубже запрятать, стереть...

Внезапно взгляд Анжелики выхватил из ночи гигантский белый контур какого-то зловещего очертания: это был скелет выброшенного когда-то на берег кита. Теперь он лежал на самом краю косы как целый лес костей, решетка-изгородь перламутровых ребер, сквозь которые на горизонте мерцали звезды, как бы нарисованные мелом на ночном небе.

Анжелика задрожала еще сильнее.

В молочном свете лунного сияния появилась белая фигура женщины.

— Ты замерзла, сестра моя, — сказала женщина ласковым голосом. — Вот, возьми, пожалуйста, мой плащ. Вернешь, когда взойдет солнце.

Слушая это необычно торжественное обращение на «ты», которым англичане пользуются, лишь обращаясь к Богу, Анжелика смотрела на нее, не будучи вполне уверенной, что перед ней настоящая живая женщина.

— А как же вы, сударыня? Не боитесь замерзнуть?

— Я накроюсь половиной плаща своего мужа, — ответила женщина с какой-то почти небесной улыбкой. Положив руку на лоб Анжелики, она сказала:

— Да благословит тебя Всевышний!..

***

На обратном пути Анжелика увидела Джека Мэуина, сидевшего на берегу в позе человека настороже.

Более уверенно чувствуя себя в плаще милосердной незнакомки, Анжелика остановилась в нескольких шагах от англичанина и принялась рассматривать его.

Этот человек все больше заинтриговывал ее. Утром, когда она впервые увидела Мэуина, он показался ей обычным матросским грубияном, но теперь она

представляла его себе задумавшимся мыслителем, недюжинным человеком, каких немало встречается в далеких морях. В его неподвижности чувствовалось такое напряжение, — а сейчас он даже не жевал свой неизменный табак, — что становилось тревожно за его огромное одиночество, которое казалось, горело в нем, как высокое жаркое пламя.

«Должно быть, это бывший пират, — подумала она, — и не исключено, что он благородного происхождения. Человек, уставший от преступлений, желающий все забыть, а также вычеркнуть себя из памяти своих слишком опасных бывших сообщников... Не их ли он подстерегает, опасается, разыскивает, преследуемый угрызениями совести или страхом?.. Или же он младший отпрыск большой бедной английской семьи, оставивший родину в надежде стать принцем, но общество матросов вызвало в нем такое отвращение, что он решил быть одиноким тружеником моря...

Он, наверное, познал также тяжелое сердечное горе. Я чувствую, что он ненавидит женщин».

В линии плеч этого человека было что-то оцепенелое, окаменевшее, как будто душа давно покинула его тело и витает где-то вдалеке, оставив его здесь, как пустую оболочку. Что слышал, что открывал для себя он в тайне своей отрешенности? И не индейские ли каноэ угадывал он в светящемся море?

Это была странная ночь, полная неясных опасностей, нежного поэтического колдовства, а может быть, и злых чар.

Анжелика почувствовала желание вырвать этого человека из его странной летаргии, которая вызывала в ней почти страх.

— Ночь прекрасна, не правда ли, мистер Мэуин, — сказала она нарочито громко. — Она располагает к раздумью, не кажется ли вам?

Он казался спящим. Глаза его были открыты, но зрачки оставались тусклыми и пустыми. Все же через несколько секунд он повернул голову в ее сторону.

— Красота этого острова покоряет, околдовывает меня, — продолжила Анжелика, поддаваясь какому-то уже неподвластному ей импульсу найти с ним контакт. — Здесь так вольно дышится... Не знаю, как правильно выразить это чувство. В Европе все это стало неведомым, навсегда исчезло. Там исчезло само понятие этой вещи, таинственной и приводящей в восторг, которую я назвала бы... самой сущностью свободы...

Она как бы размышляла вслух, понимая, что высказывает слишком сложную и неясную мысль, и что, пытаясь выразить ее на своем не очень уверенном английском языке, она рисковала встретить почти полное непонимание. К ее удивлению, Мэуин вышел из своего оцепенения.

Она вдруг увидела, как лицо его дрогнуло, глаза зажглись, на губах появилась презрительная сардоническая улыбка, а в темном взгляде запылало пламя отвращения, почти ненависти...

— Как смеете вы позволять себе такие слова, такие суждения?.. — спросил он, как бы нарочно растягивая слова, чтобы они звучали как можно более вульгарно. — Вы, женщина, смеете рассуждать о свободе?

Он язвительно рассмеялся. Ей почудилось, что в его облике перед ней предстает надменное враждебное существо, которое презирает и отвергает ее... Сам демон!.. Именно он скрывался под этой странной оболочкой, — настороженный демон среди людей.

На нее как бы повеяло смертельным холодом, она отшатнулась назад и быстро пошла прочь.

— Подождите-ка! — крикнул он.

Он звал ее назад, слова его звучали, как команда.

— Wait a minute^[14]. Куда вы сейчас ходили?

— Я просто немного прошлась, потому что было холодно.

— Так вот, извольте больше никуда не отлучаться на ваши там лесные шабаши, потому что я собираюсь выйти в море с восходом солнца и ждать никого не буду.

«Какая скотина, — сказала про себя Анжелика, укладываясь возле костра.

Значит, он был самой обыкновенной скотиной! Скотиной под англо-саксонским соусом. Представитель страны, ставшей родиной первых наемных солдат. Страны самых занудных в мире варваров...

Она поплотнее завернулась в плащ женщины со светящимися глазами. Да, они все немного сумасшедшие, эти англичане!..

«Как вы смеееете рассуждать о свободе, вы, женщина!» Она вновь услышала его презрительную интонацию. «Вы, женщина!»

В утомительном течении этой ночи она чувствовала себя невольной осиротевшей, угнетенной силами, противостоять которым не удастся никогда никому. Какое безумство — пытаться их сломить!..

Счастьем на земле был человек, спутницей которого она являлась и который любил ее...

— Жоффрей, любовь моя, — вздохнула она.

Анжелика заснула.

Глава 3

Проснувшись, Анжелика увидела, что все вокруг окутано густой пеленой тумана. Скупно проникавший сквозь нее свет позволял, тем не менее, предполагать, что солнце успело подняться довольно высоко над горизонтом, и что час был уже не самый ранний.

Джек Мэуин снова выглядел, как обыкновенный человек хмурого нрава. Сейчас он тщательно размещал на дне лодки несколько бочонков с пресной водой. Это было хорошим признаком. Видимо, хозяин лодки готовился к продолжительному плаванию без остановок и не был намерен обшаривать все острова. К тому же он откуда-то извлек полкруга сыра и пшеничный хлеб, так что пассажиры могли не опасаться голодной смерти на предстоящем отрезке пути.

— Туман задержал наш отъезд, — объяснила мисс Пиджон, — и мы решили дать вам поспать, дорогая Анжелика.

— Мне хочется найти ту славную женщину, которая пожалела меня и одолжила мне свой плащ, — сказала Анжелика.

Но тут Джек Мэуин объявил немедленную посадку.

— Как же вы будете прокладывать курс в таком пюре! — запротестовал Кемптон. — Мы обречены на гибель!

— Да, на гибель! С ума сошли! — запричитал Адемар, который начинал неплохо понимать английскую речь. — Я вас умоляю, госпожа графиня, не давайте ему выходить в море. Ночью мне приснился страшный сон, и я предчувствую, что он может сбыться.

Адемар был несколько придурковат, а во французской провинции всегда считалось, что такие, как он, обладают даром ясновидения.

— Что же тебе приснилось, бедняжка?

— Как будто вы утонули, госпожа, я видел вас на самом дне, где вода совсем зеленая, с совсем распущенными волосами, которые тянулись за вами, как водоросли.

— А ну-ка, замолчи! — рассердилась Анжелика. — Говоришь неведомо что, только страх на людей нагоняешь. Может, ты даже обрадовался, что я утонула, ведь ты считаешь меня дьяволицей...

— Не говорите так, госпожа, — жалобно прохныкал Адемар, перекрестившись несколько раз.

Пастор бросил на него косой взгляд, недовольно сжав губы. Он был по горло сыт соседством с этими папистами, усугубленным присутствием Мэуина, явного нечестивца и безбожника, и даже сообщил мисс Пиджон о своем намерении остаться на Долгом острове. Однако мисс Пиджон отговорила его, сославшись на то, что только в Голдсборо он может встретить своих прихожан, уцелевших от побоища в Брансуик-Фолсе.

— Давайте, садитесь в лодку, — проворчал Мэуин, добавив несколько слов по-английски, которые должны были означать нечто среднее между «компанией размазней» и «бандой разгильдяев» — Анжелике было трудно это понять.

Однако попытки подогнать пассажиров успеха не возымели — никто не торопился.

— Я вижу у вас одежду квакерши! — внезапно вскричал преподобный Пэтридж, указывая перстом на плащ в руках у Анжелики. — Неужели вы разговаривали с одним из членов этой мерзкой секты? Несчастливая! Вы поставили под угрозу спасение своей души. Вы правы, мисс Пиджон. Негоже оставаться в таком месте, где существует опасность встречи с этими людьми. А я-то думал, что Новая Англия от них уже очищена! Неплохо было бы отправить на виселицу еще нескольких голубчиков, чтобы было неповадно всем другим.

— Не понимаю, почему надо вешать людей, единственное преступление которых в том, что они готовы одолжить плащ замерзшей женщине.

— Эти квакеры очень опасны для общественного порядка, — наставительно заявил пастор.

— Да, да, — подхватила мисс Пиджон, — они не снимают шляпу перед самым королем, называют его «братом» и обращаются к нему на «ты»... Они говорят, что у них установлено прямое общение с Богом.

— Полная непочтительность ко всем и ко всему! — : выкрикнул пастор.

— Они отказываются платить налог на храмы...

— Чистота учения превыше всего, — продолжая пастор.

Он уже был готов разразиться длинной проповедью, как вдруг Джек Мэуин буквально взорвался, начав выкрикивать отборные ругательства, приведя в ужас мисс Пиджон и юную Эстер, которые даже заткнули пальцами уши.

— Богохульник! — взревел пастор.

— Замолчите, презренный кретин, — продолжал Мэуин с ненавистью, презрительно кривя губы. — Все, что вы говорите, лишь сеет смуту и беспорядок.

— Презренный вы сами! Я сразу распознал в вас нечестивца, сына Люцифера, одного из тех, кто осмеливается, глядя на Бога, говорить ему: «Я равен тебе!..»

— Такому невежде, как вы, лучше не пытаться судить о других, чтобы не наделать очень серьезных ошибок.

Преподобный Томас не мог стерпеть, что какой-то вульгарный лодочник, возможно, бывший каторжник, говорит с ним в таком тоне и в таких выражениях в присутствии слабых женщин, поведение которых часто зависит от степени их доверия своему пастору. Было просто недопустимо позволить сбросить себя с

пьедестала, да еще таким унижительным способом. Это могло заронить сомнение в чистых, но слабых женских душах. В свое время, еще до того, как он посвятил себя богословию, Томас Пэтридж был полным энергии молодым человеком и с удовольствием занимался английским боксом. У него и сейчас сохранился некоторый запас сил, особенно после того, как он оправился от полученного ранения. Схватив Мэуина за ворот рубахи, он чуть было не превратил в лепешку его лицо страшным ударом кулака, если бы тот не проявил хорошую бойцовскую реакцию и не нанес ему мгновенный резкий удар ребром ладони по запястью вцепившейся в рубаху руки. Побагровевший пастор взвыл от боли.

Анжелика бросилась разнимать мужчин.

— Господа, прошу вас, не теряйте рассудка, — воскликнула она, призвав себе на помощь весь свой авторитет.

Упершись ладонями в мускулистые торсы мужчин, готовых взорваться, как вулкан, в новом приступе ярости, и повелительно поглядев на обоих, она вынудила противников остаться на должной дистанции друг от друга.

— Пастор! Пастор! — умоляла она. — Постарайтесь простить тому, кто не был осенен тем духовным прозрением, какое получили вы. Не забудьте, что вы представляете Бога, осуждающего насилие...

Лицо пастора стало совершенно бледным от усилий, которые он прилагал, чтобы сдерживать себя, и от боли, причиненной ударом Мэуина, едва не перебившим ему запястье.

Джек Мэуин также побледнел, как воск. Видно было, как лихорадочно пульсировали вены у него на висках, а в загадочных зрачках еще больше усилился бронзово-металлический блеск.

Ладонь Анжелики ощущала прерывистое биение сердца Джека Мэуина, теперь он снова казался ей человеческим и ранимым.

— И вы себя повели неразумно, — обратилась она к нему, как к провинившемуся ребенку. — Разве позволительно доброму христианину оскорблять человека, имеющего духовный сан. Тем более, что несколько дней тому назад индейцы чуть было не сняли с него скальп.

В глазах хозяина барки можно было прочесть явное сожаление по поводу слов «чуть было». Первым отступил преподобный отец.

— Я готов подчиниться вам, миледи, хоть вы и француженка и исповедуете ошибочную, вавилонскую, фанатичную религию. Я подчиняюсь, ибо вы доказали нам свою дружбу. Но этот человек...

— Этот человек тоже доказал нам свою дружбу, взяв нас на борт, чтобы доставить в Голдсборо, где мы будем в безопасности.

Она продолжала держать руку на груди Джека Мэуина, пока не почувствовала, что сердце его успокаивается, и не увидела, что он сделал шаг назад, окончательно взяв себя в руки.

Ссора утихла, и каждый занял свое место в лодке, в том числе и мистер Уилаби. Тем временем туман рассеялся, и, выходя из порта, они увидели на берегу целую толпу людей, которые махали им руками. Пришли попрощаться с ними и квакеры: мужчины в круглых шляпах и женщины в белых чепцах стояли отдельной группой, как какие-то зачумленные, но держались весело и с достоинством.

Когда лодка поравнялась с ними, Анжелика успела крикнуть, что плащ она оставила у добрых людей на берегу.

Затем они прошли мимо острова Клипп и острова Драгоценностей, который был расположен почти на

самом выходе из бухты Каско. Несмотря на то, что это был самый отдаленный объект для возможного нападения индейцев, там шла дружная работа по подготовке обороны. Руководство осуществлял капитан Джозеф Донель.

На нескольких судах он сам привез сюда колонистов из Бостона, Фрипорта и Портленда, и теперь все они, мужчины и женщины, круглые сутки возводили фортификации. Другая группа распахивала целину и сеяла пшеницу в предвидении долгой осады. Все дети, которым возраст уже позволял орудовать ножом, помогали землепашцам и рыбакам. И лишь самые маленькие весело резвились в холодной воде моря рядом с касатками и тюленями.

Все эти сведения были переданы на лодку Джека Мэуина вкупе с великолепной корзиной морских даров.

И вот, наконец, открытое море в переливах синих, белых и золотистых бликов, с несколькими парусами на горизонте.

Анжелика наслаждалась видом пустынного горизонта. Острова исчезли. Лодка шла курсом восток-север-восток. Каждый порыв ветра отдалял их от угрожающего побережья и приближал к Голдсборо.

День пробежал незаметно в рассказах бродячего торговца и чтении пастором страничек из Библии, во время которого Анжелика уголком глаза наблюдала за Мэуином. Однако хозяин «Белой птицы» — так называлась его барка — продолжал беззаботно жевать свой табак и высокомерно сплевывать коричневую слюну так далеко, что Сэмми и негритенок Тимоти взвизгивали от восторга.

Море непрестанно развлекало пассажиров. Долго за лодкой плыл тюлень, размером с быка и проворный, как уж. На полной скорости он то приближался, то отдалялся от лодки, как бы забавляясь криками детей и

шаловливо подмигивая им маленькими поросячьими глазками.

К середине второй половины дня путешественники вышли к острову Монеган, расположенному к югу от архипелага Дамарискоув и берегов Пемаквида. Его называют также островом моря, потому что стоит он особняком, как уникальный драгоценный камень, сверкающий синими и розовыми фалезами в диадеме лесов, подсвеченных тысячами различных цветков. Другое его название — Волчий остров. Когда-то их здесь было много, изображение волка стало эмблемой великого индейского народа — могикан, и поэтому у острова Монеган есть третье имя — остров Могикан.

Теперь ни волков, ни могикан не было, зато здесь можно было встретить множество басков, бретонцев и нормандцев, шведов и голландцев, испанцев и португальцев, англичан и шотландцев, и флотилии многих стран мира.

По мере приближения к островку Рамана, гранитной шишке, примыкающей к фиорду Монегана, пассажиры «Белой птицы» обратили внимание на огромный темный ореол над островом, сгущавшийся к западу... Они смолкли, охваченные неясным беспокойством.

Темная туча-ореол казалась неподвижной, но форма ее менялась — она то раскрывалась в плоский гриб, то внезапно сворачивалась.

— Что это, дым? — прошептала Анжелика.

На этот раз был заинтригован даже Мэуин, хотя и ничего не сказал. Юная Эстер, будучи дочерью морских берегов, первая нашла объяснение загадки: она сказала, что это птицы.

Слетевшись сюда со всех точек горизонта, они кружились над Монеганом, явно привлеченные возможностью вкусно попить.

Эстер не ошиблась.

Вскоре стали слышны пронзительные крики тысяч кружащихся птиц.

Позднее они узнали, что неподалеку от острова баскские гарпунеры забили кита, которого и разделывали в тот день для закладки в бочонки.

Глава 4

Мэуин ловко провел свою «Белую птицу» в бухточку по узкому проходу между скалами. В глубине ее виднелся пологий песчаный берег, поднимающийся к лесу.

Он первым спрыгнул по пояс в воду и протянул лодку, пока дно ее не закрипело о песок. Быстро закрепив канат на ближайшем камне, он знаками показал своим пассажирам, чтобы они выходили из лодки.

— Скорей, скорей, пошевеливайтесь! Не стойте на месте, идите к лесу, — крикнул он.

Он-то знал, как опасно задерживаться у воды на восточном берегу острова Монеган. Пассажиры покорно заспешили и бегом начали пересекать песчаный берег, унося мешки и корзины с остатками пищи.

— Quickly! More quickly!^[15] — кричал зачем-то Мэуин. Вот тут-то и произошло несчастье.

***

К восточному побережью острова Монеган из океана порою приходит мощная волна; с огромной силой обрушивается она на крутые скалы, прозванные Черная голова и Белая голова.

Эти волны приближаются незаметно и всегда оттуда, откуда их не ждут. Они внезапно набрасываются на берег и тут же уходят, унося добычу.

Справа от группы женщин с детьми возник, словно гейзер из-под земли, белоснежный водяной столб, отрезав им путь к лесу. Он обдал их водяной пылью и, пока они глядели на него, сзади бесшумно подкатила огромная маслянисто-блестящая волна, и, как гора, обрушилась на них. Люди попадали на четвереньки, их тут же поволокло по песку отходящей волной; когда

она ушла, они поспешно поднялись на ноги и, подбирая пожитки, стали взбираться по берегу. Кто-то даже рассмеялся от неожиданного душа. Обернувшись, Анжелика увидела уносимого волной маленького Сэмми, его голова мелькала в пене у скал. Не раздумывая, побежала она назад и бросилась в воду. В последний момент она схватила ребенка на руки.

Но море еще не кончило своей жестокой пляски и потащило их обоих от берега. Взглянув на скалистый мыс, Анжелика увидела высокую фигуру Мэуина. Он быстро нашел нужную позицию и море швырнуло их к нему.

— Ловите! — крикнула Анжелика, подбросив мальчика в его сторону.

Моряк поймал ребенка на лету. Анжелика попыталась уцепиться за скалу, но тут же отступающая мощная волна потащила ее в открытое море. Промежутки между волнами затягивали ее, как в открытую дыру. Затем внезапно она оказалась на высоком гребне, и волна готова была разбить ее в лепешку о скалы. Юбки тянули ее вниз, как свинцовые гири, и, связывая ноги, мешали ей держаться на поверхности. Очередной вал, набравший сил в морских глубинах, опять понес ее к земле. Она с головокружительной скоростью приближалась к утесу, где стоял Джек Мэуин, успевший отнести ребенка в безопасное место.

Темным силуэтом одиноко стоял он, с развевающимися черными волосами, на фоне содрогающегося неба. Только красный берет его, казалось, стремительно несся к ней, излучая неведомый свет. Она протянула к нему руку. Против ожидания, моряк стоял, скрестив руки на груди, даже не пытаясь помочь ей.

Он не протянул ей руки. Пальцы Анжелики ловили воздух, она пыталась ухватиться за острые камни, но

только поранила руки. Почувствовав, что чудовищная сила потянула ее обратно, она закричала. Это был крик ребенка, который погибает, не понимая за что. «О, если бы он протянул мне руку, на этот раз я бы спаслась... Он не протянул мне руки».

Соленая вода попала ей в рот, она закашлялась. Собрав последние силы, Анжелика заставила себя успокоиться: надо удержаться на воде, чтобы очередная волна вновь понесла ее к суше. Единственный шанс на спасение — это завихрение у входа в бухту, где с грохотом пушечной канонады волны разбивались о скалы, а эхо повторяло глухие удары.

Черная волна поглотила ее, потом подхватила и потащила с бешеной скоростью. Она увидела совсем рядом глаза Джека Мэуина.

И тут она поняла.

Он стоял здесь не для спасения ее, а чтобы увидеть ее гибель.

Ибо он хотел ее смерти.

Это было написано на его бесстрастном лице с горящими неземным светом глазами, которые, казалось, пронзали ее насквозь. А тем временем море продолжало кидать из стороны в сторону ее бедное измученное тело, как будто хотело разорвать его на куски.

В последнем безумном озарении она поняла намерения Мэуина, и он предстал перед ней еще более ужасным, чем в прошлую ночь. Предсмертный крик вырвался из ее груди:

— Жоффрей! Жоффрей!

Отчаянным был этот крик, и для нее он означал:

«Жоффрей! На помощь! Помоги! Демоны хотят убить меня! Они здесь!..»

Вдруг к ней вернулась ясность мысли:

— Сволочь английская! Мне бы беречься его.

Он говорил:

— You a woman^[16], и вот теперь ему приятно видеть как я, женщина, погибаю!

Она яростно барахталась, паника овладела ею, и она все чаще погружалась в воду. Вдруг ей показалось, что кто-то крепко обхватил ее снизу и потянул ко дну. Анжелика попыталась вынырнуть, и с ужасом поняла, что она — в ловушке: юбка зацепилась за выступ подводного камня, вода колыхалась над ее головой, швыряя ее то влево, то вправо. В висках бешено стучало. И каждый раз, когда она пыталась вырваться из цепких объятий, она ощущала резкий рывок, невозможность освободиться, подняться на поверхность. Словно живущее в морских пещерах фантастическое чудовище вцепилось в нее щупальцами, не выпуская от своей норы. А она отбивалась в темном водовороте, обвитая водорослями, стеснявшими ее движения.

Силы ее иссякли. Она уже готова была открыть рот, захлебнуться и пойти на дно.

Внезапно резкий удар волны освободил ее. Юбка порвалась. Она вынырнула на поверхность. Но силы тотчас покинули ее и, едва набрав воздуха, она погрузилась вновь.

Разбитая, обессиленная, Анжелика отдалась на волю волн, бросавших ее, перевертывая и терзая.

«Нет! Нет! Не хочу умирать!.. — кричала она про себя в отчаянии... — Не хочу! Жоффрей, Жоффрей, хочу тебя еще раз увидеть... не хочу быть вдали от тебя, не хочу тонуть...»

Резкий удар в висок вывел ее из обморока. Ударившись головой о камень, она оказалась на мгновение вынесенной на поверхность.

В ослепительном озарении она вновь увидела неподвижную прямую фигуру... вдруг фигура

шевельнулась, отделилась, нырнула.
Мираж?..
Она шла ко дну, ко дну, навсегда.

Глава 5

Кто-то тащил ее за волосы к берегу. Анжелика чувствовала, как тело ее постепенно освобождалось от вязкой массы воды и вместе с тем становилось тяжелее. В мелкой прибрежной гальке ноги ее, волочась, оставляли глубокий след. Все тело было в кровоподтеках и ссадинах и казалось безжизненным. Джек Мэуин, выбиваясь из сил, тащил ее, как лодку, как убитого зверя.

Остановился он, только достигнув опушки леса, где море уже не могло их достать. И повалился рядом с ней. Сквозь обморочное состояние она слышала его сильное, с присвистом, как шум кузнечных мехов, дыхание.

...Это была жуткая схватка. Она конвульсивно вцепилась в него, ему пришлось оглушить ее. Раз двадцать море уносило их так далеко, что берег казался недостижимым видением, и выбрались они, в конце концов, далеко от того места, где началась борьба.

Легкие Анжелики пылали. Она не могла дышать. При каждой попытке сделать вдох ей казалось, что грудь вот-вот разорвется.

Она попыталась встать на четвереньки, как погибающее животное. Пытаясь наощупь найти поддержку, она уцепилась за мужчину, лежавшего рядом. Но здесь тошнота подступила к горлу, и началась неудержимая рвота. Казалось, соленая вода разъела ей грудь. Она опять упала на песок.

Джек Мэуин встал. Усталость сменилась ясным сознанием, что ему надо делать. Он сорвал с себя и отбросил жилет, потом снял рубашку, выжал из нее воду, отжал и красный берет.

Склонившись к Анжелике, он взял ее за руку, поставил сперва на колени, потом — на ноги.

— А ну! Шагайте! Go on ^[17]!

Он толкал ее вперед, потом тянул за собой, и в голосе его слышались и сдержанный гнев, и потрясение... Она попыталась сделать несколько шагов, но ноги ее не шли. Голова кружилась. Она упала лицом в песок.

«Жоффрей! Жоффрей!.. «Они» хотят убить меня. «Они» давно хотят меня убить».

Мэуин еще раз попытался поставить ее на ноги. Она опять упала. Она плакала и не могла остановить рвоту. Грудь и ноздри разрывались от боли. Она дрожала, зубы отбивали дробь. Рыдая, она пыталась вытереть лицо. «Оставьте меня... Дайте умереть... Здесь я могу умереть... Лишь бы не в море... Лишь бы не утонуть...»

Джек Мэуин, не дожидаясь ее, пошел вперед. Потом обернулся, с отчаянием увидел, что она опять лежит на земле, и вернулся. Решительным движением он уложил ее на живот, вытянул ее руки вперед, а голову повернул набок.

Сняв с пояса нож, он разрезал ей на спине платье, отделил намокшую ткань от ледяного, израненного тела и обнажил ее до пояса.

Затем обеими руками надавил несколько раз на бока, и ей тут же стало легче. Эти ритмичные движения восстановили дыхание. Анжелика смогла глубоко вдохнуть и выдохнуть.

Потом он с силой стал растирать ладонями ей спину. Постепенно кровь ее стала циркулировать. Спазмы прекратились. Нервы расслабились, зубы перестали стучать, ей стало тепло, а мысли успокоились и понеслись куда-то прочь.

«Этот человек зол, как дьявол... но руки у него добрые, да, добрые... Как хорошо!.. Как хорошо!.. Какое

блаженство — жизнь!»

Голова больше не кружилась, земля стала прочной и мягкой.

«Этак он с меня кожу сдерет... Заметил ли он клеймо?... Страшно... Да ладно! Может, он тоже разбойник какой-нибудь, беглый висельник... А если он выдаст меня... Так ведь он — англичанин. Небось и не знает, что за штука — клеймо в виде королевской лилии».

Почувствовав облегчение, Анжелика сама поднялась, села.

— Thank you, — проговорила она тихо. — I am sorry^[18]!

— Everything's right^[19]? — спросил сухо Мэуин.

— I am pretty well, yes^[20].

Однако она переоценила свои силы: вновь в глазах у нее потемнело. Голова упала на плечо Джека Мэуина. Плечо было твердым, как камень, но с мягким и приятным углублением. Плечо мужчины.

— Мне хорошо, — прошептала она по-французски.

У нее началась галлюцинация. Вдруг она поняла, что платье с нее спало, и стыдливым движением инстинктивно попыталась прикрыть грудь.

Мэуин обхватил ее одной рукой под плечи, другой — под коленки и легко понес на руках. Анжелика почувствовала себя ребенком. Ей ничто не угрожало. Шум моря утихал по мере того, как они удалялись в глубь леса. Наверно, это длилось недолго. Она не соображала как следует, вероятно, заснула. Это был не обморок, а короткий, но крепкий сон. Через несколько минут она проснулась, отдохнувшая, и увидела, что сидит, опершись о ствол дерева, положив голову себе на колени. Властным голосом Джек Мэуин приказал Эстер снять с себя одну из юбок и рубашку и отдать их Анжелике. Девушка забежала за кустики и тут же

вернулась, протягивая даме свою одежду. Тогда и Анжелика встала и тоже зашла в чашу.

Юбка и рубашка юной англичанки еще сохраняли тепло ее тела, и это было приятно. Анжелика вымыла волосы, слипшиеся от морской воды, в ближайшем роднике, пробивавшемся из мха, и вернулась к своим спутникам. Илай Кемптон развел костер, чтобы согреть Сэмми, которого он закутал в плащ. Все они смотрели на Анжелику широко раскрытыми глазами: они думали, что уже никогда ее не увидят.

— Садитесь поближе к мистеру Уилаби, мистрис Пейрак, — настаивал бродячий торговец. — Да, да! Вот увидите, от него станет теплее.

— Пора уходить, — вмешался Мэуин. — На другой стороне острова нам окажут помощь.

Один за другим они встали и углубились в сосновый лес. Теплый и сухой ночной воздух словно искрился. Да и ночь ли это была?.. Меж ветвей светилось бирюзовое небо.

— Это ночь перед праздником святого Жана, — сказал Адемар, — ночь, когда солнце почти не заходит, когда папоротник цветет маленькими оранжевыми цветочками, и это волшебное цветение длится лишь несколько часов. Говорят, кто увидит эти цветы — исчезает навсегда. Поспешим выйти из этого леса... Здесь полно папоротников, а вот-вот наступит ночь... Ночь на святого Жана...

Анжелика шла как во сне. Ей смертельно хотелось спать, а в глубине живота все еще оставался ледяной комок.

По временам Мэуин бросал на нее короткие взгляды.

— How are you feeling ^[21]?

— Quite well! ^[22] — отвечала она. Но неплохо бы выпить глоток рому или съесть чего-нибудь горячего.

Наконец за поворотом тропинки они увидели противоположный берег острова и деревню в лучах заходящего солнца, до них донесся гомон птиц, крики рыбаков. Резкий запах рыбы и растопленного жира перебивал все другие запахи.

При входе в хутор, у первой же фермы, Джек Мэуин позвал хозяев.

Никто не откликнулся, и он без церемоний вошел в дом, а за ним и вся компания. Зная священный закон гостеприимства в этих глухих краях Нового Света, где голодный путник — хозяин в хижине, посланной провидением на его пути, он подошел к деревянному шкафчику, взял там глубокую тарелку и оловянную ложку, приоткрыл крышки котлов, что стояли в очаге.

Из одного он зачерпнул порцию горячего блюда из морских петушков и других моллюсков, из другого котла взял три вареных картофелины, залил все это горячим молоком.

— Ешьте, — сказал он, поставив на стол перед Анжеликой миску, — ешьте, да побыстрее.

И он продолжал проворно раздавать всем тарелки с супом, как будто всю жизнь только и делал, что кормил бедняков благотворительными обедами от отца Венсана.

Глава 6

Потом Анжелика не раз признавалась себе и другим, что никогда она не пробовала ничего вкуснее, ароматнее и питательнее, чем этот суп из моллюсков, который она ела в бедной хижине на острове Монеган, в день, когда чуть не утонула в море.

Так она познакомилась с национальной кухней этих мест, от мыса Код до залива Сен-Лоран, включая Французский залив и Новую Шотландию. Французы называют это блюдо «Ля Шодре», англичане «Чаудер». Этот божественный, очень питательный суп сочетает в себе все, что любят жители побережья: американское растение — картофель, спасительные дары моря — моллюски, и молоко — богатство Старого Света, память о далекой стране с тучными пастбищами, в Новом Свете — роскошь, ибо осваивать здесь землю трудно, а коровы, неизвестно как оказавшиеся на опушке леса, полного индейцами, кажутся здесь чудом...

И все это — в миске душистого супа. Добавьте головку тающего во рту лука, щепотку перца или мускатного ореха, несколько кусочков соленой свинины, а в последний момент — положите в каждую порцию по кусочку сливочного масла.

Вести переговоры о судьбе этой части света следовало бы после порции вот такого супа, разлитого в серебряную... — а почему бы не в золотую? — посуду... Всем бы понравилось, и все были бы довольны...

Глава 7

Они ели с жадностью, слышалось только довольное пыхтение и чавканье.

— Давайте, давайте, не стесняйтесь, господа англичане, — слышалось вдруг по-французски. Рослая крестьянка стояла в дверях.

— Что же это такое, Господи Иисусе?

— It's but a bear^[23], — проворчал Кемптон, выхлебывая последние капли супа.

— Оно и видно, невежа! С чего это только медведь в мой дом забрался? Берлога ему тут, что ли? Может, ему и пирожков еще подать в тех тарелочках, что матушка моя из Лимузина привезла и ни одной-то не разбила?

— Мадам, вы — француженка? — спросила Анжелика. — Скажите, мы в Акадии?

— Может — да, а может и нет. Кто мы тут, в Монегане, я и сама не знаю. Я так из Порт-Руаяля, что на полуострове Акадия, а туда я приехала еще пятилетней девчонкой, с г-ном Пьером д'Ольнэ, давно это было. В двадцать лет вышла замуж за соседа нашего, шотландца Мак Грегора, и вот уже скоро тридцать пять лет, как мы с ним здесь живем.

Джек Мэуин спросил у нее по-английски, не пытались ли индейцы напасть на остров, и не было ли волнений в бухте Пенобскот. Отрицательно покачав головой, она ответила по-английски с сильным французским акцентом, что индейцы — могикане, тарратины, мик-маки и эчемины из Пенобскота и Дарискотта — ведут себя спокойно. На этот раз они не будут откапывать топор войны, потому что «большой французский сеньор из Голдсборо» сумел уговорить бледнолицых, живущих на берегу залива, а главное — маленького дьявола Сен-Кастина, не вмешиваться в

этот несчастный поход. На прошлой неделе ее муж, старик Мак Грегор, со своими тремя сыновьями ходил на косу Пофам, где встречался с «большим французским сеньором из Голдсборо», со всеми бледнолицыми этого края и главными вождями побережья, и они заключили союз, пообещали не нападать друг на друга и выкурили трубку мира. Сеньор из Голдсборо очень сильный и очень богатый. У него — свой флот, и золота — куры не клюют. Он обещал защитить от правительства всех, кого только тронут за участие в этом союзе. И правда что! Надоело нам вертеться волчком, чтобы угодить то французскому королю, то английскому, они-то, небось, и не думают сунуть нос в колонию.

Анжелика вся вспыхнула от волнения, услышав имя своего мужа, графа де Пейрака. Она засыпала крестьянку вопросами и узнала, что Жоффрей, покинув устье Кеннебека, направился в Голдсборо. Скорее всего, она догонит его, если будет там завтра, что вполне возможно, ведь море спокойно, несмотря на обычный в равноденствие прилив.

Узнав, что в ее скромной хижине находится сама супруга «большого сеньора из Голдсборо», мистрис Мак Грегор всплеснула руками от восторга и присела в глубоком реверансе, как учила ее матушка. Не переставая говорить то по-французски, то по-английски, она принялась хлопотать.

Анжелика рассказала о своих злоключениях и о том, как она чуть не утонула, выбираясь на берег. Хозяйка подтвердила, что такое случается здесь чуть не каждый день. В каждой семье насчитывалось больше утонувших, чем оставшихся в живых. Так-то вот!

— Пойду разыщу вам одежду получше, мадам, — закончила она спокойным тоном.

— Нет ли у вас брюк для моего спасителя? Он весь мокрый.

— Брюки? Нет, милая дамочка, такого у нас нет! Мои мужчины ходят в клетчатых юбках, тартанах по-ихнему. Шотландцы, ведь они с голой задницей ходят, извините за выражение. А вот у соседа моего, мистера Уинслоу, он из Плимута, вот у него ваши спутники найдут все, что им надо.

Она отправила мужчин вместе с медведем к англичанам, а у себя оставила только женщин и детей, включая негритенка.

— Истинно чертенок, прямо из ада вылез. Так ведь завтра — день святого Жана! Вот она, нечисть-то, отовсюду и повылазила. Гляньте: ночь-то светлая какая... В полночь баски зажгут костры, и начнутся пляски.

Несмотря да постоянную борьбу с морем и традиционных утопленников, жители Монегана были людьми веселыми. К тому же баски из Байонны позавчера забили гарпуном кита.

Битва была отчаянной, ударом хвоста морской гигант швырял в воздух лодки китобоев, и все же был добит и притянут к берегу под истошные крики бесчисленных чаек. Туша кита была еще наплаву, между берегом и лодкой, стоящей на якоре, когда ее начали разделывать.

На берегу три огромных чана грелись на кострах. Рыбаки бросали в них куски жира, и все радовались богатой добыче, подсчитывая в уме барыши. Из глубоких впадин в голове кита люди черпали ведрами белую маслянистую жидкость — спермацет, идущую на производство свечей особо высокого качества. Китовый ус пойдет на изготовление одежды, корсажей, вееров и украшений... Изысканные блюда из языка подадут в королевских дворцах, а жир — в хижинах бедняков, на масленицу. Из костей понаделают стропила, балки и изгороди...

Главный гарпунер Эрнани д'Астигуерра, он же капитан небольшого судна, горделиво прогуливался по причалу, опираясь на гарпун, как индеец — на пику. Когда загорится первая звезда на небосклоне, а лес темным контуром обозначится на фоне зеленоватого неба, он прикажет приостановить работу и разжечь вдоль берега большие костры. Сегодня — ночь святого Жана, когда все будут плясать и прыгать через огонь.

Тем временем Анжелика приглядела для себя у мистрис Мак Грегор шубу из очаровательного бархатистого меха тюленя.

— Сейчас со мной нет денег, — сказала она, — но, как только я доберусь до Голдсборо, я пришлю вам кошелек с двадцатью экю и подарочек, который вам будет приятен. Что бы вы хотели получить?

— Мы живем в достатке, — отвечала крестьянка, — и не стоит беспокоиться. Я слышала, вы умеете лечить. Если бы вам удалось вылечить моего внука Алистера, мне больше ничего и не нужно. А малец будет счастлив.

Они отправились в дом, где жил мальчик. У мистрис Мак Грегор было двенадцать детей. Оставшиеся в живых сыновья и дочери все повыходили замуж и женились и жили на острове, составляя многочисленный род. Чтобы не создавать трений между двумя религиями, в этих франко-шотландских семьях детям давали имена через одного — то французское, то шотландское. После Леонарда шел Оугилвей, а после Алистера шла симпатичная Жанетон. Несколько дней тому назад с юным Алистером приключилась беда: убегая по скалам от прилива, он хотел перепрыгнуть через расщелину. Если бы не перепрыгнул, свалился бы с высоты в шестьдесят футов. Он перепрыгнул, но с тех пор дикая боль мешала ему встать на ноги.

Анжелика поняла, что из-за конвульсивного сокращения пальцев ног, вызванного необходимостью удержаться при приземлении, у главных нервов

подошвенного свода растянулись оболочки. Чтобы вернуть их на место, пришлось прибегнуть к болезненной процедуре, но после часового массажа парень смог, сперва робко и нерешительно, встать на пол, но тут же, видя что ноги не болят, обрадовался и пообещал в тот же вечер сплясать танец скрещенных кинжалов. Анжелика строго запретила ему это. Ногам нужен покой, так как связки должны окрепнуть. Она попросила дать ей барсучьего сала (у каждой Доброй хозяйки обязательно найдется баночка с этим снадобьем) и, растерев им в последний раз ноги Алистера, разрешила ему ходить с палочкой. Так он сможет, по крайней мере, присутствовать на празднике...

На это чудо исцеления смотрела целая толпа людей, одетых в клетчатые пледы-тартаны, кто — с капюшоном, а кто — в синем берете с помпоном; все они были из кланов Мак Грегор и Мак Дэйлайнс. Были там и английские переселенцы, и купцы в темных рединготах, потомки первых обитателей залива и мыса Код. Были здесь и странники-монахи. Подобно старому Жозюе, которого Анжелика повстречала в Хоусноке, все они, несмотря на строгие нравы, были людьми веселыми, к великому огорчению преподобного отца Пэтриджа. Были там еще две семьи ирландцев-рыбаков и одна — французов Дюмаре, известных тем, что они удерживали печальный рекорд по числу утопленников. Ведь в этом краю ребенок, едва встав на ноги, пускается вплавь по волнам верхом на доске. Как тут не тонуть? Они ведь только и делают, что плавают между островами, а в возрасте 14 — 15 лет эти неутомимые мореплаватели по проливам особенно отважны, хотя опыта-то нет, ну и тонут, попав в особо опасном месте в критическую ситуацию.

В семье Дюмаре бабушка обладала даром ясновидения и всегда предчувствовала несчастья.

Бывало, будь то днем или ночью, она вставала и начинала складывать одежду парня, ушедшего в море. «Он только что утонул» — говорила она.

Много разных рассказов услышала Анжелика, пока ее водили из дома в дом, с одной фермы на другую. Этими визитами знатной дамы очень гордились жители острова, а исцеление Алистера сделало ее легендарной личностью. Моряки из Дьеппа, пришедшие за пресной водой на двух шлюпках, дополняли в тот вечер население острова. Повсюду слышалась странная смесь языков и наречий французского, английского и диалектов индейцев. Несколько миролюбивых представителей племени мик-мак, породнившихся с жителями острова, вышли из леса, положили меха и дичь на порогах домов и, сидя на корточках на возвышении, с любопытством разглядывали празднество бледнолицых. Это были, как правило, очень крупные мужчины с бронзовыми прямоугольными лицами.

К 10 часам вечера Анжелика решила, что с визитами вежливости пора кончать, и что до начала праздника неплохо было бы вздремнуть.

После горячей бани у мистрис Мак Грегор волосы ее быстро высохли на теплом ночном ветерке, но усталость не проходила.

Завернувшись в новую меховую шубу, она присела в сторонке, у подножья высокого дуба.

Завтра она будет в Голдсборо. Дай-то Бог, чтобы море было спокойно!

Тем временем вокруг домов и на берегу становилось все оживленнее, выросли кучи хвороста.

На импровизированных столах появились бочонки, кубки, миски. Полночь приближалась, а с ней и время костров святого Жана.

С криками, взявшись за руки, пробежали мимо ребятишки, увлекаемая за собой негритенка Тимоти, юнгу

Аббиала и Самюэля Коруэна.

Вечный Монеган, колыбель моряков, вступал в волшебную ночь, и слышались удары его сердца — шум волн, разбивающихся о скалы, и первые раскаты барабанов басков, репетирующих танец...

В году тысячном от рождества Христова, в этом узком фиорде появились люди на ладьях, украшенных фигурами драконов. Они открыли для европейцев гранитные берега Ньюфаундленда с холмами, утопающими в цветах. С тех пор на серых скалах стали появляться загадочные надписи, сделанные рукой бородатых викингов и светловолосых норманнов. После них прославились имена Джона Кэбота, Веразано ле Флорантена из Франции, испанца Гомеса, англичанина Рата, французского пастора Андре Тэо, сэра Хемфри Гелберта, Гаснолда, Шамплейна и Джорджа Уэймотов, Джона Смита, приплывшего в 1614 году с миссией «исследовать Северную Америку с точки зрения перспектив на добычу золота и китов».

Пестрая и непоседливая масса людей слагала на протяжении долгой истории волнующую сагу об острове могикан, полную кельтских, ирландских и шотландских выражений. Острые запахи, крепкие ругательства на всех языках, понятный всем смех мужчин, женщин, детей, одежда из разных стран: шотландские юбочки, красные береты басков, черные шляпы кальвинистов, атласные косынки барбадосских пиратов и матросские шапочки со всего света...

А в траве не умолкал пронзительный стрекот кузнечиков.

И на шафранном горизонте, там» где из зеленоватого неба и темнеющих волн сгущалась ночь, нескончаемой чередой шли паруса, паруса, паруса.

И вдруг все исчезло: и море, и берег опустели. Анжелика увидела, что сидит одна на пустынном берегу моря. Почему сегодня столько раз звучит «Бар Харбор»,

почему сейчас столько «опустевших портов»?.. Повсюду, повсюду, вдоль бесконечных изрезанных бухтами берегов:

Бар Харбор, Бар Харбор — как похоронный звон... Пустыня... Ушли киты и косяки трески и сардин, ушли похожие на серебрястые подносы скаты, и птицы тучами улетели, ушли тюлени и морские свиньи, голубые кашалоты, прожорливые касатки и ласковые дельфины...

Но не только от этого тяжело... Уныние охватывает душу, бесконечная, ноющая ностальгия... Глухое отчаяние опустевших бухт...

Слишком много воспоминаний, борьбы и убийств, слишком много утопленников, ухажеров, страсти, слишком много неприкаянных душ, врагов, отчаяния, забытых, плачущих, страдающих людей в тумане, на ветру, в пене грозных гигантских приливов, в волнах, со свистом и стоном бьющихся о землю.

Так много безлюдных берегов...

Мерцающие туманы, то густые, то прозрачные, опускаются на кедровые леса, на зеленую хвою сосен, на лаковую листву клена и красного бука, на поля дикой люцерны и рододендронов, на лилии у разрушенных домов, на розы в запущенных садах.

Страна призраков!

Французы, англичане, голландцы, шведы, финны, испанцы, бретонцы, нормандцы, шотландцы, ирландцы, пираты, крестьяне, рыбаки, китобои, лесные бродяги, пуритане и паписты, иезуиты и францисканские монахи, индейцы: эчемины, тарратины, мик-маки, малеситы — где вы все? Где вы, фантомы Акадии, земли с сотней названий, царства скалистых мысов и уединенных бухточек, где изредка белели паруса?..

Запахи леса и моря, запахи индейских вигвамов и скальпов, запахи пожаров и водорослей — дыхание воды и земли, опьяняющее и дурманящее, а сквозь все

это — бесстрашный, холодный взгляд человека, наблюдающего, как ты гибнешь...

***

Резкий крик нарушил тишину, тонкое странное завывание разбудило Анжелику, вырвав ее из кошмара, она вскочила с бьющимся сердцем.

— Что это? Режут свинью?

То был звук волюнок шотландцев, начавших праздник на берегу.

Анжелика увидела сидящего неподалеку Джека Мэуина, он смотрел на горящие большие костры. Шотландцы танцевали, скрестив шпаги; другие развлекались рукопашной борьбой с черным медведем.

— Мне приснился сон, — сказала вполголоса Анжелика. — Истребляя друг друга в братоубийственной войне, люди превратили эти места в забытую всеми пустыню.

Она спохватилась, что говорит по-французски.

Спина Джека Мэуина осталась неподвижной. Он сидел, положив руки на колени, кисти рук свисали. Впервые она заметила, что эти мозолистые руки отличались благородной формой.

К ней вернулось то беспокойное чувство, которое она постоянно испытывала, глядя на него; она помнила его странное поведение, когда он не захотел подать ей руки и смотрел холодно и бесстрастно, как она погибает.

Почему этот англичанин оставил ее в беде, когда она тонула, и лишь в последний момент, когда она уже пошла ко дну, спас ее ценой сверхчеловеческих усилий? Станный он какой-то. А может, он вообще не в своем уме!..

— Дайте мне вашу руку, Джек Мэуин, — сказала она неожиданно. — Я хочу посмотреть, какая судьба ждет вас впереди.

Он бросил на нее сердитый взгляд и ничего не сказал, только крепко сжал ладони.

Анжелика рассмеялась. Поистине, она еще не совсем проснулась: ну, можно ли кокетничать с таким женоненавистником, да еще и бирюком. Душа ее, как ладья, была готова устремиться к горизонту на всех парусах, и вся эта суматоха, эти визгливые звуки волынки доставляли ей блаженство.

— Ах, Мэуин, как прекрасна жизнь, я так счастлива... Вы спасли меня.

Он нахмурился, сердито сжал руки. Услышав, как она разговаривает сама с собой, он подумал, что она явно рехнулась.

Она вновь рассмеялась, опьяненная этой долгой июньской ночью и ее звуками.

Ритмичный бой барабанов и свист флейт перекрывали теперь пение волынок.

Анжелика вскочила на ноги.

— Мисс Пиджон, мистрис Мак Грегор, мистрис Уинслоу и вы, Дороти и Жанетон, идемте, идемте со мной, будем танцевать фарандолу с басками.

Она схватила их за руки и потащила бегом вниз по склону.

Легко ступая на пальцы босых ног, баски двигались друг за другом, кружась и подпрыгивая, их удивительный танец был полон грации и порыва. Красные береты, озаряемые кострами, сверкали, как маки.

Впереди шел высокий и гибкий парень, держа над головой бубен с медными пластинками и ударяя в него ловкими пальцами.

Когда в их освещенный круг вошли Анжелика и ее спутницы, баски издали радостный клич и уступили им место, так что каждая оказалась между двумя мужчинами.

— Клянусь святым Патриком, — воскликнул ирландец Порсонс, — эта колдунья заставила плясать наших жен!

— О ней говорят разное, — сказал англичанин Уинслоу. — Будто она ведьма.

— Какая там ведьма, — возмутился Мак Грегор. — Молчи уж, если не знаешь. Это — фея. Я видал в детстве таких, в лугах Шотландии. Сразу ее узнал. Так что брось трепаться, сосед. Сегодня — ночь колдовства. Послушать только эти песни басков, так у меня мурашки по всему телу. Ноги сами в пляс идут. Пошли плясать, сосед. Сегодня — волшебная ночь.

А фарандола тем временем вела взявшихся за руки танцоров между костров, вокруг домов, деревьев и скал.

В ночь на святого Жана должны танцевать все женщины, старые и молодые, бабки и матери, девушки и девочки. Капитан китобойной шхуны Эрнани д'Астигуерра подал руку Анжелике и повел ее танцевать, он не спускал глаз с нее. Скоро он почувствовал, что она знает почти все традиционные па фарандолы басков, и как только они, совершив круг, вернулись на песчаный берег, он быстро повел ее вовнутрь хоровода. Покорная зажигательной музыке, она танцевала, точно выполняя замысловатые фигуры народного танца.

Когда-то в Тулузе, в Аквитании Анжелика уже исполняла эти фигуры. В замках их предпочитали чопорным придворным танцам, и Жоффрей де Пейрак не раз возил свою молодую жену в страну басков, на Пиренеи, где они участвовали в народных праздниках, и она от души веселилась вместе со своими подданными.

Эта зажигающая музыка вызывала в ней воспоминания.

Коротенькая юбка Эстер позволяла ей легко танцевать, не стесняя движений. Она смеялась,

увлекаемая неотразимым капитаном, ноги ее почти не касались земли, а золотистые волосы то летели за ней как огненный шлейф, то падали на щеки и все лицо.

Он говорил с ней то по-французски, то на языке басков, и каждый раз, когда фигура танца приближала ее к нему, она чувствовала, как его твердая рука все теснее прижимала ее стан.

— В ночь на святого Жана из моря пришла фея, — говорил он. — Монеган — счастливый остров. Все это — магия. Откуда вы знаете наши танцы?

— Потому что меня зовут графиня де Пейрак де Моран д'Ирристру.

— Ирристру?.. Это фамилия из наших мест.

— Вот именно.

— Так вы из Аквитании?

— Да, по замужеству.

— Почему же ваш супруг позволяет вам уезжать одной на край света?

— Он недалеко отсюда, так что будьте осторожны, сударь.

— Сударыня, — сказал он на своем языке, — у вас самая восхитительная талия, какую я когда-либо обнимал, а глаза ваши меня заморозили... — И продолжал по-французски:

— Умеете плясать джигу виноградарей?

— Кажется, да.

— Тогда пошли.

Он завертел ее в безумном вихре, и голова ее пошла кругом: темно-синее небо, красный огонь костров, веселые лица пулей проносились мимо.

— Не могу больше, — крикнула она, — голова кружится.

Он убавил скорость, но сперва пару раз крутнул ее, крепко обняв и оторвав от земли.

Послышались аплодисменты.

Задыхаясь, Анжелика смеялась, а ей уже протягивали оплетенную бутылку. Пить надо было залпом, и она закинула голову, направляя струю прямо в горло. И этот ее подвиг тоже заслужил аплодисменты.

На возвышении, опершись о дерево, стояли преподобный Пэтридж, осуждавший подобные выходки, и моряк Джек Мэуин, которому не хотелось участвовать в празднике; оба с мрачным видом наблюдали эту сцену.

Заметив их, Анжелика неудержимо расхохоталась, уж очень комично те выглядели.

Ее веселый громкий смех вызвал веселье окружающих, и все опять закружились в танце, взрослые — парами, дети — хороводом. Волынки подхватывали ритм тамбурином, лимузинская бурре сменялась шотландской джиггой и корнуэльским старинным танцем; те, что были постарше или просто устали, хлопая в ладоши, поддерживали ритм.

Временами люди в изнеможении присаживались к столу выпить кружку пива или стакан вина. С кораблей, стоящих в порту, привезли праздничные запасы: испанские и французские вина, терпкое вино из дикого винограда с островов Карибского моря; от такой смеси в желудках загоралось солнце, а в ногах прибавлялось энергии, впрочем, сменяющейся опасным расслаблением.

Сидя за столом, две старушки, одна из которых была та самая бабушка Дюмаре, что предвидела во сне утопленников, непрерывно и ловко вскрывали ножом раковины устриц.

Господин д'Астигуерра напомнил Анжелике о «лубинку», любимом блюде басков и жителей Беарна. Он привез из Байонны много этих сосисок с очень острым вкусом. Их обжаривали на огне и, обжигаясь, торопливо ели, заедая сырой устрицей.

Какое наслаждение! Обжигающая сосиска и прохладная устрица. После каждого танца — стаканчик пиренейского вина. И еще одну адскую сосиску, от которой слезы катились из глаз, холодную зеленоватую устрицу, проглоченную с морской водой прямо из перламутровой раковины. Танцы, смех, бьющие в такт ладони, янтарное вино и призывные звуки флейт...

Кто-то присел, кто-то свалился, кого-то разбирает неудержимый смех, кому-то плохо, кто-то слегка не в себе, но никто не обращает на это внимания.

С опушки леса индейцы мик-мак и могикане, невозмутимые, почти как преподобный Пэтридж, наблюдали веселье бледнолицых. Они считали, что если уж пить, то огненную воду, волшебный напиток. Когда они накопят много-много водки, выменяв ее у моряков за шкурки зверей, они устроят в лесной чаще пьянку похлеще этой, они доведут себя до безумства и будут общаться с Духом снов... Они не будут глупо смеяться и плясать как эти бледнолицые, закусывая несчастными моллюсками.

В полночь первый смельчак выпрыгнул из огня, как черный дьявол.

Гоп-ля! Один за другим быстроногие баски перепрыгивали через костер, поджав ноги и подняв руки, каждый прыжок вызывал всеобщий крик страха и восхищения.

— Против того, кто перепрыгнет через костер в ночь святого Жана, — сказал Эрнани, — весь год дьявол не сможет ничего предпринять.

— Тогда и я хочу прыгнуть, — воскликнула Анжелика.

— Женщины не могут, — запротестовал один из басков, пытаясь защитить традицию.

— По-вашему, женщин можно уступить дьяволу? — воскликнула Анжелика, натянув ему берет на нос.

Конечно, она была чуть-чуть пьяна и немного взвинчена. Но такой случай, возможно, никогда не повторится, а она так давно об этом мечтала.

— Она сможет, сможет! — уверенно сказал Эрнани, не спуская с нее горящих глаз. — Но ваши волосы, мадам... Будьте осторожны, — добавил он, ласково положив руку на голову Анжелики; в горячке этой минуты она не обратила внимания на этот его жест.

— Не бойтесь! Я дочь Стрельца, родившегося под знаком огня; он из когорты пламенных и легиона Саламандры, что безнаказанно проходят сквозь пламень. Я должна прыгнуть! Господин д'Астигуерра, вашу руку!

Он подвел ее на расстояние нескольких шагов от потрескивающего костра, и установилась мертвая тишина.

Анжелика сбросила туфли, одолженные у мистрис Мак Грегор. Ступни ее почувствовали прохладу песка. Перед ней поднималось золотой стеной высокое и шумное пламя.

После огненных наперченных колбасок, доброго вина и соленых морских моллюсков, Анжелика сама казалась себе пылающим огнем, готовым рвануться ввысь.

Эрнани протянул ей небольшой плоский флакон. Она понюхала, узнала:

— Арманьяк «пикну»!.. Спасибо, мессир!

И отпила несколько глотков.

Все взоры были обращены на нее. Не все запомнили ее имя, но то, что о ней было сказано, еще не выветрилось из затуманенных мозгов.

С босыми ногами, готовая к прыжку, она предстала перед всеми, как воплощенная богиня, не от мира сего, и, тем не менее, ее спокойная независимость уверенного в себе человека внушала почтение к ней.

Они видели, что талия ее тонка, но без слабости, а плечи, хотя и грациозны и гармоничны, но выдавали опыт в жизненной борьбе; а в глазах ее они читали, что презрение к страху перед огнем вызвано в ней волею покорить многие костры, которые ей еще придется преодолеть в жизни.

Что касается Анжелики, она ни о чем этом не думала, будучи целиком занята предстоящим трудным и заманчивым испытанием.

Все тело ее, возбужденное теплым ночным воздухом, стремилось к порыву, еще сегодня это живое тело чуть не погибло, и вот теперь, стоя перед пляшущим огнем, она как будто увидела зовущее, прекрасное и грозное лицо мифического духа ночи святого Жана, — ослепительную ведьму с волосами то черными, то пурпурными.

Тамбурин выбивал дробь. Эрнани д'Астигуерра, взяв Анжелику за руку, побежал вместе с ней к костру, ускоряя разбег...

Стена огня возникла перед ней.

Разогнавшись с помощью баска, она прыгнула, поднялась в воздух, ощутила огненное дыхание, прорвалась через раскаленное тело огня, ощутила легкий укус и сияющий вихрь, пытавшийся обхватить и удержать ее, но вырвалась из него и упала по другую сторону костра на свежий ночной песок, где другой баск поджидал ее, чтобы отнести подальше от опасности.

Двое других набросились на края ее юбки и руками прибили зачавшийся было огонь.

Попахивало опаленными волосами. Анжелика потрясла своей великолепной гривой.

— Ничего! Я проскочила! Слава Богу, спасибо!

— Я с ума схожу! — вскричал, весь в слезах, — Что бы мы стали делать, если бы вы не перепрыгнули? Не хватает вам моря, вам еще огонь нужен?...

Кстати, он был вдрызг пьян.

Музыка вновь заиграла, хотя и неровно, с переборами.

Стройный Эрнани, прижимая могучей рукой талию Анжелики, отвел ее в сторону.

— Встреча с вами незабываема, мадам. Вы похитили мою душу. Мы должны провести вместе остаток ночи, согласны?

Анжелика высвободилась из его объятий, чтобы лучше его разглядеть и с удивлением подумала, что она поняла его слова, хотя все было сказано на языке басков, которого она не знала.

— Как странно, — воскликнула она, — но мне кажется, я понимаю язык басков!.. Я — и язык басков! Эту тарабарщину никто усвоить не может, если сам не родился на берегах Сули!.. Вы что, господин д'Астигуерра, подсыпали колдовское зелье в ваш арманьяк?

— Нет... Но... Я слышал, вы знаете некоторые диалекты индейцев Акадии, мадам?

— Да, я действительно владею языком абенаков из района Кеннебек.

— Вот и ответ загадки. Наш язык родственен языку этих индейцев. Я полагаю, что наши предки жили в Азии и, разделившись на две части, разошлись в разные стороны, совершив при этом кругосветное путешествие. Они добрались до этих берегов, а мы — до Байонны. Когда мои пра-прадеды пришли сюда охотиться на китов, они легко понимали дикарей, хотя никогда не учили их языка, и порою служили переводчиками для миссионеров.

Он снова сделал жест, желая привлечь ее к себе.

— Итак, если вы поняли мои смелые слова, мадам, каков будет ваш ответ?

Она положила ему два пальца на губы.

— Тсс!.. В ночь на святого Жана, мессир, можно говорить безумные речи, но нельзя совершать безумных поступков. Это — игра воображения, а не плоти.

По-видимому, наступило время порядочным дамам расходиться.

Анжелика подхватила одной рукой мисс Пиджон, Другой потащила мистрис Мак Грегор, которая поддерживала одну из своих дочерей и тянула целую кучу ребятишек. Вместе они стали подниматься по склону берега к едва видневшимся домам, до слез смеясь над своей нетвердой походкой.

Как грозный судья, явился вдруг перед ними преподобный отец Пэтридж. Громовым голосом он заговорил:

— Мисс Элизабет Пиджон, я осуждаю ваше поведение. Вы, такая набожная...

— Ах, оставьте ее, бедняжку, — резко ответила Анжелика, сама удивившись своему хриплому голосу. — В конце концов, за последние две недели ей досталось столько ужасов и страданий! Теперь, когда мы вне опасности, она имеет право немного повеселиться!

И она продолжала идти, пританцовывая, а мисс Пиджон кружилась и хохотала как безумная.

— Я возьму вас с собой в Голдсборо, darling, и там вы будете в безопасности... Мистрис Мак Грегор, можно нам переночевать у вас?

— Конечно, милые вы мои, — певучим голосом отвечала совсем захмелевшая мистрис Мак Грегор. — Мой дом — ваш дом.

В общей комнате постелили на пол матрасы, набитые морскими водорослями, и все улеглись на них.

Только легли, в ставни застучали матросы, требуя женщин.

Тут старик Мак Грегор выскочил в одной рубашке, с ружьем, и пригрозил изрешетить башку первому, кто посмеет еще нарушить покой женщин в его доме.

После этого наступила тишина. Светало.

Так закончилась безумная ночь на святого Жана на острове Монеган, самая короткая ночь в году, языческий праздник летнего солнцестояния, когда на холмах и у рек горят костры, когда цветет папоротник, а старик Шеплей ходит по лесам Нового Света и собирает дикорастущий железняк... слезы Юоны... кровь Меркурия... радость простых людей.

Глава 8

Настал третий день путешествия. День после праздника. Туман вот-вот готов был пролиться дождем на остров, где царили запахи потушенных костров и гниющей рыбы. Только чайки да бакланы, как обычно, летали с резкими криками. Казалось, они сердито протестовали:

«Теперь наша очередь!»

Пока Анжелика с Адемаром и маленьким Самюэлем спускались к порту, ее догнали дочь мистрис Мак Грегор со своими дочками, восьми и двенадцати лет.

— Прошу вас, — сказала она, запыхавшись, — возьмите их с собой в Голдсборо! Говорят, там есть школа. Их научат молитвам и хорошему французскому языку, на каком говорила моя бабушка. Вот уже три года, как мы живем без пастора... А грамоте бедняжки, видно, не научатся, пока все ругательства не запомнят.

С Дороти и Жанетон по бокам, Анжелика не без смущения явилась на пристань.

— Я заплачу вам за провоз этих девочек, когда будем в Голдсборо, — сказала она Джеку Мэуину.

Тот отвернулся с выражением отвращения на лице, как человек, чье судно, по-видимому, принимают за свалку.

Позевывая, неспавшие пассажиры занимали свои прежние места на «Белой птице».

В последний момент из тумана появился капитан Эрнани, такой же возбужденный, как вчера, и положил на колени Анжелике довольно тяжелый подарок.

— Это — для ваших друзей в Голдсборо, — шепнул он. — Я знаю, что они из Шаранты. Так что оценят по достоинству...

То был дубовый бочонок с чистейшим арманьяком. Бесценный дар!

Мэуин с оскорбленным видом оттолкнул багром лодку от берега. Анжелика едва успела поблагодарить любезного капитана.

— Заходите к нам в Голдсборо, — крикнула она.

Он стоял, посылая ей воздушные поцелуи, пока его красный берет виден был сквозь туман.

Пассажиры привыкли к непонятым вспышкам гнева английского шефа и собрались точно во время.

Но если б они подумали, то поняли бы, что выходить в море в такую мерзкую погоду было безумием.

К счастью, мало кто был в состоянии размышлять после почти бессонной ночи. Что до Анжелики, то она была рада поспешному отъезду. Вечером они будут в Голдсборо, и ничто не могло омрачить ее радостного настроения, — ни плохая погода, ни хмурое море, ни злая физиономия Джека Мэуина, ни мрачное выражение лица преподобного Пэтриджа. Он все еще сердит на мисс Пиджон, а та посматривала на него с видом раскаявшейся овечки...

Анжелике очень нравились две ее очаровательные маленькие спутницы с круглыми мордашками, выглядывающими из клетчатых пледов, в которые девочки были укутаны с головы до ног. Обе держали на коленях по узелку со своими одежками, а младшая прижимала к себе наивную индейскую куколку из кукурузных початков, с ярко-малиновыми щеками и волосами из сена.

Анжелика думала об Онорине и прелестном детском возрасте, озаряющем всю дальнейшую жизнь человека...

За весь день плавания было лишь одно происшествие.

Их перехватил баркас группы акадийцев, охотившихся за англичанами, чтобы взять их в плен.

Туман сгущался, и Мэуин приказал юнге трубить в рог, давая встречным судам сигнал предупреждения. Надув щеки, парень изо всех сил дул в большую раковину. Вдруг сбоку подошел большой рыбацкий баркас. Сперва казалось, что никого на его борту не было, но когда лодки сблизилась, оттуда раздался воинственный клич краснокожих. Пассажиры замерли в страхе. Из-за борта баркаса появился длинный ствол пистолета и голос невидимого человека закричал по-французски:

— Клянусь святыми тайнами, вы англичане?

— Французы, французы! — поспешно ответили Анжелика и Адемар.

Баркас причалил к «Белой птице», удерживая лодку крючьями.

Внезапно высунулось молодое безусое лицо с золотистым цветом кожи, в обрамлении длинных черных косичек, с орлиными перьями на голове. Два черных глаза быстро оглядели всех пассажиров лодки.

— Ага! По-моему, я вижу много англичан.

Человек выпрямился во весь рост.

Серебряный крест и медали позвякивали на его замшевом камзоле с бахромой, как носят индейцы.

К поясу были прикреплены охотничий нож и топорик, а в руке он держал пистолет с перламутровой рукояткой. Позади виднелись матросы с подозрительными лицами пиратов и три-четыре индейца из племени мик-мак в островерхих шапочках, украшенных жемчугом.

Недоверчивым взглядом их юный предводитель внимательно рассматривал Анжелику; прищурив глаза, он спросил:

— Чем вы докажете, что вы француженка, а не англичанка?

— А чем вы докажете, что вы француз, а не индеец?
— ответила она.

— Я? — воскликнул он возмущенно. — Да я Юбер д'Арпентиньи, с мыса Сабль. В Акадии и во Французском заливе меня знают все!

— А я, молодой человек, — графиня де Пейрак и полагаю, что в Акадии и во Французском заливе все знают моего супруга.

Нимало не смутившись, Юбер д'Арпентиньи прыгнул в лодку Мэуина.

По материнской линии его предком был великий вождь лесов, зато дед по отцовской линии был стремянным у самого короля Людовика XIII, от него юноша знал придворные обычаи; он галантно поцеловал руку Анжелики.

— Мадам, я узнаю вас по вашей репутации: вы прекрасны и смелы! Я далек от мысли причинить вам какой бы то ни было вред. Но, мне кажется, что, вместе с вами плывут англичане, и их-то я заберу как заложников, чтобы потом получить выкуп.

— Это — мои люди, и я обязана доставить их моему мужу, графу де Пейраку.

Д'Арпентиньи издал глубокий вздох.

— А-а....нет ли в этом шлюпе провизии или товаров? Зима у нас была суровой, и мы тщетно ожидаем корабль нашей компании из Бордо с провизией. Если он затонул или его захватили пираты, мы окажемся без средств к существованию.

— Поэтому-то вы и пиратствуете, грабя других, — сказала Анжелика, пытаясь получше припрятать за юбками бочонок, подаренный капитаном д'Астигуерра. — Очень сожалею, но вы здесь ничего не найдете. Мы бедны, как Иов.

— Посмотрим! Эй ты, папаша, а ну, посторонись, покажи что у тебя там в ящике!

Повелительным жестом он приказал Мэуину посторониться. Его друзья, удерживая крючьями лодки, перекидывались шуточками на языке индейцев,

умильно поглядывая на юную Эстер, бегло разглядывая Анжелику и откровенно потешаясь над пастором-еретиком.

Анжелика беспокоилась, чем все это кончится, как вдруг д'Арпентиньи прыжком вернулся в свой баркас и, стоя у борта, почтительно отвесил ей несколько поклонов, улыбаясь до ушей.

— Можете плыть дальше, мадам, вместе с вашими заложниками. Да хранит вас Бог!

— Тысяча благодарностей, сударь. Если до нового урожая будут затруднения, приезжайте в Голдсборо.

— Обязательно. Господин де Пейрак всегда был щедр к нам. А вы действительно — красавица, как о вас говорят во Французском заливе. Сегодня я не зря прожил день...

— Вот сумасшедший! — проговорила Анжелика, пожав плечами.

И вот они вновь одни в тумане.

С ворчанием Джек Мэуин поднял паруса и попытался определить местонахождение лодки. Бродячий торговец вытирал пот со лба. Если бы эти акадийцы забрали его жалкие пожитки, он был бы разорен.

— Спасибо, миледи. Если бы не вы...

— Не благодарите. Я тут ни при чем.

Она действительно считала, что внезапный уход юного пирата был вызван не только ее присутствием. Может быть, так повлияло на него то, что он обнаружил в трюме мистера Уилаби? Тоже вряд ли. Такой человек, как Юбер д'Арпентиньи, не испугался бы при виде медведя, не только прирученного, но и дикого!

Она все чаще стала поглядывать вокруг себя и вверх. Может быть, эти акадийские французы, живущие и в лесах, и на воде, заметили признаки приближающейся бури и поспешили к берегу?

Ей казалось, что волна прибывает. Джек Мэуин сдерживал скорость. Он не решался подавать сигнал, очевидно опасаясь привлечь внимание еще каких-нибудь пиратов с этих бедных берегов. Поэтому он менял галс, лавировал в тумане и напряженно вглядывался вперед, чтобы не налететь на препятствие.

Анжелика с беспокойством следила за ним.

— Доберемся сегодня до Голдсборо? — спросила она.

Он сделал вид, что не слышал.

К счастью, туман стал светлеть. Он принял оттенок прозрачного фарфора, стал расслаиваться, и вдруг небо расчистилось и предстало блестящей эмалью. Солнце было еще высоко, море — все в больших темно-синих волнах с белыми барашками, а берег был хорошо виден, и в его зелени угадывался пейзаж, похожий на окрестности Голдсборо.

Сердце Анжелики сильно забилося.

Она не могла думать ни о чем, кроме скорого свидания, и напряженно вглядывалась вдаль, не обращая внимания на речи спутников, также довольных приближением конца путешествия.

«Жоффрей, любовь моя!»

Бесконечно долго тянулось время с тех пор, как неожиданное течение разлучило их.

Преодолевая трудности, встречавшиеся на ее пути, она больше всего опасалась нематериальных препятствий, вроде злого рока, с которым невозможно спорить. Она только тогда успокоится, когда будет рядом с мужем, сможет дотронуться до него, услышать его голос. Тогда все наваждения исчезнут. Она так хорошо помнит его взгляд, обращенный к ней, в котором читалось его восхищение ее красотой; она была для него единственной, взгляд этот замыкал ее в волшебном круге его любви. Он, как никто, умел отгородить ее от всего мира, — умение это свойственно

мужчинам, охваченным радостью любви. Эта категоричность мужского характера порой шокировала Анжелику; как женщина, она смешивала все чувства — страсть, тревогу, желание, как сливается в морской пучине все, что несут в моря большие реки. Такова женская натура, она всегда переполнена множеством самых разнообразных чувств...

Анжелика иногда не успевала за ним, но он вел ее за собой, подчинял ее себе, и в такие минуты казалось, что у него в жизни только одна цель — любить ее и доказывать ей это. Он так хорошо умел убеждать ее, что сомнения, страхи и опасности остаются за порогом обители любви, так хорошо умел увлекать ее в мир, где они были одни, и их души и тела были полны радости и восхищения!

Она решила, что не расскажет ему сразу же о Колене. Нет! Потом... После... Когда она придет в себя на его груди, когда они снова вкусят опьянение самозабвения, когда она отдохнет телом, свободно и беспредельно отдавшимся его нежным ласкам, когда она насладится опьянением своей наготы и своей слабости в теплых объятиях его рук.

Взгляд Анжелики встретился со взглядом Джека Мэуина.

Как давно он ее наблюдает? Что он сумел прочесть на лице мечтающей Анжелики?..

Он тут же отвернулся. Она увидела, как он сплюнул в море долгим плевком, окрашенным жевательным табаком. Всегда спокойный и пунктуальный, Мэуин вынул изо рта комочек табака, по привычке моряков положил его за подкладку берета, который вновь надел на голову. Была в этих обычных жестах какая-то решимость, но она поняла это лишь позже. Затем он стал принюхиваться к ветру.

Как бы решившись на что-то, он протянул вперед жилистую ногу с большим пальцем, цепким, как клешня

краба, и начал натягивать ею канат большого паруса с не меньшей силой, чем если бы делал это руками; он справлялся один и с рулем, и с несколькими канатами сразу. При этом он заставил свой тяжелый шлюп повернуть почти на сто восемьдесят градусов, положив на борт и получив ветер сбоку, так что судно продолжало двигаться, избегая встречного ветра.

Анжелика не удержалась от крика.

Причиной тому был не резкий маневр, который у менее ловкого моряка перевернул бы лодку. Нет, она увидела, что берег был совсем близко. Были видны отдельные деревья и слышался шум прибоя у скал.

Но теперь сдвоенная розовая вершина, прозванная «купола Мон-Дезер», за которыми был Голдсборо, стали удаляться и исчезать на востоке.

— Но вы не туда правите! — закричала Анжелика. — Голдсборо там! Вы удаляетесь от него!

Не отвечая ни слова, англичанин продолжал свой курс, и вскоре «купола» исчезли из виду.

«Белая птица» повернула на северо-запад и входила в широкую бухту со множеством островов. Эстер, уже бывавшая у своего дядюшки на острове Матиникус, узнала бухту у впадения в море реки Пенобскот.

Анжелика посмотрела на солнце, чтобы выяснить, который час. Оно было еще высоко в небе. Если Джек Мэуин не очень долго будет шлаться по этим местам, они успеют, благодаря долгим вечерам, засветло достигнуть порта.

— Куда вы нас везете? — спросила она. Как будто и не было вопроса. Около часа они поднимались по устью реки. Когда лодка свернула влево и пошла по узкому руслу речушки в лесистых берегах, Анжелика и Илай Кемптон невольно переглянулись в отчаянии. Обоим до смерти хотелось наброситься на Джека Мэуина, приструнить его как следует, вырвать у него руль.

Среди лесистых берегов ветер спал, и лодка еле-еле поднималась вверх по течению. Англичанин спустил парус и сел за весла. Вскоре он направил лодку к тенистому берегу, заросшему ивой и ольхой. За ними шли попеременно сосны, дубы, клены и буки, составляя теплый летний смешанный лес. Дыхание моря сюда не доходило. Летали дикие пчелы.

Моряк спрыгнул по колена в воду, подтянул лодку к берегу и закрепил ее.

— Можете выходить, — сказал он бесцветным голосом. — Приехали.

— Так мы же должны быть в Голдсборо сегодня же вечером! — закричала вне себя Анжелика. — Этот чертов англичанин сведет меня с ума... Он... Вы...

Она не находила слов, чтобы высказать свое отношение, тем более — по-английски, к этому тупому болвану.

— Вы неразумно поступаете, Джек Мэуин, — начала она, заставляя себя успокоиться. — Вам известно, что в этих местах бродит беспощадный охотник на англичан барон де Сен-Кастин, и если он со своими индейцами эчеминами нападет на нас, я вряд ли успею ему внушить, кто я, и все мы отправимся на тот свет.

— Вы слышите, что она говорит вам, *damned fool*^[24], — вставил бродячий торговец. — Здесь полно французов и индейцев. Мы без оружия. Вы что, хотите чтобы нас всех поубивали?

— Высаживайтесь, — повторил Мэуин самым невозмутимым тоном.

Мистер Уилаби, медведь, с удовольствием выполнил команду. Ему очень понравились запахи земли. Где-то поблизости должен быть дикий мед. Он встал на задние лапы и, довольно урча, принялся точить когти о ствол сосны.

Со вздохом подчинились и другие пассажиры. Место ничего хорошего не предвещало. Все были подавлены.

Все внимательно следили за действиями Мэуина. А тот, порыскав вокруг, опустился на колени у подножия дерева и начал руками раскапывать землю.

— Что он делает?

— Может, у него здесь клад зарыт?

— Очень может быть. В этих местах зарыта добыча многих пиратов.

— Эй, Мэуин, чертов негодяй, — закричал ему бродячий торговец. — У тебя клад в каких монетах — в испанских дублонах, в португальских эскудо или в серебряных песо?

Не отвечая, моряк продолжал раскапывать. Сняв слой прошлогодних листьев, он разобрал и отбросил решетку из прутьев, затем — слой мха и камней. Наконец, из глубины норы он вынул довольно большой сверток, завернутый в старую шкуру и клеенку. Затем достал сверток поменьше и, держа его в руках, встал, явно довольный.

— Well!^[25] Ждите меня здесь, — сказал он. — Я скоро вернусь. А вы пока можете перекусить. В ящике есть еще немного сыра, хлеба и бутылка вина, что дала мне мистрис Мак Грегор.

Он так был рад, что нашел на месте свертки, что стал почти любезным. И повторил:

— Wait just a minute^[26]!

И исчез в зарослях ивняка. Анжелика сперва поговорила со спутниками, призвала их к терпению и вернулась к лодке забрать провизию. Подкрепиться было необходимо. Место казалось уединенным и пустынным. Если они не задержатся здесь слишком долго, они смогут уплыть до того, как дикари почувствуют их присутствие.

Нервничать было бесполезно. Надо было смириться с капризами и характером хозяина лодки. Если принять во внимание этот невозможный характер их перевозчика, опасности войны и тот факт, что три дня тому назад они все были в бухте Макуа, в руках Золотой Бороды, то надо признать, что путешествие было быстрым и пока что сравнительно благополучным.

Анжелика вернулась к спутникам и с помощью Сэмми разложила на плоском камне порции для каждого. В молчании начали есть. К концу обеда, подняв голову, чтобы попросить передать ей вино, она увидела, что все англичане, бледные, разинув от страха рты и широко раскрыв глаза, смотрели все в одну точку за ее спиной. С великим трудом заставила она себя оглянуться и посмотреть, откуда исходит опасность.

Под ивами с длинными золотисто-зелеными листьями, трепещущими на ветру, стоял иезуит в черном одеянии.

Глава 9

Первым желанием Анжелики было встать и защитить перепуганных англичан от пришельца. Вторая мысль: поискать глазами на нагрудном кресте священника рубиновый камешек, приметку отца д'Оржеваля. Рубина не было. Значит, это был не д'Оржеваль.

Монах в черной сутане, неподвижно стоявший в тени, был высок и строен, гладко выбрит, с длинными темными волосами до плеч. Белые брыжи и высокий воротник подчеркивали сильную длинную шею, черты лица его были благородны и изысканны. Одна рука была опущена, другая покоилась на груди, придерживая крест с распятием, висящий на черной шелковой тесьме, и как бы указывая двумя пальцами на его вершину.

Темные глаза его смело смотрели на окаменевших от страха людей и, казалось, готовы были пригвоздить их к земле как загипнотизированных зверьков.

Наконец он вышел из тени деревьев и стал приближаться к ним по освещенному берегу. Тут она заметила, что из-под его обтрепанной и помятой внизу сутаны выглядывают ступни босых ног. Где-то она уже видела эти ступни.

— Hello! my fellom, how do you do? — раздался голос Джека Мэуина. — Dont you recognize me^[27]?

Оторопевшие Анжелика и англичане не смели произнести ни звука: им показалось — о, колдовство или галлюцинация! — что эти слова были сказаны монахом.

Иезуит продолжал приближаться к ним, а они пятились к реке, пока не очутились у самой кромки воды.

Видя их испуг, он остановился.

— Итак, — продолжал он по-английски, с легкой усмешкой, — клад, который я только что выкопал, был всего лишь бедной монашеской сутаной, оставленной здесь перед отъездом, восемь месяцев тому назад.

И, обратившись к Анжелике, он добавил по-французски:

— Вы тоже удивлены моим превращением? Мне казалось, однако, что я давал вам повод для подозрений.

— Мэуин, — пробормотала она, — вы — Джек Мэуин?

— Он самый. Но я же и отец Луи-Поль Мареше де Верной, член Ордена иезуитов. Вот так при случае чертов англичанин может превратиться в проклятого француза и даже в самого ужасного паписта.

Тень усмешки пробежала по его лицу.

Он объяснил:

— Прошлой осенью мой наставник поручил мне секретную миссию в Новой Англии. Это переодевание в моряка — лишь одно из немногих, к которым мне пришлось там прибегнуть, чтобы не выдать себя и выполнить задание. Слава Богу, вот я и вернулся жив и невредим в нашу французскую Акадию.

Он говорил на изысканном французском, однако легкий акцент сохранился, видимо из-за долгой привычки говорить по-английски.

— Но... вы француз? — проговорила Анжелика, с трудом приходя в себя.

— Конечно, француз. Мой род — из Нормандии. С детства я говорю по-английски, потому что был пажем при английском королевском дворе во время его изгнания во Францию. Позже я ездил в Лондон совершенствоваться в языке.

Несмотря на эти учтивые объяснения, Анжелика не могла поверить, что перед ней Джек Мэуин, хозяин их лодки.

Как, в течение трех суток она путешествовала под предводительством некоего Джека Мэуина, ни на минуту не заподозрив, что перед ней не грубый английский матрос, а французский иезуит из аристократической семьи, к тому же, по-видимому, сотрудничающий с отцом д'Оржевалем?!

Она была так удивлена, так нежданна для нее была эта метаморфоза, что глядя на ее растерянные глаза и открытый рот, он не выдержал и расхохотался.

— Успокойтесь, сударыня, прошу вас! Некоторые ваши высказывания обеспокоили меня. Но я вижу, что мне нечего опасаться. Вы не разгадали моего переодевания.

Впервые они услышали громкий смех Джека Мэуина.

И как ни парадоксально, именно это заставило их поверить, что» перед ними под столь ненавистной и столь враждебной черной сутаной, — именно он, хозяин лодки, тот самый, кто только что смачно сплевывал в море табачную слюну и ловко покорял с помощью рук и ног наполненный ветром парус, кто доставлял их с острова на остров, молчаливый, одинокий, но любопытный...

В одно мгновение в голове Анжелики промелькнула вся глубина личности Джека Мэуина, которая так ее заинтриговала.

Ну конечно же!.. Конечно, это был иезуит!

Как она раньше не догадалась? Она, воспитанная в католическом монастыре, строго руководимом членами самого высоко стоящего и могущественного религиозного ордена того времени! Воспитанники его обязаны были каждую неделю исповедоваться преподобным отцам и ничего не скрывать от них, вплоть до самых глухих закоулков сознания. Как же она позволила так себя провести?..

Почему, по тысяче признаков, не появились у нее подозрения?..

Например, когда он сидел однажды ночью, на скале в Лонг-Айленде, с таким «отсутствующим» видом, что она испугалась, — ведь это он молился, как умеют молиться только последователи великого Игнация Лойолы, он был в тот момент не отсутствующим, не в летаргическом состоянии, как она подумала, а в экстазе, в мистическом экстазе!

А когда он обносил их пищей в Монегане, как она не опознала ту ловкость, с которой монахи раздают бедным благотворительные обеды?..

А сегодня? Неожиданный уход акадского юноши Юбера д'Арпентиньи наверняка объясняется тем, что он узнал в человеке, переодетом английским моряком, католического миссионера, быть может, принимавшего от него когда-то первое причастие. По-видимому, монах незаметно подал ему сигнал молчать.

Медведь мистер Уилаби подошел к иезуиту, понюхал его. Учув знакомый запах хозяина шлюпа «Белая птица», он потерся о его сутану, а монах погладил его мохнатую голову.

— In fact we've already made acquaintance^[28], мистер Уилаби, — тихо проговорил он.

И верно, уже много дней, с тех пор, как вышли из Нью-Йорка, они делили деревянное убежище, укрывавшее их от волн. Признание монаха мистером Уилаби убедило самых недоверчивых.

Они окончательно сникли, потрясенные мыслью, что судьба их решена, и они проиграли игру. Анжелика не в состоянии была произнести ни слова. Никогда еще она не чувствовала себя такой подавленной. Обдумывая последствия, которые будет иметь эта мистификация для нее и ее спутников, она даже не была в состоянии посмеяться над тем, как она дала себя обмануть. Она думала:

«Случайно ли лодка мнимого Джека Мэуина оказалась рядом с кораблем Колена, или и на этот раз я попала в ловушку?»

Она поникла головой, почувствовав себя побежденной, и горькая складка легла у ее губ.

Иезуит обратился к англичанам:

— Не бойтесь ничего. Здесь вы под моим покровительством.

Он подошел к воде, поднял голову и, сложив ладони рупором, испустил индейский клич, повторив его несколько раз, как сигнал.

Через несколько минут ветки кустов зашевелились, и появилось множество дикарей, они с шумом спускались с холмов, пересекали реку вброд. Все они кинулись на колени перед своим пастырем, прося благословения и проявляя всяческие знаки расположения. Естественно, появился напыщенный великий сагамор Пиксарет.

— Ты думала, что убежала от меня, — сказал он Анжелике. — Но я все время знал, где ты, я не выпускал тебя из рук, и Черная Сутана привез тебя. Ты — моя пленница.

Дикари, смеясь, щупали редкие волосы Илая Кемптона, который сидел ни жив ни мертв. Медведь угрожающе зарычал.

Увидев его, индейцы отступили, одни нацелились в него копьями, другие схватились за луки.

Монах успокоил всю эту суматоху одним словом. Увидев, как он положил руку на голову медведя, индейцы прониклись к нему еще большим уважением, но ведь Черная Сутана только и делал, что удивлял их своими чудесами.

— Недалеко отсюда находится форт Пентагует, которым командует барон де Сен-Кастин, — сказал отец Мареше Анжелике. — Соблаговолите, сударыня, следовать за мной. Мы сейчас туда отправимся.

— Кстати, — раздался вдруг голосок Адемара, когда они стали подниматься в гору, — вы, случайно не братишка будете Джека Мэуина? Уж очень вы на него смахиваете, отец мой. Куда он подевался, а? Пора уж и парус поднимать. А то надоели мне эти дикари, честное слово...

Глава 10

— Посмотрите, нет, вы только посмотрите, — говорил барон де Сен-Кастин, показывая театральным жестом на стену, всю покрытую скальпами англичан, — посмотрите, отец мой, разве плохо я служу Богу и Его Величеству? Вместе с моими мик-маками и эчеминами я хорошо повоевал с еретиками-англичанами и более чем заслужил царствие небесное. Никто не может обвинить меня в прохладности религиозных чувств, ведь я добился обращения в нашу веру великого вождя Матеконандо и его детей, и я даже был их крестным отцом, потому что на этом пустынном побережье не нашлось никого другого, чтобы исполнить эту христианскую обязанность.

А вот отец д'Оржеваль, ваш наставник, пишет мне с горьким упреком, что я якобы предаю веру, уклоняясь от новой священной войны, в которую он втянул абенаков. Прежде всего, позволю вам сказать, войну эту начали слишком рано и неожиданно. Индейцы еще полностью заняты своей торговлей и посевами, что для них жизненно важно.

— Крестовый поход может стать необходимым и внезапно, — ответил отец де Верной, — если в нем участвуют благородные души. Быть может, именно ваша... уловка продлит военную кампанию и не позволит индейцам до холодов закончить посевы и обмен товаров.

— Во всяком случае, мои индейцы будут обеспечены, — хмуро отвечал де Сен-Кастин.

— Не кажется ли вам, что их долгом является сражаться за Господа Бога, именем которого их крестили?

Разговор этот происходил на следующий день после прибытия в Пентагует, в столовой, где они обедали втроем.

За большим столом сидели отец Мареше де Верной и Анжелика, а де Сен-Кастин прохаживался по зале, нервно встряхивая головой, украшенной убором из перьев на индейский манер.

С утра поднялся густой туман и отрезал их от всего мира плотной серой пеленой, сквозь которую долетали лишь резкие крики невидимых чаек.

Французский пост был небольшим по размерам.

Сен-Кастин предоставил в распоряжение Анжелики небольшую комнату-спальню, но она провела часть ночи в сарае, где расположились англичане, пытаясь их ободрить. Все они были удручены.

Раз они попали в руки французов, они будут, конечно, отвезены в Квебек и проданы беспощадным канадским папистам. Если только барон де Сен-Кастин не договорится с Бостоном о выкупе за них. Преподобный отец Пэтридж может быть уверен, что его единоверцы, в большинстве своем — люди знатные и влиятельные, не откажутся от него, даже если придется собирать с горожан пошлину для того, чтобы сколотить необходимую сумму. А вот у мисс Пиджон нет семьи, и ей придется долго жить в неволе, где самое тяжелое испытание — ежедневные поползновения обратить ее в католическую веру.

Все они очень устали и поэтому, закусив кукурузой и рыбой, легли спать. Анжелика долго еще размышляла о том, как передать мужу весточку о себе.

В конце концов, в голове ее все перепуталось. Каким образом Колен именно в то утро захватил лодку, на которой возвращался в Акадию переодетый монах, заканчивающий свое шпионское задание? Знал ли Колен, кем был англичанин — хозяин лодки, жующий табак и так ловко сплевывавший в море? Может,

поэтому он шепнул ей «Берегись, тебе хотят навредить!»

Над всеми этими приключениями витала вездесущая тень Пиксарета. Он был в Макуа накануне того дня, когда корабль Золотой Бороды бросил там якорь; ей показалось, что она видела его на острове Макурт, и вот он поджидает ее на берегах Пенобскота.

Она решила переговорить с де Сен-Кастинем, гасконским дворянином, и на следующий же день тот сам пришел, чтобы пригласить ее отобедать в компании иезуита.

У монаха, с момента прибытия, было много забот. Привлеченные звуками барабанов, индейцы сбегались со всех сторон приветствовать его. Они считали, что быть крещенным Черной Сутаной намного выгоднее, чем добрыми монахами францисканцами, признавшими реформу.

Была отслужена большая месса, отзвуки которой долетали до пленников.

Во время обеда барон де Сен-Кастин ободряюще подмигнул Анжелике. «Все уладится, не бойтесь» — казалось, говорил он. Однако в присутствии иезуита он помалкивал, а тот, помолившись не спеша, скромно поел, не поднимая глаз. Затем начался разговор. Де Сен-Кастин уверял, что он всегда помогал святым отцам в их трудной миссии по обращению в католическую веру индейцев Северной Америки. В доказательство он показывал на отвратительную стену, сплошь увешанную рыжими, темными и светлыми скальпами. Предварительно их высушили на ивовых кольцах, связанных нитями из кишок, как сушат шкурки бобров. Сушились они у двери каждой хижины воинов эчеминов, тарратингов и мик-маков; когда скальп был готов, его несли в Пентагует, где офицер француз объявлял каждому воину благодарность от имени короля Франции и вручал маленький подарок.

— Лично я порубил головы множеству еретиков, — говорил де Сен-Кастин, с лицом человека, хотя и преданного делу всей душой, но не оцененного до сих пор по достоинству. — Мой вклад вдвое больше успехов всех моих воинов, вместе взятых.

— К тому же, святой отец, в этом году мы жили мирно. Перед вашим отъездом в Новую Англию вы сами договорились здесь с отцом д'Оржевалем и Жаном Руссом, чтобы до вашего возвращения ничего против еретиков не предпринималось, поскольку вы должны были привезти нам обоснование для нарушения договоренностей. И вот пожалуйста, отец д'Оржеваль выкопал свой боевой топорик войны, как у нас, индейцев, принято говорить, за десять дней до вашего возвращения!..

— Видно, он нашел более веские причины, чем те, что я мог бы выставить, — отвечал отец де Верной бесстрастным голосом. — Сам Господь руководит им, поэтому он принимает решения, тщательно взвесив все последствия.

— Мне кажется, я могу подсказать вам, почему он был втянут в войну до вашего возвращения, — перебила его Анжелика.

Отец де Верной в течение всей беседы обращался только к де Сен-Кастину или задумчиво разглядывал остатки своего обеда; но на этот раз он медленно повернул к ней голову и обратил на нее свой загадочный и мрачный взор Джека Мэуина.

— Да, — повторила Анжелика, — я уверена, что отец д'Оржеваль решил захватить меня в плен руками канадцев, когда я отправилась одна в английское поселение в Брансуик-Фолсе, к западу от Кеннебека. Он тотчас развязал войну, потому что знал, что через несколько дней я буду в безопасности в Голдсборо, и у него не будет больше возможности предпринять такую акцию.

К ее удивлению, в знак согласия иезуит кивнул головой.

— Действительно, по-видимому, все так и было. Что вам нужно было в этом английском поселении, мадам?

Анжелика смело взглянула на него.

— Я должна была вернуть в лоно семьи маленькую девочку, выкупленную нами у абенаков.

— Итак, вы, француженка и католичка, посчитали правильным и справедливым вернуть в гнездо обскурантизма и ереси невинное дитя, хотя судьба и, я бы сказал, само Провидение решили предоставить ей шанс познать истинный свет Христа в Канаде?

Анжелика не ответила. Она не привыкла слышать от Джека Мэуина подобные речи. С легкой усмешкой она ответила:

— Да, гнездо! .. Дети — те же птички. Каким бы темным ни было их гнездо, там им лучше всего.

— Значит, вы воспротивились намерениям Господа Бога в отношении девочки, — сурово закончил он. — А... как случилось, что несмотря на... засаду, вас не отправили в Квебек?

— Я отбивалась, — ответила она в гневе. — Я защищала мою жизнь и свободу.

И, вспомнив ее презрительный взгляд, тогда, в лунную ночь на берегу Лонг-Айленда, она повторила: «Мою свободу!»

— Вы стреляли в солдат Христова воинства? — спросил он.

— Просто я стреляла в дикарей, которые хотели меня скальпировать.

— Да, но...

— И мне удалось договориться с вождем Пиксаретом, вашим великим крестником.

Иезуит нахмурил брови. По-видимому, именно это казалось ему самым невероятным во всей этой истории.

— Как вы считаете, мадам, почему отец д'Оржеваль стремился захватить вас, чтобы отправить в Канаду?

— Вы это знаете так же хорошо, как и я...

— Извините, но я уехал отсюда давно, несколько месяцев тому назад, и мне трудно было связываться с моим наставником. Я подвергался опасности, находясь среди англичан. Если бы они догадались о моей миссии, о том, что я являюсь шпионом Святого престола и короля Франции, они бы расправились со мной. Я уехал, как только вы прибыли в Голдсборо...

— Да, наш приезд в Голдсборо был для вас помехой, и вы враждебно отнеслись к нам из-за нашего богатства, необычного для этих мест. Чтобы дискредитировать моего мужа и вызвать к нему фанатическую ненависть жителей Новой Франции, не было лучшего способа, как объявить, что его жена — ведьма, — сказала Анжелика с горечью в голосе.

— И я уверена, что вы знаете обо всем этом... Ведь одержимая монахиня дала описание берегов, которое может быть применено к любой части материка, но при желании и злом умысле может быть признано именно как Голдсборо... Ведь даже лошадей, которых мы привезли с собой, она описала как мифических единорогов, на которых гарцевала ведьма. И когда я явилась верхом, сходство с предсказанием было так велико, что все жители попадали в страхе на колени. А ведь все это — результат совпадений...

— Да, — задумчиво промолвил иезуит, — когда дьявольщина приходит в движение, довольно часто совпадения играют на руку силам Зла. И само время приостанавливается.

— Причем тут силы Зла? — воскликнула Анжелика. — И почему именно меня вы считаете ведьмой? Есть же в Акадии и другие женщины, на которых вы могли бы остановить свой выбор. Не вы ли, Сен-Кастин, говорили мне о некоей красотке Марселине, что живет в глухом

уголке Французского залива и ведет разгульный образ жизни?

Барон расхохотался.

— О нет, только не она. Это было бы слишком смешно. Она только и может, что делать детишек с каждым встречным-поперечным, да вскрывать устрицы быстрее других женщин в округе. Говорят, что она успевает вставить нож в раковину и разделить створки до того, как предыдущая ракушка, опорожненная и выброшенная, упадет на пол... поистине жонглерша, это уж точно...

— Почему в этой ловкости не усматриваете вы ничего колдовского? — спросила, смеясь, Анжелика. — Ответьте, отец мой!

Но Джек Мэуин остался невозмутимым и не поддался легкомысленному настроению, когда речь шла о столь важных вещах. Казалось, он задумался на минутку над сделанным предположением, затем покачал отрицательно головой.

— Марселина Реймондо?.. Нет, у нее ум короток.

— А по-вашему, ведьма должна быть умной?

— Конечно! Вы подумайте сами. После Бога, у кого ум самый большой? Конечно у Люцифера, властителя всех демонов.

Признано, ибо неоднократно наблюдалось, что, когда злой дух воплощается в теле женщины, ему очень трудно скрыть свой ум в течение человеческой жизни. И именно по этому признаку, столь несвойственному женщине, иногда можно его разоблачить.

Не будем забывать, что наиболее влиятельные из злых духов — те, что проявляются под видом женщины:

Бегемот — звериное начало, Маммон — алчность, Аба-дон — истребление».

— Понял, — воскликнул с воодушевлением Сен-Кастин. — Вне всякого сомнения, речь идет о демуазели де Радегонде де Фержак, гувернантке детей господина

де Ля Рош-Позе, в Порт-Руаяле, на полуострове. Она зла, как фурия, скупа, как ваш Маммон, и страшна, как смертный грех.

Но монах вновь отрицательно покачал головой.

— Вы ошибаетесь, дорогой мой. Этого не может быть, поскольку ее обидела природа. Быть может, женское начало злых духов, обернувшись женщиной, иначе редко проявляется, но факт тот, что они никогда не воплощались в дурнушек.

— А как же колдуньи?

— Тут другое дело. Колдуньи — лишь люди, пошедшие на сговор с дьяволом. Тогда как злой дух, вошедший в женское тело или воплотившийся в нем при рождении, это именно демон, один из тех падших ангелов, которые последовали за Люцифером во время его низвержения в ад, при сотворении мира.

— Но обо мне вы не должны так думать, это невозможно! — вскрикнула Анжелика, заламывая руки. — Я ничего, ничего не сделала такого, чтобы мне можно было приписывать такую ужасную репутацию!

— Однако, предсказание совпадает точно. Очень красивая соблазнительница...

— Разве я такая уж красивая?

Ее отчаяние лишило вопрос всякого кокетства. Молодой де Сен-Кастин обратил к ней свою сияющую от восхищения физиономию.

— Да, мадам, вы очень красивы. Но, несмотря на это, я не стал бы вас обвинять...

— И соблазнительница?.. — продолжала Анжелика, обращаясь к иезуиту. — Скажите вы, отец мой, ведь я провела больше трех дней в вашем обществе...

Он глянул на нее своими глазами, которые, как ртуть, то темнели, то сверкали, то вдруг становились настолько тусклыми, что в них ничего нельзя было прочесть, и задумчиво погладил подбородок.

— Соблазнительница?.. Не знаю... Но соблазнительная — это точно. Вспомните ночь на святого Жана, на Монегане...

Опасаясь, что лицо ее зальется румянцем, Анжелика перебила его:

— Ну и что! Поговорим о ночи на святого Жана... В чем вы можете меня упрекнуть? Я смеялась, пила вино, танцевала, все это так. Но вы ведь были рядом и можете подтвердить, что ничего бесчестного я не совершила. Неужели католическая церковь хочет стать такой же непримиримой к веселью, как и протестантская?.. Признаюсь, что если бы я знала, кто вы, и какова ваша миссия...

Теперь настал черед ему живо прервать ее:

— Really? ^[29] Вы действительно ничего не подозревали, сударыня? Порой я опасался ваших пронизательных глаз.

— Нет! О, нет!.. Не думайте так, пожалуйста. Мне приходила в голову мысль, что вы, возможно, бывший капитан пиратов, или просто разбойник... Вы сами видите, что я, увы, не пронизательна, я бы, конечно, не вела себя так бурно, была бы осторожнее. Признаюсь в этом, но ни о чем не сожалею...

Она задумалась о той волшебной ночи.

— Как объяснить вам радость, охватившую меня в ту дивную июньскую ночь, после всех опасностей, которых мы избежали... Ведь в тот день смерть коснулась меня своим крылом. Вы, как никто, знаете об этом, ведь вы сами вытащили меня из моря...

Она умолкла, с трудом веря в то, что этот вот церковник, сидящий, держа руку на распятии, вытащил ее за волосы на берег, вернул к жизни, и отнес на руках к костру.

Еще никогда в жизни Анжелика не была столь смущена и старалась правильно подбирать слова, чтобы

проскользнуть между Сциллой и Харибдой. И вдруг, по еле заметному движению губ отца де Вернона, по легкому блеску в его глазах и пробежавшему по его лицу выражению, она угадала, что того разбирает смех.

И действительно, с самого начала беседы с ней он не переставал смеяться. Он смеялся про себя, забавляясь ее словами и заставляя говорить все эти глупости.

— Вы что, смеетесь надо мной? — воскликнула она.

— Увы, это так!..

И он откровенно расхохотался. Потом посмотрел на нее с иронией и живым участием. Впервые она прочла в его суровом взгляде искру человеческого чувства. Ей показалось, что он относится к ней с дружеским сочувствием.

По-видимому, можно было надеяться, что за те три дня, что он провел с ней в лодке, в компании медведя и негритенка, он разгадал ее. И не считает, что она — ведьма. Она прочла это в его глазах.

— Позвольте мне покинуть вас, Мэуин, — проговорила она с чувством, испытывая к нему порыв благодарности.

Взгляд монаха мгновенно угас под длинными ресницами, и лицо его вновь обрело обычное высокомерное выражение.

— Ну, конечно... Вы можете удалиться, сударыня, кто же вам может помешать?.. Насколько я понимаю, вы не моя пленница... Вы всего лишь пленница Пиксарета...

Глава 11

Вечером Голдсборо выглядел настоящим небольшим городком. Таким видела его издали Анжелика сквозь мелкую сетку дождя, с освещенными окнами домов вокруг порта, вдоль берега и на склонах холмов.

Они плыли по темным волнам, в которых весело отражались светлые, желтоватые огни фонарей и свечек, и красное пламя костров, разведенных вместо маяков в тех местах, где много опасных подводных камней.

Акадиец, правивший лодкой, сказал, что причалит с западной стороны. Он хотел тотчас же вернуться на Пентагует. Отец де Верной предоставил им свою лодку для этой восхитительной прогулки — возвращения. Как только Анжелика и опекаемые ею англичане, вместе с негритенком и медведем, высадутся на полуострове Голдсборо, моряк должен был немедленно вернуться обратно.

С наслаждением и радостью вдыхала Анжелика запахи земли и человеческого жилья, доносимые бризом.

— Я найду тебя в Голдсборо, — обещал ей Пиксарет перед ее отплытием из Пентагуэта. — Не забывай, что ты — моя пленница, и я должен получить за тебя выкуп у твоего супруга.

Кстати, что касается всего остального, то он, по каким-то причинам вел себя весьма либерально, и дал ей возможность уплыть, торжественно благословив ее.

И не только в переносном, но и в самом прямом смысле, так как великий сагомор, якобы наделенный неземной властью, любил произносить высокопарные речи, и, подражая «Черным Сутанам»,

покровительственно осенять людей широким крестным знаменем.

Под вечер туман рассеялся, и они могли плыть под парусом. Отец де Верной и барон де Сен-Кастин проводили их до лодки. Монах оставил при себе светловолосого Нильса Аббиала, мальчика, служившего ему юнгой; он подобрал этого сироту на берегу Нью-Йорка. Никто не знал, был ли мальчик ирландцем, англичанином или шведом. В любом случае, он будет крещен в католическую веру.

В последнюю минуту в лодку погрузили большой сундук, в который барон де Сен-Кастин побросал часть своего урожая скальпов англичан.

— Мессир де Пейрак говорил мне, что собирается в Квебек, — сказал он Анжелике, — и я хочу просить его о любезности передать от меня этот подарок господину губернатору. Думаю, это произведет хорошее впечатление, и меня не будут больше обвинять в высоких кругах в том, что я недостаточно активно воюю с англичанами.

Был погружен также бочонок с арманьяком, подарок капитана басков Эрнани д'Астигуерра. Акадский моряк взялся за руль, а Сэмми, который в течение нескольких предыдущих дней успел освоить ремесло юнги, помогал ему справиться с парусом.

И вскоре жемчужная пелена дождя скрыла от них очертания деревьев и стоящую на пустынном берегу, в глубине американского леса, высокую фигуру человека в черном одеянии, человека, назвавшегося Джеком Мэуином.

Глава 12

В который уже раз, со вчерашнего вечера, Жоффрей де Пейрак и так, и эдак прокручивал в уме ужасное разоблачение.

Всю эту ночь он просидел неподвижно за своим столом, положив голову на руки и закрыв глаза.

Всю ночь звучал в его ушах насмешливый и грубый голос швейцарского наемника.

«Ее имя?.. Не знаю. Но, лаская ее, он называл ее Анжеликой!.. Анжеликой!..»

И каждый раз одна и та же нестерпимая боль пронизывала Жоффрея.

А потом, слова Жана, многое объясняющие. Если вообще можно говорить о какой-то ясности в этих кознях, в этом внезапном превращении любимого им лица в какую-то отвратительную маску.

«Они целовались, как вновь обретшие друг друга любовники...»

Не здесь ли отгадка? Объяснение невероятной измены? Прежний любовник! Человек из прошлого, из тех времен, о которых она теперь, наверное, жалеет. Тогда она была свободной, жизнь ее была легкой, любой каприз ее совершенного тела тут же получал полное удовлетворение, и ей не надо было страшиться гнева ревнивого мужа.

Теперь он мог представить себе, как, по-видимому, все произошло. Этот незнакомец, человек из ее прошлого, услышал имя Анжелики, узнал, что она здесь, направил ей послание в Хоуснок, и она, воспользовавшись отсутствием Пейрака, и под предлогом поездки в английскую деревню, помчалась к нему. Затем один из людей того, «другого», прислал ему, супругу, находившемуся на Кеннебеке, ложное

сообщение, чтобы дольше и вернее продлить его отсутствие...

Нет... Все это как-то не согласовывалось. Все не так... И он представил себе Анжелику такой, какой она была в тот последний их вечер в Вапассу, когда, подняв голову, она вслушивалась в призывный вой волков, и последний отблеск полярного сияния румянцем падал на ее щеки. Глаза ее блестели, и этот ее мечтательной, глубокий, словно зачарованный взгляд вызвал в нем огромный прилив любви, так как он читал в этом взгляде, что эта единственная, ни на одну другую не похожая женщина всецело принадлежит ему одному.

Какая наивность и самонадеянность! Дурак, и еще раз дурак! Как же он не понял, насколько она развратна, опытна, как отлично владеет магией женских чар, как ловко пользуется тем, что не похожа на других, чтобы спокойнее позволять себе, когда захочется, быть такой же, как все они: неверной, лживой, бесчестной изменницей... Для этих тварей нет ничего святого... Сиюминутное желание важнее всего прочего, а раны, нанесенные сейчас, потом всегда можно будет загладить улыбкой, ласковым взором... Влюбленного так легко укротить, и ему так хочется верить всему тому, что говорит красивый ротик: она его любит, она всегда любила только его! Да-да, несмотря ни на что, несмотря на измену...

По временам в нем загорался огонек надежды. Все это — дурной сон. Анжелика скоро явится, вернется! И одним словом все объяснит... И он вновь увидит ее чистой, сияющей, верной своей подругой, любящей одного его, ласковой и страстной, как тогда, в глухих лесах, зимой, в уединении большой теплой постели, или весной, когда они гуляли вдвоем по лугам, где цвели дикие гиацинты. Тогда они были свободны, опьянены новой жизнью на этой пустынной земле, которая была в их полном распоряжении; он влюбленно смотрел на нее

и целовал, целовал, пока они не падали в изнеможении на землю, зная, что никто их здесь не увидит...

В глазах Анжелики, поднятых к небу, отражалась зелень деревьев. И она говорила, тихо смеясь: «Дорогой мой, вы сошли с ума»...

Тогда она принадлежала только ему, ему одному, и только он один давал ей наслаждение...

Такой он ее и увидит вновь... Просто не может быть иначе. И тут ход его слепо бредущих мыслей наталкивался на неодолимую преграду фактов:

«Когда он ласкал ее, то называл Анжеликой! Анжеликой!»

Удар и глухой вскрик. Каждый раз, вспоминая эти слова, он резко вздрагивал и сгибался, словно от удара острым кинжалом.

Рассудок его вновь и вновь непроизвольно возвращался к неопровержимому факту: ее видели нагой, пылающей страстью в объятиях Золотой Бороды.

У него и в мыслях не было усомниться в правдивости рассказа этого несчастного Курта Рица. Тот говорил ничтоже сумняшеся, не понимая по своей простоте, каких глубоких струн в душе своего хозяина коснулся. А вино, выпитое на пустой желудок, совсем лишило его понимания того, что он несет, и он был совершенно откровенным. Был бы Риц потрезвее, он почувствовал бы, какое смущение вызвали у присутствующих его слова, и прервал бы рассказ, будучи от природы крайне осмотрительным.

Нет, никаких сомнений быть не может. Беглый пленник видел все, что рассказал. Ночью, вдали от мужа, Анжелика отдавалась ласкам какого-то неизвестного ему мужчины... Ее, жену графа де Пейрака, застали в объятиях Золотой Бороды, и с этим уже ничего не поделаешь...

Та, другая, божественная, исчезла для Пейрака... Осталась эта, чужая, которую он когда-то подозревал в

ней, гордая и чувственная, много прожившая на свободе, ловкая актриса, — тем более ловкая, что отчасти не осознает своей хитрости, полагая, что так и надо, так оно должно и быть... жизнь наложила на нее свой отпечаток, и она научилась одерживать победы, благодаря своей бесчувственности. Отныне для нее стали важны лишь сиюминутные желания. Он не раз замечал, что власть Анжелики над мужчинами объяснялась именно спонтанно возникающим чувством общности. Она слишком хорошо знала их, мужчин, и была слишком близка им... Улыбкой, одним своим словом, она могла победить и усмирить любого, будь он вельможа или нищий. Это искусство объясняется, по-видимому, тем, что во времена своей молодости она слишком часто становилась жертвой мужчин... Но теперь уже поздно, зло совершилось, и отвратительная реальность налицо... Теперь она была сильнее всех мужчин, никого не боялась, и брала себе тех из них, кого хотела... Ей нравились все мужчины, кем бы они ни были, вот в чем секрет ее обаяния и ее безраздельной власти над ними... За исключением, может быть, лишь самовлюбленных глупцов, вроде этого Пон-Бриана, воображающих, что их делает неотразимыми военный мундир. Нет никакой ее заслуги в том, что она отвергла его. Он ей просто не нравился. А Ломени-Шамбор? Пейрак почувствовал, что между ними происходил какой-то обмен горячими флюидами, и уже спрашивал себя, не наставил ли ему рога этот благочестивый вельможа в его же собственном доме? Анжелика может и святого затащить в свою преисподнюю!..

Анжелика, Анжелика!

Жажда мщения застлала глаза Пейрака кровавой пеленой.

Выйти в море, перехватить ночью корабль Золотой Бороды... Подняться на борт, застать их вместе и убить обоих...

Сверхчеловеческим усилием он заставил себя опомниться.

Утренняя заря вставала над Голдсборо. В заливе, словно исчерченном холодными полосами тумана, грустно перекликались тревожные сигналы судов.

Пейрак не подозревал, что в эту самую минуту, в нескольких милях от него, в форте Пентагует, Анжелика проснулась, чтобы через несколько часов, сгорая от радости и нетерпения при мысли от встречи с ним, сесть в лодку, и к ночи уже прибыть сюда, в Голдсборо, чтобы предстать перед ним.

Вконец измученный, он устало созерцал в тайниках своей души этот разрушенный образ, не пытаясь больше искать оправданий для горькой истины, которую ему надо было испить до дна: Анжелика изменила. Он уже готов был принять ее такой, какова она есть — и всегда была, подумал он — подлой обманщицей... как все они... Такая же, как все женщины!

Наступал день с его многотрудными заботами, заботами, от которых зависели человеческие жизни.

Граф де Пейрак направился в порт. Он был один в этом белом безмолвном мире, где отныне ему суждено нести в постоянном одиночестве эту неожиданно свалившуюся на него ношу, эту нечаянную рану, всю боль от которой ему еще предстоит узнать: измену Анжелики.

Спускаясь к морю, он почувствовал, что желание сразиться с Золотой Бородой охватывает его все сильнее и неодолимее. Это ощущение своей силы не даст ему сломиться. Он подумал, что туман сейчас весьма кстати: ни один из его кораблей не был готов сегодня пуститься на охоту за пиратами. Туман поможет Пейраку не спеша и тщательно подготовить свои пушки. И завтра или послезавтра он начнет погоню не на жизнь, а на смерть, и ничего его не остановит,

пока он не настигнет Золотой Бороды и не убьет его своею собственной рукой.

Тотчас же занялись вооружением стоящих на рейде «Голдсборо», шебеки и двух люгеров.

Он настолько был увлечен мыслями об отмщении, что равнодушно, даже с раздражением, выслушал поступившее от индейцев сообщение о том, что два английских судна потерпели кораблекрушение у мыса Шудик. Пошли они все к черту, и англичане, и французы!

Но вскоре одумался.

Неужели он из-за женщины забудет о своем долге, о своих обязанностях! Он не может остаться равнодушным к судьбам людей, спасти которых может только он один.

Словно маяк, светил созданный им Голдсборо надо всем Французским заливом. Он был источником жизни, помощи, совета. Как все это было теперь безразлично Жоффрею! Но он не мог позволить себе расслабиться ни на миг. Малейшая оплошность — и все рухнет. И что будут думать о нем те, кто все знает? Он преодолел столько преград, чтобы прийти к этому сегодняшнему дню, а теперь готов все заклеить и разрушить из-за своей проклятой любви?!

В нем всегда одерживали верх привычка к суровой внутренней дисциплине и то чувство ответственности, которые в течение долгой жизни заставляли его все брать на себя, выделяя тем самым из окружающих. Это помогало ему выше держать голову.

Выше голову!..

Он кинулся на свой корабль, собрал экипаж, добрался до того места, где произошло кораблекрушение. Удача сопутствовала ему, и он сумел вызволить оказавшуюся в бедственном положении маленькую флотилию, которую штат Массачусетс направил во Французский залив, чтобы отомстить за

тех, кто пал жертвами абенаков, подстрекаемых французами. Одним из кораблей командовал Филе из Бостона, другим — английский адмирал Шеррилгэм собственной персоной.

Очутившись у безопасных берегов Голдсборо, адмирал с большой охотой воспользовался великодушным гостеприимством графа де Пейрака. Был он весьма изыскан на вид — в напудренном парике и со шпагой на боку, — и не скрывал, что это плаванье в глубинах Французского залива, где им приходилось гоняться за невидимым, постоянно ускользающим и прячущимся по маленьким бухточкам противником, не приводило его в особый восторг. Но необходимо было проучить этих чертовых французов! И добиться от правительства Квебека, чтобы оно сдерживало орды преданных им дикарей. Стало известно, что губернатор Акадии де Виль д'Авре отправился на реку Сен-Жан, навестить своего лучшего друга, шевалье де Гранбуа. Выловить его там и захватить в плен было бы большой удачей для английского правительства.

Пейраку не стоило большого труда доказать адмиралу, что подобная вылазка не могла закончиться ничем иным, кроме начала франко-английской войны, так как Квебек только и ждет повода раздуть конфликт. Для адмирала было бы самым лучшим присоединиться к нему, Пейраку, чтобы вместе вести охоту на пиратов, которые заполонили Французский залив и мешают рыбакам, — английским точно так же, как португальским и французским, — проводить свой ежегодный лов трески.

Зато бостонец Фипс, среди родных и близких которого оказалось немало тех, кто был скальпирован канадскими индейцами-абенаками, не захотел упускать добычу, и вышел в море, лишь только рассеялся туман. Но поскольку теперь он был один, и английского адмирала с ним не было, дипломатическое значение его

миссии значительно поубавилось, и битва на реке Сен-Жан обещала быть не такой кровавой. Поразмыслив над тем, как ненадежнее обезвредить эту бомбу, Пейрак пригласил к себе вождей местных эчеминов и могикан.

Он договорился, что они отправят гонцов с двумя ожерельями к малеситам и восточным сурикезам с просьбой, если понадобится, помочь французам, с которыми их связывали узы дружбы и родства, но англичан, по возможности, не убивать. Ведь если во Французском заливе будет вырыт топор войны, индейским племенам, и так уже поредевшим после жестокого голода этой зимы, придется плохо. И кто будет охранять их от набегов ирокезов, которые вечно появляются здесь с наступлением лета?..

Внушив им эти мудрые мысли, Жоффрей поручил Кромлею предупредить об опасности ту небольшую группу англичан, что засели по своим углам в устьях рек Сент-Круа и Рескьяс.

Старик Солпрайс откажется, конечно, покинуть свой маленький форт, но для семейства Стрингтонов из Мерчнесбея лучше было бы укрыться на лето в Голдсборо.

Чтобы выполнить каждое из этих действий, Жоффрею де Пейраку вначале требовались сверхчеловеческие усилия, но мало-помалу, к нему пришло как бы второе дыхание, и порой ему казалось, что занятие всеми этими необходимыми и неотложными делами смягчает, подобно бальзаму, боль его кровоточащей раны. Он почти забывал обо всем.

Но тем не менее, каким бы насыщенным ни был этот стремительно летящий день, для Жоффрея время никогда еще не тянулось столь медленно, с такой тягостной жестокостью.

Он продолжал руководить подготовкой кораблей к завтрашней вылазке против Золотой Бороды.

Он не мог отступить!

Мстить он должен был хладнокровно, не забывая об общих интересах. Поступать по-другому он не имел права.

Но что значили все другие люди, что значило все его дело, да и вся его жизнь... БЕЗ НЕЕ!..

К вечеру он снова собрал всех, кто присутствовал на вчерашнем совете, столь драматически прерванном появлением Курта Рица, и пригласил адмирала присоединиться к ним.

Все они, кроме этого последнего, бывшего не в курсе сложившейся тяжелой и щекотливой ситуации, входили с осторожностью, не поднимая глаз.

Пейрак ожидал их, стоя за столом резного дерева, на котором находились чернильница, баночка с песком, перья, измерительные инструменты, и, как и накануне, были разложены карты.

Он учтиво пригласил всех подходить и садиться.

Слыша его спокойный, с обычной хрипотцой, голос, они постепенно осмеливались поднять глаза, и, хотя в его внешности не появилось ничего необычного, невольно вздрагивали.

На нем был великолепный костюм из атласа цвета слоновой кости, собранного мелкими складками, закрепленными жемчужной прошивкой в виде ромба, и при каждом его движении эти складочки расходились, и между ними вспыхивали проблески алой подкладки. Костюм этот он привез на «Голдсборо» из Лондона, так же как и узкие сапоги из красной кожи и перчатки с крагами. Пейраку очень нравилась английская мода с ее приверженностью к камзолам, коротким штанам и узким сапогам. Она гораздо больше подходила к его полной приключений жизни, чем французские куртки, полукафтаны и сапоги с непомерно широкими отворотами. Но зато галстук его и манжеты были на французский лад украшены кружевом и жемчугом.

Его покрытое шрамами лицо корсара, обрамленное черными пышными волосами, удивительным образом контрастировало с утонченностью и изысканностью одежды. Сейчас па лицо это падал лунный свет, придавая смуглой, обожженной солнцем и ветром коже искателя приключений неожиданную мягкость. Может быть, бледность не была видна из-за смуглой кожи, а под бесстрастным выражением скрывалось волнение? Может быть, страдание таилось за этим пронизывающим, полным отваги взором, который он устремил на них? Никому не было дано узнать это! А вот они отводили свои взгляды и, казалось, смертельно страдали.

«Это был урок нам всем! — не раз повторял впоследствии Жиль Ванерек. — Урок, который преподнес нам в тот вечер этот Пейрак! Нам, мужчинам, самой судьбой с рожденья предназначено украсить в один прекрасный день рогами... Но уверяю вас, что еще ни один из рогоносцев не держался с таким достоинством!..»

— Господа, — сказал им Пейрак, — вы знаете, что я должен отправиться в сражение, и неизвестно, какая судьба уготована мне Небом. Опасности грозят нам со всех сторон. Но в любом случае я хочу, чтобы вы точно знали ситуацию, справиться с которой вам должны помочь ваша ловкость, храбрость и здравый смысл. И еще, сказал бы я, стремление к миру. У нас нет врагов, и это может стать источником вашей силы.

Особая моя надежда на вас, ларошельцы. Я вручаю в ваши руки судьбу всего нашего дела и его защиту на суше. Со мной отправятся д'Урвилль, Ванерек и наш английский союзник, сэр Шеррилгэм, и мы будем преследовать этого пирата, который нам всем доставил столько неприятностей, пока наконец не покончим с ним. Сейчас мы обсудим планы обороны, преследования

и нападения. Прежде всего, мы должны подсчитать и распределить вооружение, которым располагаем.

Поглощенные этими планами и расчетами, они не заметили, как опустилась ночь. Вошедший слуга-испанец зажег свечи в канделябрах и чугунной люстре, подвешенной к потолку.

Занявшись своими обычными делами, они мало-помалу забыли о том, что случилось накануне. И поэтому им показалось, что они очутились во власти кошмарного сна, когда вдруг в дверях, точно так же, как и накануне, возникла перепуганная физиономия часового, и он прокричал Пейраку:

— Монсеньор! К вам пришли!

Но на этот раз это был не Курт Риц, отощавший пленник пиратов.

Теперь это была ОНА.

Повернувшись к двери, они увидели, как из ночной темноты возникло восхитительное видение.

Они увидели ЕЕ!..

Глава 13

Она смотрела на них с сияющей улыбкой и была ослепительно прекрасна. Глаза ее сразу отыскали на другом конце зала высокую фигуру графа де Пейрака. Жоффрей!.. В каком-то незнакомом костюме. Он здесь...

Присутствующие ошеломленно смотрели на нее, не произнося ни слова.

Мягкий и золотистый отблеск тюленьего меха ее длинной шубы подчеркивал нежную смуглость кожи, а светлые волосы на фоне ночной темноты светились вокруг ее головы ореолом, Маленький Лорье Берн привел Анжелику к дверям большого зала форта. Он знал, что его отец и другие представители знати отправились туда на совет, созванный графом де Пейраком, где присутствовали также капитан флибустьеров и английский адмирал.

Она не узнавала изменившегося Голдсборо. На песчаном берегу, таком пустынном в прошлом году, теперь до позднего вечера кипела жизнь, и она решила бы, что попала в какую-то другую колонию, если бы не встретила тут же своих приятельниц, Абигель и Северину Берн.

Ей так не терпелось поскорее найти своего мужа, убедиться, что он находится здесь, в Голдсборо, что она не сразу обратила внимание на ту скованность и холодность, с какими встретили ее эти бывшие жительницы Ла-Рошели. Позднее она вспомнит об этом и поймет причину их поведения. Один маленький Лорье, подбежавший к ним с корзиной, наполненной раковинами, кинулся к ней на шею со всей непосредственностью своих десяти лет:

«Мадам Анжелика! О, мадам Анжелика!.. Какое счастье!..»

Она попросила его провести ее по улицам этого нового Голдсборо. Подходя к форту, они увидели идущего им навстречу человека с алебардой.

— Это швейцарец, — прошептал Лорье, — он прибыл вчера вечером...

— Эй! Мы что, с вами встречались когда-нибудь? — окликнула его Анжелика, неприятно пораженная свирепым взглядом, который он кинул ей, проходя мимо.

— Да, сударыня! — ответил он. — Встречались. В его грубом голосе прозвучало презрение. Но Лорье увлек ее по деревянным ступенькам, и она оказалась перед дверью зала Совета.

И вот теперь она шла через этот зал среди глубокой, напряженной тишины, уже поняв, что происходит что-то необычное. Знакомые лица отчужденно смотрели на нее.

Приветствую вас, мессир Маниго... О мэтр Берн, как я рада вас снова увидеть!.. Дорогой Пастер, как вы себя чувствуете?..

Здесь были протестанты в черных камзолах, какие-то незнакомцы в ярких платьях, французский флибустьер, английский офицер, францисканец в серой монашеской одежде...

И ни один из них ей не ответил!..

Никто ей не отвечал. Никто... Никто... Они молча провожали ее взглядами. И все эти люди...

Все эти люди были похожи на каменных истуканов. И сам Жоффрей неподвижно смотрел, как она идет к нему.

Подойдя, она попыталась заглянуть в его глаза, но безуспешно, хотя он неотрывно и мрачно смотрел на нее с какой-то необычной пристальностью. Кошмарный сон! Жоффрей склонился к ее руке, но она не почувствовала прикосновения его губ, это была лишь дань вежливости...

Она спросила, слыша свой дрогнувший голос как бы со стороны:

— Что происходит? В Голдсборо какое-то несчастье?

Тут среди присутствующих произошло движение. Друг за другом они откланивались и исчезали. Без единой улыбки. Все было, как накануне, и то же чувство катастрофы.

Очутившись за порогом. Жиль Ванерек спросил, задыхаясь от волнения:

— Это она?

— Ну, конечно, она, кто же еще? — проворчал Маниго.

— О! но она... она восхитительна! Она просто очаровательна!.. Это совсем меняет дело... Мессеры, такая красивая женщина просто не может не покорять сердца на каждом шагу, и неужели вы хотите, чтобы она ни разу не ответила на те чувства, которые вызывает?.. Это было бы просто безнравственным... Я и сам чувствую... Ох, боже мой, что же теперь будет?.. Это все ужасно! Лишь бы... Ну, нет, она слишком красива, чтобы он убил ее... У меня просто ноги подкашиваются... Знаете, я такой чувствительный...

Ему пришлось сесть прямо на песок.

Глава 14

— Что происходит? — повторила Анжелика, повернувшись к мужу. — Кто-нибудь умер?

— Очень может быть!.. Где вы были?.. Глядя на мрачное и холодное лицо Пейрака, она попыталась понять, что могло произойти.

— Как? Где я была?.. Разве вы не видели Жана? Разве он вам не сказал, что...

— Да, он сказал... Он сказал, что вас похитил Золотая Борода... Он и еще кое-что рассказал... И Курт Риц тоже.

— Кто это?

— Это швейцарский наемник, который у меня служит, и он тоже попал в плен к Золотой Бороде в прошлом месяце... Три дня назад ему удалось бежать... Но он успел увидеть вас на корабле Золотой Бороды... Он пробирался ночью через верхнюю палубу... Окно было открыто... И он вас увидел... Там, на корабле... в штурманской рубке... с ним... с НИМ...

Глухой, прерывающийся голос Жоффрея де Пейрака был страшен, и с каждым его словом ужасная правда открывалась Анжелике.

Застыв в удивлении и ужасе, она чувствовала, как эта правда надвигается, словно какой-то чудовищный зверь, который вот-вот прыгнет на нее и разорвет своими когтями... Тот мужчина!.. Мужчина, который сбежал прошлой ночью в заливе Каско...

Значит, это был швейцарский наемник... Человек Пейрака... И он видел ее... Он видел, как в рубку вошел Колен и обнял ее...

Хриплый голос Пейрака доносился до нее, словно издалека:

— Окно было открыто... И он вас увидел, сударыня. Вы были без одежды... Без одежды, в объятиях Золотой Бороды. И вы отвечали на его поцелуи... на его ласки!..

Что он хотел услышать в ответ?.. Крики негодования, яростные отпирательства, или, может быть, смех?.. Но нет!.. Ответом ему была тишина!

И какая тишина!.. Это было самое ужасное, что он мог услышать после сказанных им слов.

Тишина текла медленно, капля за каплей, и каждая секунда ее давила свинцовой тяжестью. Жоффрею казалось, что он умрет от боли.

А время уходило. И прошел уже тот момент, когда еще можно было все спасти. Секунды падали каплями расплавленного свинца, приближая неизбежное. Подтверждая признание, которое он читал на ее смертельно побледневшем лице, в затравленном взгляде ее широко распахнутых глаз.

Мысли Анжелики путались. Все смешалось в каком-то ужасном тумане.

«Колен! Колеи!.. Надо сказать ему, что это был Колен... Нет! Так будет еще хуже... Он уже и так ненавидит его...»

Даже если бы она захотела что-то объяснить, она не в силах была бы вымолвить ни единого слова. Ни звука не могло вырваться из ее горла. Ее всю трясло, голова закружилась, и она прислонилась к стене, прикрыв глаза. Глядя на это лицо с опущенными веками, на котором появилось то выражение нежности и тайной боли, которое его так часто трогало, но иногда и злило, граф не смог больше сдерживать своей ярости.

— Не опускайте глаза! — прокричал он, с такой силой ударив рукой по столу, что чуть не проломил его. — Смотрите на меня!

Он схватил ее за волосы и резко запрокинул ей голову.

Анжелике показалось, что у нее треснул затылок. Наклонившись над ней, он впился своими горящими глазами в ее лицо, вдруг ставшее для него чужим и загадочным. Может быть, он говорил еще что-то; но она уже больше ничего не слышала. «Так, значит, это правда! И это ты, ты... Которую я ценил так высоко!..»

Он яростно тряс ее в безумном желании сломать, стряхнуть с нее эту фальшивую оболочку, найти под ней ту, другую, которую он так сильно любил.

И вдруг, со всего размаха, он с такой силой ударил ее, что голова Анжелики, мотнувшись, стукнулась о деревянную перегородку. Перед глазами ее возникла красная пелена. Выпустив, он оттолкнул ее от себя, так что она с трудом удержалась на ногах.

Жоффрей де Пейрак шагнул к окну, и, глядя сквозь стекла в ночной сумрак, сделал несколько сильных вдохов, чтобы взять себя в руки.

Когда он снова повернулся к своей жене, она стояла все так же неподвижно, закрыв глаза. Из тонко очерченной ноздри медленно стекала струйка крови.

— Вон! Вон отсюда! — проговорил он ледяным топом. — Вы внушаете мне отвращение. Уходите отсюда! Я не хочу вас больше видеть! Я боюсь не выдержать... и убить вас...

Глава 15

Неровными, спотыкающимися шагами, задевая за углы и за какую-то мебель, она пробиралась сквозь полумрак комнаты, куда проникал лишь бледный свет изредка выглядывавшей из-за облаков луны. Гонимая желанием куда-нибудь спрягаться, навсегда исчезнуть, Анжелика забралась в самую отдаленную часть деревянного форта. Как раненый зверь прячется в глушь, чтобы умереть, так и она не в силах была выйти на простор, на глаза местных сплетниц, в это ужасное одиночество, где ей некуда будет укрыться от всеобщей враждебности. Она шла, повинувшись инстинкту, по лестницам и коридорам, шла к этой просторной и укромной комнате и, даже не видя ее, поняла, что это была «их» комната, комната, где они в прошлом году любили друг друга; и где она мечтала о новой встрече с ним.

Наощупь, ушибаясь об острые углы, она дошла, наконец, до центра комнаты и остановилась. И тут вдруг сквозь адский грохот окружавшей ее тишины, до нее впервые долетел какой-то звук. Казалось, двое людей громко дышали рядом с ней. Она испугалась, но вскоре поняла, что это всего лишь отзвук ее собственного прерывистого дыхания, смешивающегося с шумом волн, бьющих о каменные волнорезы у подножия форта.

Она была одна.

Только что пережитый страх заставил ее все забыть, но теперь на его место приходил другой, всепоглощающий страх непоправимости катастрофы. Ей казалось, что одна половина ее головы выросла до непомерных размеров, как будто на ней образовался огромный бесформенный нарост, какие бывают на

тыквах, и половина ее лица так горела, словно эта опухоль была из раскаленного Докрасна чугуна. Она осторожно дотронулась рукой до потерявшей всякую чувствительность кожи. Опухоли не было, но зато, при одном только прикосновении пальцев, ее пронзила острая боль. И тут же, с неумолимой ясностью, перед ней встало все происшедшее. Колен!.. Она вспомнила, как он обнимал ее, как его руки ласкали ее тело, как его губы прижимались к ее губам в бесконечном поцелуе.

А спрятавшийся человек наблюдал за ними, видя их при свете горевшей свечи... И теперь об этом знает Жоффрей... И он обвиняет ее в самом худшем!.. Как заставить его понять, как объяснить ему, чтобы он поверил...

Если она только заикнется о Колене, он убьет ее. Он и так сегодня мог убить ее. Она чувствовала это всем своим перепуганным существом и никак не сопротивлялась, не сделала ни единого жеста, чтобы защищаться. Он мог уничтожить ее, превратить ее в прах. И все потому, что ОН БЫЛ ДЛЯ НЕЕ ВСЕМ!

Она долго просидела так в темноте, стараясь дышать потише, чтобы не вызвать вместе со жгучей физической болью обрывки этих ужасных видений: Жоффрей! Жоффрей! Какое у него было ужасное лицо! Когда он двигался, в складках его шитого золотом камзола из атласа цвета слоновой кости мелькали проблески алой подкладки, и Анжелике казалось, что там двигаются и переливаются капли крови, падают кровавые слезы. Кровь лилась по ее лицу. И ее пальцы были испачканы кровью, и, облизнув языком свои онемевшие губы, она почувствовала солоноватый привкус, и ее охватило какое-то недоверчивое удивление. Неужели он ударил ее?!

Да, он ударил ее, она это заслужила! И под их ногами разверзлась бездонная пропасть...

Она сидела в тревожной темноте, дрожа всем телом и вглядываясь в эту зияющую пропасть, и ее опять охватывал страх. Теперь он полз на нее оттуда, из пропасти, словно целая орда хихикающих чудовищ со злобно горящими глазами...

Все это случилось слишком неожиданно и именно тогда, когда она считала, что то, что было в Вапассу, связало их вновь и навсегда, что любовь их нерушима, неприступна и неизменна.

Это было, как ураган, как землетрясение, и в то же время подобралось к ним исподтишка.

Зверь, исторгнутый адом, жестоких глаз которого она вовремя не распознала, подкравшись, напал на них.

Оба — оба они — попали в капкан, сути и устройства которого она не понимала, но уже ощущала, как ее начинают сдавливать безжалостные клещи. Все было так ловко подстроено, что и Жоффрей, и она сама, были ранены первым же выстрелом, и в самое сердце.

«Жоффрей! Жоффрей прийди, я молю тебя!.. Не оставляй меня одну! Мне страшно!»

Комната наполнялась какими-то устрашающими призраками, и она вдруг четко представила себе всю неодолимость той преграды, что выросла между ней и ее мужем, которого она так любила и так смертельно оскорбила.

Ей казалось, что чья-то рука, взяв за горло, душит ее, ей стало трудно дышать. Боясь потерять сознание, она прижала обе руки к своим распухшим губам, чтобы заглушить готовые вырваться рыдания, и, вызвав приступ невыносимой боли, удержать гаснущее сознание. Пока наконец, под воздействием боли и острого осознания того, что она потеряла, ее страдания не прорвались детскими отчаянными всхлипами... «Если он меня не любит больше... если он меня больше не любит... что же со мной... будет?»

Глава 16

Жоффрею казалось, что он переживает самый ужасный момент своей жизни.

В нем боролись с безумным неистовством два существа, разрывая его пополам. Если бы он не прогнал ее, смог ли бы он устоять перед охватившим его желанием заключить ее в свои объятия, которое было не менее сильно, чем желание убить ее?.. В эти ужасные мгновения два этих чувства разрывали надвое его тело, кровь и душу, словно расчленяя его; одно из них жаждало мести, а другое было полно желанием и любви.

Кровь в его венах кипела и ненавистью, и обожанием.

Когда он схватил ее за волосы, рука его невольно наслаждалась прикосновением к их нежной шелковистости» их мягким теплом, а когда он наклонился, глядя в ее запрокинутое лицо, на этот высокий и гладкий, словно перламутровый, лоб, губы его, изрыгавшие проклятья, горели страстным желанием целовать его... И в мозгу, как молния, мелькнула мысль: «Какой прекрасный у нее лоб!..»

Так гнев и желание попеременно овладевали им, он дрожал от унижения, и его душила ярость при мысли о том, что она заставила его открыть в себе этого другого человека, оказавшегося способным на слепую жестокость, идущего на поводу у плотских желаний, готового трусливо все простить, вопреки разуму поддавшись порыву чувств и желаний...

Совершенное создание любви!.. Вот что подумал он, вот что подумали все они, когда она возникла из ночной темноты на пороге зала, и ее женственность и красота поразили их, как удар грома. В одно мгновение для

пораженных и покоренных мужчин исчезло все — злость, подозрение, возмущение, презрение, недоверие — осталось только восхищение этой несказанной красотой.

Совершенное создание любви!.. Все мы, мужчины, идолопоклонники! Чувственные болваны, только и ждущие возможности пасть на колени перед какой-нибудь богиней!..

Повинуясь бессознательному порыву, он вышел на улицу, в ночную тьму.

В тускло-серебряном свете луны, выглядывавшей из-за бегущих облаков, покачивались на воде залива темные силуэты корабельных мачт. Кое-где на ветру дрожали огоньки — это медленно прохаживались редкие часовые.

Мир безмолвствовал.

Где она сейчас? «Анжелика! Анжелика!.., любовь моя!»

Он вернулся в здание форта и молча взбежал по деревянной лестнице. Он услышал за дверью ее громкие рыдания, и его снова охватил дикий огонь желания, такого острого, что тело его чуть не разрывалось от боли. Желания открыть эту дверь, войти, быть рядом с ней, склониться над ней, заключить ее в свои объятия, прижать к своему сердцу, и забыть, все забыть, чтобы осталось только блаженство ласк, прикосновений, тихий шепот, два смешавшихся дыханья, ответные поцелуи, тихие и пылкие слова: «Любовь моя! Любовь моя! все это ерунда!.. Я люблю тебя!..» И забыть, все забыть...

Он снова оказался внизу, в зале, где уже оплывал воск в светильниках, и прижался лбом к окну, за которым вставал бледный рассвет.

«Нет, Анжелике не удастся превратить его в ничтожество, находящееся под каблуком у недостойной женщины!

Нет, этого он не допустит!..

Но почему она так сильно рыдает?.. Там, наверху... Она ведь знала, на что идет, когда отдавалась ласкам того, другого... И это женщина, которую он так высоко ценил!! Разве она не понимала, что все разрушает?.. Нет! Конечно, нет! Ничего она не понимала!.. Самка, просто глупая самка, как все они!

«Они» хотят иметь сразу все. И все разрушают!

Я не должен был ничего ей прощать тогда... Все они одинаковы!.. Все одинаковы!..»

Как только поднимется прилив, он выйдет со своими кораблями в открытое море. Он разыщет Золотую Бороду и загонит его в самую глубь моря... И прежде, чем убить его собственными руками, он сорвет с этого ненавистного и неизвестного лица маску, узнает, что за прошлое было у этого другого мужчины, который узнал любовь Анжелики.

«Ах! Если бы я мог вырвать ее из своего сердца! Я должен сделать это!»

Совершенное создание!..

На «Голдсборо» привезли для нее французские платья.

Жоффрей подошел к сундуку, стоящему в глубине комнаты, и откинул крышку. Он перебирал переливающийся муар, воздушные кружева, и пальцы его невольно придавали тяжелым складкам юбок и корсажам формы тела женщины, для которой они предназначались.

«Как она была бы прекрасна во всем этом! Это серебристо-розовое платье подчеркнет красоту ее королевских плеч!.. Я взял бы ее с собой в Квебек... Она всех покорила бы там!..»

Пальцы его судорожно сжались, словно желая уничтожить, стереть, смять этот женский образ.

Он порывисто поднес скомканную материю к своему лицу, и долго стоял так, отрешенный от мира, с грустью

вдыхая запах цветов, запах женщины, который шел от этих роскошных нарядов.

***

В утреннем тумане возникли два бегущих силуэта.

— Мессир! Сам Бог нам помогает. Корабль этого проклятого пирата, Золотой Бороды, недалеко отсюда... Его видели у архипелага.

**ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЗОЛОТАЯ
БОРОДА ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ**

Глава 1

В Голдсборо было множество детей. Они бегали веселой босоногой стайкой. Девочки с волосами, выбивавшимися из-под круглых шапочек или белых чепцов, растрепанные мальчишки. Юбочки подвернуты, а штанишки закатаны, чтобы легче было шлепать по лужам, залезать в лодки, прыгать по песчаному берегу, гоняться за тюленями, которых тут называли «морскими волками»... Они носились здесь и там, в компании голых индейских детишек, на ходу засовывая в рот то моллюска из раковины, то яйцо чайки, то какой-нибудь цветок.

Прижимаясь мордашками к доскам сарая, они с любопытством разглядывали в щелочку взятых в плен пиратов, и неслись к гавани, чтобы полюбоваться живописным зрелищем: осевшим па корму кораблем «Сердце Марии», захваченным этим утром. Потом, сбегав за водой к лесному источнику, они, встав на коленки, поили раненых.

Этот день в Голдсборо закончился поражением пирата Золотая Борода.

***

Утром Анжелику разбудил отдаленный грохот пушечных выстрелов.

Она чувствовала боль и в душе, и во всем теле, не понимала, что с ней произошло, и долго не могла сообразить, что находится в Голдсборо. Глянув в зеркало, она увидела в нем свое распухшее лицо. Одна сторона его представляла собой сплошной синяк, губы вздулись. Она с трудом могла повернуть голову. Анжелика осмотрела комнату и, обнаружив в сундуках белье и одежду, которые уложила туда перед тем, как покинуть форт, оделась и причесалась, по-прежнему

плохо соображая. Нужно было найти какую-нибудь мазь или бальзам, чтобы смазать изуродованное лицо.

Открыв окно, она увидела внизу бегущие под ветром на полных парусах корабли. На фоне серого дождливого неба изредка там и сям загорались красные всполохи. Потом докатывался выстрел. Перед Голдсборо шло морское сражение, три или четыре корабля преследовали убежавшего противника, который ловко увернулся от атаки, и развернув паруса, исчез из поля зрения. Чей-то голос окликнул ее из глубины дома:

— Мадам Анжелика! Мадам Анжелика!.. Где вы? А, вот вы где! Слава Создателю! Пойдемте! Пойдемте скорее, моя дорогая! Столько раненых! Столько крови!

Анжелика узнала в этой взывающей к ней женщине маленькую госпожу Каррер из Ла-Рошели, эмигрировавшую в Новый Свет в прошлом году вместе со своим мужем-адвокатом и десятью детьми.

— Что происходит? Откуда раненые?

— Они рассчитались наконец с этим проклятым Золотой Бородой!

— Кто это «они»?

— Граф, флибустьер Ванерек, английский адмирал, ну, словом, все, кто поклялся расправиться с этим негодяем! Утром узнали, что он снова появился у островов. Господин граф тут же погнался за ним. Его вынудили принять сражение. Господин д'Урвилль только что принес сообщение о победе. Но похоже, что при abordage произошла настоящая резня... Корабли вернулись в порт с добычей, и там полно раненых. Господин де Пейрак послал за вами, чтобы вы оказали помощь всем этим несчастным.

— Вы... вы уверены, что об этом просил мой муж?

— Ну, конечно! Что можно сделать без вас? Говорят, хирург с «Бесстрашного» сам ранен, и не может выполнять свои обязанности. А нашего врача, Парри, вы знаете. От него мало толку, когда идет такая бойня...

Господи! А с вами-то что случилось, бедняжка?.. Вы ранены!

— Это пустяки!

Анжелика поднесла ладонь к щеке.

— Я... я попала в кораблекрушение у берегов острова Монеган, и меня ударило о скалы... Подождите, я сейчас пойду с вами. Только возьму сумку и положу в нее несколько необходимых инструментов... Есть у вас запас корпии? ..

Двигаясь как автомат, она тщательно собрала все необходимое, в то время как в голове ее теснились мучительные мысли.

Колен... Колен погиб от руки Жоффрея де Пейрака... Если бы она сказала вчера вечером... Если бы у нее хватило смелости сказать... А теперь Жоффрей де Пейрак убил Золотую Бороду... И зовет ее помочь раненым... Значит, он вспомнил о ее существовании. Но почему? Замышляет какую-то новую месть? А вдруг он бросит ей под ноги труп Колена? Этого она не вынесет. Она не сможет удержаться, упадет на колени и, плача, обхватит голову Колена руками.

— Господи! — молилась она. — Помешай Жоффрею совершить этот ужасный поступок. О, Господи, как могло случиться, что мы с Жоффреем вдруг стали такими врагами?..

Вслед за мадам Каррер она спустилась по лестнице, и они побежали к площади, куда обитатели Голдсборо стаскивали тюфяки, набитые водорослями, кожаные ведра с пресной водой, покрывала. С баркасов начали носить первых раненых и укладывать их прямо на землю. Одни из них стонали, другие изрыгали громкие проклятия.

Утро это стало для Анжелики сплошным кошмаром. Она уже ни о чем больше не могла думать. Она резала по живой плоти, зашивала, промывала раны, делала перевязки, перебегая от одного раненого к другому,

требовала помощи, организовывала лазарет, гоняла ребятишек то за травами, то за полотном, водой, ромом, маслом, нитками, иголками, ножницами.

Закатав рукава, с руками в крови по локти, она в течение многих часов оказывала раненым срочную помощь, определяла, насколько серьезно ранение, давала распоряжения по уходу за ранеными и по составлению нужных лекарств. Очень быстро вокруг нее возникла прежняя атмосфера. Она узнавала многих из тех женщин, что принялись ей помогать. Абигель, подвижная и ловкая, несмотря на свою беременность. Энергичная мадам Каррер. Проворные и послушные девушки, по примеру старших смело смотрящие в лицо страданиям и смерти. Вдруг около нее появилась, подавая ей хирургические инструменты, тетушка Анна, аккуратная и внимательная. Она увидела старую Ребекку, склонившуюся над умирающим.

Один из мальчиков повсюду носил за ней большой медный таз, постоянно меняя в нем воду, чтобы она могла вымыть руки или намочить полотно для перевязок. Прошло какое-то время, прежде чем она узнала в нем Марсьяла, старшего сына мадам Берн.

Она тут же заняла среди них свое прежнее место. Но, предаваясь делу со своей обычной энергией, она тем не менее почувствовала, благодаря своей пронизательности, что их отношение к ней изменилось. Проскользнувшее в голосе легкое презрение, поджатые губы, враждебный взгляд... Может быть, ей это только казалось... Нет! Жители Голдсборо все знали... Все все знали.

Только мадам Каррер держала себя просто и сердечно. Но мадам Каррер никогда не была сплетницей и не хотела верить слухам о том, что графиня де Пейрак изменила своему мужу с пиратом... В то время, как Анжелика усердно, забыв об усталости, помогала раненым, за ней украдкой следили все утро,

пытаясь отгадать, верны ли были эти слухи... И самое ужасное было то, что ведь это были не сплетни, это была правда... Во всяком случае, почти правда. Она действительно была в объятиях Золотой Бороды и отвечала на его ласки. Ей хотелось крикнуть им всем в лицо, что она невиновна. Убедить в этом саму себя. Стать «такой как раньше». И она склонялась над ранеными с бесконечной нежностью и состраданием, так как сама словно носила в себе кровоточащую рану, причинявшую ей с каждым мгновением все больше страданий, и ей так хотелось чьего-нибудь сочувствия. Но ей никто не поможет.

— О, сударыня, спасите меня, — умоляли тяжелораненые.

Но самой ей некого было молить о помощи.

Ее страдание не могло вызвать ничьего сочувствия. Иногда оно пронзало ее с такой силой, что у нее готовы были опуститься руки.

«Жофfrey меня больше не любит... Как я могла так поступить с ним? Он такой чудесный, такой добрый, а я так унизила его перед всеми!.. Он никогда меня не простит... Но почему он попросил меня помочь раненым? Просто он нуждался во мне. Прежде всего его товарищи, а потом уже его чувства... Это так похоже на него... А потом он снова прогонит меня, отвергнет. Он не захочет меня больше видеть... Он так и крикнул: «Не хочу больше вас видеть!»

Несмотря на все это, ей казалось, что если она трудится вот так для него, и почти рядом с ним, произошло нечто вроде перемирия. Он позвал ее, и это давало, пусть неясную, но надежду.

Он позвал ее. Он помнил о ней. Значит, она для него еще что-то значила. И она с еще большим пылом принималась за работу.

Она склонялась над несчастными, кричащими от боли успокаивая их и подбадривая, и им казалось, что

это ангел спустился к ним с небес, и они успокаивались, стоило ей прикоснуться к ним.

— Это мадам де Пейрак? — спрашивали те, кто не знал ее.

— Это она, — кричали им. — Увидишь, она тебя вылечит.

Такое доверие придавало Анжелике мужества, постепенно смягчая ее душевные муки, и помогало ей гордо держать голову, несмотря на то, что она не забывала о своем распухом, а теперь еще и вспотевшем лице.

Она прислушивалась, стараясь уловить обрывки разговоров о ходе сражения.

Но никто не говорил о смерти Золотой Бороды.

Говорили только о той ужасной и кровавой схватке, что завязалась между экипажами на палубе «Сердца Марии» после того, как корабль был взят на abordаж. «И мессир де Пейрак прыгнул первым».

Утро было в разгаре, когда корабли, окружая свою добычу, вошли в гавань.

Корабль Золотой Бороды, накренившийся, со сломанными мачтами, над которыми медленно расплывалось, словно тяготеющее проклятие, облако дыма, пристал к одному из островов посреди залива.

Теперь на баркасах начали подвозить пленников, и они выходили на берег в окружении матросов с «Голдсборо» и солдат гарнизона.

Г-н д'Урвилль приказал поместить их в крытое гумно для маиса. Это грубое деревенское строение было достаточно просторным и имело только один выход, что облегчало работу стражников.

Один из пленников отбивался как сумасшедший от тащивших его солдат.

— Пустите меня, олухи, убийцы. Я ранен. Поймите вы, что я тяжело ранен!.. Я сдохну из-за вас.

Вслушавшись в этот орущий голос, Анжелика узнала неповторимый Дырявый живот, которому она делала операцию в заливе Каско.

Она пошла к ним навстречу.

— Этот негодяй говорит правду. Ему нельзя ходить. Положите его вот сюда.

— А, вот и вы наконец, лучше поздно, чем никогда! — заскулил Бомаршан. — Куда же вы подевались, сударыня? Не очень-то красиво бросать меня, с этим швом поперек пуза.

— Молчите, негодник! Вы заслуживаете того, чтоб вас черти унесли за ту злую шутку, что вы сыграли со мной.

Однако, она внимательно осмотрела его, и с удовлетворением отметила, что ужасный шрам на теле Аристиды Бомаршана выглядел довольно сносно, и дело, казалось, шло к выздоровлению. Это было просто чудом, так как похоже, на «Сердце Марии» о нем не очень заботились.

— Как мне вас не хватало, сударыня! Ах, как мне вас не хватало! — твердил он. — Они меня бросили подыхать в каком-то крысином углу, как собаку!..

Она сменила ему компрессы, туго, как новорожденного младенца, перебинтовала и оставила лежать на песке.

Чуть позже Анжелика, стоя на коленях, оказывала помощь раненному ножом в плечо де Барсампюи, ближайшему помощнику Золотой Бороды, тому самому, что похитил ее в Макуа. Его изможденное лицо было черным от пороха.

— Что с вашим капитаном? — тихо спросила она. — С Золотой Бородой? Где он? Что с ним? Ранен? Или убит?..

Он с горечью посмотрел на нее и отвернулся. И она так и осталась в тревожном неведении. Солнце уже

стояло над головой. И ко всем мукам и усталости добавился еще и палящий зной.

Тем временем, за Анжеликой прислали с борта пиратского судна, чтобы она осмотрела находившихся там раненых и определила, каких из них можно перетащить на берег, а каких лучше оставить спокойно умирать на борту.

Она отправилась туда на баркасе, в сопровождении Марсьяла, по-прежнему тащившего за ней ее сумку, бочонок с пресной водой и медный таз. У трапа их встретил человек в разодранном черном камзоле, порыжевшем от пороха, и в забавно съехавшем набор изъеденном молью парике. Прихрамывая, он повел ее к стоящим на палубе пушкам.

— Я Нессенс, хирург господина Ванерека. Ядро попало прямо в камбуз, где я делал операции... А моего коллегу с «Сердца Марии» нашли мертвым среди горы трупов. Если бы вас не оказалось в Голдсборо, сударыня, положение раненых было бы ужасным. Они очень взбодрились, узнав, что вы находитесь на берегу, и я распорядился перенести на берег как можно больше людей, чтобы поручить их вашим заботам, так как здесь мне трудно с ними справляться. Слава о вас разносится повсюду. А я сегодня уже осмотрел три судна. Тут есть несколько несчастных парней, с которыми я не знаю, как быть...

Палуба корабля угрожающе накренилась, так что по ней трудно было передвигаться. Из продырявленных бочонков с сидром текло ручьями вино, смешиваясь с потоками крови. Приходилось ступать по этой зловонной смеси, скользя и цепляясь за поручни, чтобы не упасть.

Но был отдан приказ не дать судну потонуть, и до них доносились возгласы занятых работой людей.

— Это судно пострадало больше других, — объяснил Нессенс. — Мы его атаковали вчетвером. Трехмачтовая

шебека господина де Пейрака, «Голдсборо» и «Бесстрашный». А позже подошло еще одно маленькое судно, «Ларошелец». Удачная вылазка! Половина бандитов выведена из строя.

Хирург был довольно молод, лет тридцати. Поняв, что во Франции он не сможет практиковать, несмотря на все свое мастерство, поскольку был протестантом, он не нашел ничего другого, как эмигрировать и выбрал себе опасную профессию хирурга на кораблях корсаров. После того, как они осмотрели несчастных умирающих, Анжелика предложила сделать ему самому перевязку получше. К тому же она заметила, что хромал он не от раны, а из-за того, что вывихнул ногу, упав во время взрыва. Она вправила ему вывих, сделала хороший массаж, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, и оставила в почти бодром состоянии.

Пробираясь снова с большим трудом к трапу, она услышала слабый зов.

— Мадам! Сеньорита!..

Она увидела человека, придавленного бортовыми поручнями и скрытого мотками канатов. В той всеобщей беготне и сумятице, которые последовали за сражением, его там, должно быть, никто не заметил. Она высвободила его и оттащила повыше, прислонив к подножию фок-мачты. Ей показалось, что она узнает эти огромные черные глаза, что смотрели на нее с пожелтевшего, словно воскового лица.

— Я Лопеш, — выдохнул он. Она попыталась вспомнить. Он напомнил сам, слегка улыбнувшись посеребрившими губами:

— Вы меня хорошо знаете... Лопеш!.. Помните? Пчелы...

И она вспомнила. Это был один из тех флибустьеров, от которых она отбивалась, запустив в них пчелиным ульем. И вот теперь, подобранный

кораблем Золотой Бороды, он доживал здесь свои последние часы.

— Я ранен в живот, — прошептал он. — Вы не могли бы сделать мне что-нибудь, как Бомаршану? Я видел, как вы его зашивали. Он теперь скачет, как заяц... Я... Я так не хочу умирать! Помогите мне, мадам...

Он был совсем еще молод, этот португалец. Жалкое дитя лиссабонских набережных, вскормленное пылью, солнцем и, изредка, горстью смоквы. С двенадцати лет — море. И это все.

Для очистки совести Анжелика разорвала его короткие штаны, которые уже натянулись на изрубленном и вздувшемся теле, и пропитались смесью крови, сукровицы, сидра и морской воды. По впавшим орбитам его глаз она сразу все поняла. Даже если бы им занялись вовремя, спасти его было невозможно.

— Вы поможете мне, поможете? — повторял он. Она успокаивающе улыбнулась.

— Да, малыш. А сначала выпей вот это, чтобы успокоиться.

И она вложила ему между губ одну из тех последних пилюль, что у нее еще оставались, пилюль, сделанных из корня мандрагоры и индийского мака.

У него не было сил проглотить ее, и, держа ее на языке, он начал понемногу цепенеть.

— Ты добрый христианин, малыш? — еще спросила она.

— Да, сеньорита, я христианин.

— Тогда, пока я лечу тебя, молись Милосердному Богу и Пресвятой Деве.

Она сама скрестила ему руки на груди и так держала их, стараясь передать ему свою жизнь, свое тепло, чтобы при этом последнем соприкосновении с оставляемым им миром он не чувствовал себя в одиночестве, переступая последний порог.

Он снова приподнял свои потяжелевшие веки.

— Мамма! Мамма! — тихо позвал он, глядя на нее.

Она выпустила его руки, уже холодеющие и безжизненные; закрыла ему глаза и прикрыла лицо косынкой, которую второпях накинула утром себе на плечи. Она никогда не могла равнодушно видеть насильственную смерть людей во время сражений, это внезапное превращение, когда живые, смеющиеся существа, еще несколько часов назад гулявшие под солнцем, становятся вдруг какой-то бесформенной массой, уходят, исчезают навсегда с этой земли, а потом и из людских сердец. Ее собственным рукам тоже случалось убивать, но этот парадокс смерти, ее нелогичность, ее непоправимая жестокость каждый раз глубоко ранили ее женскую душу. И хотя она знала, сколь незначительным было это жалкое существо, только что закончившее свой земной путь, на глаза ее невольно навернулись слезы.

Глава 2

Выпрямившись, она оказалась лицом к лицу с графом де Пейраком. Он стоял рядом с ней уже некоторое время, глядя, как женщина склонилась к умирающему.

Он совершал обход в сопровождении Жилия Ванерека, который первым заметил белокурую женскую головку, казавшуюся среди ужасов сражения чудесным видением. Он тронул графа за руку. Остановившись, они смотрели на нее, склонившуюся над заострившимся лицом умирающего, и слышали ее сочувственный шепот: «Молись, малыш!.. Я тебя вылечу...»

Потом они увидели, как она, перекрестившись, сняла с себя косынку, чтобы прикрыть лицо несчастного мальчика. На ее ресницах блестели слезы.

При виде Пейрака она так растерялась, что Ванереку стало жаль ее. Сделав над собой усилие, она повернулась к юному Марсьялу, делая вид, что ей нужно сполоснуть руки в тазу.

— Вы отобрали всех раненых, которых можно перенести на берег, сударыня? — спросил граф де Пейрак, и в голосе его не прозвучало ничего, кроме почтительного спокойствия.

— Вот один умер, — сказала она, кивнув в сторону распростертого тела.

— Ну, это-то я вижу, — ответил он сухо.

Она упорно старалась спрятать от него синяк на своем лице, который в течение всего этого дня вызывал у нее чувство неловкости. Она впервые видела Жоффрея после той ужасной сцены, что произошла накануне, и чувствовала такой холод, словно перед ней был совершенно незнакомый человек... Между ними выросла стена.

Фламандец, сопровождавший Пейрака, производил впечатление человека добродушного и веселого. Он был одет с пышностью, столь любимой флибустьерами Карибского моря: желтый камзол с кружевными отворотами и кружевным же галстуком, украшенный пышными бантами, на шляпе — красные страусовые перья. Но сейчас его жизнерадостная физиономия была исполосована кровоточащими царапинами, так что один глаз ему приходилось держать полуприкрытым.

Чтобы придать себе уверенности, Анжелика предложила:

— Могу я вам помочь, сударь?

Жиль Ванерек с готовностью согласился, в восторге от того, что может познакомиться с ней поближе.

Она усадила его на опрокинутую бочку, и, в то время как Жоффрей де Пейрак продолжал свой обход, осторожно промыла его раны, затрудняясь определить оружие, с помощью которого они были нанесены.

Он гримасничал и скулил, как щенок.

— Что-то вы слишком чувствительны для любителя приключений, — сказала она ему. — Если вы такой неженка, незачем лезть в сражения.

— Я капитан «Бесстрашного»...

— Никогда бы не подумала.

— Но ведь я ни разу не был ранен, уважаемая сударыня. Спросите кого угодно, любой вам скажет, что Жиль Ванерек ухитрился не получить ни единой царапины ни в одном сражении.

— Ну, во всяком случае, не на этот раз.

— Да нет, и на этот раз тоже. То, что там лечат ваши чудные пальчики, это вовсе не боевые ранения, совсем наоборот. Я их получил вчера вечером от разгневанной Инес.

— Инес?

— Это моя любовница. Ревнива как тигрица, и у нее такие же острые когти. Ей не понравилось, что я

слишком усердно восхищался вашей красотой.

— Но, сударь, мы ведь с вами совсем незнакомы.

— Знакомы... Я был вчера в зале Совета, когда вы предстали перед нами. Но я вовсе не обижен тем, что вы не обратили внимания на мою скромную персону, ведь это потому, что вы не сводили глаз с мессира де Пейрака, вашего супруга, а моего дорогого и уважаемого друга по Карибскому морю.

Анжелика, которая как раз бинтовала ему лоб, с трудом удержалась, чтобы не дернуть его за волосы за такую иронию. Ванерек же украдкой восхищенно поглядывал на нее снизу вверх, и его черные глазки были достаточно проницательны, чтобы не заметить синяка, который «украшал» одну половину этого восхитительного лица и которого не было накануне.

По-видимому, прикидывал он, супруги крупно повздорили, и еще дуются друг на друга, но она, слишком красива, чтобы это затянулось надолго. При пылкой любви немножко ревности только придает ей остроты. Уж он-то, со своей Инес, в этом кое-что смыслит. Он, как и де Пейрак, ни с кем не любит делиться. Но приходится с этим мириться, если свяжешься с одной из этих красоток, которых природа одарила всем, что нужно для счастья мужчины, в том числе и способностью возбуждать желание.

У этой сумасшедшей непоседы, графини де Пейрак, есть этот дар, и она умеет им пользоваться, и тем хуже для Пейрака...

Подрагивая ноздрями, Ванерек млел от удовольствия, ощущая ее легкие прикосновения к царапинам на своем лице, близко вдыхая ее запах, легкий и летучий аромат свежескошенной травы — запах женщины-блондинки, вызывающий желание познакомиться поближе с ее золотистой кожей.

Изображая человека, уставшего от недавней битвы, он воспользовался этим, и, садясь, скользнул рукой по

ее бедрам. У нее была восхитительная талия, но он смог только слегка коснуться ее, так как Анжелика тотчас же отстранилась.

Он подумал, что под ее одеждой угадываются пышные формы, но она была столь изящна, и движения ее были такими гибкими, что казалась хрупкой, несмотря на роскошное тело, скрытое под платьем. Опытный глаз весельчака-корсара предполагал гармоничные линии фигуры, совершенной с головы до пят. В ней было что-то сразу и от Венеры, и от Дианы-охотницы. Но в любом случае, она была удивительно сильной! Он понял это, когда легким движением руки, прервав его мечтания, она одним рывком поставила его на ноги, как засидевшегося рохлю-мальчишку.

— Ну, вот вы и вылечились от гнева мадам Инес, мой дорогой. Завтра ничего не будет заметно.

Он заговорщически подмигнул ей своим заплывшим глазом.

— Желаю вам того же, красавица! Я вижу, что вчера в небесах произошло столкновение Венеры и Марса, и мы оба оказались жертвами этой ссоры между богами...

Анжелика сдержала улыбку, чтобы не вызвать боли в левой половине лица. За это утро столько всего произошло, что она уже не чувствовала столь сильного отчаяния. В ее неукротимой натуре побеждал оптимизм, и она чуть не расхохоталась, слушая рассуждения Ванерека насчет ссоры богини любви и бога войны.

Считая, что они уже как-то сблизились, он зашептал:

— Послушайте, я понимаю, что такое любовь, и не сужу строго красивых женщин за их прегрешения, даже когда их расположением пользуются другие. Если вы хотите, я расскажу, что случилось с Золотой Бородой.

Лицо Анжелики окаменело, и она бросила на него взгляд, полный презрения. Ей показалось

унизительным, что он с такой беззастенчивой снисходительностью зачислил ее в ветреницы, унизительным и для нее самой, и для графа де Пейрака. Стало совершенно ясно, что откровения Курта Рица ни для кого не остались секретом. И все вокруг судачили о ее проделках и страданиях Пейрака.

Однако судьба Колена так ее тревожила, что она тихо прошептала:

— Скажите!.. Что же случилось с Золотой Бородой?

— По правде сказать, никто ничего не знает. Он исчез!

— Исчез?

— Да, исчез! Представьте, что его не оказалось на корабле, когда мы начали атаку, и обороной командовал его помощник. Говорят, что он покинул корабль ночью, на лодке, не сказав ни куда плывет, ни когда вернется назад. Он приказал своему лейтенанту Барсампюи держаться пока в виду Голдсборо, но прятаться среди островов архипелага, до тех пор, пока он не вернется и не отдаст новых распоряжений. Может быть, он отправился на разведку, чтобы найти новые подходы для еще одной атаки на Голдсборо? Но мы его опередили. Шебека де Пейрака заставила «Сердце Марии» сняться с якоря. Затем была погоня, взятие на абордаж, рукопашная схватка. И победителями стали мы, люди из Голдсборо! И где бы ни скрывался Золотая Борода, я думаю, его владычеству на морях и океанах надолго пришел конец!

— Ясно. Благодарю вас, сударь.

Анжелика вернулась в порт. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая и клубы дыма, и лежащую вокруг пыль в мягкие, золотисто-желтые цвета. Изнуряющая жара, непрекращающаяся, несмотря на постоянный ветер, наконец начала спадать.

Услышав звуки стрельбы, из леса вышли индейцы. Они принесли меха, чтобы выменять их на что-нибудь

на кораблях, и дичь, оказавшуюся отнюдь не лишней, так как ртов значительно прибавилось. Торговаться кинулись все: английские и французские матросы, флибустьеры, и даже те из раненых, которые могли хоть как-то передвигаться. Всех привлекала возможность ухватить добычу, выгодно выменяв меха. В обмен предлагали все — шапки, табак, водку, ушные кольца; вплоть до деревянных и оловянных ложек, несмотря на то, что они, как и ножи, являлись для матросов самым ценным имуществом.

Даже пленники криками зазывали индейцев, протягивая им сквозь доски своей темницы безделушки для обмена.

Так Анжелика встретила еще одного из своих старых знакомых по Макуа.

В том сражении погибло столько достойных людей, и надо же было, чтобы именно Гиацинт Буланже остался в живых. Он уже успел поскандалить, и его пришлось пару раз стукнуть, чтобы заставить успокоиться.

— Поскольку морских разбойников называют «копильщиками», он займется копчением, — распорядилась Анжелика. — Там, по крайней мере, от него не будет никакого вреда, а может быть, он даже окажется полезным.

И как следует отчитала его:

— Не заставляйте нас пожалеть о том, что оставили вас в живых, вы, грубое животное! Предупреждаю, если не хотите оказаться со связанными руками и ногами, вместо того, чтобы свободно ими распорядиться, вам лучше слушаться меня, ведь другого выбора у вас нет: или будете послушным, или вас повесят, как никчемную и зловредную скотину.

— Слушайся ее. Гиацинт! — закричал ему со своей лежанки Аристид. — Ты ведь знаешь, что спорить с ней

бесполезно, и к тому же, ведь это она зашила брюхо твоему брату с побережья.

Покорившись, ужасный мясник сделал знак, что все понял, и, размахивая своими длинными обезьяньими руками, отправился собирать сырые ветки для коптильных костров. Анжелика подобрала среди экипажа еще нескольких профессиональных коптильщиков и устроила их вместе с Гиацинтом Буланже немного в стороне, на маленькой песчаной площадке, под охраной вооруженного часового. В их задачу входило содрать шкуры с ланей и оленей, принесенных индейцами, выпотрошить туши, и часть мяса зажарить, а часть закоптить.

В золотом вечернем воздухе разнесся аромат жареного мяса, и она вспомнила, что весь сегодняшний день ничего не ела, нет, даже со вчерашнего дня... тоже нет... Боже мой! последний раз она ела в Пентагуете, на берегу залива Пенобскот, сидя между бароном де Сен-Кастином и преподобным Мареше де Верноном. Прошла целая вечность!.. Все это казалось таким далеким, но она чувствовала, что конец ее несчастьям еще не наступил.

Внезапно она ощутила сильный голод.

Встреча с Ванереком ее немного успокоила. Узнав, что Колена нет среди убитых, она вздохнула с облегчением. Наверное, Ванерек прав. Ну, можно ли устраивать трагедию и приносить в жертву две, а может быть, и несколько жизней из-за пустяков? Конечно, Жоффрей не из тех супругов, кому легко противостоять, но на это нужно решиться и рассеять его страхи... «Я скажу ему правду... Скажу, что все было не так, как он думает... Что Золотая Борода — это Колен... Я найду нужные слова. Он все поймет. Сегодня нам уже лучше. Мы снова работаем вместе... Жизнь заставила его вспомнить о том, что нас связывает... Разве не было у нас других ссор, других разлук...

других... измен. Мы все преодолеем, нам удалось сохранить любовь, она стала даже прочнее».

В конце концов, они уже не дети, и в их отношениях неуместны юношеская непримиримость и наивность. Жизнь прошла по ним и научила их правильно ценить настоящие чувства, что-то принимать и чем-то жертвовать чтобы сохранить то лучшее и бесценное, что отпущено ею человеку.

К тому же с ними связано слишком много других людей. Она ему скажет и это. Они не имеют права проявлять слабость, обмануть их надежды. Она думала о своих детях и прежде всего о Канторе, который должен прибыть в Голдсборо с минуты на минуту.

Кто-то сказал ей, что ее младший сын отправился ей навстречу в бухту Каско, и она с облегчением вздохнула, узнав, что его здесь нет. Но немного погодя прошел слух, что «Ларошелец» вернулся как раз к началу утреннего морского сражения. Он сейчас нес патрульную службу вблизи островов.

Нужно немедленно объясниться и помириться, прежде чем слухи и сплетни достигнут ушей чуткого подростка. Это важно прежде всего для Кантора. Сегодня же вечером она постарается встретиться с Пейраком с глазу на глаз.

Но день еще не закончился, и ее ждали тысячи дел. Около таверны мадам Каррер она утолила голод початком кукурузы, наскоро поджаренным на углях, который она так же наскоро сжевала, пока готовился некий целебный отвар. У нее не было болиголова и мандрагоры, чтобы готовить болеутоляющие пилюли, и за неимением их она давала раненым снадобья из ладана, гвоздики, восточного мака. Она бегала по домам, рылась в запасах форта. Кто-то сказал ей, что на «Бесстрашном» есть «знаток трав», какие бывают обычно на кораблях и хранят в своих сундуках и корзинках горстку одной травки, щепотку другой,

привезенных из самых отдаленных уголков мира. Его-де можно узнать по черному пластырю на одном глазу и по слуге, с которым он почти не расставался, уроженцу островов Карибского моря, со смуглой кожей и волшебным зеленым камнем на шее. Правда, сама по себе черная повязка на глазу была недостаточной приметой, так как среди старых морских бойцов немало одноглазых.

Часть экипажей была высажена на берег и расположилась бивуаком на краю обширной прибрежной поляны. «Сегодня вечером они напьются» — заговорщически сообщила мадам Каррер. Она и присесть не успевала, подливая солдатам и морякам пиво, вино, ром, водку. Ее старания были понятны, ведь иногда они платили жемчугом и даже золотыми дукатами.

Добычу, подвозимую на лодках с барка «Сердце Марии», записывали, нумеровали, укладывали рядами в бочках, сундуках, мешках под одобрительными взглядами моряков всех национальностей, каждый из которых уже получил за это сражение свою премию.

Наиболее богатая добыча была захвачена на корабле корсара Золотая Борода.

Бухгалтеры-переписчики каждого корабля суетились вокруг товаров, выписывая цифры и ставя печати. Там было все: бразильский табак, патока, сахар-сырец, белый сахар, рис, ром и вина; затем всякого рода съестные припасы, необходимые торговому кораблю: бочонки с горохом, бобами, соленым салом, сухарями; различные деликатесы: семь бочонков со свиными ушами, семь горшков гусиных лапок, ветчина, сыры, сушеные фрукты, бутылки с уксусом, маслом, виноградным вареньем и наконец, маленький окованный сундучок, очень тяжелый, в котором, говорят, находились драгоценные камни, включая и знаменитые изумруды из Каракаса... К этому сундучку

были приставлены двое часовых в ожидании, когда он будет перевезен в форт графа де Пейрака.

Придерживая подол юбки, Анжелика не без труда пробиралась через шумную толпу. Привлеченные красочным зрелищем английские пуритане из лагеря Шамплена и гугеноты из Ла-Рошели слонялись без дела в этой немыслимой суতোлке. Повсюду слышалась английская и французская речь, бывалые люди у костров рассказывали детям об удивительных приключениях корсаров на голубых просторах Карибского моря, где сверкают бесконечные белые пляжи и под пальмами загадочные пираты распивают ром, смешанный со свежим соком огромных мохнатых кокосовых орехов.

Девочка в красном платье бросилась из толпы к Анжелике, которая от неожиданности не сразу ее узнала.

— Роз-Анн, моя дорогая, как я рада тебя видеть!

Маленькая англичанка, а с нею Дороти и Жанетон Монежан от души веселились: сегодня не было уроков чтения и слова Божьего.

Анжелика разыскала наконец знатока трав, сопровождаемого полуголым туземцем, и сделала несколько покупок.

С приближением сумерек золото на образе Пресвятой Девы на корабле «Сердце Марии» заблестело искорками.

Помещенный на наклонной части кормовой надстройки корабля образ с его яркими красками отражался на глади моря, и чем больше сгущались тени, тем больше лица Святой Девы и окружавших ее Ангелов напоминали печальные и светлые видения, оберегающие пеструю толпу, собравшуюся на берегу.

Пронзительные ароматы моря, запахи йода и черных водорослей, смешанные со смолистым дымом костров, сливались в своеобразный морской фимиам. Перед

Анжеликой вдруг появилась женщина и пустилась в бешеный танец под звуки кастаньет. Ее широкая, огненного цвета, вышитая золотом юбка создавала временами вокруг нее золотисто-красный ореол, а ее глаза, казавшиеся огромными из-за слишком накрашенных ресниц, вызывающе скользили по толпе. Она сразу же остановила взгляд на Анжелике.

— Это Инес, — подсказал кто-то из окружавших Анжелику. — Любовница господина Ванерека. Кажется, она владеет саблей не хуже, чем кастаньетами.

Анжелика остановилась на минуту посмотреть на танцующую с трепетной кошачьей грацией «тигрицу».

В этот вечер в Голдсборо было много песен, смеха, криков, но было и немало стонов раненых, умирающих, побежденных.

И в этом лихорадочном вращении, в этом хаосе, рожденном победой и поражением, которые внесли смятение в умы, в вихре ветра и волн. Дьявол с раздвоенными копытами получил простор для своих игр и мог беспрепятственно плясать, плести интриги, ткать нити беды и раздоров, править свой адский бал вместе с эскортом из невидимых духов Зла.

Глава 3

Он появился перед Анжеликой в конце дня в обличье странного бледнолицего человека, который возник, казалось, из морской дали и пешком пересек бухту во время отлива, прыгая с камня на камень. Анжелика стояла в это время на пороге гостиницы мадам Каррер и в какой уж раз мыла руки в корытце, стоящем рядом с бочкой для Дождевой воды, пытаясь украдкой нанести немножко бальзама на синяк, украшавший ее висок. В течение дня ей не удалось подлечить его. Она чувствовала себя усталой и разбитой.

— Мессир де Пейрак, — сказал посланец, — просит вас прибыть туда, на островок. И это срочно.

— Значит, появились еще раненые? — спросила Анжелика, заглянув в стоявшую у ее ног открытую сумку, с Которой она никогда не расставалась.

— Может быть... Не знаю.

Какую-то долю секунды Анжелика колебалась. Мадам Каррер только что сообщила ей, что разогрела для нее миску свежесоленой свинины с капустой, чтобы ее «взбодрить» и дать ей отдохнуть от этих осточертевших мидий. Было еще что-то, какое-то смутное чувство, мешавшее ей сразу, без колебаний, пойти за этим человеком.

— Где же ваша лодка? — осведомилась она.

— А тут не нужна лодка. Можно идти почти посуху. Дно бухты открыто.

Она двинулась за ним по открытому отливом обширному пространству, отделявшему берег от острова. Земля была почти сплошь покрыта липкими водорослями, которые ломались под ногами с легким треском. Яркие отблески солнечных лучей в

бесчисленных лужицах до боли в глазах слепили Анжелику.

Наконец, примерно в миле от них, показался остров в виде цепи рифов, за которыми возвышались устремленные как копья в небо, почти черные на его фоне ели, зонтики сосен, белые стволы берез в густом кустарнике. Небольшой пляж, покрытый песком цвета увядших роз, полого поднимался к тенистым зарослям.

— Это вон там, — сказал проводник, указывая на опушку леса.

— Я никого не вижу...

— Чуть подалее в лесу есть поляна. Там-то и ждут вас монсеньор де Пейрак и его люди, — сказал он, безучастным скрипучим голосом.

Анжелика взглянула на него. Удивилась странному болезненному цвету лица и попыталась вспомнить, из какого же он мог быть экипажа.

Медленным шагом, проваливаясь в сыром песке, она пересекла пляж и вышла на лужайку, трава которой, сначала низкая и редкая, с каждым шагом становилась все выше и гуще.

Ее глазам действительно открылась поляна, окруженная деревьями, а в центре ее — остов старого, потерпевшего крушение корабля. Наклонившийся набок силуэт судна на фоне темной зелени казался призраком, оплетенным густой сетью травы, кустарника, лиан. Это был небольшой парусник прошлого века, водоизмещением примерно в сто двадцать тонн. Можно было различить резные стойки поручней и смутные очертания изъеденной и полусгнившей скульптуры на носу корабля, представлявшей собой мускулистый бюст и взлохмаченную голову какого-то морского божества. Кормовая надстройка была наполовину раздавлена обломками скал, мачты сломаны, и только вершина фок-

мачты, покрытая червоточинами и почерневшими грибами, терялась в листве деревьев.

Должно быть, ураган, огромная волна или небывало мощный и высокий прилив в одно из полнолуний занесли обломки корабля в глубь этого зеленого логова и отхлынули, навсегда бросив его там.

Свиснула птица. Ее звонкая и чистая рулада лишь подчеркнула мертвую тишину. На поляне никого не было.

В ту же минуту Анжелика поняла, почему она заколебалась, прежде чем последовать за бледным человечком, и что она тогда не могла вспомнить сразу: ведь незадолго до этого она сама видела, как граф де Пейрак вошел в ригу, где содержались пленные. Не мог же он находиться в двух местах сразу.

Она обернулась, чтобы окликнуть незнакомца, но его и след простыл.

Растерянная, охваченная предчувствием опасности, от которого в ней все похолодело, она вновь взглянула на останки корабля. В воздухе слышался лишь шум мелких волн, плещущихся между рифов, и пение птиц, сладкоголосые трели которых, повторяемые через равные интервалы, напоминали чем-то призыв... а возможно, и предостережение.

Анжелика потянулась рукой к поясу, хотя и знала, что оружия на нем нет.

Скованная страхом, она не решалась позвать на помощь, опасаясь, что, разорвав эту тяжелую, тягучую тишину, она столкнется с чем-то неведомым и ужасным.

Когда она собралась наконец двинуться потихоньку назад, за остовом судна послышался шум шагов.

Шаги были тяжелые. И хотя трава и мох смягчали их, Анжелике казалось, что они сотрясают саму землю. Она прижалась к прогнившему борту корабля и почувствовала, как замирает сердце.

В конце насыщенного событиями, изнурительного дня, последовавшего за смертельно опасной для нее ночью боли и слез, силы Анжелики были на исходе, и неотвратимое приближение этих тяжелых и неторопливых, как сама Судьба, шагов, не похожих ни на поступь ее мужа или какого-нибудь матроса и индейца, которые ходили обычно босиком, ни вообще на поступь человеческого существа, разбудило в ней знакомый с детства суеверный ужас.

Когда из-за корабля показалась огромная тень, едва различимая на темно-зеленом фоне подлеска, ей почудилось, что на нее движется некий великан-людоед.

Глава 4

И вдруг луч света, случайно прорвавшийся через густую листву, осветил всклокоченные волосы и бороду великана. Золотая Борода!

— Это ты? — произнес он.

Анжелика не ответила, а великан сделал еще несколько шагов с явной настороженностью.

Его тяжелые сапоги с отвернутыми вниз голенищами, открывавшие крепкие загорелые колени, безжалостно мяли траву, усыпанную мелкими цветочками. На нем были короткие штаны, белая рубашка с открытым воротом и кожаная безрукавка, перетянутая широкой портупеей. Однако на портупее не было его четырех пистолетов и абордажной сабли. Корсар был безоружен.

Не дойдя нескольких шагов до Анжелики, он остановился.

— Почему ты меня позвала? — спросил он. — Что тебе от меня нужно?

От негодования Анжелика потеряла дар речи и только покачала головой.

— Да не звала я тебя! — вырвалось наконец у нее. Голубые глаза нормандца настороженно блеснули. Магия ее очарования, против которой он был бессилён, начала уже действовать, сердце его смягчилось, и он не напоминал больше крупного затравленного зверя.

— Как же ты бледна, моя девочка! — сказал он с нежностью, — и что это у тебя на лице? . Ты ранена?

Он протянул руку и коснулся кончиками пальцев синяка на ее виске.

Анжелика содрогнулась всем телом. От боли, доставленной этим легким прикосновением, но еще более от ужасной мысли, мелькнувшей в ее мозгу. Они

же одни на этом острове, она и Колен! А вдруг появится Жоффрей...

— Пустяки, — крикнула она, прерывающимся, полным отчаяния голосом. — Беги отсюда как можно быстрее, Колен, спасайся... А мне нужно уйти.

Она бросилась вниз по травянистому склону к пляжу в поисках прохода по дну бухты. Выйдя на берег, она остановилась, окаменев от потрясения.

Море лениво накатывалось на дно бухты, покрывая своей блестящей прозрачной массой скалы, совсем недавно еще свободные от воды. Мощная волна, вскипев пеной, бросилась вдруг на приступ берега.

Анжелика взбежала на одну скалу, еще выступавшую из воды, затем на другую, при этом одна волна покрыла до колен ее ноги, а следующая чуть не унесла в море.

Крепкая рука схватила ее за ворот и оттащила к берегу.

— Что ты делаешь? — крикнул Колен Патюрель. — Ты что, не видишь, что это прилив?

Анжелика подняла на него полные страха глаза.

— Мы отрезаны на этом острове, — пробормотала она.

— Кажется, да.

— Но я должна идти!

— Лодки на острове нет, — заметил Колен.

— Но это невозможно. У тебя должна быть лодка. Иначе как бы ты попал на остров?

— Я не знаю, как я тут оказался, — ответил он довольно загадочно.

— А где же человек, который привел меня? Ты его не встретил? У него бледное, как у мертвеца, лицо.

Анжелике вдруг сделалось дурно, и она уцепилась за отвороты куртки Колена.

— Колен, это был дьявол! — я уверена.

— Успокойся, — сказал он, обняв ее рукой. — На рассвете море схлынет...

Она вырвалась с криком страдания:

— Нет! Это невыносимо!.. Я не могу провести всю ночь здесь... с тобой... Особенно с тобой!..

Она опять бросилась к воде, начала расстегивать платье. Колен снова схватил ее.

— Что ты собираешься сделать? Ты с ума сошла?

— Я доберусь до берега вплавь, если потребуется. Пусть мне будет плохо! Я готова появиться в Голдсборо голый, но не останусь здесь. Пусти меня!

— Ты сошла с ума! — повторил он. — Здесь очень опасное течение, и ты утонешь в потоках воды между скал.

— Будь что будет! Лучше уж утонуть... Пусти меня — я тебе говорю.

— Нет, я тебя не отпущу.

Она попыталась вырваться из его рук, вскрикивая от обиды. Тщетно. Сжимая ее запястья своими железными руками, Колен и не думал ее отпускать. Анжелика поняла наконец, что ей остается только смириться, столкнувшись с этой геркулесовой силой. Неожиданно он подхватил ее, словно соломинку, перенес в верхнюю часть пляжа, продолжая сжимать в объятьях, пока, обессиленная и потрясенная, она не приникла к его груди, сотрясаясь от рыданий.

— Я погибла!.. Я погибла!.. Он никогда мне этого не простит.

— Это «он» тебя ударил?..

— Нет! Нет! Это не он!.. О, Колен, это ужасно!.. Он знал!.. Он знал!.. И сейчас он меня больше не любит!.. О, Колен!.. Что со мной будет?.. На этот раз он меня убьет!

— Успокойся.

Он крепко прижал ее к себе, слегка покачивая, чтобы помочь ей унять судорожную дрожь. Когда она начала понемногу успокаиваться. Колен Патюрель

поднял глаза к небу, где на изумрудном фоне зажглась первая звезда.

На землю лег ночной туман, скрывший от глаз огни Голдсборо. Они действительно были одни. Взгляд Колена вновь опустился к лежащей на его плече светловолосой головке женщины.

— Все это не так уж страшно, — сказал он своим низким голосом. — Сейчас ничего поделать нельзя, нам остается лишь ждать утра. Прилив есть прилив!.. А там посмотрим. Умоляю вас, успокойтесь, мадам де Пейрак.

Эта мольба и неожиданный переход на «вы» подействовали на Анжелику, как удар грома. Она начала успокаиваться, вздрагивая еще порой, как затравленный зверь, но уже осознав, чего требует от нее достоинство женщины и жены графа де Пейрака.

— Вам лучше? — спросил он.

— Да, но... отпустите меня.

— Я отпущу вас, как только вы мне пообещаете не бросаться больше в воду, а смиренно ждать, когда переход на берег станет безопасным. Согласны?..

Он склонился к ней, заглядывая ей в лицо с чувством нежной иронии, как смотрят на неразумного ребенка, которого нужно убедить.

— Обещаете?

Анжелика утвердительно кивнула головой. Он разжал руки, и женщина, сделав несколько неуверенных шагов, упала на песок.

У нее все болело. Руки, затылок, голова. Боль терзала все ее существо. О, ей никогда не забыть этот день и свое возвращение в Голдсборо!.. А тут еще дал себя знать пустой желудок.

— Кроме того, я умираю от голода, — в ее голосе послышался гнев. — Это уж слишком!

Не сказав ни слова. Колен ушел, вернулся с охапкой сушняка, разжег костер между трех крупных камней и снова исчез. Через некоторое время он пришел, держа в

руках большого, только что вытасченного из воды омара, который возмущенно шевелил своими огромными клешнями.

— Вот нам и товарищ, который поможет скоротать время, — заявил он.

Он положил омара на горячие угли, ловкими движениями перевернул его несколько раз, пока тот из голубоватого не стал ярко-красным. Затем вскрыл обжигающе горячий панцирь и протянул Анжелике самую аппетитную часть. Белое и твердое, с резким и тонким вкусом мясо омара подкрепило ее силы. Ее взгляд на сложившуюся ситуацию стал менее трагичным.

Колен смотрел, как она ест, околдованный неповторимой грацией ее движений, всегда узнаваемых и восхищавших его. Как же, наивный человек, он сразу не понял тогда, лишь увидев, как она ест, что это знатная дама!.. Уверенность, с какой она без малейшей неловкости держала в пальцах мясо омара, непринужденность, с какой она откусывала без малейшей вульгарности кусочек за кусочком, разве все это не свидетельствовало о воспитании, которое можно получить лишь за столом королей.

Анжелика ела с таким аппетитом и в то же время была так озабочена, что, казалось, и не замечала взглядов Колена.

Часто в Вапассу она мечтала о том дне, когда, вернувшись в Голдсборо, она в компании друзей, вместе с детьми зажарит омара или лангуста у подножья скал. Она и вообразить не могла, что нечто подобное произойдет в кошмарных сумерках этого вечера. Вапассу был далеко. Далеким стал и отец Верной, Джек Мэуин с его непроницаемым взглядом, в котором она различала блеск живых искорок симпатии к ней. А ведь это было вчера!.. Только вчера иезуит вещал своим вкрадчивым голосом: «Когда дьявольские замыслы

пущены в ход, все идет очень быстро... Время останавливается... Все происходит вне времени...»

Всего три ночи назад она развлекалась и танцевала в Монегане, совесть ее была чиста, и ей не в чем было себя упрекнуть. А сегодня она рискует навсегда потерять любовь Жоффрея, а может быть, и жизнь.

— Я боюсь, — сказала она вполголоса. — Здесь полно нечистой силы. Я чувствую, как злые духи бродят вокруг нас, хотят нашей гибели.

Оперевшись на локоть, нормандец полулежал по другую сторону костра, не сводя с нее глаз. В зыбком свете костра она казалась такой несчастной и бледной, что он не находил слов.

Она поднялась и пошла к воде сполоснуть руки. Каким трудным был этот день, на исходе которого она появилась здесь, измученная, оглушенная, испытывая боль во всех суставах.

Ласковые и протяжные прикосновения волн вызывали у нее головокружение. Она вернулась, одергивая смятую юбку.

— Моя одежда пахнет кровью, порохом, потом несчастных и смертью... Я не в силах это вынести! Они умирали у меня на руках.

Она снова присела у костра, сама того не желая, поближе к нему.

— Расскажите мне, — сказал Колен, — что же произошло в Голдсборо и в бухте? Держу пари, что-то скверное. Это на мой корабль «они» напали?

— Да! И захватили его. Корабль сейчас в порту, полузатопленный. Половина ваших людей перебита, остальные либо ранены, либо взяты в плен... Вам конец, Золотая Борода! Вы не будете больше досаждают добрым людям... А где же были вы в это время?

Она и сама не ожидала, что вложит в эти слова столько злости и жестокости, столько желания в свою очередь посильнее уколоть собеседника.

Сидя у костра, обхватив руками колени, она напряженно вглядывалась в сторону Голдсборо, обуреваемая желанием оказаться там немедленно.

Туман был не настолько густ, чтобы через него не могли пробиться похожие на большие рыжие звезды сторожевые огни, зажженные на крайних точках мысов и на вершинах наиболее опасных рифов. В специальных защищенных от ветра жаровнях всю ночь горели куски смолы, предупреждая суда об опасности.

Временами, когда шум прибоя слабел, Анжелике казалось, что она слышит характерный шум порта, а порой видит мерцание огней и свет корабельных фонарей, более яркий и резкий, нежели свет маяков.

Что там происходит? Заметили ли ее исчезновение? Ищут ли ее? «Ну и ладно, — говорила она себе, — все равно я погибла... погибла!»

Колен сидел молча, будто подавленный ударами судьбы и жестоким рассказом Анжелики о страшных для него новостях.

За их спиной поднималась огромная бесформенная луна, окруженная золотистым ореолом тумана. Ее свет серебрил лениво бегущие волны и песок пляжа, преодолевая свет умирающего костра. Анжелике показалось вдруг, что она различает человеческие фигуры, которые двигались между скал и выбирались из волн на берег. В ней вспыхнула надежда, смешанная со страхом. Но то была лишь небольшая стайка тюленей, которые, немного порезвившись, ушли в море, испуганные, наверное, присутствием людей на их излюбленном пляже. Их отрывистое жалобное тьяканье, постепенно удаляясь, смолкло.

Никто не появится этой ночью на острове Старого Корабля. Анжелика переживает с Коленом одну из тех особых ночей, ночей одиночества в целом мире, которые знакомы лишь беглецам, всеми отверженным, осужденным и преследуемым любовникам, какими они

были когда-то в пустыне. Ночей нежности и страха, когда осознание враждебности окружающего их мира сближает разбитые сердца и трепещущие тела.

Колен Патюрель шевельнулся.

— Итак, я все потерял, — сказал он, как бы обращаясь к самому себе. — И это во второй раз... Нет, в третий... А может быть, даже в четвертый. Такова уж жизнь джентльмена удачи и бедного матроса... Выйти в мир... По голубым волнам. Далеко, далеко. Выиграть один раз, другой. И вдруг встречный корабль, внезапный порыв изменившего направление ветра, и жизнь летит кувырком, начинается новый цикл... Двенадцать лет плена в варварской стране... Побег, новый старт, восстановленное богатство... И снова полный крах... Остается ждать смерти... Или некоей другой жизни?..! Последней песчаной отмели, где больше нет никого и всему конец.

Анжелика слушала этот монолог, и сердце ее сжимали смутные угрызения совести.

— Вас я тоже потерял, — продолжал он, поднимая на нее взгляд своих потрясающе голубых глаз, перед которым она чувствовала себя совершенно беззащитной. — Раньше вы были со мной, ваше присутствие, мечта о вас, лицо женщины были моим богатством. Сегодня все исчезло.

— Колен! Колен! — вскрикнула она, — мой дорогой друг, вы меня истязаете. Выходит, я причинила вам столько горя, а ведь я вас так любила. К чему эти сетования?.. Я их не стою. Вы обожествили какое-то из ваших воспоминаний и только понапрасну терзаете свое сердце. Я лишь обыкновенная женщина, чья дорога пересеклась с вашей, как пересекаются пути многих и многих женщин с путем моряка... И я спрашиваю себя, что же вас привлекло в той несчастной женщине, какой я была, с обгорелой кожей, грязными ногами и иссохшим телом, которая с трудом тащилась

по камням, сдерживая своей слабостью ваше движение...

— И не пытайтесь разрушать или объяснить это, — тихо сказал Колен... — Ваши бедные окровавленные ноги, ваши потрескавшиеся губы, ваши слезы, оставлявшие следы соли на щеках, ваш стан, все более худой и хрупкий — все это стало в те дни моим тайным раем... Кроме того, вам не дано знать, какими «чарами» такая женщина, как вы, может околдовать мужчину из простонародья, да еще недостаточно вооруженного для защиты от них. То, что обещают ваши глаза и ваша улыбка, не идет ни в какое сравнение даже с вашими прелестями. Не найдется и одной женщины на тысячу, чтобы... Можно обшарить всю планету, но не найти, никогда не найти такой женщины, как вы. Рядом с вами другие женщины — ничто. По сравнению с вами они — ад!..

Последние слова он произнес с горечью и немало удивился, услышав ее смех.

— Тут уж я вам не поверю, — сказала она.

— Как? — вскрикнул он почти сердито.

— Когда вы говорите, что с другими женщинами вы попадаете в ад, вы все преувеличиваете, чтобы мне польстить, тут я вам не верю! Вы, мужчины, слишком большие распутники, чтобы пропустить удобный случай, даже если у вас в сердце вечная любовь.

— И вы в это верите?

Помрачнев, он судорожно сжимал и разжимал кулаки, словно собираясь ее задушить.

— Сразу видно, что в вас говорит женщина. Вы воображаете, что мужчина... Утверждая, что это ад, — повторил он гневно, — я знаю, что говорю. Когда я беру мимоходом девчонку, это лишь разжигает воспоминания о вас. Чтобы забыться, я пью... И могу поколотить бедняжку, которая не может с вами сравняться... Вот что вы из меня сделали, мадам! И вы

еще смеетесь? О! Я признаю дерзость благородной графини, которая бросает подачку любви своему лакею!.. Иногда вам нужны перемены, не правда ли?.. Вместо прекрасных принцев и напудренных придворных маркизов интересно поразвлечься с таким бедняком, как я! Вам забавно видеть, как невежественный бедняк, не умеющий толком ни читать, ни писать, стоит перед вами на коленях, склоняется к вашим ногам, как верный пес... Сколько раз я внутренне пережил тот стыд за себя, когда узнал тогда, в Сеуте, что вы были придворной дамой... Двадцать раз я чуть не умер от унижения из-за одного только воспоминания об этом.

— Вы гордец, Колен, — холодно заметила Анжелика» — да еще и глупец. Вы отлично знаете, что в отношениях между вами и мной никто и никогда не был унижен. Доказательством может служить хотя бы то, что за все время нашего путешествия вы даже не заподозрили, что я, как вы изволили выразиться, благородная придворная Дама со всеми присущими ей качествами: чванством, бессердечием, расчетливостью. И, насколько я помню, вы никогда не склонялись к моим ногам! Что касается меня, я вами восхищалась, уважала вас, приравнивала вас к самому королю. Я считала вас своим господином, начальником, и вы внушали мне страх. Затем вы стали моим покровителем, носили меня на руках, сделали меня счастливой, — ее голос дрогнул, опустившись до шепота, — очень счастливой, Колен! Колен Патюрель, вы должны попросить у меня прощения за эти слова. Вот теперь вам придется встать на колени!

Он слушал ее как зачарованный. Затем медленно поднялся, встал во весь рост и упал перед ней на колени.

— Простите меня, мадам, простите. На бледных, но прекрасных губах Анжелики появилась добрая, почти материнская улыбка.

— Какой же вы глупый. Колен.

Ее рука мягко коснулась крутого лба моряка, а тонкие пальцы пробежали по его густым волосам, как будто перед ней был ребенок. Он перехватил ее легкую руку и поцеловал ее ладонь.

— Ты меня просто подавляешь, — прошептал он. — «И наверное, как раз потому, что ты знатная дама, а я бедный мужлан.

— Нет, ты не мужлан. Колен, ты король.

— Нет, я мужлан.

— Хорошо! Ты король мужланов, вот так!

Они весело рассмеялись, и лунный свет на мгновение зажег на ее зубах маленькую перламутровую звездочку. Они были так близки, так заговорщически нежны, что малейшее движение могло бы сблизить их губы. Анжелика поняла это у самого края головокружительного порыва. Будто обжегшись, она попыталась высвободить свою руку из рук Колена, но лишь вызвала бурю в его душе.

Этот жест был своего рода данью ему. Она признавала за ним ту власть над собой, о которой он лишь догадывался многие годы.

Он поднялся с колен и отошел на несколько шагов. Значит он. Колен, способен волновать эту высокомерную, великолепную, истинно придворную женщину, и счастье, которое он приносил ей, не было обманом. Конечно, в Микнесе у него не хватило осмотрительности и проницательности, хотя подчиненные ему пленные охотно признавали, что у него «острый глаз». Несмотря на мавританский декор, он должен был сразу догадаться по всему поведению этой пленницы гарема и изяществу ее запястий, по ее мелодичному голосу и изысканной, хотя порой и слишком дерзкой, речи, по ее деликатности, терпению... и нетерпеливости, по всегда справедливому и тактичному характеру ее взаимоотношений с

окружающими, а также по ее смелости, врожденной смелости господ, что он имеет дело со знатной дамой, а не с деревенской девчонкой.

Он дорого заплатил за свое заблуждение. Каким жестоким оказалось прозрение в Сеуте! Какой это был удар!..

«Отступись, парень! Эта женщина, несомненно, маркиза дю Плесси-Белльер! Она принадлежит к одному из самых знаменитых родов Королевства, дружище... Вдова маркиза Франции... Одна из самых знатных дам... ходят слухи, что она была... совсем недавно фавориткой Его Величества... Сам король посылал за ней... Оставь ее... Позволь нам доставить ее в апартаменты господина губернатора.

И они вырвали ее из его рук... Они унесли ее, бездыханную, далеко-далеко. Его сердце. Его любовь. Его красавицу, его сестру по пустыне, его обожаемое дитя... А он остался на долгие часы там, весь израненный, покрытый потом и грязью, недвижимый и оглушенный, будто из его живой груди вырезали сердце, вырвали внутренности, оставив на их месте зияющие раны...

Скитаясь по дорогам мира, он всюду носил в себе образ этой женщины!..

Теперь он вновь нашел ее. Она не изменилась, а стала еще прекраснее, еще женственнее. Она навсегда сохранила свою патрицианскую грацию, скрывавшую так много мужества и... пыла.

Вчера — мадам дю Плесси-Белльер, сегодня — графиня де Пейрак. Вечно недоступная вечная странница. «Отступись, парень...» И он вспомнил с невыразимым страданием, какой она могла быть доброй и нежной. И веселой... А какой она была смешливой и ласковой в любви. Она была самой естественной, самой искренней, самой близкой из женщин, которых он когда-либо знал.

Он знает, что она им не гнушается, и именно поэтому он сумеет отступить от нее, уйти, сохранив единственное сокровище своего прошлого, он сбережет ее даже для Другого. Разве не просила она помочь ей сдержать священную супружескую клятву?..

Глава 5

— Колен, как вы оказались на этом островке? Кто вас сюда доставил? И почему вас не было на борту корабля во время сражения?

Вопросы Анжелики вывели его из задумчивости. В ее голосе еще чувствовалось волнение, и он был рад найти способ отвлечь ее от мучительных воспоминаний.

Он вновь приблизился к ней, сел у костра и рассказал о событиях, жертвой которых он стал в этот злополучный день. Он и сам был уверен, что здесь не обошлось без бесовских сил, которые сбили их с пути и завлекли в эту ловушку.

Его корабль уже несколько дней стоял на якоре в одной из бухточек полуострова Шудик, в тайне готовясь — он честно признал это — к новому нападению на Голдсборо. Сегодня на рассвете к нему подошла лодка с тремя матросами. Эти люди объявили, что они прибыли из Голдсборо по поручению мадам де Пейрак и привезли ее послание, в котором она просит капитана Золотая Борода найти ее, так как она нуждается в его помощи. Дело следовало держать в полной тайне, и капитана не должен сопровождать ни один из его матросов.

— Передали ли вам эти «посланцы» мое письмо — или его подделку, — или какой-нибудь предмет от моего имени? — спросила в изумлении Анжелика.

— Да нет же! Я и не подумал спросить их об этом. Я должен признать, что когда дело касается вас, я теряю мою обычную осторожность. Я знал, что вы рядом, в Голдсборо, и... я горел желанием вас увидеть. Я быстро порекомендовал корабль моему помощнику и спрыгнул в лодку без лишних объяснений. Туман был так густ, что я не смог узнать остров, где они меня высадили, объявив,

что именно здесь назначена встреча. Мы ожидали довольно долго. Я думал, что ваш приезд задерживается из-за тумана. Но когда поздним утром слышался шум канонады, я заволновался. Не знаю, чем это объяснить, но у меня было предчувствие, что нападению подвергся мой корабль. Я попросил этих людей доставить меня обратно. Они начали вилять и тянуть время, пока я не разозлился. Началась драка. Я не уверен, что один из этих ребят не отправился к праотцам. Но и я получил здоровенную шишку на затылке и удар, от которого потерял сознание... Придя в себя, я обнаружил, что нахожусь на этом острове без моих пистолетов, сабли и тесака. Был уже вечер. Почувствовав себя лучше, я обошел остров и... встретил вас около остова старого судна.

Он встал, продолжая разговор, тут же к нему присоединилась Анжелика. Они долго прогуливались рука об руку по пляжу, этому светлому пятну в темном обрамлении ночного леса. Их тени скользили рядом по песку, длинные и чернильно-черные.

— Кто были эти люди, которые явились за вами? — спросила Анжелика. Он пожал плечами.

— Матросы как матросы, каких много здесь и на Карибском море. От всех рас понемножку и от всех языков... Хотя нет, я не думаю, что все они были иностранцами. Скорее французы.

Анжелика слушала его с нескрываемой мукой. Она никак не могла отделаться от гнетущей уверенности, что они стали жертвами козней дьявола, который намеренно искушал их. События летели с такой быстротой, запутывались с таким коварством, что она уже не знала, за какую нить потянуть, чтобы распутать весь клубок.

— Колен, знали ли вы человека, которому доверили меня в бухте Каско? Хозяина английского баркаса?

— Иезуита?

Анжелика взглянула на него с тревогой.

— Выходит, вы его знали? — воскликнула она. Колен остановился и с задумчивым видом взглянул на темный горизонт.

— Он появился сегодня утром. Пришвартовал свой баркас и поднялся ко мне на борт. Говорил он на хорошем английском, и я признал его за какого-то начальника. Он хотел поговорить со мной и, войдя в каюту, рассказал о себе. Иезуит заявил, что представляет Компанию Иисуса и выполняет секретную миссию. Он попросил меня связать его с мадам де Пейрак. Я не усомнился в его правдивости. У него была странная манера изъясняться и смотреть в лицо собеседника своими черными, пронизательными глазами так, что им нельзя было не верить.

Я думал тогда, что тебе представляется возможность уехать, что это рука помощи, протянутая Богом, и именно потому, что его представлял иезуит, я поверил, что Бог передает мне свое повеление. Без него, без этого иезуита, который так неожиданно появился, я... я наверное не дал бы тебе уехать. Со вчерашнего дня я все повторял себе, что должен отказаться от тебя, но чувствовал, что не могу... Это было хуже, чем в Сеуте... или почти так же. Если бы ты осталась, я думаю, что попытался бы вновь вернуть тебя... и причинил бы тебе боль... Лучше было согласиться с иезуитом. И я сказал: «Хорошо, я согласен. Будь по-вашему». Он посоветовал не сообщать тебе, кто он на самом деле, а представить его как англичанина, хозяина судна. Это мне не совсем понравилось. Но я всегда преклонялся перед властью священников. Я считал, что они трудятся на благо людей и всегда знают, что делают. И все же мне это не понравилось. Осталось смутное чувство, что тебе хотят зла... Он причинил тебе зло?

— Нет, — ответила она, покачав головой.

Теперь она представляла, что творилось в душе у иезуита Джека Мэуина, когда, стоя на скале, он наблюдал, как она тонет.

В Макуа он удостоверился, что это была она, и собрался передать ее в руки тех, кто хотел бы утратить ее, разлучить с близкими, оклеветать, уничтожить. Тут само рассвирепевшее море, казалось, вновь взяло на себя задачу расправиться с ней. Дело, таким образом, упрощалось. Он, наверное, думал: «Так угодно Богу!», — и, скрестив на груди руки, решил не дать ей спастись.

Но одно дело сказать о человеке: «Он должен умереть» — другое дело видеть, как он сражается со смертью.

У него не хватило «святого» мужества присутствовать до конца при ее агонии, наблюдать, как она навсегда исчезает в волнах.

Он бросился в море.

— Мои банкиры в Париже и Кане входят в Компанию Святого причастия, — заметил Колен. — Я обещал им помогать миссионерам в тех новых краях, где я намеревался обосноваться. Но я никогда не думал, что это такое трудное дело. Меня заверили, что в районе Голдсборо нет никаких английских поселений.

— Мы не являемся английским поселением, — сказала Анжелика. — Эта земля принадлежит моему мужу, так как он первым занял ее и заставил плодоносить. — Почему вы вышли за него, за этого правителя Голдсборо?

Анжелика знала, как трудно будет ей ответить на этот вопрос. Это была слишком длинная история, к тому же все, что касалось ее, Анжелики де Сансе и Жоффрея, было для нее настолько свято, что она отвергала самую возможность выразить в словах то, что принадлежало им двоим, что было их общей мечтой, их изначальной драмой, их испытанием, их сражениями и

их поражениями, их счастьем, наконец. Все, что неразрывно связывало их, их супружество, их жизненный челн, непрерывно подвергаемый штормам, челн, на котором уже столько лет они слиты друг с другом, слиты, несмотря ни на что, и никто никогда не сможет их разъединить. «Никто, никогда», — думала она, любясь небом и ночными облаками с серебристой каемкой, вышитой лунным светом. И ее с новой силой пронзило невероятное страдание, как будто полученный ею удар в лицо дошел наконец до сердца после долгих блужданий в бессознательной погоне за надеждой. Жоффрей! Это конец! Он ненавидит и презирает ее, он больше ей не верит.

— Зачем вы вышли за него? — настаивал Колен. — Каким должен быть этот человек, чтобы такая женщина, как вы, захотела связать с ним свою жизнь и набраться мужества последовать за ним в эти забытые богом страны.

— О, это неважно, — сказала она, вздохнув. — Он мой муж и он для меня все в этом мире, несмотря на все слабости, которые, случается, меня подводят.

Последовало довольно долгое молчание.

— Вы хорошо нащупали мое слабое место, — вымолвил наконец Колен Патюрель с горькой иронией. — Уважение к святой клятве!.. Вы нашли тот единственный довод, который был способен меня остановить. И У меня хватило сил не поддаться соблазну... Нельзя двенадцать лет проливать кровь во славу Господню и не привязаться к Богу надежнее всего на свете, сильнее, чем ко всему, что есть доброго на этой земле. Пусть он подаст мне знак «Стоп, Колен! Твой хозяин сказал свое слово».

Он добавил вполголоса, с глубокой верой:

— Я всегда узнаю его знак.

Натура более сложная, чем Колен, и умудренная разносторонним опытом, Анжелика с меньшей

легкостью Допускала возможность божественного вмешательства в логику — или нелогичность — поступков.

— Неужели влияние уроков, усвоенных нами с детства, столь велико, что мы продолжаем руководствоваться ими всю жизнь, хотя, в основном, и бессознательно? — спросила она. — Страшимся ли мы только того, чему научены?

— Нет, — возразил Колен, — мы руководствуемся не только заученными истинами. К счастью!.. В жизни существуют моменты, когда человек, хочет он того или нет, выходит на путь истины. И помешать ему в этом так же трудно, как помешать звезде двигаться по небу.

Заметив на лице Анжелики отсутствующее выражение, он мягко спросил:

— Вы меня слушаете?

— Да, я вас слушаю. Колен Патюрель. Вы так хорошо говорите. Вы научили меня стольким полезным вещам, теперь навеки запечатленным в моем сердце...

— Я счастлив, мадам, но слова, которые я вам привел, принадлежат, насколько я помню. Великому Евнуху Осману Ферраджи, высокому черному человеку, что охранял вас в гареме Мулая Исмаила. Помню, в Микнесе король вызывал меня, усаживал, несмотря на мои грязные лохмотья, на свои золоченые подушки, и мы вместе слушали Османа Ферраджи. Этот негр был великим мудрецом! И великим человеком! Он укрепил мою веру больше, чем кто-либо другой. Это был настоящий кудесник!

— А как я его любила! Как любила! — воскликнула Анжелика, в сердце которой эти воспоминания породили резкую боль. — Это был мой лучший друг.

Она замолчала под тяжестью далекого воспоминания о том, что именно Колен убил благородного Евнуха ударом кинжала в спину, чтобы спасти ее, Анжелику.

— Лучше помолчим, — сказал Колен вполголоса. — Помолчим, ведь эти воспоминания причиняют вам боль. Вы устали, а мы находимся далеко, очень далеко от тех мест и еще дальше мы ушли по дороге жизни. Если бы я мог сказать себе, что двигался вперед, что шел к какой-то цели все эти годы после Сеута... а не только отступал и портил то, чем обогатился по воле божьей на каторге.

— Человек движется вперед, когда страдает, и вопреки страданиям не отступает, не падает, не поворачивается спиной к добру, — произнесла Анжелика с жаром.

Вспоминая длинный туннель, который она прошла вдалеке от Жоффрея, падая и поднимаясь, она чувствовала себя вправе ободрить Колена.

— Вы не так тяжело больны, как вы думаете, Колен, мой дорогой друг. Я знаю это. Я это чувствую. И мне представляется, что прежний Колен вновь встает передо мной во всем его величии, отбросив мишуру Золотой Бороды. Я вижу его более великодушным и сильным, готовым выполнить выпавшую ему роль...

— Какую роль? Разве что роль палача при собственной казни, когда меня будут вздергивать, как самого обычного морского разбойника.

— Нет, нет, только не это. Колен! Этого не будет. Не бойся ничего. Я не знаю, как повернутся дела, но я уверена, что Бог тебя не выдаст, ты увидишь. Он не может отречься от тебя, ведь за Него ты был распят...

— Тем не менее. Он давно от меня отрекся.

— Нет, нет, не поддавайся сомнениям. Колен, ведь ты истинно верующий, именно это составляет твою суть... Не зря же Он вложил в тебя столько бесценных достоинств. Вот увидишь... Я ничуть в тебе не сомневаюсь.

— Нет, ты неотразима! — сказал он глухо и вдруг обнял ее.

Анжелика вся затрепетала от кончиков пальцев до корней волос.

Движимая беспредельным желанием стать для Колена той волной, которая вынесет его на новые берега, где он сможет наконец обрести свою подлинную сущность, она убеждала его со всей горячностью, смотрела на него с такой нежностью, что он не мог не прочесть на ее лице чувство более ценное для мужчины, чем все богатства мира — веру женщины. Веру в него, в его силу, в его благородство, в его энергию, в его высокое предназначение.

Оказавшись же снова в его руках, в чудесном кольце его объятий, она чувствовала, что этот ее порыв нежности перерастает в прилив необузданного вожделения, страшная сила которого была ей знакома. И вот теперь его рука, железную мощь которой он и сам не всегда осознавал, прижала ее к нему в неудержимом порыве, и из этой близости, как девятый вал, как бурный поток, Дивный и страстный, возникло неодолимое влечение.

Тесно прижатая к нему, она откинулась назад, зажмурив глаза. Лицо ее при свете луны показалось ему мертвенно бледным.

— Не бойся, жизнь моя, — произнес он низким глубоким голосом с нежностью, которая так трогала ее сердце... и все ее существо, — не жди от меня теперь ничего плохого. В последний раз... я тебе это обещаю, в последний раз я прижимаю тебя к своему сердцу. Но я хотел бы услышать ответ на один вопрос... Скажи, ты заплакала?... Вы заплакали, мадам дю Плесси-Белльер, когда я ушел тогда, в Сеуте, когда я повернулся к вам спиной, чтобы уйти навсегда?

— Да. И ты это хорошо знаешь, — сказала она со вздохом, — ты это знаешь... Ты это видел.

— Я не был уверен... Все эти годы я спрашивал себя... Те слезы, которые я заметил на глазах знатной

дамы, были ли они искренни?.. Были ли они связаны со мной?.. Спасибо, спасибо, любовь моя!

Он крепко сжал ее в объятиях, затем отпустил и даже мягко оттолкнул. Как бы не заметив ее полуоткрытых, влажных, дрожащих от скрытого желания губ, он выпрямился и потянулся во весь свой геркулесовский рост.

— Теперь я знаю то, что хотел знать. Я получил все необходимые мне ответы. От тебя, прямо из твоих рук. Мне даже легче стало дышать. Спасибо, малышка. Ты мне вернула то, что я потерял. А теперь иди. Тебе надо отдохнуть, ты еле держишься на ногах.

Видя, что она действительно пошатывается, он обнял ее за плечи, нежно прижал к себе и проводил к костру. Она не села, а почти упала на песок, а Колен, подправив костер, ушел на другой конец пляжа и растянулся там в тени деревьев, чтобы и самому отдохнуть, не тревожа ее.

Когда Анжелика металась в поисках выхода на берег, ее ноги окатила волна и туфли промокли насквозь. Она сбросила их, спрятала ноги под юбку и застыла в своей излюбленной позе, обняв колени руками.

Огонь костра грел слабо, и ее все еще была холодная дрожь.

«Как же слаба моя плоть перед натиском любви! — сказала она себе со стыдом и горечью. — Видно, напрасно я так долго пренебрегала молитвой. Только благодаря ей можно устоять перед подобными искушениями». Она страшно злилась и даже чуть-чуть презирала себя. Почти всю ночь она чувствовала себя рассудительной, способной противостоять соблазну, несмотря на ожившие воспоминания и близость Колена. И вдруг эта волна чувства, горячая и жадная!..

Такой порыв, пусть они и остановились вовремя, это все же измена. Она спрятала в коленях свое лицо,

горевшее от стыда... Как долго тянется ночь! «Прости меня, Жоффрей, прости. Это не моя вина. Всею виной то, что ты далеко... Я слабая женщина. Ты так прекрасно меня вылечил, вернул меня к жизни, мой чудодей! О, как далеко то время, когда я теряла голову при одном прикосновении мужчины... Это твоя заслуга. Ты вернул мне вкус поцелуев, вкус... всего... Сегодня я была слабой».

Она говорила совсем тихо, чтобы унять страх, обращаясь к одному человеку — любовнику и обожаемому мужу — тому, с которым ей было так хорошо зимними ночами в Вапассу, в надежде, что этот человек сотрет память о том, как накануне схватил ее за волосы и так больно ударил по лицу.

«Если он узнает... если он узнает об этой безрассудной встрече на острове на протяжении всей ночи... целой ночи с этим пиратом, который для него всего лишь Золотая Борода, он меня убьет, и мне от этого не уйти... никак не уйти, он меня убьет, не успею я и слова сказать... На что, впрочем, я совершенно не способна, как и вчера вечером... Бог мой, как человек безоружен и как он всего боится, когда слишком сильно любит. Боже, помоги мне... Я боюсь... Я не понимаю, что со мной происходит... Я не знаю, что мне делать...»

Несмотря на все свои мучения, она чувствовала, что в той игре случая, которая привела их сегодня, ее и Колена, на остров Старого Корабля, отнюдь не все достойно только сожаления. Когда он произнес: «Спасибо, малышка. Ты мне вернула то, что я потерял», — она почувствовала облегчение, успокоение совести. Она переживала тот период жизни, когда человек испытывает потребность освободиться от груза прошлого. Слава Богу, что человек получает такую возможность.

В полном расцвете достоинств, сделавших ее Женщиной, она достигла того удивительного возраста,

когда существование каждой женщины в ее движении по предначертанному пути становится более легким и чистым, обновляется в торжествующей свободе души и ума, достигнутой высокой ценой, но от этого еще более ценной, когда тяжесть ошибок, которые часто были лишь уроками трудной науки жизни, все больше слабеет.

Как прекрасно наконец получить возможность оставить в пути груз прошлого, забыть то, что может быть забыто, вспоминать лишь о богатстве той несовершенной и трудной авантюры, какой бывает наполовину прожитая жизнь.

Она заметила, что долгое время испытывала невольные угрызения совести по отношению к Колену, своему любовнику времен их бегства через пустыню.

Теперь они квиты.

И только одного он никогда не узнает: она носила от него ребенка. Но это нужно было стереть как нечто слишком интимное. Как же трудно людям помогать друг Другу!

И тут искорка юмора мелькнула в ее отяжелевшем мозгу. Она хорошо знала эту веселую птицу, готовую вспорхнуть в ней даже в самые черные минуты: Анжелике вдруг захотелось стать старой дамой. Старость позволяет помогать близким и друзьям, не усложняя ни своей, ни их жизни.

В старости возможны искренние порывы сердца, безвозмездная и необходимая помощь ближним. Старость позволяет жить открыто, не споря с собственным сердцем, не вступая в этот вечный бой осторожности, наступлений и отступлений, который навязывают чувственной жизни человека соблазны плоти и их опасности.

«Хорошо, что когда-то и я стану старушкой!» — сказала себе Анжелика, затем улыбнулась и даже

тихонько рассмеялась. Она все еще дрожала от холода, ноги ее заледенели, а лоб пылал от жара.

Послышались шаги; характерный шум песка под ногами на фоне легкого шуршания волн, насторожил ее. К ней возвращался Колен.

— Тебе надо поспать, малышка, — сказал он, наклоняясь к ней. — Неразумно сидеть, сжавшись в комочек, как сиротка, и предаваться мрачным мыслям. Приляг, и тебе полегчает. Скоро будет светать...

Она подчинилась ему, отдавшись, как когда-то, его заботам, его надежным и терпеливым рукам. Он укутал ее своим плащом и набросил ей на ноги свой камзол из воловьей кожи.

Она закрыла глаза. Для ее изболевшейся души горячее поклонение Колена было благотворным бальзамом, умиротворившим ее истерзанное беспокойством и горем сердце, которое, оправившись от удара, все острее чувствовало страдания окружающих.

— Спи теперь, — шепнул Колен, — тебе просто необходимо поспать.

И проваливаясь в черную бездну сна, она, казалось, слышала знакомый по одиночеству магрибских ночей шепот:

— Спи, мой ягненок, спи, мой ангел. Завтра нам обоим предстоит долгая дорога в пустыне. Может, он и впрямь произнес эти слова?

Глава 6

И снова Колен, на этот раз при розовом блеске рассветного неба, тихонько тряс ее за плечо, повторяя:

— Море уходит.

Анжелика приподнялась, опершись на локоть, откинула волосы с лица.

— Туман еще густой, — сказал Колен. — Если ты поспешишь, то успеешь пересечь бухту незаметно.

Анжелика вскочила на ноги, стряхнула песок с платья.

Время действительно было ее сообщником. Туман стоял в некотором отдалении от берега. Весь пронизанный светом, он, тем не менее, надежно закрывал остров от Голдсборо. Ветра не было, наступил тот час покоя, когда воркование горлиц мягко вплеталось в тишину, придавая ей глубину и какую-то колдовскую силу. Чайки, как маленькие алебастровые сосуды, установленные на черных остриях обнаженных отливом скал, словно включались в неподвижность зари, а если и поднимались, то лишь для медленного, бесшумного полета, белые, похожие на молнии, пронизывающие золотисто-розовые клочья тумана.

Сильный запах водорослей растекался во влажном утреннем воздухе, подымаясь от широкой полосы грязи и тины, открытой отступившими волнами.

У Анжелики загорелась надежда, что удастся вернуться тайком в Голдсборо, и что, благодаря чудесному совпадению обстоятельств, ее отсутствие может остаться незамеченным. В конце концов, кому придет в голову узнавать, провела ли она ночь в своем доме? Кроме мужа, конечно... который, принимая во внимание ледяную холодность их отношений со вчерашнего дня, гоже не должен бы беспокоиться. Если

ей повезет, ее выходка, неожиданная и необъяснимая, может сойти ей с рук.

Она поспешила к берегу. За ней последовал Колен, наблюдая, как она нащупывает ногой первые камешки брода.

— А ты? Что же будет с тобой? — вдруг спросила она.

— О, я!..

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Я попытаюсь найти тех, кто украл у меня саблю и пистолеты. А затем постараюсь исчезнуть...

— Но, Колен, — вскрикнула она. — Ты ведь один! И у тебя ничего нет!..

— Не беспокойся за меня, — ответил он с иронией. Я не ребенок в пеленках. Я Золотая Борода... не забывай этого.

Она остановилась в нерешительности, как бы не желая его оставлять.

Анжелика ощутила всю страшную безысходность положения этого человека. У него не было даже оружия. Он стоял перед ней на берегу пустынного островка, этот гигант с голыми руками, который, едва рассеется туман, превратится в загнанного зверя, в легкую добычу врагов, отслеживающих его в лабиринте островов.

— Иди же, — сказал он с нетерпением. — Иди.

Она подумала: «Надо найти Жоффрея... Рассказать ему все... Чтобы он дал возможность Колену хотя бы скрыться, убежать, покинуть Французский залив...»

Она в последний раз повернулась к нему, чтобы запечатлеть в своей памяти его лицо викинга, с голубыми, как две капельки неба, глазами.

И именно во взгляде Анжелики, искаженном страхом, он увидел надвигавшуюся на него опасность.

Он повернулся, приготовился к прыжку, вытянув вперед свои мощные руки, готовые хватать, душить,

бить, убивать.

Человек в черных доспехах бросился на него, затем еще четверо, шестеро, десяток. Они бежали отовсюду: из леса, из-за скал.

Испанцы Жоффрея де Пейрака! Анжелика узнавала их, как в кошмарном сне, словно то были дьяволы, скрывавшие свои свирепые рожи за знакомыми лицами.

Они приблизились и окружили их без малейшего шума, не нарушив тишины даже шорохом шагов по песку.

В первую секунду, увидев, как они набросились на Колена, Анжелика не поверила своим глазам. Она подумала, что это какое-то наваждение, плод ее испуганного воображения.

Она забыла, что эти люди были набраны де Пейраком из числа воинов перуанских джунглей, отличающихся змеиной хитростью и кошачьим коварством, жестокостью индейцев и фанатизмом мавров, чья кровь текла в их жилах.

Педро, Хуан, Франциско, Луис... Она знала их всех, но в данную минуту не могла отличить одного от другого. Они были воплощением злой и жестокой силы, обрушившейся на Колена. В молчаливой схватке с ним слышался лишь скрежет зубов, сверкавших на их лицах цвета жженого хлеба.

Колен сражался, как лев, окруженный стаей черных собак. Он дрался голыми кулаками, ранил руку о стальную каску одного из солдат, отбиваясь от них с такой яростью, что несколько раз ему удавалось разбросать нападавших, вцепившихся в его одежду.

Но силы были неравны, и в конце концов испанцы свалили его на колени, а затем и на спину. Один из солдат уже занес над ним копье.

В тот же миг раздался крик Анжелики.

— Не убивайте его!

— Не бойтесь, сеньора, — успокоил ее дон Хуан Альварес. — Мы только хотим его усмирить. Нам приказано взять его живым.

Высокомерный, полный подчеркнутого осуждения взгляд черных глаз дона Хуана остановился на Анжелике. Его удлиненное, аскетическое лицо, всегда немного желтоватое, выступало, как обычно, из воротника, гофрированного на старинный манер.

— Следуйте, пожалуйста, за нами, сеньора, — сказал он чопорным, но в то же время твердым тоном.

Она поняла, что при первой же попытке взбунтоваться, он без колебаний применит силу. Он подчинялся графу де Пейраку; прожив вместе с ними долгие месяцы в форте Вапассу, Анжелика хорошо усвоила, что для дона Хуана и его людей приказы графа были святы.

Не знакомый ранее ужас поглотил ее, словно черный провал, — это был леденящий ужас осознания.

В глазах дона Хуана Альвареса Анжелика прочла свой приговор. Он считал, что эта женщина, которую он почитал как жену графа де Пейрака, была застигнута в объятиях любовника. Все рухнуло. И в выражении лица высокомерного старого испанца светилась сочувственная боль.

Анжелика взглянула на лес, из которого высыпали эти сумрачного вида люди, в своих черных стальных латах, с копьями наперевес, и ей почудилось, что вот-вот выйдет оттуда и «он», их хозяин, приказавший им схватить Золотую Бороду, а Анжелику привести как пленницу и сообщницу пирата, как женщину, достойную лишь презрения. Однако густая листва скрывала лесные тайны, лишь слегка подрагивая при порывах ветра.

У нее еще была надежда, что «он» ничего не знает» что только случай привел испанских наемников на этот островок. Возможно, со вчерашнего дня они

обшаривали близлежащие острова в поисках Золотой Бороды?..

— Следуйте за мной, сеньора, — повторил начальник отряда, беря ее за руку.

Она высвободила руку и двинулась впереди него.

Было бы нелепо пытаться оправдываться перед Альваресом. Для него она была и останется виновной, заслуживавшей смерть. Вапассу, который в суровые зимние дни связал их чистой дружбой, был далеко.

Цепь неуправляемых дьявольских событий, казалось, втянула их в водоворот, в котором гибло все, включая былые уважение и радость.

Со лба Колена капала кровь.

Окруженный надежной охраной, он уже не пытался ни говорить, ни обороняться. Кисти и локти его рук, отведенные назад, были крепко связаны, а ноги опутаны веревкой. Путы были слегка ослаблены, что позволяло ему двигаться.

Повернувшись спиной к Голдсборо, деревянные дома и розовые береговые скалы которого начали вырисовываться в утреннем свете, маленький отряд, сопровождавший Анжелику и пленника, пересек остров, обогнув останки старого корабля. Противоположный берег острова был более обрывист и крут. Две барки ожидали отряд в маленькой бухте, которая даже при отливе соединялась с открытым морем небольшим каналом.

Пригласив Анжелику занять место на одном из суденышек, Альварес протянул ей свою затянутую в перчатку руку, но пленница пренебрегла этой помощью.

Он сел рядом с ней. Анжелика заметила, что желтоватый цвет его кожи стал еще более заметен, и что явно усилился нервный тик, которым Альварес страдал после пыток в индейском племени Атакала, и который придавал его лицу отталкивающее выражение жестокости, а порой непроизвольно обнажал его зубы.

Впервые она заметила седые нити в его бородке, какая была в моде у испанских сеньоров в прошлом веке. Казалось, за два последних дня дон Хуан Альварес постарел на десять лет. Анжелика поймала украдкой его взгляд, и то, что она в нем прочла, потрясло ее.

Разрываясь между верностью графу де Пейраку и привязанностью, какую он невольно испытывал к прекрасной графине, героически разделившей с ними все тяготы зимовки, благородный испанец был на грани отчаяния.

Он пересел напротив нее, приняв торжественный вид справедливого и строгого стража. Матросы, ожидавшие их на берегу, также поднялись на борт и направили барку по течению. Остальной отряд разместился на втором судне.

Она сказала себе: «Я погибла: Жоффрей убьет меня, когда узнает все».

Совсем по-детски она никак не могла отделаться от этой мысли. Ей казалось, что ее мозг заledenел. Усталость вчерашнего дня, когда ей пришлось выхаживать раненых, умноженная беспокойной ночью, привела ее в состояние крайней тревоги. Она чувствовала недомогание и, похоже, была по-настоящему больна.

Бледная и осунувшаяся, дрожащая от холода, несмотря на заметно усилившуюся жару летнего дня, она старалась тем не менее сохранять самообладание. Явная враждебность окружающих возмущала и угнетала ее.

«Ведь именно этим людям я готовила и разносила целебные отвары», — с горечью подумала она.

Но она была женой, обесчестившей мужа, и, по мнению этих фанатичных мужчин, с их примитивной ревностью, она заслуживала смерти. В условиях девственной простоты этой дикой и суровой земли такой бессмысленный акт представлялся не только

возможным, но и продиктованным самой неумолимой природой. Гнев, ярость, ревность, ненависть, смертельные удары, как бы притаившись под нежным и тонким покровом прекрасного летнего утра, тлели, как горячие угли, в сердцах человеческих существ.

В ветре открытого моря, который дул им прямо в лицо, ей также почудились порывы, разжигающие страсти в груди человека, предоставленного самому себе. Одаренная тончайшей нервной системой, она соперничала одиночеству этих мужчин и женщин, не имеющих ни родины, ни законов в борьбе с непокоренной природой, она видела, как незаметно для них, день за днем их поработала, пронизывала дикость континента. В этих условиях зарождалось всемогущество одного человека, вождя. От него, от его поступков зависели жизнь и смерть этих людей. Таков закон, управляющий ордами и народами с тех самых пор, как человек появился на земле. Она уже испробовала тайную силу Жоффрея, проявлявшуюся даже в ласках, и сегодня эта сила почти не оставляла ей надежды, а по мере приближения к цели страшила ее все больше.

Но куда же они плыли? Суда повернули вдоль берега на восток. В нескольких кабельтовых от них показался мыс, а когда они его обогнули, их глазам открылся окаймленный скалами пляж, на краю которого виднелась кучка вооруженных людей. Место было укрыто от посторонних глаз и находилось в отдалении от Голдсборо и других поселений.

Среди этой группы Анжелика различила статную фигуру Жоффрея де Пейрака в накиннутом на плечи широком, раздуваемом ветром плаще.

— Он меня убьет, — повторила она, словно парализованная чувством безнадежности. — Я не успею и рта раскрыть. В сущности, он меня не любит.

Поскольку не может даже понять меня. О! Я буду рада умереть... Зачем жить, если он меня не любит?

Но и в бессильном отчаянии она вновь и вновь возвращалась к словам, которые жгли ее мозг:

— А Кантор! Что скажет Кантор? Я не хочу, чтобы обо всем этом узнал мой сын!

Суда пристали к берегу. Прибой был довольно сильным, и Анжелика вынуждена была на этот раз принять руку дона Хуана Альвареса, чтобы сойти на землю. Ей пришлось согласиться на это еще и потому, что она едва держалась на ногах. Пока моряки швартовали суда, она оказалась рядом с Коленом в тесном окружении испанских солдат.

Отделившись от группы, к ним приблизился граф де Пейрак. Никогда раньше Анжелика не поверила бы, что вид ее мужа может вызвать у нее такой страх, особенно после долгих месяцев дружбы и любви, пережитых вместе в Вапассу, казалось, совсем недавно... Но... ветер побережья смел все это, и человек, приближавшийся к их группе, был уже не тем, кого она любила. Это был хозяин Голдсборо, Катарунка, Вапассу и других поселений, вождь... и одновременно муж, которого на глазах его близких, его людей и, можно сказать, его народа, обесчестила его жена. — Это он? — глухо спросил Колен.

— Да, — пробормотала Анжелика пересохшими губами.

Граф де Пейрак не торопился.

Он приближался с видом высокомерного безразличия, которое в данном случае было прямым оскорблением, выражало не только презрение, но и скрытую угрозу. Уж лучше бы он был вне себя от бешенства, как в тот вечер. Анжелика предпочла бы такой приступ гнева ожиданию опасности, медленному приближению дикого зверя, как бы сжавшегося перед прыжком.

После того, как в ее жизнь вновь ворвался Колен, встреча с мужем вызывала в ней панику, от которой цепенели все ее мысли. Чувство вины пред мужем и боязнь потерять его смешивались с чувством признательности Колену. Все это связывало ее, проникало в самые глубины ее души, но под давлением страха лишало Анжелику лучших ее качеств.

В том числе и дара речи. И способности двигаться. Вместо того, чтобы броситься ему навстречу, она, не издав ни звука, замерла как вкопанная. В то же время ее взгляд механически отмечал мельчайшие детали его одежды, что было совершенно лишним в такую минуту и никак не помогало ей в решении дилеммы, перед которой все они оказались.

Это был зеленый бархатный костюм. Она видела его на нем в прошлом году на «Голдсборо» и по достоинству оценила так нравившиеся ему темные оттенки ткани и пышность фасона, изысканность которого подчеркивалась выбором фламандских кружев для отложного воротника, покрывавшего плечи острыми узорами из серебряных нитей. Те же кружева, обшитые серебром, украшали манжеты рукавов и отвороты английских сапог из тонкой плиссированной кожи. Черная касторовая шляпа, увенчанная белыми, развевающимися на ветру перьями, покрывала его густые волосы. На поясе его в этот день не было оружия. Зато два пистолета с серебряными рукоятками были засунуты в вырезы вышитой серебром португалии, которая пересекала его камзол от плеча до бедра, и на которой держалась его сабля.

За несколько шагов до группы он остановился. Анжелика попыталась что-то выразить жестом. Колен прорычал:

— Не становись впереди меня. Никогда!

Вцепившиеся в него испанцы не без труда утихомирили его.

Не двигаясь с места, граф де Пейрак продолжал внимательно разглядывать пирата.

Слегка склонив голову к плечу, хозяин Голдсборо словно изучал нормандского флибустьера, и Анжелика, глаз не спускавшая со своего мужа, заметила, что взгляд его потемнел. Затем сардоническая улыбка исказила его лицо, исполосованное шрамами, которые от внутреннего напряжения стали еще заметнее.

Левой рукой он снял шляпу и приблизился к пленнику. Остановившись перед связанным пиратом, Жоффрей де Пейрак поприветствовал его на восточный манер, прикладывая руку последовательно ко лбу и к сердцу.

— Салям алейкум, — сказал он.

— Алейкум салям, — машинально ответил Колен.

— Привет тебе, Колен Патюрель, король рабов Микнеса, — продолжал граф по-арабски.

Колен помолчал, не спуская с него изучающего взгляда.

— Я также узнал тебя, — сказал он наконец тоже по-арабски. — Ты Рескатор — Искупитель, друг Мулая Исмаила. Я часто видел тебя сидящим рядом с ним на вышитых подушках.

— И я тебя часто видел прикованным или привязанным к виселице на Рыночной площади в компании с разбойниками...

— Я и сейчас связан, — простодушно заметил Колен.

— А возможно, будешь скоро и повешен, — ответил граф все с той же холодной улыбкой, приводящей в трепет Анжелику.

Арабский язык она еще помнила и в основном могла следить за этим поразительным диалогом.

Почти столь же рослый, как и Колен, Жоффрей, несмотря на худощавую фигуру, очевидно, за счет вельможной осанки выглядел внушительнее своего массивного противника. Это были две

противоположности, два разных мира. Их противостояние грозило взрывом. Установилось глубокое молчание. Похоже, граф обдумывал решение.

Внешне он не проявлял каких-либо признаков гнева, даже сдержанного, а во взгляде не было злого блеска. Но Анжелика чувствовала, что более не существует для него. А если и существует, то только как неприятный предмет, который лучше не замечать. Равнодушие или неприязнь? Она не знала. Это казалось ей невыносимым, невыносимым. Пусть бы он лучше ударил ее, убил. Но он выбрал нечто похуже. Своим отношением он как бы нарочно ставил ее в положение женщины, какой ей не хотелось бы быть и какой она не была, в положение опозоренной, нарушившей супружескую верность жены, выкинутой из его сердца и ожидающей рядом со своим сообщником-любовником окончательного приговора. Но даже и это ее не трогало. Безразличны ей были все, кто ее окружал, весь этот спектакль. Она вся была поглощена отчаянным поиском его взгляда, хоть какого-нибудь его жеста, хоть малейшего знака.

Теперь, когда он узнал, кто такой Золотая Борода, попытается ли он понять хоть в какой-то мере... ее слабость?.. Ей хотелось бы набраться смелости и сказать:

«Давай объяснимся...» Но она чувствовала, что сейчас он не скажет ни слова. Его сдерживало присутствие солдат и матросов, а того более — окруживших его джентльменов, молчаливых и чопорных, скрывавших свое любопытство под маской безразличия: фламандского корсара Жилия Ванерека, Ролана д'Урвилля и еще одного француза, имени которого она не знала; утонченного английского адмирала и его помощника, увешанного лентами.

Зачем привел их Жоффрей на это трагическое свидание, где его супружеская честь подвергалась серьезному испытанию?

Страх подавил в ней все другие чувства. Страх, который внушал ей этот незнакомец и в то же время самый близкий ей человек, Жоффрей де Пейрак, Волшебник, Чудодей, ее муж... Слишком сильная любовь рождает страх. Разрушает доверие. Сердце ее разрывалось от боли, а он не удостоил ее хотя бы взглядом.

Она была так потрясена и убита, что не заметила, что граф не отрывает глаз от Колена. А пират, взглянув на нее украдкой, уловил выражение отчаяния и мраморную бледность прекрасного женского лица, обезображенного большим синяком, и чувство любви, что светилось в глазах Анжелики, любви к тому, кто причинил ей эту боль, заставило его склонить голову.

Ему приоткрылась истина.

Она любит этого человека, его одного. Этого Рескатора, которого Колен видел вступающим в Микнес в сопровождении блестящей свиты. Одного из отступников, издевавшегося над несчастными пленниками. Золото и серебро обеспечивали ему неслыханное влияние. Сам Мулай Исмаил относился к нему с особым почтением.

Сегодня Анжелика любит только его. Она принадлежит этому мрачному джентльмену, худому, но крепкому, как мавр или испанец, этому уродливому дуэлянту, с лицом, обезображенным шрамами и в то же время облагороженным светом ума, исходящим из его пронизательных глаз. Она принадлежит этому важному сеньору, богатому и влиятельному.

Да, и она предана ему... всей душой, всем телом, всем сердцем. И это сразу видно. Достаточно взглянуть на нее... Увидеть на ее лице выражение беспредельной преданности и детского смятения, какого он никогда не замечал у этой мужественной женщины... Когда сердце женщины поражено любовью, в нем нет места ни для

стыда, ни для гордости, ни для чего другого. Она становится настоящим ребенком... Он все понял...

Он, Колен, Колен-нормандец, Колен-пленник не значит для нее ничего, несмотря на мимолетные чувства, какие она порой питала к нему. Здесь не может быть никаких иллюзий.

Перед лицом этого человека он для нее ничто. Но это в конце концов неважно. Он скоро умрет. Пустынное место, затерянное на далекой американской земле, станет концом его скитаний!..

И его благородному сердцу страстно захотелось сделать хоть что-нибудь для Анжелики, для его сестры по каторге, воплотившей все самое светлое — теплое, райское, ослепляющее — в его трудной судьбе.

Он был ее должником. И он отдаст ей долг, потому что только это ей очень нужно сегодня.

— Монсеньор, — сказал он, гордо поднимая голову и впиваясь взглядом в непроницаемые глаза де Пейрака, — монсеньор, сегодня я в ваших руках, и это, так сказать, непреложный факт войны. Я Золотая Борода. Я сам выбрал этот уголок побережья для своего налета. У меня были свои причины для этого, у вас — свои, чтобы помешать мне. Успех в сражении достается более быстрым и более ловким. Я проиграл!.. Я склоняюсь перед вами, и вы можете сделать со мной все, что вам будет угодно... Но прежде, чем приступить к процедуре суда, нужно все до конца выяснить. Если вы меня повесите, то пусть это будет сделано потому, что я пират, ваш противник, что я разбойник морей в ваших глазах, флибустьер, промысел которого мешает вашему, потому что я проиграл в этой гонке, но... ни по какой другой причине, монсеньор! Такой причины нет, клянусь вам в этом.

Только воспоминания. Вы должны это знать, поскольку вы меня вспомнили. Люди, побывавшие в плену в варварской стране и вместе вырвавшиеся,

чтобы добраться до христианских земель, навсегда остаются друзьями. Такие вещи не забываются... если эти люди встречаются случайно на жизненном пути. Это нетрудно понять. Но у каждого своя судьба. Я могу клятвенно заверить вас, монсеньор, в том, что в горестных событиях прошлой ночи нет ни моей вины, ни вины этой женщины, — он кивнул головой в сторону Анжелики. — В этих местах с приливом шутки плохи. Вы это знаете не хуже меня. И когда вы оказываетесь отрезанными от мира на маленьком островке, у вас лишь один выход: набраться терпения и ждать.

Я, человек моря, еще раз клянусь вам здесь перед вашими людьми и перед сеньорами, которые меня слушают, что этой ночью не произошло ничего, что затрагивало бы репутацию вашей жены, графини де Пейрак, что могло бы запятнать вашу мужскую честь.

— Я знаю, — ответил де Пейрак своим хриловатым и бесстрастным голосом, — я знаю. Я был на острове.

Глава 7

На этот раз Анжеликой овладел неудержимый гнев, который потряс и опустошил ее, как ураган, и ей казалось Даже временами, что она просто ненавидит Пейрака.

Удар был нанесен в самое сердце фразой «я знаю, я был на острове», произнесенной с иронической усмешкой. Ее горестного оцепенения как не бывало.

Отвернувшись от них, граф сделал повелительный знак отправляться в Голдсборо.

Он не захотел заметить выражения смятения на лице Анжелики, которое ей не удалось полностью скрыть после его поразительного признания. В тягостном молчании группа двинулась по извилистой тропинке вдоль берега моря. Пейрак, с высоко поднятой головой и в развевающемся плаще, шел по своей привычке быстрым шагом впереди, не удостоивая вниманием ни пленника, которого вели, подталкивая, испанские солдаты, ни молодую женщину, которая шла в глубокой задумчивости, иногда спотыкаясь на неровностях тропинки.

Загляни он тогда в ее глаза, он увидел бы в них лишь выражение бессильной женской ярости, которая захватила ее целиком, ярости, порожденной жгучим унижением, чувством стыда, источник которого она и не пыталась анализировать.

Потрясенная, она не понимала, что более всего страдает из-за целомудрия своих чувств. «Он видел проявления ее дружбы с Коленом, ее нежности по отношению к этому человеку! Он видел, как она положила руку на лоб Колена, как смеялась вместе с ним, но ведь на это он не имел права. Это принадлежит только ей, это ее тайный сад. Муж, даже самый

любимый, не имеет права все видеть, все знать. Впрочем, для нее он уже не обожаемый муж, а враг».

Потрясенная неожиданным открытием, она вернулась к привычному для нее когда-то образу мужчины. Это враг женщины, ненавидимый еще глубже потому, что он не оправдывает надежд и обманывает ожидания.

Волна гнева и горечи помогла ей взять себя в руки. Теперь и она шла с высоко поднятой головой.

Если б он ее оскорбил или ударил, она бы приняла это, склонилась перед взрывом справедливого гнева. Однако низость его макиавеллиевской западни разрушила в глазах Анжелики образ мужа, взорвала ее слепое доверие и безмерное уважение к нему. Все уничтожено! Все! Он решил поиграть сердцем своей жены, ее чувствами, хрупкость которых ему хорошо известна, он толкнул ее в объятия другого мужчины... чтобы посмотреть!.., проверить!.., чтобы позабавиться!.. А может быть, в порыве дикой ревности и раненого самолюбия он хотел, подвергнув ее новому искушению, получить предлог для ее убийства!.. УБИЙСТВА!.. Ее! Своей жены! Которая считала, что занимает главное место в его жизни, в его сердце!.. О! О! Рыдания душили Анжелику. Нечеловеческим усилием ей удалось все же сдержать их, остановить поток слез, готовых хлынуть из-под век, и с вызовом вскинуть голову...

Таков был ее внутренний приговор, принятый без оглядки на то, что должно было случиться. Оставит ли он ее под надзором в форте? Выгонит ли? Отправит ли в изгнание? Во всяком случае, с ней не так легко будет справиться, и на этот раз она сумеет постоять за себя. Напротив, судьба Колена казалась ей безысходно трагичной, и когда с приближением к поселению слышался гул толпы, напоминавший шум грозового ветра, ее собственные переживания отошли на второй план, уступив место опасению за жизнь Колена. Она

собралась с силами, готовая защищать его против всех словом и делом, не заботясь о собственной безопасности. Она не могла допустить, она этого просто не вынесла бы, чтобы у нее на глазах Колен был растерзан и повешен, чтобы из-за нее оборвалась жизнь Колена Патюреля.

Она прикрыла бы его своим телом, она защитила бы его, как одного из своих детей. Ведь и он спас ее, вынеся на своих плечах при переходе через пустыню.

Крики в лесу напоминали рев стаи, готовой растерзать свою добычу.

Предупрежденное слухами, которые в этих диких местах переносятся, похоже, ветром, все население Голдсборо, удваивавшееся летом за счет иностранных матросов, путешествующих акадийцев и торговцев из индейских племен, сбегалось к месту события, спускаясь с окрестных холмов, пересекая бухту, открытую отливом. Белые чепцы женщин мелькали, как чайки, над темными пестрыми волнами мужских голов. К местным жителям и матросам присоединились английские беженцы и индейские зеваки, очень быстро перенимавшие симпатии и антипатии своих новых друзей.

— Золотая Борода! Взят в плен!..

И «она» с ним. И это уже известно. Она провела с ним ночь на острове Старого Корабля. «Их» ведут скованными.

Крики, вопли, ругательства сливались в грозный гул, который, все нарастая, катился им навстречу и, когда группы людей, высыпавшие из леса и поднявшиеся от берега, окружили эскорт, испанские солдаты вынуждены были спешно перестроиться, чтобы пленник не попал в руки разъяренной толпы.

— Смерть ему! Смерть! — кричали ослепленные яростью люди. — Ты попался наконец. Золотая Борода! Бандит! Безбожник! Ты хотел захватить наше добро! И

получил наручники! А где твои изумруды? И твой корабль?.. Пришла наша очередь! Ха! Ха! Не спасет тебя твоя золотая борода. Мы тебя на ней и повесим!

В неистовстве разбушевавшихся корабельных экипажей и колонистов сказалась ненависть к тому, кто вчера еще был грозным противником, напавшим на их маленькое поселение, пережившее такую трудную зиму, готовым уничтожить и разорить их. Сегодня он стал колоссом, повергнутым после вчерашнего жестокого боя, где пали многие их товарищи, и их крики ненависти, их жажда отмщения несли в себе все: и торжество победы, и чувство облегчения, и печаль. Слишком дорогой ценой далась победа. Горе больно отдавалось даже в их суровых сердцах.

Рядом с Золотой Бородой была она. Первая Дама Голдсборо, Дама Серебряного озера. Фея с исцеляющими руками. Значит, правду рассказывали о ее связи с пиратом! И как же больно знать, что это подтвердилось.

Этот мерзкий разбойник разрушил то, что давало им силу и высоко ценилось в их жизни, полной лишений: естественное чувство преклонения перед двумя высшими существами — графом и графиней де Пейрак.

В гамме проклятий и враждебных выкриков Анжелика не уловила тот, может быть, единственный за все утро взгляд, который бросил на нее Жоффрей.

Если б она это заметила, терзавшая ее боль могла бы смягчиться. Ведь это был взгляд, полный беспокойства: достаточно ли надежно она была защищена копьями испанцев.

— Безбожник! Похититель женщин! Подлец! Залпами сыпались брань, оскорбления, летели плевки. Колен со связанными руками, под градом ругательств и тычков с трудом продвигался, окруженный солдатами.

Ветер шевелил его длинные волосы и спутанную бороду. Его мрачный взгляд из-под мохнатых бровей

был направлен вдаль, поверх беснующейся толпы; он был похож на Прометея, сына Титана, прикованного к скале и отданного на растерзание орлу.

У въезда в поселение группе пришлось еще раз остановиться под натиском толпы, которую не могли утихомирить ни призывы д'Урвилля, ни угрозы Ванерека, ни устрашающий вид испанской охраны.

Вдруг просвистел камень, ударивший Колена в висок, еще один упал у ног Анжелики; откуда-то раздался крик:

— Дьявол!

Долго еще в утреннем воздухе звучали проклятия. Вдруг, словно испуганная собственным неистовством, толпа смолкла.

Они услышали голос графа, спокойствие которого и поднятая в знак мира рука мгновенно подействовали на сверхвозбужденные нервы людей.

— Успокойтесь, — воззвал хриловатый, но спокойный, твердый и чуть торжествующий голос. — Ваш враг, Золотая Борода, пленен! Не трогайте его. Оставьте его на мой суд!

Многие склонили головы, толпа подчинилась и отступила.

Форт был уже близок.

Анжелика услышала команду отправить пленника в караульное помещение и запереть его там под двойной охраной.

Что касается Анжелики, ее ждала квартира в главной башне замка.

Она остановилась и, резко повернувшись, оказалась лицом к лицу с плотной, упрямой толпой следовавших за ней колонистов. Впереди шли протестанты из Ла-Рошели.

Анжелика поняла, что если сейчас она смирится с положением виновной и спрячет свой страх во внутренних покоях форта, она никогда больше не

сможет выйти из крепости без риска быть побитой камнями.

Она знала непреклонный характер ларошельцев, суеверную предвзятость, свойственную всем морякам, а особенно англичанам. Дай только волю сплетням насчет нее и ее мужа, и каждый из этих людей вооружился бы в соответствии с его верой либо святой водой, либо, что куда более опасно, мушкетом, как это уже произошло во время бунта на борту корабля в океане.

Был лишь один способ успокоить их подозрительность: нужно было заставить уважать себя, доказать, что все их пересуды беспочвенны, что ее совесть чиста, лишить всякого правдоподобия приписываемый ей образ женщины, изменившей мужу. Если же это окажется невозможным, иметь смелость не прятать свое бледное лицо с кругами под глазами и печальными следами сведения супружеских счетов.

Она освободилась от поддерживавшей ее руки; возможно, это был Хуан Альварес, который хотел проводить ее во внутренние покои. Нет, она не согласится ни на суд, ни на заключение: для этого им пришлось бы применить силу, и ей бы очень хотелось посмотреть, решится ли Жоффрей добавить еще одно оскорбление к тем, которые он уже нанес ей.

Женщина, изменившая мужу! Ладно! А как должна вести себя женщина, которая хочет отмести поток клеветы, оградить свою честь и честь своего мужа, спасти то, что еще можно спасти? Действовать в открытую, так, будто ничего не произошло, будто никто ничего не знает, быть «как раньше».

— Я хотела бы сегодня же проверить, как себя чувствуют вчерашние раненые, — сказала она громко, своим обычным спокойным тоном, обращаясь к женщине, стоявшей ближе других. — Куда положили раненых с «Бесстрашного»?

Женщина сердито отвернулась, но Анжелика спокойно двинулась дальше, полная решимости доказать, кто она есть, какой она хотела бы остаться в глазах людей.

По знаку графа два испанских охранника пошли за нею следом. Казалось, она не обратила на это внимания, продолжая идти с таким достоинством, что при ее приближении стихали все пересуды. Более всего Анжелика не хотела, чтобы сплетни потревожили мальчишечьи ум и сердце ее любимого Кантора.

Эта мысль не оставляла ее ни на миг; голова ее кружилась от голода и усталости, но она не позволила себе передохнуть, переходя от одного раненого к другому.

Большинство раненых с «Бесстрашного» вернулись на свой корабль, и только самые тяжелые, а также раненые с «Голдсборо», были размещены у жителей. Анжелика входила в дома, требовала воды, полотна для перевязок, бальзама и... содействия, а ларошельцы, хотели они того или нет, вынуждены были ей помогать.

Раненые встречали ее с нетерпением и надеждой; занимаясь перевязками и разматывая испачканные кровью и сукровицей тряпки, она постепенно приходила в себя. Зияющие раны, в излечении которых она видела свое предназначение, возвращали ей чувство собственного достоинства.

Для этих небритых и страдающих людей всякого рода слухи, касающиеся прекрасной и благородной дамы, встретившейся им в день сражения в забытых богом местах Америки, значили гораздо меньше, чем облегчение, которое приносило ее присутствие.

— Мадам, спасете ли вы мой глаз?.. Мадам, я не спал всю ночь из-за этой мошкары...

Раненые пираты с «Сердца Марии» были помещены вместе со здоровыми пленниками в кукурузной риге под надежной и хорошо вооруженной охраной. Кроме того,

строение это находилось под дулами пушек одного из угловых бастионов форта. Предосторожности эти не были лишними, так как, по словам одного из часовых, узнав о поимке Золотой Бороды, пленные заволновались, и входить к ним стало опасно.

Два сопровождавших ее матроса хотели войти вместе с Анжеликой в ригу с мушкетами наготове, но она остановила их.

— Я хорошо знаю этих людей и совершенно не боюсь их.

Она предложила своим испанским стражникам остаться снаружи и сделала это таким повелительным тоном, что бедняги не посмели ослушаться. Необходимость выбирать между священной для них властью Пейрака и обаянием Анжелики доставила Луису и Педро в этот злосчастный день неслыханные мучения.

Она не боялась оказаться наедине с пиратами. Напротив, ей даже лучше было с ними, поскольку сегодня эти люди, как и она, были несчастны и подвергались страшной опасности.

Измученные неизвестностью раненые были рады проявленной о них заботе и надеялись получить хоть какое-то облегчение из ее ловких и, как им казалось, спасительных рук. Что касается здоровых пленных, они старались спрятать тревогу о той незавидной судьбе, которая надвигалась на них, как лавина. Может быть, это их последнее утро? Накануне их посетил властитель Голдсборо, победитель, чей взгляд не сулил им ничего хорошего.

— Месье, — осмелился спросить шевалье де Барсампюи, — какую судьбу вы нам уготовили?

— Веревка всем, — ответил свирепо Пейрак, — рей на кораблях на всех хватит.

— Несчастливая наша судьба, — жаловались пираты. — Мы попали в руки кровожадного убийцы, он будет

похлеще Моргана!

Сами в большинстве своем убийцы, имевшие за душой немало пыток, отрубленных рук, повешенных или заживо сожженных пленных, — ведь карибское солнце разжигает в душах людей склонность к изоощренному злу, — они не могли рассчитывать на какую-либо снисходительность. Даже лучшие из них не тешили себя надеждой «завязать».

— А мы так мечтали стать колонистами и отцами семейств! Увы, последняя кампания принесла нам гибель.

После стольких метаний между непроглядной ночью отчаяния и серыми сумерками смирения они вдруг увидели в появлении Анжелики свет надежды. Мир мужчин жесток. Мир морских пиратов — тем более. Никаких трещин, никаких щелей в твердом панцире прожитой жизни: сабля или кинжал — в руке, жажда золота — в сердце, жажда рома — в глотке. И вдруг женщина заполняет пустоту в их сердцах, появляется среди них, но совсем не в качестве трофея или шлюхи. Не давая им времени спросить себя, что же она такое, она берет их в руки, подчиняет себе, оставляя им только один выход: уважать ее и беспрекословно слушаться.

Этим утром после известия о пленении Золотой Бороды ее появление в риге с сумкой для корпии и лекарств для всех них было нечаянной радостью. Она, не раздумывая, принялась ухаживать за ранеными и больными и перевязывать их. Кто-то из них предложил захватить ее в качестве заложницы и попытаться спасти свои шкуры в обмен на ее жизнь. Тогда можно будет вступить в переговоры с этой сволочью из Голдсборо и при неблагоприятном исходе послать ее мужу, этому кровопийце, который хочет всех их убить, палец, глаз или грудь красавицы. И тогда один только дьявол сможет помешать их бегству. Разве не

позволительно прибегнуть к этому приему в столь бедственном положении? Такое уже не раз бывало. Однако на этом все и остановились. Блестящими глазами несчастные следили за Анжеликой, которая деловито двигалась в дурно пахнущей полутьме. Никто не попытался и пальцем пошевелить. Только юный Барсампюи осмелился прервать молчание и спросить:

— Правда ли, мадам, что Золотая Борода схвачен?
Анжелика молча кивнула.

— Что же с ним сделают? — спросил лейтенант обеспокоенным голосом. — Не может быть, чтобы его казнили, мадам... Это совершенно удивительный человек. Мы все любим нашего вожака, мадам.

— Его судьба зависит от решения месье де Пейрака,
— сухо ответила Анжелика. — Он хозяин положения.

— Да! Но вы его хозяйка, — воскликнул своим крикливым скрипучим голосом Аристид Бомаршан. — Как говорят...

Он тут же осекся, встретив негодующий взгляд Анжелики, и съежился, охватив руками живот, как это делают, страшась ударов, беременные женщины, защищая свою драгоценную ношу.

— Ты лучше уж помолчи, ладно, — а то я рассержусь.

Все засмеялись, почувствовав облегчение. Закончив работу, она вышла. У нее не было никакого желания шутить с этими канальями, но как только дверь за ней захлопнулась, гнев ее утих.

Как бы она ни рассуждала, как бы ни оправдывала себя, она в конце концов смягчалась по отношению к раненым и побежденным. Разбойники и солдаты, охотники и матросы... Начиная их лечение, она не могла не любить их. Эта неодолимая привязанность возникала в ней от сознания, что, склоняясь над их ранами, она многое получала и от этих людей.

Больной человек легко уязвим. Он охотно отдается в добрые руки, а если и сопротивляется, то его легко провести. Даже встречая людей с озлобленными, жестокими, малоподатливыми, но обезоруженными страданием характерами, Анжелика в конце концов открывала в них по-детски простые сердца. Поднимаясь на ноги, они становились преданными ей и даже боялись ее иногда, чувствуя, что Анжелика знает их лучше, чем они сами.

Выйдя, она распорядилась принести пленным доски для трик-трака, игральные карты и табак, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить их пребывание в плену.

Глава 8

И совсем иное дело встретиться с дамами Голдсборо! Тут уж пощады не жди! Она знала — ни малейшей надежды на послабление. Их добродетель так устроена природой, что непрерывно выделяет волны справедливости и осуждения порока и обладает почти сверхъестественным, неиссякаемым даром язвительности.

Однако и их она должна опередить, не дать затопить все горькими потоками желчи, от которых трудно ждать добра.

Прежде чем толкнуть дверь Таверны-под-фортом, где, по ее предположениям, они уже собрались, Анжелика испытала минутное сомнение, вылившееся в непроизвольное обращение к Небу... Они, разумеется, были там, в своих темных юбках и белых чепцах. Как никогда внушительная мадам Маниго восседала на своем троне, мадам Каррер занималась делами, а Абигель Берн, бледная и чопорная, стояла у камина, и ее лицо фламандской мадонны было преисполнено решительности. Появление Анжелики прервало, по-видимому, горячую дискуссию, где в очередной раз подруги Абигель подвергали критике ее благодушие.

— Мадам Каррер, — сказала Анжелика, обращаясь к хозяйке трактира, — будьте любезны прислать мне обед на квартиру в главной башне. Я попрошу вас также нагреть лохань воды, чтобы я могла помыться.

«Вся вода рек не может отмыть преступную душу, и вся пища земли не в состоянии насытить того, кто гибнет, оскорбив Господа Бога», — процитировала мадам Маниго некий афоризм, отвернувшись в сторону.

То был выстрел из-за угла, но Анжелика была к нему готова.

Несмотря на все свое ожесточение и раздражение против сплетниц, она понимала, что эти женщины, которых она не могла не считать своими подругами, разрывались между противоположными оценками, что очень огорчало их самих.

За непреклонностью дам Голдсборо в оценке скандального, с их точки зрения, поведения Анжелики скрывалось возмущение тем, что она предала человека, перед которым все они, в большей или меньшей мере, преклонялись и в которого были даже слегка влюблены. Это было смягченное, скрываемое, но настоящее чувство, чувство гугенотов с нежными сердцами, бьющимися под коркой льда, замороженного полученным воспитанием. формула мадам Маниго «я это всегда говорила» пользовалась в эти дни успехом, распространялась и выставлялась всюду, как вывешиваются на улицах полотна со словами молитв в дни папистского Божьего праздника. И действительно, не эта ли последовательница мэтра Берна разоблачила Анжелику как опасную возмутительницу спокойствия!..

На это Абигель возражала, что поведение мадам де Пейрак в последнее время доказывает, что ее совесть совершенно чиста.

— Гордячка! — настаивала мадам Маниго, — я это всегда говорила.

«И вообще, кто знает, что там действительно произошло?» — продолжали сторонницы Анжелики. Слухи, намеки, околичности... Швейцарец, который рассказывал оскорбительные для нее вещи, был, оказывается, пьян, как свидетельствуют господа Маниго и Берн... А Анжелика, вот она снова появилась среди них и держится с достоинством, отвечая пренебрежительной улыбкой на намеки мадам Маниго.

Такая близкая им и такая не похожая на ту, какой она была в дни гонений гугенотов в Ла-Рошели.

Они вспомнили, как бежали через ланды от королевских драгунов, и Анжелике удалось привести их к спасению.

— Какая истина и какой повод для размышлений! — сказала Анжелика, окинув высокомерную даму спокойным взглядом. — И, кажется, именно мне вы предлагаете над этим поразмыслить, не правда ли, дорогая мадам Маниго? Я благодарю вас, но сейчас речь идет не о том, чтобы насытить мою душу, виновна она или нет, а о том, чтобы восстановить мои силы. За те два дня, что я нахожусь в вашем поселке, позволю себе заметить, дорогие мои дамы, мне перепал лишь жалкий початок кукурузы. И это не делало бы чести вашему гостеприимству, если б я не знала о заботах и трудах, которые выпали на вашу долю со вчерашнего дня в связи со сражением и ранеными. Обращаясь к вам с просьбой накормить меня, я выражаю таким образом естественную потребность, которую, очевидно, испытываете и вы, мои дорогие.

Надо сказать, что многие дамы из Ла-Рошели как раз в этот момент угощались аппетитным рагу, пропустив по стаканчику доброго рома. Разрываясь со вчерашнего дня между домашними хлопотами, детьми, работой на своих фермах и уходом за ранеными, вконец обессиленные, они также воспользовались затишьем, чтобы придти подкрепиться в гостеприимную таверну мадам Каррер. Слова Анжелики застали их врасплох, и они замерли с ложками в руках.

— Не беспокойтесь, прошу вас, — обратилась к ним Анжелика как можно приветливее, — не обращайтесь на меня никакого внимания. Продолжайте. Я совсем не хотела бросить камешек в ваш огород. Вы правильно делаете, что подкрепляетесь. Но позвольте заняться этим и графине де Пейрак. Вы пошлете мне то, что я просила, мадам Каррер, и поскорее... Абигель, моя

дорогая, не могли бы вы меня проводить? Мне нужно сказать вам кое-что наедине.

Поднявшись на первую ступеньку лестницы, ведущей в ее комнату, Анжелика, обернувшись, обратила доверчивый взгляд к жене мэтра Берна.

— Абигель, сомневаетесь ли вы во мне? С трудом удерживаемая маска исчезла, и стало видно, как Анжелика изнурена. Абигель потянулась к ней.

— Мадам, ничто не может поколебать мои дружеские чувства к вам, если они для вас не обидны.

— Как раз наоборот, моя милая Абигель. Я всегда высоко ценила вашу дружбу. Разве я могу когда-нибудь забыть, как вы были добры ко мне, когда я прибыла в Ла-Рошель с ребенком на руках? Вы не оттолкнули бедную служанку, какую я была тогда. Оставьте этот подобострастный тон, он неуместен между нами. И спасибо за то, что вы меня поддержали. Вы вернули мне мужество. Я не могу еще объяснить вам, что происходит, но самое ужасное — это то, что хотят вам внушить злые голоса.

— Я в этом твердо убеждена, — заявила дочь пастора Бокера.

Сколько же очарования было в целомудренной и чистой молодой женщине из Ла-Рошели, которая словно расцвела в связи с приближением материнства.

Счастье еще более облагородило ее.

Ее чистые глаза светились симпатией. Не в силах сдерживать себя, Анжелика склонилась и прижалась лбом к плечу Абигель.

— Абигель, я боюсь. Мне кажется, что я втянута в адский водоворот... что опасности грозят отовсюду, что я в кольце. Если он не любит меня больше, что со мной будет?.. Я не виновата... не так виновата, как утверждают злые языки... Но все объединились, чтобы меня осудить.

— Я уверена в вашей порядочности, — сказала Абигель, прикоснувшись рукой ко лбу Анжелики, чтобы ее успокоить, — я буду всегда с вами. Я вас так люблю.

Услышав звук шагов, Анжелика приняла бодрый вид. Никто, кроме Абигель, не должен видеть ее слабости. Доброта этой молодой женщины придала ей силы.

Она заговорщически подмигнула своей подруге.

— «Они» очень хотели бы, чтобы я уехала, не так ли? — спросила она. — Они уже не могут терпеть присутствие в Голдсборо такой грешницы, как я! Но не бойтесь ничего, Абигель. Я приехала, чтобы присутствовать при ваших родах, и я останусь с вами, пока буду вам нужна, даже если они устроят мне адскую жизнь.

Увы! Этому желанию не суждено было осуществиться, как и ее мечтам посидеть у очага своих друзей, обменяться новостями. Затем сделать все необходимое по хозяйству, проверить счета. А потом устроить большой праздник, куда пригласить экипажи всех судов, стоящих на якоре в порту. Летом всегда есть предлог для праздника. И нельзя медлить, ведь теплый сезон так скоротечен. Нужно жить в два, в три раза активнее, всем запасаться, всем торговать — недаром летом здесь скапливается столько людей, так бурлит жизнь. Скорее! Скорее! Едва успев кончиться, зима вернется!

Однако действительность мало походила на мечты Анжелики. Для нее эти летние дни были совсем не праздничными, они катились, как грязный поток, неся в себе страсти, огорчения, безнадежность. И час от часу нарастала волна зловещих опасностей.

Глава 9

О чем же думал Жоффрей? Как решил он судьбу Анжелики? И судьбу Колена?

Его молчание, его нарочитое отсутствие стали невыносимы.

Каждую минуту этого дня, который казался ей веком, она то боялась, то надеялась, что он ее позовет. Она предстанет перед ним с трепетом, пусть, но это все же лучше навязанной ей графом неопределенности. Возможность кричать, бушевать, умолять, упрашивать и самой обвинять вернула бы ее к жизни.

Бешенство, гордость, инстинкт самозащиты, которые поддерживали ее утром, рассыпались по мере того, как текли часы. Отстраняя ее от себя, делая вид, что ее не существует, он подвергал ее настоящей пытке, которая подавляла силу ее характера, и она с трудом заставила себя проглотить несколько кусочков из того, что прислала ей мадам Каррер.

После обеда она отправилась на поиски Кантора и нашла его в порту, деловитого и озабоченного.

— Не слушай сплетен, которые тут ходят на мой счет, мой мальчик, — сказала она в сильном волнении. — Ты ведь знаешь, как суеверны окружающие нас люди. Не они ли объявили меня когда-то... квебекской Дьяволицей? Достаточно женщине попасть в плен к пирату, как клеветники начинают плести свои сети. Золотая Борода вел себя по-рыцарски по отношению ко мне, и когда-нибудь я расскажу тебе, кем он был, и как объяснить мои дружеские чувства к нему.

— Во всяком случае, я не буду присутствовать при его казни, — заявил Кантор, явно не расположенный обсуждать этот вопрос. — Сегодня же с началом

прилива я отплываю на «Ларошельце», командование которым мне только что поручил отец.

Он выпрямился, гордый тем, что в пятнадцать лет ему доверили обязанности капитана, и ясно было, что его не слишком заботили подводные течения, волновавшие маленькую колонию. Он был доволен, что вернулся вовремя и успел принять участие в морском сражении и еще более доволен тем, что отправляется в океанское плавание капитаном, что перед ним открывается притягательная для него жизнь моряка. Полный сознания своей важности, он добавил:

— Я должен доставить в Хоуснок партию товаров, которые затем будут переправлены в Вапассу Куртом Рицем, а также шестерых рекрутов.

— Как, — воскликнула Анжелика, — в Вапассу отправляется через несколько часов груз, а меня даже не предупреждают?... Лорье! Лорье!, — позвала она проходящего мимо мальчишку, — помоги мне собрать ракушки для Онорины...

Она едва успела написать записку Жонасу и Малапраду.

— Поспеши, поспеши, прилив не будет ждать, — поторапливал ее Кантор.

Швейцарец Курт Рид стоял на молу с алебардой в пуке следя за погрузкой в шлюпку тюков и своих людей, немцев и швейцарцев по происхождению, одетых в парадную одежду, являвшую собой своеобразную разновидность одежды ландскнехтов. Их костюм состоял из короткого, в обтяжку, камзола с пышными, прорезанными вдоль рукавами, коротких штанов цвета лютика, с большим напуском, собранных у колен и украшенных по всей длине алыми лентами, колебание которых придавало одежде помпезность. Согласно полуприличной и славной моде прошедшего века штаны были снабжены заметно выступающим гульфиком в форме кармана из золотисто-желтого сатина. Только

плиссированный воротник был заменен гибкими брыжами.

Широкий колпак, нечто среднее между старинной шапкой и современной широкополой фетровой шляпой, был украшен коротким красным страусовым пером. К поясу прикреплялась золоченая стальная каска. Вооруженные пиками, они выглядели весьма внушительно.

Курт Риц полностью соответствовал всем требованиям, предъявляемым сержанту. Это был опытный, смелый, мудрый, обходительный человек; он много раз встречался с противником; он был крепко сложен и благожелателен.

К тому же Риц носил шпагу, признак дворянского титула, полученного им на службе у короля Франции за Австрийскую кампанию против турок.

Анжелика не видела Курта с той ночи, когда заметила его прячущимся под кормовой башней «Сердца Марии», если не считать встречи мимоходом в вечер ее возвращения. Она искала его глазами, не признав с первого взгляда.

Кто-то показал ей сержанта. Анжелика передала ему письмо для Жонаса, не обращая внимания на брошенный им высокомерный и презрительный взгляд. Конечно, он ее презирал за то, что случайно подглядел на корабле. Расскажет ли он об этом в Вапассу? Она не могла унизиться до того, чтобы попросить его молчать. Однако, разговаривая с ним солидным тоном, дополняя письмо устными указаниями, которые только что пришли ей в голову, — не забыть, например, набрать еловых шишек для приготовления грудной настойки, — она интуитивно почувствовала, что имеет дело с порядочным человеком. Отвечая ей твердым, холодным тоном, он был полон природного благородства, свойственного горцам и чуждого всякой мелочности. Он ничего и никогда не расскажет, конечно, о тайне,

увиденной при свете свечи в ту ночь, когда ему удалось бежать с пиратского корабля.

Заметив графа де Пейрака, спускавшегося в порт в сопровождении Ролана д'Урвилля и Жилия Ванерека, она решила скрыться.

Зачем она убежала? От него? От своего мужа? Она бродила среди новых домов Голдсборо, сейчас безмолвных, так как все отправились в порт, чтобы присутствовать при отплытии яхты...

На этот раз ей не хватило смелости остаться там, в нескольких шагах от него, смешаться с наблюдавшей за ними толпой. Она должна бы быть там, упрекала она себя. Помахать платочком, когда небольшой корабль под командой храброго юноши Кантора де Пейрака поднимет паруса... Она не смогла. Это был первый серьезный срыв, допущенный ею этим утром.

Он победил, но посмотрим, чем закончится все сражение?

Пока она не узнает, какая судьба уготована Колену, Жоффрей представляет собой угрозу, руку, занесенную для удара, а в глубине души он ее противник, от которого нельзя избавиться.

Сколько раз в прошлом граф де Пейрак заявлял о своей твердой решимости убить всякого, кто попытается отнять у него жену!

Она не могла без душевной боли вспоминать эти слова. Он подтверждал их в отношении к Пон-Бриану и Ломени.

Колен был обречен, причем не столько как пират и грабитель, сколько как соперник. Но этого не должно быть! Он не может погибнуть из-за столь ничтожной причины! Во всяком случае, из-за нее! О Боже, не допусти этого!..

Глава 10

В крепости, куда она вернулась к ночи, еще раз обойдя всех раненых и собираясь отдохнуть от смертельной усталости и душевных мук, она заметила в своей комнате два сундука, которых прежде не было.

В одном из них были платья и другая одежда, кружева белье, перчатки, туфли. В другом — различные предметы обихода и роскоши, необходимые в повседневной жизни.

Туалеты и другие предметы благоухали Европой. Еще осенью Жоффрей де Пейрак дал, должно быть, заказ на все это отправлявшемуся в плавание Эриксону. Только что вернувшийся «Голдсборо» и доставил дары из этого полузабытого мира утонченности, изящества и красоты.

Анжелика едва притронулась к ним, почти равнодушная к этим обломкам умершей любви.

Она не совсем понимала, зачем принесли их к ней этим вечером. В нынешнем ее состоянии она видела в этом скорее какую-то опасную ловушку.

Она отвернулась от роскошных подарков, рассматривая их как насмешку над ее бедами, и попыталась заснуть.

Она содрогалась при мысли о том, что может произойти, пока она спит. Вдруг, проснувшись на заре, она увидит Колена на виселице.

В конце дня, собрав все свое мужество, она попыталась встретиться с мужем, но нигде не смогла найти его. Одни говорили, что он уехал в глубь страны. Другие, что он отправился на своей яхте навстречу какому-то судну. Отчаявшись, она решила немного отдохнуть, понимая, как это необходимо.

Но беспокойство не улеглось. После короткого тяжелого сна она проснулась среди ночи и, не в силах вновь заснуть, ворочалась на постели, отдаваясь своим горестным мыслям.

После отдыха в ней с новой силой вспыхнула неприязнь к мужу. Поистине ее глубоко ранило его поведение нетерпимого и подозрительного хозяина.

Не он ли на годы оставлял ее одну, а сегодня требовал всего, даже верности в прошлом? Проявлял ли он такую же щепетильность вдалеке от нее, развлекаясь с другими женщинами?.. Тем не менее он решил грубо сорвать завесу тайны, принадлежащей только ей. И потребовал отчею, приписывая ей, впрочем, куда больше того, что было за время ее «вдовства», ставшего навязчивой идеей ревнивца.

Когда она вспоминала эти пятнадцать лет жизни вдали от него, ей виделась главным образом длинная череда одиноких ледяных ночей, где молодость прекрасной юной женщины была растрочена на слезы и стенания по своему кумиру... но к счастью, и на крепкий, без сновидений, сон. У нее всегда был здоровый сон ребенка, и этот ее дар, пожалуй, и спас ее. Будучи хозяйкой «Красной маски», она к вечеру смертельно уставала и мечтала лишь добраться до своей узкой кровати, а на заре была готова встретить трудовой день, где почти не было места для любви, если не считать приставаний чересчур дерзких мушкетеров, которых ей приходилось выставлять за дверь. Вспомнила она свою подругу Нинон де Ланкло, упрекавшую ее, в то время шоколадницу, за излишнее целомудрие.

Как светлые огоньки, легкие, дрожащие и быстро затухающие, вспоминала она редкие ночи любви в объятиях преследуемого полицией парижского поэта или его гонителя Дегре. И тот, и другой были слишком

заняты своей маленькой, но жестокой игрой, чтобы всерьез уделять внимание любовнице.

При дворе, несмотря на окружавший ее культ эротики, ее чувственная жизнь вряд ли была более напряженной. Может быть, даже наоборот. Привязанность короля надежно изолировала ее от поклонников. А ее самолюбие в сочетании с неизменной тоской по любимому призраку отвращали ее от авантюры и легких связей, которые, впрочем, становились ей невыносимыми, не успев возникнуть. И тогда? Что же ей оставалось?

Несколько ночей с опальным графом Рагоски. Мимолетная встреча на охоте с герцогом Лозепом — ошибка, едва не обернувшаяся для нее бедой. Затем Филипп, ее второй муж: две, может быть три встречи. Никак не более. И наконец Колен, ее утешитель в пустыне...

Если все сложить, подумала Анжелика, то она занималась любовью за пятнадцать лет меньше, чем самая добродетельная дама со своим законным супругом за три месяца... или она сама в объятиях Жоффрея за еще более короткий срок. Было из-за чего, в самом деле, предать ее поруганию, приговорить к позорному столбу, приписать ей темперамент некой бесстыдной Мессалины!.. Но напрасно она пыталась бы объяснить это все Жоффрею, пусть даже с изложением точных подсчетов, логическое значение которых, как аргументов, построенных на фактах, он, человек науки, казалось, должен был оцепить. Но увы! Она чувствовала, что даже такой ученый, как Пейрак, не в состоянии проявить абстрактную непредвзятость в области сердечных чувств, что он становится таким же, как все мужчины, когда дело идет об их инстинкте собственника. Мужчины впадают в этом случае в бешенство и даже самые умные из них не способны что-либо понять.

И все же, к чему столько шума из-за одного поцелуя?

Что такое поцелуй, в конце концов? Губы двух людей, которые соприкасаются и сливаются. И соприкасаются сердца.

Два потерянных создания сплетаются в лоне божественной бесконечности, согревают друг друга своим дыханием, узнают друг друга во мраке ночи, где они слишком долго брели в одиночестве. Мужчина! Женщина!

И ничего другого. Это все.

А что такое близость, если не продолжение и расцвет того неземного состояния, которое столь редко выпадает на долю человеческого существа?.. А кое-кому не выпадает никогда!

Если это так... если в этом реальная суть поцелуя? Тогда Жоффрей прав, осуждая ее за поцелуй, которым она обменялась с Коленом, ставшим Золотой Бородой.

Жизнь — это творчество, это трудное искусство. Фактически самым тяжелым для Анжелики с ее гордым характером было признать, что гонения, презрение и гнев окружающих, оскорбляющие ее до глубины души, объяснялись ее поведением, которое она сама временами признавала непростительным.

Чтобы справиться со своим чувством, ей необходимо было дать этому происшествию, этому ошибочному шагу правильную оценку. Однако ей одной это сделать никак не удавалось. Она то полностью обвиняла себя, то видела в своей минутной слабости лишь приятную интермедию, украсть которую у тусклого существования хорошенькая женщина имеет полное право.

Влажная, облачная заря вырвала ее из этого нелепого кружения мыслей. Она поднялась разбитая, измученная беспокойной ночью, проведенной в

холодной пустой постели, истерзанная сознанием неопределенности в судьбе Колена.

Тревожная серо-розовая заря принесла песню горлицы с ее округлыми, наполненными и вкрадчивыми руладами. Анжелика никогда не любила сладковатое воркование этих птиц. Их песня будет отныне напоминать ей короткий и грозный сезон, пережитый ею в этом году в Голдсборо, который она будет называть в своих воспоминаниях проклятым летом.

Сезон глухого ужаса, первые признаки которого давно уже бродили в округе. И каждое теплое утро, каждая тревожная заря будут для нее пронизаны назойливой песней горлицы.

За туманами нарастал шум порта, переплетаясь с шумом пробуждающейся деревни. И вдруг послышались удары молота.

Не виселицу ли там сколачивают? Голос моряка запел жалобную песню короля Рено:

*...И когда наступила полночь
Испустил дух король Рено.
О, скажи нам, милая мама,
Кто же так громко стучит?
Дочь моя, это наш плотник
Готовит амбар для зерна...*

Анжелика содрогнулась. Виселица? А может быть, гроб. Надо броситься туда, действовать.

Но день тек, продуваемый теплым ветерком, и ничего не происходило.

***

Был еще вечер, но на землю легла ночная тьма без отблесков света, а низкое, поливающее землю дождем небо опустилось к самому морю, закрыло верхушки деревьев.

Анжелика, вцепившись в раму, смотрела через стекло на двух мужчин, стоявших лицом к лицу. Она только что пересекла двор и направилась к залу Совета с намерением сказать наконец Жоффрею:

— Давайте объяснимся... Каковы ваши планы?

Но взглянув в окно, она заметила их, Жоффрея и Колена, стоявших лицом к лицу в зале Совета. Они были одни и не догадывались, что за ними наблюдают.

Колен держал руки за спиной, наверное, они были связаны. Жоффрей стоял у стола, заваленного свитками пергамента и картами.

Медленно и методично он разворачивал один за другим лежащие на столе документы и внимательно вчитывался в них. Иногда он доставал из стоявшего перед ним открытого сундучка какие-то камни и разглядывал их при свете свечи с видом знатока. В его руке блеснул вдруг волшебным зеленым огнем изумруд.

По движению его губ Анжелика догадалась, что он обращался к пленнику с вопросами. Тот коротко отвечал. При одном из ответов Колен придвинулся к столу и что-то пальцем указал на карте. Значит, пират не был связан!

Теперь Анжелика испугалась уже за Пейрака. Вдруг, поддавшись искушению. Колен схватит его за горло.

Жоффрей, стоя в двух шагах от него, казалось, не замечал Золотой Бороды, забыл о его нечеловеческой силе.

Нет. Он лишь делал вид, что не придает ей значения. Какая неосмотрительность! Все тот же привычный для него вызов жизни, стихиям, людям. Все то же стремление идти дальше всех, до крайних пределов опыта... чтобы познать все самому, без посредников... Смерть когда-нибудь свалится на него, как орел падает на свою жертву. «Жоффрей! Жоффрей! Остерегайся!»

Она вся дрожала, беспомощно вцепившись в раму окна, инстинктивно чувствуя, что она не имеет права вторгаться в отношения этих двух мужчин.

Пусть сама судьба решит этот спор, исход этой схватки, этого столкновения людей огромной воли. Ее женскому сердцу так хотелось, чтобы здесь не было ни победителя, ни побежденного.

Ее взгляд, полный тоски, обращался то к одному, то к Другому и остановился, словно притянутый магнитом, на легкой, угловатой, но такой крепкой фигуре мужа. Отделенная от него своего рода стеклянной стеной молчания, она как бы захватила его врасплох, во время сна... Она никогда не могла видеть его спящим, не испытывая при этом боязливого волнения и даже острой ревности, потому что, засыпая, он как бы ускользал от нее, возвращаясь в свой тайный мужской мир.

Серебристые отсветы на висках, в темной густой шевелюре, придавали его лицу обманчивое выражение мягкости. Он всегда был замкнут, тверд, недоступен. И в то же время каждая черточка его образа была ей близка, находила отклик в ее сердце жены и женщины, когда она тайком наблюдала за ним. Одну за другой она восстанавливала в памяти знакомые черты: его осторожность и его пылкость, владение собой и ловкость, ум и ученость, смягченные редкой человеческой простотой; свойственное ему задумчивое выражение лица отражало всю глубину его мысли, но Анжелика представляла себе движение его крепких мышц под одеждой из темного бархата, его энергию и силу, его необыкновенное любовное здоровье, которое было заложено в неукротимости его могучего тела.

Но тут глаза Анжелики обратились к Колену. Возникнув из далеких лет, в этой узкой комнате стоял король пленников Микнеса. Пестрая поношенная

одежда Золотой Бороды выглядела на нем маскарадным костюмом.

В этот вечер к нему, казалось, вернулся королевский взгляд голубых глаз, глаз великого Колена, который столь же легко читал в душах людей, сколь и в знойных далях пустыни.

Сама того не сознавая, Анжелика в этой дуэли была на стороне более слабого. Колена, ведь и сама она принадлежала к низшей расе, тысячелетиями подавляемой и унижаемой расе женщин.

Хорошо зная обоих, она понимала, что Жоффрей куда сильнее нормандца.

Воспитанный на лучших образцах мировой философии и науки, изощренный в утонченных и бесконечных играх ума, он мог, не дрогнув, выдержать все или почти все, включая и раны сердца.

Колен же, несомненно одаренный острым природным умом, но необразованный и почти не умеющий читать, был безоружен перед неожиданными ударами судьбы.

Именно она, Анжелика, нанесла ему эти удары. Видя теперь его пленным и заранее обреченным на поражение, несмотря на его недюжинную физическую силу, Анжелика испытывала угрызения совести и невероятные страдания.

Внезапно Жоффрей оттолкнул от себя грудку свитков и двинулся к Колену. Сердце Анжелики дрогнуло. В приступе страха она представила, как граф наставляет на Колена пистолет и стреляет ему прямо в сердце. Ей понадобилось некоторое время, чтобы убедиться, что в руках Пейрака нет оружия.

Однако страх не исчез.

За стеклом разыгрывался решающий эпизод встречи.

Она догадалась об этом по дрожи, охватившей все ее тело, по напряжению ума и чувств в попытке понять

происходящее.

Близилась развязка. Но для нее она происходила в молчании. Двое мужчин обменивались неслышными ей репликами, словно ударами кулаков или кинжалов.

Жоффрей говорил, стоя совсем близко от пленника, впившись глазами во внимательное, но настороженное лицо Колена. Затем черты нормандца исказились выражением гнева и презрения, его кулаки непроизвольно сжались, дрожа от бессильной ярости. Несколько раз он отрицательно покачал головой, противопоставляя нажиму Пейрака гордость неукротенного льва.

Тогда Пейрак отошел от него. Он принялся ходить по комнате из угла в угол, словно хищник в клетке, кружить вокруг Колена, как бы присматриваясь острым взглядом охотника, выбирающего подходящий момент для удара. Вернувшись к нему, граф схватил гиганта двумя руками за отвороты его кожаного камзола и приблизил свое лицо к нему, будто пытаясь сказать что-то по секрету. Говорил он совсем тихо. Выражение лица Жоффрея де Пейрака отличалось теперь угрожающей мягкостью, губы сложились в уклончивую и тонкую улыбку, и Анжелике показалось, что она слышит обаятельные интонации его голоса. Однако за маской обольстителя в его зрачках горел холодный свет. Случилось то, чего она боялась. Колен поддался напору Жоффрея де Пейрака.

Мало-помалу непреклонная решимость, написанная на его лице, стерлась, исчезла, уступив место выражению растерянности и безнадежности, близкой к отчаянию. Внезапно он уронил голову на грудь, то ли от изнеможения, то ли в знак признания.

Что же такое мог сказать граф Жоффрей де Пейрак, чтобы так сломить Колена Патюреля, который не гнул спину даже перед Мулаем Исмаилом и под его пытками?

Пейрак замолчал, продолжая внимательно следить за Коленом. Наконец тяжелая светловолосая голова пирата поднялась. Глаза его впились в темноту за окном. Анжелика даже испугалась, подумав, что он ее заметил.

Но Колен и не мог ничего видеть, так как взгляд его был обращен внутрь, в самого себя. Ей почудилось, что она опять видела выражение некой душевной чистоты, какое бывало у него во сне, видела лицо Адама, запомнившееся с тех первых дней. Взгляд его голубых, будто еще затуманенных сном глаз, вновь обратился к Пейраку, и двое мужчин пристально посмотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Затем Колен еще несколько раз кивнул головой в знак одобрения и согласия.

Пейрак вернулся к столу. В дверях показались тени испанских охранников, которые окружили пленника и вывели его из комнаты. Анжелика и не заметила, когда граф их вызвал.

Жоффрей де Пейрак остался в комнате один. Он сел за стол.

Анжелика сделала шаг назад, испугавшись, что он может заметить ее присутствие. Но продолжала как зачарованная наблюдать. Прошлой ночью на островке граф следил за ней без ее ведома, а теперь и она хотела увидеть его таким, каков он есть, когда он и не догадывается, что за ним наблюдают. Чем же проявит он себя? Какую маску сбросит, открыв ей свои замыслы? Как раскрыть его подлинные мысли и решения?

Она увидела, как он протянул руку к сундучку с изумрудами, знаменитыми изумрудами из Каракаса, отнятыми у испанцев Золотой Бородой. Он достал один необыкновенной величины изумруд, поднял его к глазам и углубился в его созерцание при свете факела.

И улыбнулся, словно в прозрачной глубине драгоценного камня он увидел приятное для него

зрелище.

Глава 11

Следующий день был воскресенье.

Слабый голос рожка замирал вдали, а звук колокола с маленькой деревянной колокольни, тревожный и чистый, как плач младенца, призывал верующих протестантов на богослужение.

Чтобы не остаться в долгу, состоятельные прихожане и отец Бос, к которому присоединился реформат-отшельник, недавно вышедший из леса, решили отслужить торжественную католическую мессу на береговом обрыве — с выносом святых мощей, крестным ходом и всем, что полагается в подобных случаях.

Все утро прошло в тайном соперничестве католиков и протестантов в религиозных песнопениях, но обошлось без происшествий.

По завершении протестантской службы и католической мессы зеваки отправились в порт, где было объявлено о прибытии кораблей. К звуку сигнального рожка вскоре присоединился рев животных. Маленькое суденышко из Порт-Руаяля, что на полуострове, привезло обещанных двух коров и быка в знак благодарности за продовольственную и денежную помощь, которая спасла в прошлом году французскую колонию, брошенную на произвол судьбы далекой от ее нужд администрацией Квебека. Выгрузка бедных животных, подвешенных ремнями к блокам, прошла без осложнений, под громкие приветственные возгласы толпы.

Новость о прибытии скота обсуждалась наравне со слухами о предполагаемой казни через повешение Золотой Бороды. Состоится ли она сегодня?..

В этой суматохе заход в порт небольшого судна, с которого сошли Джон Нокс Мазер, доктор богословия из Бостона, и сопровождающие его викарии, прошел незамеченным. Акадийцы, веселые и шумные, и их краснокожие союзники мик-маки, с медными лицами, не обратили особого внимания на достопочтенного пуританина.

На Мазере был камзол с пышным плиссированным воротником и широкий, темный, достающий чуть не до пят женевский плащ, в который он кутался, чтобы укрыться от ветра. Его шляпа, украшенная скромной серебряной пряжкой, возвышалась над всеми другими.

— Я хотел встретиться с вами, — сказал он де Пейраку, вышедшему ему навстречу. — Наш губернатор напомнил на последнем собрании синода, что вся территория Мэн в конце концов принадлежит Англии, и он меня просил осведомиться у вас, так ли обстоит дело...

Мазер с беспокойством огляделся вокруг.

— Это похоже на вакханалию... Скажите мне, ходят слухи, что вы живете с колдуньей?

— Да, это так, — ответил Пейрак. — Идемте... я вам ее представлю.

Джон Нокс Мазер побледнел, в нем все задрожало, как дрожит вода в озере перед бурей. Он растерялся. И было отчего: перестав почитать Богоматерь и Святых заступников, протестанты как бы обезоружили себя перед происками дьяволов. Они могли рассчитывать только на свою личную силу духа. К счастью, достопочтенный Мазер в избытке обладал такой силой. Он выпрямился и приготовился встретить колдунью.

Анжелика, узнав, что ее срочно зовет к себе граф де Пейрак, оставила своих раненых и с бьющимся сердцем отправилась в порт. Здесь она столкнулась лицом к лицу с мрачным монументом, который был представлен ей как доктор богословия из Бостона. Его холодные

глаза внимательно ее изучали. В глубине души он был так же смущен, как и Анжелика. Она это поняла, поздравила его с благополучным прибытием и сделала легкий реверанс. Из слов, которыми он обменялся с графом де Пейраком, она узнала, что он погостит в Голдсборо несколько дней и отметит здесь в компании с ними день Господа в благодарность за Его добрые деяния.

Приезд гостей отодвигал решение незавершенных и мучительных вопросов, терзавших сердца и души жителей Голдсборо. Анжелика не знала, радоваться ей или горевать по поводу этой отсрочки. Хотелось бы скорее положить конец чувству тоски и этой комедии, что они все разыгрывали. Она готова была кричать, умолять:

«Кончайте с этим, решайте же наконец!..»

Но непреклонная воля Жоффрея де Пейрака удерживала их всех в состоянии ожидания, вынуждая каждого играть свою роль до конца. Поскольку супруг представлял Анжелику гостям, ей предстояло быть хозяйкой праздника.

Она вернулась в форт, чтобы переодеться в одно из платьев, привезенных из Европы.

Прошел короткий, но сильный ливень, и небо снова прояснилось. Ароматные запахи, доносившиеся со стороны таверны, где шли приготовления к празднику, были так сильны, что заглушали всепроникающий запах моря.

Слышались напевные голоса людей в порту. Время от времени раздавались звуки труб.

В Голдсборо были уже свои устоявшиеся традиции. Анжелика не знала, что эти звуки призывали население собраться на площади перед фортом, но любопытство взяло верх, и она вышла на улицу.

Там все блестело и сверкало после прошедшей грозы, грязные потоки воды неслись с прибрежных

холмов и прокладывали в земле борозды, через которые женщинам приходилось прыгать, подбирая юбки.

Подобно этим потокам, люди стекались отовсюду маленькими ручейками — с кораблей, из домов, из леса — и сходились в одной точке, образуя плотную разношерстную толпу, в которой перемешались моряки, колонисты, гугеноты, индейцы, англичане, солдаты и дворяне, объединенные временным, но неистребимым чувством принадлежности к этому затерянному кусочку американского берега. Все хотели присутствовать на необычном спектакле.

И те, кто прибыл из лагеря Шамплен верхом на лошадях по дороге, окаймленной зарослями люпина, и те, кто спустился из прибрежной деревушки тропой, вьющейся среди анемонов, были вооружены мушкетами для охраны женщин и детей. Таков был официальный приказ, согласно которому никто не должен был безоружным удаляться более чем на полмили от крепостных пушек. Летом начинался сезон ирокезских набегов, к тому же никто не был застрахован от воинственности абенаков, готовых напасть на любого белого, показавшегося им подозрительным.

Площадь уже была полна народом. Повсюду сновали дети. Анжелика услышала их громкие выкрики:

— Кажется, будут вешать Золотую Бороду!

— А сначала его будут пытаться...

Кровь застыла у нее в жилах. Пришел час, которого она ждала и боялась после пленения Колена. — «Нет! Нет! Я не позволю его повесить, — говорила она себе, — я буду кричать, устрою скандал, но не дам его повесить! Пусть Жоффрей думает что угодно!»

Не сменив нарядного платья, она отправилась на площадь, и нимало не смущаясь пристальных взглядов зевак, заняла место в первом ряду. В этот момент ей было не до забот о том, что могут подумать о ней, и что скажут люди о ее присутствии на площади. Несмотря на

нервную дрожь, ей удалось сохранить самообладание, и ее надменный вид интриговал и сбивал с толку любопытных.

Платье она выбрала, почти не раздумывая, строгое и пышное, из черного бархата, расшитого узкими кружевами вперемежку с мелким жемчугом. Взглянув на него, она подумала: «Платье для королевских похорон». Но Анжелика не собиралась хоронить Колена, она рассчитывала его спасти!

В последний момент она наругала лицо, не очень старательно растерев крем шершавыми пальцами по мертвенно бледным щекам.

Выглядела она плохо. Тем хуже!

Многие, наверное, заметили ее необычайную бледность и лихорадочное состояние, но никто не проронил ни слова. Блеск ее зеленых глаз как бы замораживал любое готовое сорваться обидное слово.

— Посмотрите на нее, — сказал по-английски Ванерек лорду Шэрилгаму, — она очаровательна. Какая величественная осанка! Какая великолепная надменность!

Совсем как у истинной англичанки, дорогой друг. Не правда ли, она стоит Пейрака? Как она парирует враждебные и неодобрительные взгляды! Она наверняка вела бы себя так же, если бы на груди у нее была пунцовая буква «А», которой — как вам конечно известно, дорогой, — ваши пуритане из Массачусетса отмечают неверную жену.

Англичанин поморщился.

— Пуритане не очень чувствуют, оттенки, мой дорогой.

Он взглянул на Нокса Мазера, который обсуждал со своими викариями, допускает ли богословское учение казнь человека в день Господа. Не помешает ли это отдыху, приличествующему такому дню? Или же, напротив, это событие в воскресный день позволит

Господину принять отлетевшую душу с меньшей поспешностью?

— Мы, светские люди, — продолжал английский лорд, — легко соглашаемся простить столь красивой женщине небольшие грешки.

— Сколько поставили бы вы на пари, что она будет защищать своего любовника с таким же жаром и страстью, как леди Макбет?

— Двадцать фунтов... Шекспиру понравилось бы в этой стране, вполне английской как по праву, так и по духу...

Лорд поднес к глазам очки, которые висели на его парчовом мундире. Они были украшены бантами в соответствии с последней лондонской модой.

— А вы, Ванерек, сколько бы вы поставили на пари, что эта женщина, на вид такая хрупкая, обладает аппетитными округлостями; освободившись от своих одежд, она могла бы соперничать с Венерой, выходящей из морской пены?

— Не будем делать ставки, мой дорогой, я это знаю наверняка, я ее обнимал. Признаю, что у английской знати хороший вкус. Вы угадали, милорд. Тело у этой сильфиды нежное, как бархат.

— Замолчите ли вы наконец, развратники! — воскликнул гугенот из Ла-Рошели Габриель Берн, который краем уха слышал этот неприличный разговор и с трудом сдерживал свое негодование.

Затем последовал обмен резкостями на английском языке, и лорд Шэрилгам заговорил даже о дуэли. Его лейтенант заметил, что он не может драться с простым мещанином. От такого оскорбления ларошельцы вскипели и, сжав кулаки, дружно двинулись на украшенного лентами адмирала.

Стража и милиция, окружавшие помост, не решились вмешаться.

К счастью, появился д'Урвилль и сумел своей любезностью несколько охладить страсти. Но и он не смог полностью укротить грозу. Глухое раздражение ларошельцев перекинулось с английского гостя на Анжелику, вызывающе и слишком броско одетую для такого дня, тем более, что она и так была здесь «яблоком раздора». Пылающие взгляды устремились на нее, поднялся ропот, прозвучали слова осуждения. В конце концов этот шум достиг ушей Анжелики, прорвавшись сквозь пелену ее тревожных мыслей.

Она окинула взглядом мрачную толпу, окружавшую ее с явно недобрыми намерениями.

— Вы и сами в этом виноваты, — резко обратилась к ней чопорная мадам Маниго, увидев, что Анжелика вернулась из мира грез на землю. — Как вы осмелились появиться здесь?

Господин Маниго торжественно выступил вперед.

— В самом деле, мадам, — добавил он, — ваше присутствие здесь в такой момент является вызовом правилам приличия. Как глава протестантской общины я требую, чтобы вы удалились.

Анжелика смотрела на них неподвижными, словно побелевшими от гнева зрачками, и им показалось даже, что она их не слышит.

— Чего вы опасаетесь, господин Маниго? — кротко спросила она наконец в зловещей тишине.

— Что вы выступите в защиту этого бандита, — воскликнула мадам Маниго, которая не могла позволить, чтобы при ней кто-то другой играл первую роль. — Бесполезно увиливать и прикидываться овечкой. Всем известно, что между вами что-то было. И вам должно быть стыдно за эту скверную и достойную всеобщего осуждения историю. Не говоря уже о том, что и мы заслужили избавление от этого негодяя, который заставил нас так страдать прошлый месяц. Ведь он бы всех нас прикончил, если бы мы не стояли

на смерть. А вы пришли сюда, чтобы защищать его и просить о помиловании. Мы вас знаем.

— В самом деле, — согласилась Анжелика, — думаю, что у вас есть основания меня знать.

Не в первый раз ей приходилось сталкиваться с гневом кальвинистов, но сегодня перепалка с ними ее не привлекала. Она выпрямилась и смерила их надменным взглядом.

— Всего год назад я здесь на коленях просила о вашем помиловании... и за такие преступления, которые по законам моря заслуживали веревки больше, чем проступки Золотой Бороды.

Ее губы искривила гримаса боли, и добряк Ванерек испугался, что она разрыдается, чего бы он просто не вынес.

— На коленях... — повторила она — .. Я это сделала ради вас. Вы же не преклоните колен даже перед Богом. Вы даже не знаете своего Евангелия.

Она вдруг резко отвернулась от них. Суеверная тишина воцарилась над толпой.

Глава 12

На балконе форта, выступающем над площадью, стоял, заложив руки за спину, сам пленник.

Испанская стража в блестящих латах и шлемах с красными перьями окружала его пестрым строем.

Колен Патюрель стоял с непокрытой головой. На нем был драповый камзол каштанового цвета с отворотами, расшитыми золотыми нитями, видимо, доставленный с «Сердца Марии».

Его простая одежда, коротко остриженные волосы и борода произвели впечатление, так как никто не признал сразу в этом гиганте, одетом как для казни, страшного и блестящего пирата по имени Золотая Борода. Никто и не подозревал, что у него такой богатырский рост!

Почти тотчас же показался и Жоффрей де Пейрак, одетый на французский манер в атласный шафранового цвета камзол, открывавший расшитый жилет — настоящее чудо искусства.

Толпа только ахнула множеством удивленных и восхищенных голосов и качнулась волной голов. Гугеноты вообще были чувствительны к театральным эффектам, демонстрируемым для них этим джентльменом из Аквитании, этим непонятным и непохожим на них человеком, который драматическим сплетением обстоятельств был поставлен на перекрестке их судеб, прежде заурядных, и окончательно покорила их.

Его присутствие позволило избежать опасного всплеска эмоций и воплей, которые готовы были разразиться, когда другие пленные пираты из экипажа «Сердца Марии» были доставлены на площадь скованными или связанными по рукам и ногам.

Вооруженная мушкетами стража подогнала их, словно стадо, к подножию форта.

Некоторые из них строили страшные гримасы и скрипели зубами, но большинство проявляли смирение людей, которые, потерпев поражение, знают, что их путешествию пришел конец и наступило время расплаты.

Графу де Пейраку не пришлось долго призывать к молчанию. В нетерпеливом ожидании приговора все затаили дыхание и тишина установилась почти мгновенно. Слышался лишь шум моря.

Граф приблизился к краю балкона, нагнулся и обратился непосредственно к группе протестантов из Ла-Рошели, собравшихся в первых рядах и составлявших компактное, неподкупное и нерушимое ядро их поселения.

— Господа, — сказал он, указывая рукой на Колена Патюреля, стоявшего между стражниками, — господа, я представляю вам нового губернатора Голдсборо.

Глава 13

При гробовом молчании ничего не понимающих ларошельцев, последовавшем за этим заявлением, граф де Пейрак неторопливо поправил тонкие кружева на обшлагах своего камзола, сохраняя завидное хладнокровие:

— Месье д'Урвилль, долгое время исполнявший эти нелегкие обязанности, будет назначен адмиралом нашего флота. Количество и тоннаж наших кораблей, как торговых, так и военных, быстро растут, а это требует, чтобы наш флот возглавил профессиональный моряк. Точно так же отмечавшееся в последние месяцы быстрое развитие Голдсборо, достигнутое благодаря вашей деятельности и вашим предприятиям, господа ларошельцы, обязывает меня назначить губернатором человека, который имел бы опыт проведения морских операций и управления населением, принадлежащим к различным нациям. Я убежден, что наш порт, постепенно завоевывая ведущее и даже уникальное место в этой стране, которую мы свободно выбрали для своей жизни, будет в ближайшем будущем принимать корабли со всего мира.

И знайте, что человек, которого я назначаю сегодня на этот пост, в руки которого я с полнейшим доверием отдаю судьбу Голдсборо, дело его развития, процветания и будущего величия, способен, как никто другой, справиться с тысячами трудностей, какие ставит перед всеми нами эта роль.

Он помолчал, по ни один голос не откликнулся на его слова. Перед ним стояла толпа окаменевших от изумления людей.

Анжелика была потрясена не менее других. Она восприняла слова Жоффрея только как череду звуков,

содержание которых оставалось для нее смутным. Вернее, она тщетно пыталась проникнуть в их смысл, найти иной, скрытый подтекст, означавший, что Колен должен быть повешен.

Взглянув на панораму раскрытых ртов и выпученных глаз, Жоффрей де Пейрак саркастически улыбнулся и продолжил:

— Вы знали этого человека как карибского пирата, под именем Золотой Бороды. Но знайте также, что до этого он в течение двенадцати лет был королем христианских пленников Микнеса в варварском королевстве Марокко, чей монарх нещадно душил христиан налогами, и что в этом качестве господин Колен Патюрель управлял народом в несколько тысяч человек. И эти люди, выходцы из самых разных стран мира, говорящие на разных языках, исповедующие различные религии, люди, низведенные до жалкого состояния рабов на чужой и враждебной мусульманской земле, рабов беспомощных и беззащитных перед насилием и перед пороками, нашли в нем — на целых двенадцать лет — надежного и несгибаемого вождя. Он сумел сплотить их в сильный, достойный, единый народ, успешно боровшийся против попыток ввергнуть его в бездну отчаяния и заставить отказаться от религии предков.

Только тут до Анжелики начала доходить истина:

Колен не будет повешен. Он будет жить и даже снова править.

Ведь именно о нем сказал Жоффрей: «Он сумеет вести вас, руководствуясь мудростью».

На душу ее снизошел покой, смешанный с невыразимой мучительной болью. Но прежде всего она радовалась покою и буквально пила слова своего мужа, вне себя от волнения, с глазами, полными слез. Наверное, об этом он просил Колена вчера вечером с такой настойчивостью в зале Сове га, на что тот

ответил было решительным отказом, а потом склонил тяжелую голову и согласился.

— Не будучи рабами, как христиане Микнеса, — вновь заговорил Жоффрей, — мы сталкиваемся с теми же испытаниями и трудностями: оторванность от мира, взаимная неприязнь, постоянная опасность смерти. Своей мудростью он поможет вам преодолеть их, а также будет направлять вас в торговле с соседними народами, поскольку он говорит на английском, голландском, испанском, португальском, арабском языках и даже на языке басков. Уроженец Нормандии и католик, он будет для вас ценным посредником в ваших отношениях с французами Акадии. Месье д'Урвилль, не будете ли вы так любезны повторить через ваш рупор наиболее важное из моего сообщения, чтобы каждый из присутствующих мог понять его и подумать о нем на досуге.

Пока почтенный джентльмен готовился выполнить эту просьбу, ларошельцы выходили понемногу из оцепенения, имевшего, надо признать, основательные причины.

Они начали двигаться, бормотать что-то друг другу.

Как только повторение сообщения графа было закончено, вперед вышел Габриель Берн.

— Месье де Пейрак, вы заставили нас проглотить уже немало обид. Но эта, говорю вам прямо, не пройдет. Откуда взялись у вас столь полные сведения об этом опасном субъекте? Вы дали усыпить себя побасенками этого хвастливого бродяги, ничем не отличающегося от других пиратов, живущих грабежом чужого добра.

— Я лично наблюдал этого человека в деле, когда мне привелось жить на Средиземном море, — возразил Пейрак. — Я видел его привязанным к столбу для наказания кнутом, когда ему пришлось расплачиваться за своих братьев, которые осмелились собраться на

мессу в ночь под Рождество. Позднее он был распят у въезда в том же городе. Я понимаю, что господин Патюрель отнюдь не в восторге от того, что я рассказываю об этих давних Делах, но я должен сообщить о них вам, господа, чтобы успокоить ваши религиозные чувства. Я ставлю во главе нашей общины благородного христианина, который уже пролил свою кровь за веру.

Ропот ларошельцев стал громче. Муки, принятые за католическую веру, не имели в их глазах никакой цены, с этой стороны они были неприступны. Даже наоборот. Они видели в этом скорее упрямство ограниченного ума, приверженного суевериям и поклоняющегося дьяволу.

Гул толпы нарастал, послышались крики:

— Смерть! Смерть! Предательство! Мы не согласны... Смерть Золотой Бороде!

Колен, который до этого сохранял бесстрастный вид, стоя между испанскими наемниками, словно отстраняясь от спора, шагнул вперед и встал рядом с Пейраком.

Приняв вызывающую позу, он бросил на беснующуюся толпу спокойный взгляд своих голубых глаз.

Люди как бы отшатнулись при виде его массивной фигуры. Крики с требованием его смерти мало-помалу ослабли, а затем вовсе сменились молчанием.

Однако не таков был Берн с его обычной запальчивостью. Он ринулся в бой.

— Это безумие! — воскликнул он, воздев руки, как бы призывая небо в свидетели всеобщего помешательства. — Вы должны были бы его повесить двадцать раз, месье де Пейрак, только за тот вред, который он принес Голдсборо. А вы сами, граф, разве вы забыли, что он покушался на вашу честь, что он...

Повелительным жестом Пейрак прервал фразу, которая могла бы затронуть имя Анжелики.

— Если бы он заслуживал быть вздернутым, не мне пришлось бы вести его на виселицу, — сказал он глухим, но непреклонным тоном. — Моя признательность ему не позволила бы мне сделать этого.

— Признательность!?!.. Ваша признательность!? Ему?

— Да, моя признательность, — подтвердил граф. — И вот вам факты, которые меня обязывают. Среди подвигов мессира Патюреля не последнее место занимает его бегство — одиссея, сопряженная со страшными опасностями, какую он пережил вместе с несколькими другими пленными, чтобы покинуть Марокко, — бегство, увенчавшееся успехом.

А среди тех, кому он помог достичь христианских земель, находилась женщина, пленница варваров, которую он уберег от страшной судьбы несчастных христианок, попавших в руки мусульман. В то время я сам был в изгнании, сложилось так, что я не знал об участии близких и не мог помочь им, всеми брошенным, отвратить нависшие над ними опасности. Этой женщиной была присутствующая здесь графиня де Пейрак, моя жена. Преданность мессира Патюреля спасла жизнь человеку, который для меня дороже всего на свете. Как же мог я это забыть?

Слабая улыбка осветила его покрытое шрамами лицо.

— Вот почему, господа, предавая забвению возникшие недоразумения, мы, графиня де Пейрак и я сам, видим в обвиняемом вами человеке только друга, достойного нашего полного доверия и глубокого уважения.

В этих последних словах, услышанных Анжеликой будто сквозь сон, ее поразила и, можно сказать, резанула одна формула, прозвучавшая как властный

призыв человека, хрипловатым, но четким голосом потребовавшего, приказавшего ей подчиниться уже принятому им решению:

«Графиня де Пейрак и я сам».

Таким образом, он вовлек ее в свой план, не позволил уклониться от него и раскрыл его тайную цель: стереть бесчестие, стереть оскорбление, публично нанесенные ему женой и Коленом. Что было между ними? Ничего, кроме воспоминаний о дружбе и чувства признательности, которые он и сам считал честью разделить. Видоизменяя внешние факты, он маскировал природу страстей, которые волновали их троих.

Она и сама, не поступаясь своей гордостью, инстинктивно встала на ту же позицию.

А вот дали ли себя одурачить протестанты?

Но им ничего другого и не оставалось! Разве что делать вид, что они поверили. Жоффрей де Пейрак решил, что Колен Патюрель достоин управлять вместе с ним его народом, и что между ними нет ничего, кроме дружбы и признательности. И толпе не остается ничего другого, как принять навязанный ей образ.

Кто может воспротивиться негибимой воле графа де Пейрака?

Никогда еще Анжелика не ощущала так явственно его железной руки, которая крепко держала их всех, буквально манипулируя ими по своему произволу.

Она испытывала при этом какое-то странное униженное восхищение, в котором не было ни грана теплого чувства, отчего ее страдания были еще более острыми, еще более осознанными.

Он дал приказ «графине де Пейрак», даже не взглянув в ее сторону на протяжении всего своего объяснения; и ни разу в его голосе не прозвучали нотки нежности, которые раньше он не умел скрывать, говоря об Анжелике даже с совершенно чужим человеком.

Взгляды всех присутствующих обращались то к ней, то к двум мужчинам, стоявшим бок о бок на балконе, и трясущиеся губы Анжелики, растерянность, невольно мелькавшая в ее глазах, все более беспокоили, сбивали с толку людей...

Колен, по-прежнему невозмутимый, скрестив руки на груди, продолжал смотреть вдаль поверх голов волнующейся толпы. Его осанка была столь величественна, отличалась таким неподдельным благородством, что его трудно было узнать.

Напрасно искали в нем черты Золотой Бороды, разнузданного пирата, вооруженного до зубов виновника кровавых злодеяний. Рядом с ним, как бы защищая и покрывая своим могуществом, стоял граф де Пейрак, с надменным любопытством и чуть заметной улыбкой наблюдая за результатами задуманного им спектакля.

— Посмотрите на этих трех, — возопил срывающимся голосом Берн, указывая на Анжелику и двух мужчин, — посмотрите на них! Они нас надувают, обманывают нас, издеваются над нами...

Он вертелся как безумный, вне себя от возмущения, а затем сорвал шляпу и запустил ее в толпу.

— Да посмотрите же на этих трех лицемеров! Они что-то еще задумали... До каких пор нас будут водить за нос эти люди? Разве вы забыли, какой бесстыдный народ эти католики?! Они пойдут на все, чтобы осуществить замыслы, порожденные их изворотливыми умами идолопоклонников. Это поразительно! Братья, неужели вы согласитесь с этим незаконным решением, с этим смехотворным, оскорбительным приговором?.. Неужели вы согласитесь попасть в зависимость от самого гнусного субъекта, с каким нам когда-либо приходилось сталкиваться? Неужели вы согласитесь принимать в наших стенах этого преступника, этого

распущенного типа, которого нам хотят навязать как колониста?..

— А твои преступления, Золотая Борода! — прорычал он, повернувшись в порыве ненависти к Колену.

— А твои, гугенот! — ответил тот, наклонившись над балюстрадой и вонзив голубой клинок своего взгляда в глаза протестанта.

— Мои руки не испачканы кровью ближних, — возразил Берн надменным тоном.

— Как бы не так... Здесь нет никого, чьи руки не были бы замараны кровью ближних. Поищи как следует, гугенот, и ты вспомнишь тех, кого принес в жертву, убил, растерзал, задушил своими собственными руками. Как бы глубоко и далеко ты их ни спрятал, поищи их, гугенот, и ты увидишь, как выплывут на поверхность твои преступления и их жертвы с мертвыми глазницами и заломленными руками.

Берн воззрился на него в молчании. Затем пошатнулся, словно от удара молнии, и отступил назад. Громовой голос Патюреля вызвал в нем воспоминания о тайной борьбе, которую вели гугеноты в Ла-Рошели на протяжении более века. А они вдруг словно почувствовали смердящую вонь морских колодцев, куда сбрасывали трупы полицейских агентов и иезуитов.

— Да, — продолжил Колен, прищуривая глаза, чтобы лучше видеть своих противников, — я знаю. Я хорошо знаю. Вы вынуждены были защищаться! Но убивают ВСЕГДА, защищая себя. Себя, своих близких, свою жизнь, свою цель, свои мечты. Очень редко убивают только из злых побуждений. Но снисхождение грешника к своим ошибкам может разделить лишь Бог, так как только для него открыты все души и сердца. Человек всегда встретит на своем жизненном пути брата, который скажет ему: «Ты — убийца. Я — нет!». Но этого в наше время не существует, нет человека,

который бы никогда не убивал. В наше время на руках человека, достойного этого имени, всегда есть пятна крови. Я сказал бы даже, что убийство — это задача и неотъемлемое право мужчины, получаемое им при рождении, поскольку наше время — это время волчьих законов, хотя Христос уже побывал среди нас. Перестаньте же говорить о соседе:

«Ты преступник, я же — нет!» Вы вынуждены убивать, но в вашей власти хотя бы работать для жизни... Вы спасли ваши жизни, гугеноты Ла-Рошели, вам удалось ускользнуть от своих палачей! Откажете ли вы другим, тем, кто, как и вы, был обречен, в том шансе, который получили вы, пусть вы и считаете себя избранниками божьими» единственно достойными выжить?..

Ларошельцы, которых тирада Колена застала врасплох, начали понемногу приходить в себя, и их взгляды обратились к экипажу «Сердца Марии». Тут уж сбить их с толку было не так просто.

К балкону подошел господин Маниго.

— Оставим в стороне ваши рассуждения о так называемых преступлениях, которыми запятнаны наши руки. Бог не оставит своих праведников. Но не хотите ли вы сказать, месье, — произнес он, особо подчеркнув слово «месье», что вы предполагаете... навязать нам с согласия графа де Пейрака также и сосуществование здесь, в Голдсборо, с этими опасными негодьями, которые составляли ваш экипаж?

— Вы очень ошибаетесь насчет моего экипажа, — возразил Колен. — Большинство из них — честные люди, которые отправились со мной в это плавание как раз в надежде стать колонистами и получить наконец возможность бросить якорь в подходящем месте, где им предложили бы добрую землю да хорошую женщину в жены. Даже право собственности на те места, где вы проживаете, было оплачено мной и ими звонкой

монетой и подтверждено контрактами. К несчастью, произошло явное недоразумение, и я теперь полагаю, что был обманут моими парижскими банкирами, которые указали мне именно это место в Голдсборо, как никем не занятое и принадлежащее французам. Если верить пергаментам, мы имеем на эти участки больше прав, чем вы, реформатские беженцы, и месье де Пейрак признал это, но высокопоставленные невежды Франции, видимо, забыли, что Бредский договор оставил их под юрисдикцией англичан. Я тоже признаю это и склоняюсь перед судьбой. Бумаги можно выбросить или пустить в ход, если захотеть. Другое дело земля. Слишком много добрых людей стали жертвами промахов невежд... или интриг жуликов, дурачивших доверчивых людей.

Месье де Пейрак готов представить вам доказательства справедливости того, о чем я вам сообщил, и обсудить это с вами в частном порядке. Что же касается принятых нами совместно решений и заключенных контрактов о взаимных обязательствах, дело уже сделано, и нет смысла к нему возвращаться. Остается только подумать всем вместе, как употребить их ради добра, а не ради зла.

Голос Колена, неумолимый, но вкрадчивый, действовал успокаивающе, пресекая в зародыше всякую попытку протеста, а взгляд его неудержимо притягивал внимание.

«Свершилось, — подумала Анжелика, чувствуя, как произвольная дрожь пронизывает ее с головы до ног, — свершилось, он покори́л их, он держит их всех в своих руках...»

Сила красноречия Колена Патюреля, его поразительное влияние на толпу всегда были его главным оружием. И вот сейчас он мастерски его использовал. Склонившись к толпе, доверительным тоном, но достаточно громко он добавил:

— Я открою вам одну истину, которую я усвоил, когда был в рабстве у сарацинов. Я имею в виду ненависть, какую питают друг к другу дети Христа, христиане. Она далеко превосходит, скажем, неприязнь между мусульманами и язычниками!.. Я понял, что все вы, кем бы вы ни были, — христиане, раскольники, еретики, католики — все вы одинаковы в одном: вы готовы, словно шакалы, пожрать своих собратьев ради одной-единственной запятой в ваших догмах. Я уверяю вас, что Христос, кому вы якобы служите, не хотел этого, это было бы для него несчастьем...

Я вас предупреждаю, католики и гугеноты Голдсборо, что с этого дня я буду следить за вами, и вы будете жить мирно и дружно, как дружно жили все двенадцать лет под моим управлением рабы Микнеса.

А если найдутся среди вас закоренелые негодяи, я сумею их выявить. Но пока я вижу, что их не слишком много, если не считать двух или трех человек из моего последнего экипажа. Я уже пытался избавиться от них, но они впились мне в ноги, как малаккские пиявки. Надеюсь, они будут вести себя мирно, иначе придет и их очередь болтаться на веревке.

Не слишком ободряющий взгляд Колена отыскал в толпе Бомаршана, который стоял в первом ряду, опершись на своего «брата» Гиацинта.

— А сейчас, — продолжил Колен, — я расскажу вам о трех предложениях, которые начнут осуществляться с сегодняшнего дня, первого дня моего правления в Голдсборо.

Прежде всего, из своей губернаторской казны я буду оплачивать создание и содержание службы ночных сторожей в Голдсборо. Одного на тридцать дворов. Всем нравилось когда-то, что в городах и деревнях Франции ночами по улицам прохаживались сторожа, и все жители спокойно спали. Мы нуждаемся в такой ночной охране больше, чем французы, поскольку

пожар в пустыне — это конец, разорение, а зимой — вообще смерть. В порту, где постоянно бывают нетрезвые моряки и собираются отбросы общества, необходимо присутствие бдительной охраны, наблюдающей за тем, чтобы пьяницы и опустившиеся чужеземцы чего-нибудь не натворили. Наконец, всегда существует опасность со стороны индейцев, а также злоумышленников, мечтающих захватить наши земли.

Ночные сторожа будут назначаться губернатором, который берет на себя расходы по их содержанию и экипировке. Это мой вам подарок в связи с приходом к власти в Голдсборо.

Он на минуту умолк, и в наступившей тяжелой паузе прозвучал голос женщины:

— Спасибо, господин губернатор, — произнес этот слабый и чистый, но достаточно энергичный голос.

Это был голос Абигель.

Произошло какое-то движение, какой-то шумок, где робкие выражения благодарности смешались с протестующими голосами большинства мужчин. Хотя капитуляция была налицо... И все же ларошельцы хотели дать понять, что они не полностью одобрили смену власти и что ночными сторожами их не соблазнить.

Абигель твердо взглянула в глаза мэтру Берну. Колен Патюрель чуть заметно улыбнулся молодой женщине и поднял руку, прося тишины.

— Второе учреждение станет своеобразным откликом на реплику этой молодой дамы. Мы хотим собирать каждые три месяца совет Женщин, а точнее — совет Матерей, с тем условием, конечно, что в нем смогут принять участие и женщины, не имеющие детей, но достигшие возраста, позволяющего им быть хозяйками дома. Эту мысль подсказал мне месье де Пейрак, и я нахожу ее превосходной. Женщинам всегда есть что сказать по поводу улучшения жизни в нашем

городе, но они редко это делают, так как побаиваются палки мужа.

Последнее замечание было встречено дружным смехом.

— На совете не будет ни палок, ни мужей, чтобы вмешиваться, — продолжил Колен. — Женщины будут обсуждать все в своем кругу, а затем сообщат мне содержание споров и решений Совета. Месье де Пейрак рассказал мне, что именно так построено управление у ирокезов, и что у них, например, война не может начаться, если совет Матерей не сочтет ее нужной для их народа.

Посмотрим, сумеем ли мы быть столь же мудрыми, как и эти краснокожие варвары.

Что касается моей третьей инициативы, то она основана на опыте колонистов Новой Голландии. Я думаю, мы должны без колебаний заимствовать у наших иностранных соседей секреты, которые могут сделать наше существование более радостным. У них есть обычай дарить каждому молодому человеку при женитьбе «бочонок» — так они называют сто двадцать пять галлонов мадеры. Первая бочка предназначается для его свадьбы, вторая — чтобы отметить рождение его первенца, третья и последняя — чтобы утешить его друзей в день его похорон. Подходит ли вам это предложение? Согласны ли вы следовать ему в Голдсборо?

Потребовалось несколько минут молчания, чтобы люди пришли в себя от изумления. Когда рассеялись последние колебания, раздался шум всеобщего одобрения, аплодисменты, смех.

Тогда Анжелика поняла, что Колен выиграл партию.

Подбоченившись, спокойный и уверенный Колен встретил овации так же невозмутимо, как встречал поток проклятий. Колен Патюрель, Король рабов, всех отверженных и преследуемых, утверждал свое

верховенство самого сильного из них, представал перед ними со своей богатырской статью на фоне облачного неба, как их несокрушимая опора, защитник слабых и сирых, человек редкой прямоты, чистоты простого сердца и невероятной изворотливости ума.

Они поняли, что он всегда будет их надежным покровителем, их справедливым и неподкупным губернатором, на которого можно положиться без малейших опасений.

Человек и суверен, каким бывал подчас Жоффрей де Пейрак, возродил его у них на глазах. Он вложил скипетр в эту мозолистую руку, которая, казалось, была создана править. Все встало на свои места. Золотой Бороды более не существовало.

— Да здравствует губернатор! — кричали дети и подростки Голдсборо, пританцовывая на месте.

Наибольший энтузиазм проявляла, конечно, молодежь, за нею следовали женщины, затем матросы всех национальностей и, наконец, проезжие гости. Англичане и акадийцы находили предложенные меры превосходными и надеялись воспользоваться ими на правах соседей.

Веселая суматоха площади усиливалась искрометным Задором индейцев, их чрезмерно шумной манерой выражать свои чувства. В обстановке всеобщего ликования постепенно исчезли насупленные лица ларошельской знати.

— Ура! Ура! Браво нашему губернатору! — кричали узники с «Сердца Марии», гремя цепями.

По знаку Пейрака испанцы освободили пленных.

— Вы знаете, может быть, я попытаюсь обосноваться здесь, — сказал английскому адмиралу Ванерек. — Намерения этого нового губернатора кажутся мне очень интересными. Вы заметили, милорд, как легко он усмирил этих грубиянов гугенотов? И без особых усилий добился, чтобы его единодушно

приветствовали как губернатора? Отступить теперь слишком поздно... Что касается графа де Пейрака, мне, думается, вы тоже испытали наслаждение при виде появившейся на его лице загадочной маски Мефистофеля, правящего бал грешных душ на очередном шабаше?.. Это жонглер хорошо наточенными кинжалами, который ради достижения своих целей без колебаний играет и своей судьбой, и своим сердцем. Но он всегда был таким, этот Пейрак. Я хорошо его помню по нашим операциям в Карибском море... И все же, если бы я владел таким восхитительным созданием, как его жена, я бы не рисковал с такой дерзостью... Посадить на трон, справа от себя, любовника своей жены! Наблюдая с пересохшим от волнения горлом эту сцену, Анжелика поняла наконец, почему она так страдала, несмотря на счастливую развязку драмы. Граф де Пейрак, как политический деятель и глава государства, имел несравненно больше возможностей спасти Колена, чем она сама. И он ими воспользовался. Но ее угнетала не только эта странная ревность. А то, что ею пренебрегли. Тот факт, что ее держали в стороне от всех этих споров, доказывал, что граф с ней больше не считался, что совсем не заботой о ней были продиктованы его действия. Нет! Это нужно было Колену... и Голдсборо.

Его находка была великолепно. Благодаря ей все улаживалось. Но Анжелика его больше не любила.

— Моя дорогая Абигель, — сказал Жоффрей де Пейрак, спускаясь по ступенькам подмостков и кланяясь супруге Габриеля Берна, — не позволите ли вы мне проводить вас до банкетного зала. А вы, господин губернатор, подайте руку мадам де Пейрак. Мы образуем, с вашего разрешения, начало кортежа...

При этих словах супруга Анжелике кровь бросилась в лицо.

Словно в тумане она увидела, как к ней приблизилась массивная фигура Колена. Он поклонился, предложил ей свою руку, Анжелика приняла ее, и они двинулись вслед за графом де Пейраком и Абигель, а за ними и весь кортеж. Мадам Маниго, взбешенная тем, что она оказалась не первой рядом с хозяином этих мест, приняла руку мэтра Берна, совершенно растерянного и убитого.

Господин Маниго, неизвестно каким образом, завладел рукой прекрасной Инес. Английскому адмиралу досталась очень милая акадийка. Преподобный Джон Нокс Мазер, к которому благодаря теплой атмосфере постепенно вернулась его непринужденность, привлек внимание сразу двух дам: восхитительной Бертильды Марсело и очаровательной Сары Маниго.

Сопровождаемый этими двумя прелестными девушками, почтенный доктор богословия двинулся, преисполненный важности, по песчаной дороге, ведущей от форта к таверне.

Мисс Пиджон, вспыхнув румянцем, подала руку преподобному Пэтриджу.

Крики «вива!» и аплодисменты собравшихся зевак сопровождали шествие местной знати на всем его пути.

— Так вот что придумал этот дьявол в образе человека, чтобы заставить нас всех плясать под его дудку, — прошептала Анжелика сквозь зубы.

— Но это был ловкий ход, не правда ли? — ответил Колен. — Я до сих пор не приду в себя от изумления. Его душевная сила меня просто поразила.

— Как же вы смогли принять это от него?

— Я не хотел. Но он использовал аргумент, который заставил меня согласиться с его планами.

— И какой же это аргумент?

— Я пока еще не могу открыть вам его, — ответил Колен с задумчивым видом. — Возможно, когда-

нибудь...

— Да-да, конечно, я, разумеется, слишком глупа, чтобы разделить всю широту ваших взглядов и ваших планов, монсеньоры.

Ее пальцы судорожно сжали рукав камзола Колена.

— Поистине, вы оба будто созданы для того, чтобы сторговаться, как два мошенника на ярмарке; я должна была догадаться об этом раньше. Какая же я дура, что отдала столько души заботам о вас. Колен Патюрель! Мужчины всегда столкнутся за счет женщин!..

Глава 14

Трубили трубы, ветер трепал флаги.

Зал примыкал к таверне, успевшей всем так понравиться, что вскоре она прославилась на сотню лье вокруг, как «Таверна-под-фортом».

По песчаным берегам бухты и у причала были разложены костры. На вертелах жарилась дичь. Для матросов, простого люда и индейцев были открыты бочки с вином.

Пока гости собирались, рассаживаясь за огромным столом, Анжелика незаметно проскользнула на кухню.

Ей обязательно надо было чем-то подкрепиться, иначе можно не выдержать. Она была на грани нервного срыва и чувствовала, что вот-вот или разрыдается или разразится диким хохотом. Жоффрей, потеряв всякое чувство меры, открыто насмеялся над ней.

— Налей-ка мне кружку вон того вина, — обратилась она к Давиду Карреру, предварительно осмотрев винные бочки в кладовой.

— Кружку! — удивился Давид, и глаза его округлились. — Вам? Это же белое бордо, мадам. Вы же знаете, оно обжигает, как солнце!

— Это как раз то, что мне надо!

С кружкой в руке она вернулась на кухню. Направляясь к очагу, где крутились вертела, она не преминула бросить насмешливый взгляд в сторону местных дам, что-то горячо обсуждавших.

Госпожи Маниго, Мерсело и другие оказались здесь под предлогом чем-нибудь помочь, на самом же деле их интересовали прически приглашенных дам.

— Ну, и что же вы думаете о вашем новом губернаторе? — спросила Анжелика и громко

рассмеялась, откинув голову назад. — Я понимаю, что вас смущает, мои красавицы! Обо мне так много сплетничали, что вы не ожидали такого финала. Я вам сейчас раскрою секрет. В давние времена, в стране варваров, Золотая Борода был рядом со мной и спас мне жизнь. Разве можно забыть мужчину, спасшего тебе жизнь?.. Как не броситься к нему на шею, если морские ветры занесли его к нам?.. И сразу же пошли сплетни, пересуды, и дружеская встреча превратилась в гнусную измену, стала яблоком раздора... Вы слишком спешите увидеть зло там, где его нет...

Насмешливая тирада и смех графини де Пейрак прозвучали довольно язвительно.

Анжелика, зная, что говорит всего лишь полуправду, почти уверовала, что так оно и было, и продолжала разыгрывать комедию. Курт Риц, он был далеко, бедняга. И никто не мог заставить его публично засвидетельствовать то, что он видел собственными глазами — или то, что ему показалось, — при свете копящей свечи, в ночь своего побега.

— Знайте же, дорогие дамы, сплетни погубят Новый Свет, как они уже погубили Старый, — закончила Анжелика, осушая до дна кружку белого вина.

Чья-то голова просунулась в полуоткрытую дверь.

— Мадам, вас приглашают в большой зал.

— Сейчас иду!

Глава 15

— А теперь настала моя очередь сделать вам подарок по случаю такого радостного события, — заявила Анжелика, усаживаясь за банкетным столом.

Зал оживился.

— Бочонок чистого арманьяка, который я получила на прошлой неделе от одного галантного баскского капитана.

Все зааплодировали.

— Пришлите ко мне Адемара, — тихо попросила она одного из слуг, разносивших блюда.

Когда солдат, еще не успевший прийти в себя от растерянности, явился, она попросила его отправиться в лагерь Шамплена и забрать багаж, который она оставила там вечером в день своего прибытия. Он ушел.

Забавная фигура солдата короля Франции тут же вызвала всевозможные вопросы, пересуды. Анжелика рассказала историю о подвигах славного малого, после чего разговор стал еще веселее, посыпались анекдоты.

Огромные блюда с кушаньями одно вкуснее другого сменялись беспрерывно. По случаю торжества был принесен в жертву кабан. Для американцев тех времен устрицы, омары, индейка, семга, дичь были, из-за почти каждодневного употребления, пищей для бедных.

Место Анжелики оказалось справа от Колена, сидевшего на одном конце стола. На другом восседал Жоффрей де Пейрак, справа от него находилась прекрасная Инес, слева Абигель, напротив мадам Маниго. Чуть поодаль от нее сидел Жиль Ванерек, фламандец с Круглым лицом. Он буквально пожирал Анжелику своими черными горящими глазами. Дальше занимали места мужчины и женщины попеременно, французы и англичане, одни в нарядных ливреях,

другие в строгих темных одеяниях с белыми воротниками, и особы духовного сана: монах-реформат, бретонский священник с корабля «Бесстрашный» отец Бор, несколько грубоватый жизнелюб аббат Лошмер. Его нисколько не смущало соседство пасторов Бокера и Пэтриджа. Акадийский дворянин, господин де Рандон, прибывший только утром из Порт-Руаяля, вел беседу со своим побратимом, великим вождем Мик-Маком, который, хотя и вытирал рот своими космами волос, все же казался самой важной персоной, благодаря поистине королевской осанке.

Его присутствие удивляло и даже шокировало англосаксов, но они воспринимали это как одно из проявлений свойственной французам оригинальности, которая часто раздражала их, но вместе с тем казалась и созданной для того, чтобы позволять иностранцам познать радости вседозволенности, экстравагантности, причуд и даже греха, не проявляя при этом никакой инициативы. И даже очень суровый Джон Нокс Мазер нисколько не заботился о воздержании и не чувствовал вины, лихо опорожнял оловянную кружку — вина-то были французские.

Хозяин и хозяйка были французами. И уже одно это давало хозяйке право быть поразительно красивой и роскошно одетой, вызывая у мужчин нескрываемый восторг. И тем хуже, если это грозило неизбежным нарушением шестой заповеди, ведь даже в глазах самого Господа Бога французский грех — наполовину прощенный грех. Ну, а если рядом с тобой оказалась испанская гостья, благоухающая жасминными духами, запах которых столь же тяжел, сколь и взгляд ее бархатистых черных глаз, наполовину скрытых веером из черных кружев, то страх и ужас от такого соседства смягчался тем, что все это происходило за французским столом, на земле французской концессии.

Разве сама природа этой нации, ветреной и легкомысленной, не состоит в том, чтобы уметь привносить во все ситуации немного фривольности?

Разве не правда, что только французы обладают секретом допускать в своих колониях такое смешение народов, которое, вместо того, чтобы вести к кровопролитию, вызывает лишь легкую пьянящую эйфорию, позволяющую, уже час спустя, думать, что все люди братья, и на земле вполне может воцариться мир?.. Английский адмирал заявил:

— Голдсборо вскоре станет самым роскошным местом на всем американском побережье. Я даже не уверен, могут ли испанцы, в своих укрепленных городах во Флориде, вести такую веселую жизнь. Правда, вы совсем не даете им для этого свободного времени, господа флибустьеры, — сказал он Ванереку.

— Они получают по заслугам — ответил тот. — Вот поэтому я и нахожусь здесь. И полностью разделяю ваше мнение, что в Голдсборо гораздо лучше, чем в каком-либо другом месте.

— В чем же секрет вашего таланта, месье де Пейрак, благодаря которому вам удается из явного зла извлекать добро? Ведь недостаточно хотеть добра, нужно еще, — как бы это сказать, — чтобы это добро превратилось в реальность, — сказал Нокс Мазер. Обильные возлияния располагали его к любимому занятию: порассуждать на всякие духовные и богословские темы.

— Я думаю, что все дело не в таланте, а в том, чтобы отдавать предпочтение жизни, — ответил де Пейрак. — Иногда приходится против своей воли прибегать к лишению жизни — несовершенство мира толкает к этому — но, по-моему, добро заложено в жизни.

Служитель культа нахмурил брови.

— Хм-хм! Не сторонник ли вы, случайно, Бенедикта Спинозы, этого еврея из Амстердама, хорошо известного философам, вечно не согласного ни с иудаизмом, ни с христианской доктриной?..

— Знаю, знаю, это он сказал: «Все, что помогает человеку существовать, то есть жить, есть Добро, а то, что мешает, есть Зло»...

— И что вы думаете по поводу этих расплывчатых и весьма настораживающих слов? Не значит ли это отрицать верховенство воли Всевышнего?

— Нет, это значит, что мир меняется, но его становление идет медленно и болезненно. Только язычникам, к которым мы принадлежим по своему происхождению, свойственно упорствовать в поклонении своим идолам. Что же касается вас, господа протестанты, то вы уже вступили на путь преобразований. Не вы ли начали рушить церковные статуи, не вы ли, господа англичане, уже сделали шаг к либерализму, обезглавив своего короля? Но осторожней! Один шаг вперед иногда заканчивается двумя шагами назад.

— Господа, господа! — воскликнул отец Бор в полном смятении. — Что вы говорите? Мне не надо было садиться за ваш стол. Ваши слова пахнут серой... Отрубить голову королям! Рушить церковные статуи!.. Хватит! Хватит! Вы забываете, что все мы божьи создания, и поэтому обязаны подчиняться законам божьим, соблюдать иерархию, установленную Всевышним на земле. Это касается как догм Святой церкви, прежде всего, так и решений князей, которые по божественному праву руководят нами. Им отрубить голову! Подумать только!.. Вас ждет ад! Такие слова здесь говорят, что прямо в дрожь бросает!..

— Но здесь и пьют доброе, крепкое вино, — вмешался Ванерек. — Выпейте лучше с нами, святой

отец. Не зря говорят, что самые дурные слова остаются на дне стакана.

— Конечно, выпейте с нами, — поддержала Анжелика, одарив священника очаровательной улыбкой. — Вино тоже божий дар. И только оно может помочь французам и англичанам, собравшимся вместе, забыть то, что их разделяет.

Адемар просунул голову в приоткрывшуюся дверь.

— Я принес ваш бочонок, госпожа графиня. А что прикажете делать с сундуком барона со скальпами инглизов?

Глава 16

Анжелика расхохоталась.

От крепкого вина и пряной пищи она пришла в сильное возбуждение.

Адемар своим вопросом насчет сундука барона де Сен-Кастина со скальпами англичан доконал ее окончательно.

Слава богу, слова простоватого солдата затерялись в гуле голосов, а переливчатый смех Анжелики, прозвучав, как серебряный колокольчик, отвлек гостей от Адемара и очень кстати заразил всех очаровательной веселостью.

Заметив устремленные на нее взоры, Анжелика поспешила вовлечь гостей в состязание шуток, острот и каламбуров, чтобы как-то оправдать свою чрезмерную смешливость.

— Не кажется ли вам, братья мои, что мы погрузились в хаос распутства и всякого рода мерзости? — спросил своих единоверцев Джон Нокс Мазер. Глаза его иступленно горели, как у мученика, брошенного в костер.

— В том-то и сила избранников божьих, что им удается удержаться на краю пропасти и не упасть в нее, — ответил преподобный Пэтридж, чей замогильный голос не заглушался даже взрывами смеха.

Духовные лица были и впрямь довольны собой: еще бы, находясь на грани вседозволенности, они не поддавались искушению.

Анжелика смеялась все громче, почти до слез, как она ни сдерживалась, и гости, разгоряченные обильной выпивкой, охотно вторили ей.

Не беда, что такое бурное проявление веселости кому-то казалось несколько неуместным. Разве не сам

хозяин Голдсборо заставил ее играть перед всеми эту роль? Ее муки, ее истерзанное сердце нисколько его не беспокоили. Она должна быть графиней де Пейрак. Так он решил. И никаких отступлений. Драма, которая их разделяла, должна быть скрыта и окончательно забыта. Ему, конечно же, это было не так важно, как ей. Теперь она не угадывала ход его мыслей. Она предпочла бы видеть его в ярости, как в тот вечер, чем явно безразличным к ней, словно она пешка в его игре. Тщательно продуманная им постановка комедии, которую она разыгрывала, служила выполнению его планов. Его хитрость дошла до того, что он усадил ее справа от Колена.

Если бы Колен не был столь благороден, она не испытывала бы такого смятения. Взвинченная до предела, она чувствовала в себе порочное желание положить конец установившемуся между ним и Жоффреем сообщничеству. Ей хотелось уколоть его побольней и снова испытать над ним свою власть. Ее сверкающие глаза искали его взгляда, и она бесилась от того, что когда он поворачивался к ней, она не находила ничего, кроме безразличия, явно напускного, но непоколебимого. Жоффрей отгородил ее и от Колена. Он взял у нее все, вырвал все, что можно, а потом отбросил от себя, вконец опустошенную.

Сердце ее страдало, мысли путались. Но с виду она казалась самой жизнерадостной, самой очаровательной и, как солнце, озаряла своим светом и великолепием этот деревенский стол, за которым изгнанники старались заново пережить счастливые дни своей жизни, проведенной в Старом Свете.

Один лишь Жоффрей мог почувствовать, сколько напряжения и искусственного возбуждения было в смехе Анжелики.

Так же, как и сидевшие рядом, он уловил в словах Адемара какой-то намек на непонятную историю со

«скальпами англичан», что вызвало такую вспышку веселья у Анжелики. Но слова солдата потонули в шуме голосов. И он, как и все прочие, предпочел не углубляться в смутные размышления. После все выяснится. А сейчас не самый подходящий момент для опасных дознаний.

Анжелика смеялась и страдала. А он, взволнованный ее поразительной красотой, возмущенный ее отчаянной смелостью, видя ее гордо приподнятый маленький подбородок и великолепные глаза, устремленные на Колена, невольно восхищался той быстротой, с какой она приняла брошенную ей перчатку, ее упорством в противостоянии всем унижениям, которым он подвергал ее. Ему никак не удавалось понять, в чем причина страданий, превративших ее в натянутую струну.

Грубо отвергнутое, лишенное света участия, женское сердце стало для него недоступным. Они потеряли способность понимать друг друга без слов.

Ему и в голову не приходило, что страдает она именно из-за него. Ее прекрасное лицо с синяком, плохо скрытым под румянами, вызывало у него тревогу. Анжелика была натурой гордой, из породы тех женщин знатного происхождения, которых никогда не покидало благородство, чувство собственного достоинства и высокого положения. Управлять и подчинять своей воле таких женщин, которым пришлось в детстве питаться каштанами и ходить босиком, было очень трудно. Знатность у них в крови. Могла ли Анжелика когда-либо забыть, как он с ней обошелся?

Беспокойство, в котором ему не хотелось признаваться, мучило его с тех пор, как он увидел ее лицо на следующий день после того ужасного вечера, когда еще не рассеялся дым драматического сражения. Его охватил ужас. «Я и не подозревал, что ударил ее так сильно», — подумал он, замерев от страха. Никогда,

никакая женщина не могла настолько вывести его из себя. — «Я мог бы убить ее».

Разозлившись на себя, он начал еще больше сердиться на нее... И, как ни странно, влекло его к ней вдвое сильнее...

При каждом брошенном на нее взгляде он чувствовал, как волна нежности и чувственности захватывает его и несет к ней с одним единственным желанием — заключить ее в свои объятия. Слишком долго его руки не касались ее. Прав был Ванерек, когда с напускным легкомыслием гуляки, стесняющегося своей философской мудрости, советовал ему: «Поверьте мне, сеньор де Пейрак, ваша супруга из тех женщин, которых «стоит» прощать...»

С трудом, но он должен был признать, что она, несмотря на пережитое унижение, сумела сыграть роль «графини де Пейрак», как требовали того обстоятельства, и держалась в течение трех прошедших дней, мучительных и решающих, как достойная супруга. За это он будет ей всю жизнь втайне благодарен.

Украдкой наблюдая за ней, он невольно все больше убеждался в том, что все в ней «стоило» прощения. Не только ее красота и совершенство тела — искушение, перед которым ему меньше всего хотелось бы устоять, — но прежде всего ее «сущность», которую он ценил как великое сокровище.

Ему казалось, что он ненавидит ее и в то же время не может противиться той тайной, удивительной силе, которая дана была только одной Анжелике.

Так было и в то памятное утро, во время кровопролитного боя на корабле «Сердце Марии», когда он, задыхаясь от напряжения после схватки, вдруг остановился, уверенный в победе, и, осознав, насколько смертельной была битва, неожиданно подумал: «Какое счастье, что она в Голдсборо!..»

Как только несчастные раненные узнали, что она в Голдсборо, они сразу же воспрянули духом, даже те из них, кто знал о ней только понаслышке. «Дама с Серебряного озера, француженка-целительница! Красавица! Знающая секреты всех трав... их целебные свойства... Говорят, в ней какая-то магическая сила. Говорят, она на берегу... Скоро придет к нам... Мы спасены...»

Все мужчины ее обожали!.. Что ж тут поделаешь?..

Сейчас ее звонкий смех то воспалял его, то мучил и подчинял, как и всех присутствующих мужчин, своей чарующей силой, склоняя к снисходительности и позорной капитуляции.

Он продолжал беседовать со своими гостями, сидя за праздничным столом, а в глубине его сознания возникали, переливаясь красками и смешиваясь, две женские ипостаси. Слабости Анжелики несколько не умаляли ценное! и ее сильной человеческой натуры, которой он, после всех испытаний, наконец подчинился. Она доставляла ему наслаждение и в то же время вызывала у него гнев, поскольку он видел в ней женщину опасную, переменчивую, непостоянную. Он хотел ненавидеть в ней слабую легкомысленную женщину и в то же время страстно желал видеть в ней свою подругу, жену, ту, которой он мог бы доверять свои мысли и чувства, видеть в ней сладостное убежище собственных плотских страстей.

Руки его давно не касались ее. Тело его изнывало без нее. Смятение овладевало им.

Неожиданная ссора оставила в его сердце рану, через которую, как он чувствовал, уходят силы, так ему необходимые. Он плохо спал. Метался от страстного желания обнять ее. «Где ты, моя сладкая, моя нежная, моя любимая?..

Где твое оголенное плечо, на которое я так любил склонять свою голову? Где твои пальцы, такие нежные,

такие волшебные? Где твои руки, крепко сжимавшие мое лицо и склонявшие его для поцелуя? Где твои губы, в которых были и страсть любовницы и нежность матери, о чем мы, мужчины, постоянно тоскуем! Ты уже начала привыкать ко мне, перестала бояться. И вдруг все рухнуло».

Граф подавил непрошенный вздох.

О чем думает она там, на другом конце стола? Теперь он этого не знал.

Последние дни ему случалось почувствовать, что он колеблется в своих решениях, сомневается в себе самом.

Только в Колене Патюреле он был полностью уверен. Колен, Король рабов, был человеком, которого он давно ждал. И как только узнал его, то сразу перестал видеть в нем соперника, решил, что никакая «история с женщиной» никогда не сможет отнять у него этого человека, рожденного быть народным вождем.

Но ведь он видел своими глазами, как рука Анжелики нежно, ласково ложилась на эту крупную, с львиной шевелюрой, голову.

Тогда, на острове, какое он испытывал страдание, ожидая измены в любую минуту!

Но как только он, спрятавшись за деревьями, увидел силуэт пирата, то сразу узнал в нем Короля рабов в Микнесе. Все сразу стало ясно, и от этого показалось значительней и трагичней. Он никогда не сомневался, что Анжелика любила этого человека. Это невольно вызывало в нем острое чувство ревности.

Колен заслуживал любви такой женщины. От этого воспоминания ядовитая капелька сомнений стала снова проникать в его сердце. Теперь ему вновь стало казаться, что он не в силах осуществить план, задуманный им и подготовленный против всего и всех.

Пока же он видел, как Анжелика поднимает на Колена свои прекрасные глаза, ища в нем сочувствия.

Но суровый нормандец, из чувства лояльности по отношению к де Пейраку, притворялся, что не понимает ее вызывающе восхитительной улыбки. Жофfrey слышал ее чарующий, немного насмешливый голос:

— Господин губернатор, я, кажется, припоминаю, что когда мы находились в дикой стране, вы называли меня Анжеликой? Может, мы возобновим наши братские обычаи христианских пленников?

Бессовестная! Она не только в открытую идет на позор, но и сама отвечает ударом на удар.

А он-то глупец, готов был уже сжалиться над ней! Пусть страдает. Она это заслужила.

Он перенес все свое внимание на соседку слева, Инес Тенарес, сладострастное создание, смесь карибских, испанских и португальских кровей. Ее черные глаза ревниво следили за Жилем, который был слишком увлечен их смешливой хозяйкой. Де Пейрак прикоснулся пальцем к подбородку хорошенькой метиски, заставив ее отвернуться от грустного зрелища и посмотреть на него.

— Утешимся вместе, синьорита, — тихо и нежно шепнул он ей по-испански.

Глава 17

— Колен, он не любит меня больше! Он ухаживает за Инес! Я надоела ему!

Анжелика шла по полутемному переходу. Ее покачивало, и она то и дело припадала к плечу Колена. Праздник подходил к концу. Наступал вечер. На фоне золотистого неба плыли облака. На песчаном берегу царил беспорядок. Веселящиеся группки людей продолжали петь и смеяться. В зале продолжали сидеть, не в силах встать.

Тут она и поверила в дьявольскую силу. Как и все в этой проклятой стране.

Она повернулась в сторону Голдсборо. «Ведь есть на земле места, где бродит дух...»

Не из тех ли мест Голдсборо? Разве провидица, монахиня из Квебека, не указала на него? Ведь именно здесь, по ее пророчеству, должна произойти некая мистическая драма.

«Но не я же тот демон, — почти закричала Анжелика. — Ведь не я?»

Невольно вспомнилось то пророчество, взволновавшее канадцев.

«Я сидела на берегу моря. Деревья подступали к самой воде... Песок отсвечивал розовым... Слева от меня на берегу небольшой бухты возвышался деревянный пост с высокой оградой и башня с флагом... По всей бухте, словно уснувшие чудовища, были разбросаны островки... На берегу, под прибрежной скалой, виднелся дом из светлого дерева... У причала качались два корабля на якоре... На другом берегу бухты, на расстоянии примерно одной или двух миль, находился еще один поселок — несколько хижин среди кустов

роз... Я сидела у моря и слушала крики чаек и бакланов...»

Ветер с силой трепал волосы Анжелики. Они, словно подчиняясь движениям руки какого-то безумца, то обвивали ее, то отпускали, то снова начинали обвивать, нашептывая страшные слова.

Застыв на самом краю скалы, Анжелика смотрела на Голдсборо.

Розовый песок. Островки, как уснувшие чудовища. И «деревянный пост, и башня с флагом», поселок, где расположился лагерь Шамплена, и распускающиеся розы вокруг него.

«Вдруг какая-то женщина неопишуемой красоты поднялась из пучины моря, и меня сразу осенило, что это демон в женском обличье... Какое-то время она словно парила над водой, в которой отражалось ее обнаженное тело... Вдруг на горизонте появился единорог, он приближался галопом, и его длинный бивень сверкал в лучах заходящего солнца. Женщина-демон села на него верхом и устремилась вперед. Тогда я поняла, что она появилась, чтобы разрушить дорогу нам Акадию, которую мы взяли под свое покровительство...»

Анжелика, словно замороженная, не могла оторваться от представшей перед ней картины. Какой-то глубокий, но тайный смысл скрывался за неясными пророчествами. Теперь она была в этом уверена. Иррациональный смысл нашей природы, который делает нас чувствительными к символам, вызывал в ней тревогу.

Да, у причала на якоре качались два корабля, и взлетали чайки и бакланы, и дома из светлого дерева стояли под прибрежной скалой.

Она вспомнила. И вскрикнула. Когда она, в прошлом году, сошла на берег в этом месте, здесь еще не было дома из светлого дерева под скалой. Эти дома были

выстроены той зимой и этой весной гугенотами из Ла-Рошели.

Взбудораженная от ветра и выпитого вина, она быстро зашагала прочь. Мысли в ее голове путались. Она шептала сквозь зубы:

— Я им скажу... Я им всем скажу... Я там в Квебеке скажу им, что не я ваш демон... Нет, не я! Не было домов из светлого дерева, когда я высадилась там. Теперь они стоят... Это сейчас должна появиться ваша женщина-дьявол!..

Она остановилась, задохнувшись от холода и импульсивного страха... Слова, которые она только что произнесла, показались ей безумными, но правильными.

Что касается кораблей, то ведь в тот день их было много, а не два. И местность, описанная в пророчестве, разве она была такой?

Проклятые наваждения! Если бы она могла побежать к Жоффрею! Он бы выслушал и рассеял все ее страхи, посмеялся над ними...

А теперь она была одна. И ей одной почудилась за мнимыми видениями угроза злого духа, женщины-демона, сверкающего создания, которое вышло из пучины моря, чтобы пронестись над землей Акадии и снести, разрушить, уничтожить все на своем пути... испепелить сердца!

***

«Я слишком много выпила!.. И к тому же устала! Уж не схожу ли я с ума? Нужно поспать, не думать ни о чем!»

Так размышляла Анжелика в тот знаменательный вечер, когда в Голдсборо праздновалось назначение нового губернатора.

Ночь была уже близка. А Колен все еще держал свою речь, стоя на помосте. Кончил же он тем, что разбросал в толпу целых сто ливров золотых монет.

Все казались веселыми. Только Анжелике во всем виделось что-то пугающее. После «озарения», которое снизошло на нее, когда она стояла на берегу моря, ее боль от разлуки с Жоффреем усилилась страхом. Неужели оба они станут жертвами какого-то колдовства?

Всюду она ощущала знаки своего предчувствия. Смех, песни, танцы, общее веселье вызывали у нее боль, казались ей оскорбительными перед несчастьем, которое, как она видела, надвигается на них. А может, оно уже здесь, среди них!

Червь, скрывающийся внутри плода. Злой дух, который бродит, смеется, губит все вокруг. Крик чайки в ночи? Это смех демона! Кому поведать о своем смятении?

«Я слишком много выпила! Завтра все пройдет... Завтра я отыщу Жоффрея. Надо, чтобы он согласился со мной встретиться. Чтобы он сказал, чего он от меня хочет. Хочет ли он меня прогнать? Или простить? Но ведь так не может долго продолжаться... В конце концов, все мы слабые создания, и он, демон, нас настигнет... Нет, бред какой-то. Ничего же нет на самом деле... Ничего такого в море не видно... Никто к нам не плывет! Ничего ужасного! Нет, мы будем сильнее этой дьявольской силы... Только надо, чтобы мы были вместе... Мне кажется, что меня лихорадит. С меня хватит на сегодня. Прощайте, господа, я вас оставляю с вашими великими проектами».

Она переходила от одной группки людей к другой. Они еще продолжали петь, рассевшись у костров, разложенных на песке. Ее сопровождали приветственные возгласы. Она подошла к Жоффрею де Пейраку и Колену Патюрелю, которые стояли у форта, принимая поздравления и похвалы по поводу торжества. Молча, почтительно поклонилась и проследовала дальше.

По дороге ее слегка покачивало. Она не сознавала, что двое мужчин невольно провожают ее взглядом.

Под окнами ее дома, во дворе форта, матросы разговаривали, опорожня огромную бутылку вина.

— А пока суд да дело, нас уже «обрядили» в морскую форму, — говорил один из парней с корабля «Сердце Марии». — Вот что значит стать поселенцем в таком прекрасном уголке земли. А что касается жен, то кроме гугеноток и дикарок, других не видно. Вкалывать в Америке, куда ни шло, я согласен, но только не один. Надо, чтобы дома меня ждала вкусная еда и белая жена, католичка, нарядно одетая. Это меня устроит! Это-то меня и привлекло в контракте.

Лейтенант де Барсампюи толкнул его в бок локтем.

— Не слишком ли ты многого захотел, парень? Тебе уже удалось снова увидеть заходящее солнце, хотя день предвещал нам смерть. Сегодня вечером самая прекрасная женщина будет в моих объятиях, это — жизнь. Другая вскоре появится на горизонте. Не сомневайся!

— Пусть будет так! Но пока насчет женщин что-то ничего не намечается.

— Молитесь, сыны мои, — вмешался отец Бор. — Молитесь, и Бог вам воздаст. Все вдруг засмеялись.

— Ну, монах, — сказал один из парней, — не хочу тебе перечить. Но скажи, как твоему Богу удастся завтра же явить нам двадцать или тридцать прекрасных дев, будущих жен, достойных соединить свою судьбу с порядочными дворянами, любителями приключений, коими мы являемся?

— Конечно, я еще не знаю, — спокойно ответил реформат, — но Бог всемогущ. Молитесь, сыны мои, и жены будут дарованы вам.

Глава 18

Бог всемогущ. Бог, как известно, может все.

И парням с корабля «Сердце Марии», обращенным в веру флибустьерам, были действительно дарованы жены на следующий день после того странного вечера.

Какой-то человек показался на тропинке, ведущей от Голубой бухты к Голдсборо. Дождь и ветер разведали его плащ. Он торопился, задыхаясь на бегу. Это был бумагопромышленник Мерсело, владелец заводика, расположенного в стороне от поселка.

Уже у форта он закричал караульным:

— Скорее! Торопитесь! В Голубой бухте тонет корабль!

Анжелика, которая спала как убитая, проснулась от мигания огней во дворе форта. Заря еще только занималась. Сначала ей показалось, что это продолжается праздник. Но из-за поднявшейся суматохи она поняла, что происходит что-то необычное. Наскоро одевшись, она быстро спустилась вниз, чтобы узнать, в чем дело.

В свете фонарей виднелась фигура Мерсело. Он что-то показывал на карте, которую держал граф.

— Они, наверное, налетели на риф Мрачного монаха при входе в маленький залив Анемонов, а потом течением их снесло к Голубой бухте.

— А что им там понадобилось? — воскликнул граф.

— Они испугались бури...

— Но... не было никакой бури.

Действительно, странно.

Правда, ветер был сильный, и море беспокойное, но небо оставалось чистым. И с корабля, находившегося в открытом море, берег с его сигнальными огнями должен был быть прекрасно виден.

— Может быть, это какое-то рыболовное судно?

— Кто ж его знает?... Слишком темно. Но от криков, что доносятся с места крушения, волосы встают дыбом. Моя жена и дочь вместе со служанкой и нашим соседом уже на берегу.

Вот так, едва придя в себя после праздничного веселья, жители Голдсборо, еще совсем сонные и встревоженные, оказались в то раннее ветреное утро на берегу Голубой бухты, вслушиваясь в доносившиеся до них отчаянные крики. Вдали, среди волн, то появлялись, то исчезали мачты корабля, наполовину скрытого водой. Анжелика уже была в толпе вместе с большинством местных дам.

Корабль погрузился почти до самого борта, но, странное дело, пока еще держался на плаву. Течением у входа в залив его бросало из стороны в сторону. Всякий раз, когда начинало казаться, что несчастный корабль вот-вот должен разбиться и развалиться на куски, словно перегруженная бочка, его относило в сторону вместе с обвисшими парусами и сломанными мачтами.

Лишь бы они продержались до прихода кораблей, которые вели Жоффрей де Пейрак и Колен Патюрель, стараясь обогнуть мыс Ивернек, чтобы подойти к тонущим с моря.

Ветер доносил душераздирающие крики и мольбы о помощи. Они казались еще более ужасными от того, что из-за высоких волн не видно было людей на тонущем корабле.

Из Голдсборо подошла команда из местных матросов и рыбаков. Они вооружились баграми, крюками, якорями, веревками и канатами.

По указанию Эрве Ле Галля, трое из них сели в рыбацью лодку семьи Мерсело и начали грести изо всех сил.

Другие расположились вдоль скал, готовясь помочь тем из потерпевших, кто попытается достигнуть берега вплавь.

— Я пойду приготовлю поесть и попить чего-нибудь горячего, — решила мадам Мерсело. — Идем, Бертиль.

Анжелика принесла бальзам, корпию для перевязки ран и флягу рома. Она хотела последовать за мадам Мерсело, но вдруг увидела в нескольких кабельтовых от берега, на гребне поднявшейся волны, что-то вроде плота из досок и бочек, наспех скрепленных между собой. Несколько женщин с растрепанными волосами, дико крича, цеплялись за это сооружение.

— Женщины! — закричала Анжелика. — О, Господи! Прибой несет их прямо на скалы. Они сейчас разобьются.

Не успела она произнести эти слова, как плот, словно разумное существо, встал на дыбы и устремился к острому рифу. Наскочив на него, он тут же переломился и развалился на сотню кусков, сбросив свой груз в море. К счастью, берег был уже близко. Анжелика и женщины, стоявшие рядом, тут же бросились в воду, доходившую им до пояса, чтобы оказать помощь несчастным.

Анжелика ухватила за длинные волосы какую-то женщину в тот самый момент, когда та уже готова была уйти на дно, густо заросшее водорослями.

Ей удалось удержать голову тонущей на поверхности воды и вытащить женщину на берег.

Спасенная оказалась крупной, весом не менее ста восьмидесяти фунтов. Пока она находилась в воде, Анжелика кое-как справлялась с ней, но, вытянув ее на песок, она поняла, что не в состоянии больше сдвинуть ни на один дюйм это неподвижное тело, в которое она крепко вцепилась.

— Да помогите же мне наконец! — закричала она. Подбежал матрос. Они позвали второго, потом третьего

и четвертого.

— Черт бы ее побрал! Скажите, пожалуйста, что же такой женщине понадобилось в море, — жаловались моряки. — При ее весе нужно не на корабль садиться, а стоять на земле вместо крепостной пушки.

Тем временем мадам Мерсело вместе с дочерью, служанкой и слугой помогли выбраться на берег остальным шестерым женщинам. Все они страшно дрожали и не переставая стучали зубами, некоторые плакали. Одна из спасенных упала на колени и осенила себя крестным знаменем.

— Благодарю тебя, милосердная Святая Дева за наше спасение, — проговорила она страстным голосом.

Все женщины оказались француженками, но их акцент отнюдь не был акадийским.

— Дельфина! Вон там, она еще цепляется за камень! — закричала одна из них, показывая на молодую женщину, которой удалось ухватиться за риф.

Силы вот-вот готовы были ее покинуть, и тогда новая волна сбросила бы ее в море. По маленькой косе, не покрытой еще водой, Анжелика добежала до нее и помогла ей добраться до твердой земли.

— Обнимите меня за плечи, дорогая, — посоветовала она ей. — Я помогу вам дойти до дома. Вот он, виден отсюда. Сейчас вы окажетесь у огня и согреетесь.

Спасенная, хорошенькая брюнетка с умными глазами, видно, была из хорошей семьи. У нее хватило мужества, слабо улыбнувшись онемевшими губами, пробормотать:

— Спасибо, мадам. Вы очень добры.

— Они плывут сюда! — раздался крик, полный надежды, при виде белых парусов кораблей де Пейрака и Патюреля, показавшихся из-за полуострова Сернек. Оба корабля-спасителя быстро шли к тонущему судну.

— Много еще людей осталось на борту? — поинтересовалась Анжелика у молодой женщины, которую она вела, поддерживая.

— Я думаю, по крайней мере, двадцать моих спутниц и, наверное, несколько человек из команды. О, Господи, сделай так, чтобы спасатели подоспели не слишком поздно.

— Нет, нет! Смотрите, смотрите, наши корабли подошли с двух сторон к судну.

Уже совсем рассвело, и можно было наблюдать во всех подробностях за тем, как шло спасение.

Ле Галль, вернувшись на своем маленьком суденышке, полным женщин, заверил, что еще есть шансы спасти всех, кто оставался на корабле.

А корабль, конечно, тонул, но тонул довольно медленно, и было вполне достаточно времени, чтобы перевести всех оставшихся в живых на прибывшие судна. Индейцы из поселка тоже подплыли на своих лодках. Они привезли еще партию женщин, которые были напуганы как положением, в котором оказались, так и видом краснокожих, украшенных перьями. Вместе с ними в лодке находился мальчик, корабельный юнга, весь в морской пене, с растрепанными волосами.

Все увидели, как мачты тонущего корабля погрузились в воду и вскоре почти исчезли. Белые паруса двух кораблей из Голдсборо были похожи на испуганных птиц, кружащих вокруг умирающей жертвы. На берегу женщины не давали увести себя и, не отрывая глаз, следили за последними мгновениями жизни их корабля.

Когда он исчез, они зарыдали и, заламывая руки, стали жаловаться на свою несчастную судьбу.

Глава 19

Мадам Петрониль Дамурт — с «т» на конце, как она подчеркивала, — толстуха, спасенная Анжеликой, с трудом натянув на себя платье мадам Маниго, — единственную более или менее подходящую для ее габаритов одежду — сидела напротив графа де Пейрака и Колена Патюреля и пыталась, перемежая свою пространную речь не менее пространными рыданиями, объяснить им, как все случилось.

Ей было поручено, говорила она, за 600 ливров наличными, как уточняла она с гордостью, сопровождать тридцать «королевских невест», направленных в Квебек. Там их должны были выдать замуж за местных поселенцев, солдат и офицеров, и тем самым помочь увеличить население колонии.

— Но ваш корабль вовсе не следовал курсом на Квебек, моя почтенная дама, — заметил граф, — вы находитесь весьма далеко от него.

— Вы так думаете?

Она посмотрела на Колена. Его простое лицо внушало ей меньше страха, чем физиономия этого дворянина с манерами испанца, который дал им приют в своем доме. Колен, как ей казалось, мог лучше понять страдания наивного и неискушенного сердца.

Он подтвердил слова графа де Пейрака.

— Вы вовсе не на пути в Квебек.

— Но тогда где же мы? Нам сказали, что уже видны городские огни, и вдруг судно начало тонуть.

Она смотрела с ужасом и недоверием то на одного, то на другого своего собеседника. И по толстым ее щекам слезы текли ручьями.

— Что скажет наша благодетельница, герцогиня де Бодрикур, когда обо всем узнает?.. О! Что я говорю,

ведь она, наверное, погибла, утонула... Какое ужасное несчастье! О! Нет, это невозможно. Наша дорогая благодетельница. Наша святая! Что с нами будет?

Она пуще прежнего зарыдала, и Колен подал ей свой платок размером с большую салфетку. Моряки народ») предусмотрительный. Она вытерла слезы и с трудом успокоилась.

— Бедная герцогиня! Она мечтала посвятить свою жизнь Новой Франции!

Мадам Дамурт продолжила свой рассказ, начав издалека. Похоже, ее приключения начались с того самого дня, когда она поступила на службу горничной к герцогине де Бодрикур д'Аржансон.

Несколько лет спустя умер герцог де Бодрикур в возрасте семидесяти пяти лет, проведя свою жизнь в постоянных кутежах, но оставив тем не менее своей жене прекрасное состояние.

Благородная вдова, мадам Амбруазина де Бодрикур д'Аржансон, после долгой супружеской жизни, когда ей приходилось с великим терпением и целомудрием переносить всевозможные оскорбления, придирки и измены мужа, решила что, наконец-то, пришло время осуществить свое давнишнее желание: удалиться в один из монастырей, который она сама себе выберет, и там, молясь и умерщвляя плоть, дожидаться смерти, а также, под руководством ученых и астрономов, посвятить себя изучению математики, к которой, как она считала, у нее был дар.

Она вступила, в качестве канониссы, в монастырь августинок, в городе Туре. Но через два года духовный отец уговорил герцогиню оставить монастырь, убедив ее в том, что обладательница такого большого состояния просто должна отдать его на службу церкви, а не каким-то там математикам. Он сумел увлечь ее идеей спасения Новой Франции и обращения в католическую веру дикарей.

Но вдова продолжала колебаться. И вот однажды утром, проснувшись, она увидела перед собой высокую женщину в белоснежной одежде, которая отчетливо ей сказала: «Отправляйся в Канаду. Я не оставлю тебя». Она не сомневалась, что увидела Святую Деву, хотя и не смогла различить ее лица. С тех пор она целиком посвятила себя делу обращения в святую веру жителей далеких земель. Мадам де Бодрикур была женщиной с деловой хваткой и хорошо знала высший свет. Она сумела повидаться со многими министрами, получила разрешение и основала компанию Сен-Лоренской Богоматери. У этой организации было то преимущество, что она являлась полукommerческой, полурелигиозной и, будучи на службе у короля, губернаторов и миссионеров, полностью обеспечивала свое собственное существование.

Мадам Петрониль, привязавшаяся всем сердцем к этой удивительной женщине, последовала за ней в монастырь, пожелав и дальше служить ей, несмотря на ее проекты, становившиеся все более опасными.

Вот и пришлось решиться даже на такое: вступить одним холодным утром в зыбкий мир из досок и парусины, именуемый кораблем, и перенести в трюм этого чудовища свои сто восемьдесят фунтов, чтобы пережить потом тысячу смертей не столько из-за плохой погоды, сколько из-за нрава девиц, которых она сопровождала. Но разве могла она оставить бедную герцогиню одну перед лицом неизвестности и стольких опасностей? Ведь мадам де Бодрикур, будучи хорошо информирована о самых срочных нуждах колоний, знала, что там прежде всего нужны жены для поселенцев.

И действительно, тамошние молодые люди должны были вступать в брак раньше, чем достигнут двадцати лет. Таков был приказ короля. В случае невыполнения приказа отец какого-нибудь строптивого дворянчика

должен был уплатить штраф и каждые шесть месяцев являться к властям, чтобы давать объяснения, почему его сын уклоняется от выполнения приказа.

Недавно управляющий Карлон, человек крайне властный, издал указ, запрещающий неженатым канадцам охотиться, заниматься рыбной ловлей, торговать с индейцами или под каким-либо предлогом уходить далеко в лес. Министр, господин де Кольбер, прислал из Европы в дополнение к этому указу еще и постановление, по которому все уклоняющиеся от женитьбы молодые люди должны были платить специальный налог на холостяков. По этому постановлению они лишались всяких почестей и высокого положения и обязаны были носить на рукаве специальную нашивку как знак своего бесчестия.

После такого указа восемьсот человек из каждой тысячи холостяков Квебека сбежали в лес.

Де Пейрак был достаточно осведомлен об этом, поскольку Никола Перро, Мопертюи и его сын тоже стали жертвами этих законов.

Для остальных же двухсот законопослушных парней, оставшихся в Монреале и Квебеке и покорившихся судьбе, нужны были жены. Мадам де Бодрикур захотела поспособствовать осуществлению этой благородной миссии. Она взяла на себя все расходы, связанные с перевозкой тех, кого называли «королевскими невестами». Снабдила их приданым и, в подражание королевскому «презенту», который Администрация должна была передать девушкам, подарила каждой из них по сто ливров, а именно, десять на отъезд, тридцать на приобретение всякого скарба и шестьдесят на переезд. Кроме денег, каждой подарила закрывающуюся шкатулку, четыре рубашки и комплект одежды — плащ, юбку и нижнюю юбку, — а также чулки, туфли, четыре шейных платка, четыре капора, четыре чепца, две пары манжет, четыре

носовых платка, пару кожаных перчаток, шляпу и по платку из черной тафты. Не были забыты гребни, щетки и прочие мелочи.

Таким образом они были обеспечены всем необходимым и вполне могли понравиться покорным холостякам, которые должны были ожидать их, выстроившись в ряд на набережной Квебека, одетые в великолепные наряды и обутые в толстые башмаки.

После церемонии короткой встречи предполагалось угощение, способствующее установлению первых контактов. Затем девушек препроводили бы в один из городских монастырей, которых там предостаточно, где в последующие дни они могли бы под руководством священников, монахинь и дам-благотворительниц встречаться с молодыми людьми в приемной монастыря.

— Как вам известно, господин де Кольбер очень строг в отборе женщин, которых посылают в Канаду, — заявила Петрониль Дамурт. — По его примеру мы тоже очень строго отнеслись к отбору наших подопечных. Все те, кого мы привезли — это законнорожденные дети: одни сироты, другие из обнищавших семей.

Кроме всего прочего, мадам де Бодрикур зафрахтовала корабль. Король пожаловал ей вымпел со своим вензелем, а королева подарила украшения для церкви.

Мадам Петрониль начала рыться в карманах, ища какие-то бумаги, чтобы доказать не внушающим ей особого доверия иностранцам, в каких благочестивых и честных условиях организовывалась эта экспедиция.

Она хотела показать им точные счета, так как сама составляла опись всего, что принадлежало каждой девушке; эту опись она потом заверила у судебного исполнителя. Все эти бумаги вместе с письмом от господина де Кольбера были заботливо уложены в мешочек из плотной парусины...

Вспомнив при этом, что собственная ее одежда имеет со шкатулкой, сменой белья и прочими пожитками в настоящее время должна была находиться где-то на дне моря, она снова заплакала горячими слезами.

Ничего больше узнать от нее не удалось. Только то, что вступили они на борт небольшого судна водоизмещением в сто пятьдесят тонн, направлявшегося в Квебек в начале мая, а попали в кораблекрушение у берегов Мэна, во Французском заливе, в начале июля.

— Как звали вашего капитана?

— Жоб Симон. Это был очаровательный мужчина, и такой галантный!

— Но плохой штурман, как мне кажется, — прервал ее де Пейрак. — Где он сейчас, ваш капитан? Где вся ваша команда? Корабль был небольшим, согласен. Но, чтобы управлять им, на борту все же должно было находиться не меньше тридцати человек команды. Где они?

Увы! Ответ вскоре стал известен. Море вернуло изуродованные, разбитые о скалы тела. Их находили в каждом фиорде, в каждой бухточке, и индейцы приносили их, таща на своих спинах. Трупы укладывали в ряд на песчаном берегу Голубой бухты. Их пошел осматривать Жоффрей де Пейрак вместе с юнгой, бретонским мальчиком, который знал всего несколько слов по-французски и был несказанно счастлив от того, что остался жив и что ему удалось сохранить свою ложку из резного дерева — главную ценность моряка. Он рассказал, что слышал, как корпус судна, налетев на рифы, начал трещать по швам. В это время старший помощник капитана велел спустить на воду большую шлюпку с несколькими мужчинами и женщинами, чтобы те отправились за помощью в порт.

— Какой порт?

— Мы видели огни и думали, что прибыли в Квебек.

— Квебек?

— Ну, да!

Глава 20

Анжелика с самого раннего утра была занята оказанием помощи тем несчастным, которых удалось спасти в Голубой бухте. После раненых в недавнем сражении мужчин теперь на ее попечении оказались женщины. Грубую волосатую кожу сменила кожа нежная, гладкая и белая. Даже и без этой разницы, ей никогда не забыть тех кошмарных дней, которые последовали за ее первый возвращением в Голдсборо, когда ей пришлось пройти вместе с Данте по всем кругам ада, так полюбившегося поэту, ада, куда он с удовольствием поместил грудой копошащихся обнаженных тел всех проклятых Богом грешников.

И вот после раненых — теперь утопленники. После ругательств и хрипов — теперь слезы и скрип зубов представительниц прекрасной половины рода человеческого.

Анжелика вспомнила и размечталась, как о недостижимом рае, о своем сладостном и мирном житье в Вапассу.

«Королевским невестам» было от пятнадцати до семнадцати лет. Некоторые из них были из крестьянок, но большинство прибыли из Парижа, где их отобрали из приюта при одной из городских больниц. Их резвость и насмешливость оживили воспоминания Анжелики, и она словно почувствовала в свежем воздухе Америки такую знакомую ей затхлость кривых улочек за площадью Шатле или Цветочной набережной, запахи Сены, парижских мясных лавочек, харчевен, услышала грохот экипажей, проезжающих по мощеной парижской мостовой.

Среди них находились четыре «невесты» явно хорошего происхождения, которые предназначались в

жены офицерам, была еще мавританка с темно-кофейного цвета кожей, а также крайне распушенная девица по имени Жюльена.

С первого же момента эта девица грубо отказалась от помощи Анжелики, хотя видно было, что она страдала не меньше других. Ее спутницы относились к ней сдержанно, так как она явно не подходила к их компании «невест» для Канады, выбранных, согласно указаниям господина де Кольбера, из числа девушек, «послушных, крепкого сложения, трудолюбивых, смышленных и очень религиозных».

Подчеркивая эти требования. Дельфина Барбье дю Розуа, хорошенькая, смелая брюнетка, твердила, что этой девице вовсе не место в их компании. Только благодаря исключительной доброте де Бодрикур она оказалась вместе с ними.

— Хорошо вам, таким благородным, рассуждать! — закричала Жюльена, услышав слова о доброте. — Вам подавай атлас по двадцать ливров, а мы, приютские, довольствуемся полотном по тридцать су за локоть.

Она явно бравировала своими манерами базарной торговли, но все ее попытки поссориться не имели успеха, так как другие девушки, действительно, были более уживчивыми, скромными и сдержанными, и их, хотя и бедных, воспитывали в приюте монахини. А кораблекрушение сблизило их со спутницами куда более изнеженными и более благовоспитанными. Именно Дельфине де Розуа пришла в голову мысль соорудить плот, и именно она успокаивала и подбадривала девушек в самые ужасные минуты при спасении.

Анжелика, не имея других возможностей, разместила своих подопечных на крытом кукурузном гумне, пустовавшем после освобождения заключенных, которые снова возвратились на свой корабль «Сердце Марии».

Сейчас они бродили вокруг гумна, разглядывая развешанные повсюду и полощущиеся на ветру женские юбки и кофты.

Подошел лейтенант де Барсампюи, неся на руках безжизненное тело.

Его глаза лихорадочно блестели.

— Я ее нашел, — начал объяснять он. — Я ее нашел там, среди голубых скал. Она похожа была на раненую чайку. Как в моем сне. Это она, я уверен. Я ее часто видел во сне. Посмотрите, какая она красивая.

Анжелика взглянула на белое, без единой кровинки, лицо, закинутае назад под тяжестью длинных светлых волос, перемешанных с песком, кровью и морской водой.

— Несчастный, она же мертва... или похоже на это.

— Нет, нет, я вас умоляю, спасите ее, — воскликнул молодой человек. — Она не умерла. Сделайте что-нибудь для нее, мадам, я вас умоляю. Ваши руки могут творить чудеса, вылечите ее, оживите ее, помогите ей... Она не должна умереть, ведь это она, та девушка, которую я ждал.

— Это Кроткая Мария, — сказали «королевские невесты», наклонившись над безжизненным телом. — Бедняжка! Несчастливая! Лучше бы ей умереть. Ведь она была камеристкой у мадам де Бодрикур и относилась к ней, как к матери. Кем она здесь станет без нее?

Пока Анжелика с помощью Ребекки старалась вернуть к жизни несчастное тело, покрытое кровоподтеками, остальные обсуждали, как все это могло случиться с герцогиней. Наверное, она бросилась на нижнюю палубу, чтобы спасти ребенка Жанны Мишо, забытого там всеми.

Забившись в угол, плакала Жанна Мишо. В свои двадцать два года она была самой старшей в этой компании. Вдова простого ремесленника-жестянщика, она покорила великодушное сердце мадам де Бодрикур,

и та уговорила ее отправиться вместе со своим двухлетним сынишкой в Канаду, где она, по словам мадам, сможет, скорее, чем во Франции, выйти замуж. У нее было свидетельство, выданное ей местным кюре, подтверждавшее ее хорошее поведение и то, что во Франции она не была снова замужем. Из случившегося ей удалось запомнить лишь то, как, проснувшись от раздававшихся криков, она в темноте тщетно искала ребенка, который заснул у нее под боком.

Жанна стонала, не переставая:

— Это по моей вине умер мой сыночек и погибла наша благодетельница. Как святая, как великомученица!

— По-моему, вы поднимаете слишком много шума из-за этой чертовой герцогини, — грубо закричала Жюльена. — Вот уж нашли себе благодетельницу! Хотите, я вам скажу, кем она была, ваша благодетельница? Она была надоедливой занудой. Что касается меня, то я с удовольствием отдаю ее ангелам небесным, если они уж так хотят ее заполучить. Хватит с меня моих страданий из-за ее козней.

— Вы говорите так потому, что она заставляла вас ходить к мессе, молиться и хорошо себя вести, — сурово сказала Дельфина.

Девушка хрипло захохотала и недоверчиво взглянула на Дельфину.

— Ага! Вижу, и вы тоже поддались на ее удочку, мадемуазель дю Розуа. Ей удалось и вас привлечь на свою сторону, со своими «отченашами». А ведь вначале она вам нравилась не больше, чем мне. И все-таки ей удалось добиться своего.

— Жюльена, вы ее возненавидели с самого первого дня, потому что она старалась смягчить вас, сделать вам добро. Увы, вы ненавидите добро.

— Ее добро? Плевала я на него! Мне его не нужно. Хотите, я вам скажу, кем была ваша герцогиня?..

Мошенницей, негодной тварью...

Продолжение этих слов затерялось в общем крике. Трое или четверо из девушек набросились на Жюльену, не помня себя от негодования.

Жюльена защищалась, отбиваясь кулаками и стараясь укусить руки, которые тянулись к ней, чтобы заткнуть ей рот и заставить ее замолчать..

— Нет, я все равно скажу, что думаю... Вы все равно со мной не справитесь, несчастные.

Вдруг голос ее ослаб, затих, и она, обессилев, упала на землю в глубоком обмороке.

Нападавшие опешили.

— Что с ней случилось? Мы едва дотронулись до нее.

— По-моему, ее ранило во время кораблекрушения, — вмешалась Анжелика, — но она не хочет никого подпускать к себе. Все же, на сей раз, ей придется смириться.

Но стоило ей наклониться над упрямицей, как та вскочила на ноги и, глядя на Анжелику с ненавистью, закричала:

— Не прикасайтесь ко мне, или я вас убью! Анжелике ничего не оставалось делать, как пожать плечами и оставить ее в покое. Жюльена забилась в угол и притаилась там, словно дикое животное.

— Ей не надо было отправляться в Канаду, — еще раз подтвердили девушки. — Из-за нее и нас тут примут за воровок и отъявленных негодяек, которых ссылают на остров Сент-Кристофер... Да, мы бедные, но все же не беглые каторжанки.

Кроткая Мария открыла свои прекрасные глаза светло-голубого цвета. В них вдруг отразился невыразимый ужас.

— Демоны, — пробормотала она. — Ах! Я вижу их, я слышу их крики в ночи... Они бьют меня!.. Демоны!.. Демоны!..

Глава 21

Вечером Анжелика, продолжая поиски возможно еще не подобранных людей, вдруг почувствовала позади себя чье-то присутствие.

Она повернулась... и чуть не упала в обморок.

Недалеко от нее стоял единорог.

Он надменно склонял золотую шею, и его длинный острый бивень «сверкал в лучах заходящего солнца, словно хрусталь».

Узкий в этом месте песчаный берег, выгнутый в форме полумесяца, был разделен на части группами деревьев, корни которых простирались до кромки воды. Отсюда открывался вид на узкий фиорд, заросшей анемонами, который так и назывался: Бухта анемонов. Летом их здесь было множество, всех цветов. И вдруг на белом, гладком песке появились длинная шея и голова единорога.

Анжелике показалось, что все это она видит во сне, и у нее не было даже сил позвать на помощь.

В этот момент какое-то мохнатое существо, ревя как морской тюлень, поднялось из воды. Оно бросилось вперед, и его рев раздался по всей бухте, отзываясь эхом в прибрежных скалах. Существо в обличье человека пронеслось, словно ураган, мимо Анжелики и встало перед единорогом, раскинув руки.

— Не трогайте его, несчастные! Не прикасайтесь к моей любимой статуе. Я думал, что она навсегда для меня потеряна... Ах! Не трогайте ее или я вас всех убью!..

Странное существо было огромного роста. Вода и кровь ручьями текли по его бородатому лицу, капали и растекались по изорванной в клочья одежде. Глаза его горели страшным мерцающим огнем.

Услышав крики, из Голдсборо прибежали мужчины, вооруженные ножами и саблями.

— Не подходите, разбойники, погубители, или я вас задушу!

— Его надо прикончить, — сказал Жак Виньо, держа наготове свой мушкет. — Он сошел с ума.

— Нет, — вмешалась Анжелика. — Не трогайте его, оставьте. Я, кажется, начинаю понимать. Он не сумасшедший. Но есть опасность, что он потеряет рассудок.

С этими словами она подошла к несчастному, который был настолько выше ее ростом, что казался великаном, совершенно растерянным и ничего не понимающим.

— Как назывался ваш корабль, капитан? — ласково спросила Анжелика. — Ваш корабль, который разбился о скалы этой ночью?

Ее голос дошел, наконец, до помутившегося рассудка Жоба Симона. По его заросшему, как у дикого зверя, лицу потекли слезы. Он упал на колени и крепко обнял деревянную статую из золоченого дерева, которая еще недавно стояла на носу его корабля как украшение. Она была почти такая же высокая, как и он сам.

— «Единорог», — пробормотал он. — Мой корабль, который я потерял, назывался «Единорог».

— Пойдемте со мной, я вас накормлю, — сказала она, обращаясь к Жобу Симону, и нежно положила свою маленькую ладонь на его руку. От этого прикосновения затуманенный мозг несчастного начал проясняться.

— А Единорог? Что же с ним будет? — пробормотал он, показывая на деревянную статую, выступавшую из песка. — Не причиняйте ему вреда, моему Единорогу... Ведь он такой красивый!

— Его перенесут подальше от воды... А потом Вы установите его на нос другого корабля, месье.

— Никогда! Никогда! Я разорен, говорю я вам, разорен... Единственное, что у меня теперь осталось, так это он, мой Единорог! Он так красив! Не правда ли? Весь покрыт листовым золотом! А вместо рога я сам ему вставил этот великолепный бивень от убитого мною нарвала. Посмотрите на его розовую, закрученную как спираль, кость... Вы увидите, как она сверкает на солнце...

Так он говорил, не прерываясь, доверяя свои мысли незнакомой ему женщине, которая вела его неведомо куда. И он подчинялся ей, как ребенок.

Когда они вошли в дом к мадам Мерсело, она усадила его за деревенский стол. В домах у американских поселенцев всегда в очаге варится на медленном огне суп или похлебка. Анжелика налила ему в миску жидкого пюре из тыквы и фаршированных устриц.

Бедняга принялся жадно есть, то и дело вздыхая, и оживал с каждым глотком.

— Ну вот, теперь конец! Я разорен, — заключил он, доев вторую миску. — Учитывая мой возраст, можно сказать, что я конченный человек. Кладбище вместо нового корабля, вот что меня ждет. Я же говорил герцогине: «Все это плохо кончится». Но куда там! Эта женщина слушает только себя! Я предчувствовал, что это плавание принесет мне несчастье. Но ведь в моем возрасте выбирать не приходится. Берешься за то, что дают! Не правда ли? Девушки вместо груза! Вот до чего я докатился. Девушки для американских поселенцев!

— Это было нелегкое путешествие — со столькими женщинами на борту!

Лицо капитана исказилось.

— Сущий ад! — вздохнул он. — Если вы хотите знать мое мнение, мадам, то женщины не должны существовать вообще.

Он затолкал в рот огромный кусок хлеба с сыром, который ему подала Анжелика, и все то время, пока он жевал, мощно работая челюстями, рассматривал ее своими маленькими пронзительными глазками.

— Все это для того, чтобы попасть на берег, в руки разбойников, заманивающих корабли. А вы, по правде сказать, не очень-то похожи на бандитку! О вас скорее можно подумать, что вы добрая и порядочная женщина. Ведь вам должно быть стыдно. Разрешать вашим мужчинам заниматься таким грязным ремеслом, грабить корабли и убивать людей.

— Вы что выдумываете?

— А заманивать корабли на ваши поганые скалы, приканчивать дубинами несчастных пленников, которые пытаются спастись, это что, честное ремесло? Бог и все святые рая накажут вас.

Анжелика уже готова была выйти из себя, слушая такие оскорбительные обвинения. С нее и так было достаточно сумасшедших мужчин и женщин в течение этих последних дней, с их отчаянными криками и истериками. Впрочем, людям, которые едва не погибли в море, все можно простить.

Она ответила без всякого гнева:

— Вы ошибаетесь, славный мой друг. Мы простые поселенцы и живем за счет торговли и своего труда.

— Да разве же я наскочил бы на эту острую, как игла, б... подводную скалу, — заревел он и круто, всем корпусом, повернулся к ней, — если бы не увидел мигающие вдали огни? Я прекрасно знаю, что такое морские разбойники, заманивающие корабли, как они на скалах раскачивают фонарями, создавая видимость, что здесь находится порт, а потом топят их. Я сам из Уссана, что стоит на самом мысу Бретонского полуострова. Удар о рифы был такой сильный и неожиданный, что я вылетел за борт. А когда доплыл до берега и стал хвататься за него, «они» ударили меня

сюда и сюда... Вот посмотрите. О камень так не ударишься.

Он откинул назад копну волос, слипшихся от морской воды и водорослей.

Глаза у Анжелики расширились, сердце упало.

— Каково? Что вы на это скажете? — торжествовал незнакомец, видя, как лицо ее побледнело, и глаза застыли.

Но не рана на покрытой волосами коже, которую он ей показывал, так приковала ее взгляд, а пятно фиолетового цвета, которое было на виске у Жоба с самого рождения.

«Как только ты увидишь высокого капитана с фиолетовым пятном, знай, твои враги близко!..»

«Кто же это ей сказал?.. Да, Лопеш, тот маленький португальский разбойник с корабля «Сердце Марии», когда она стояла вместе с ним на краю морской косы Макуа».

Но где же сам Лопеш? Он погиб во время сражения... на борту «Сердца Марии».

Глава 22

Анжелика смотрит на себя в зеркало. Ночная тень окружает холодное венецианское стекло. Проникающий через окно едва заметный свет заката оставляет на нем слабые отблески. Ее отражающееся в зеркале лицо похоже на багряный призрак.

В лучах лунного света ее разметавшиеся волосы напоминают ауру. Ветер распушил копну ее волос, когда она блуждала по пляжу в поисках тел погибших и увидела там Единорога. Она устала поправлять пряди, бесконечно спадающие на виски, которые пронизывала острая головная боль.

«Я сейчас заплету косу», — решает Анжелика.

Она берет свои волосы в ладони, разглаживает их, разделяет и начинает заплетать в перламутрово-золотую косу. Тяжелая, пышная, она покоится на ее плече, как блестящая змея. Она отбрасывает ее назад, распускает и снова заплетает, потом укладывает ее тройным кольцом на затылке. Она ощущает тяжесть волос у основания шеи, и на какое-то время наступает облегчение. Анжелика проводит пальцами по лбу.

Кто-то ей сказал: «Когда ты увидишь капитана (у фиолетовым пятном, знай, что твои враги находятся неподалеку».

Она вспомнила, чьи это были слова. Да, это сказал португальский метис Лопеш там, на косе Макуа в бухте Каско.

Но ведь малыш Лопеш погиб в бою на корабле «Сердце Марии».

Не раздеваясь, Анжелика ложится в холодную постель, но и здесь она уже давно не находит отдыха от своей изматывающей жизни. После того, как всем раненым была оказана помощь, по настоянию Абигель,

которая одна была озабочена усталостью госпожи де Пейрак в последние дни, Анжелика удалилась на ночь в спальню.

Действительно ли она видела сегодня своего мужа? Нет, она не уверена. У нее больше нет супруга. Это — чужой, безразличный к ее беде человек. Как и прежде, она была одна в чуждом ей мире, где — она это чувствовала — к ней медленно подкрадывалась невидимая опасность. Совсем одна она борется, мечется среди множества обнаженных, окровавленных, с открытыми ранами мужских и женских тел, этих отвратительных тел из «Ада» Данте. Временами это видение пронизывают ужасные знамения: украшающая нос корабля золоченая деревянная скульптура Единорога, прожорливый капитан с фиолетовым пятном, дома из светлого дерева на берегу, залитом светом утренней зари.

Если бы Жоффрей был рядом, она поделилась бы с ним своими сумасбродными мыслями, а он посмеялся бы над ней и успокоил ее.

Но Анжелика была одна...

«...Мне кажется, что все готово, что вот-вот произойдут ужасные события», — сказала бы она ему.

— Какие, моя дорогая?

— Не знаю, но мне страшно!

Ей казалось, что она слышит голос отца Вернона:

«Когда начинаются дьявольские действия...»

Анжелика ворочается на холодной постели в поисках успокоения и тепла. Сейчас она встанет и отправится на поиски Жоффрея. Она скажет ему: «Прости меня! Прости! Клянусь, я не предавала тебя. Не отталкивай меня никогда, прошу тебя...»

Но он неумолим, мрачен и так же далек, как и во времена Рескатора. Она не может себе представить, что он мог быть с ней таким нежным, и что каждая минута их жизни была столь важной для их интимной близости.

«О! Любовь моя! Мы были такими веселыми и в тоже время серьезными любовниками. Эти безумные ночи... Сколько смеха, безоблачных радостей, когда, не стыдясь, мы могли до бесконечности любоваться друг другом. Ты помнишь, когда разразилась эпидемия оспы? И, в особенности...» Тут глаза ее наполнились слезами. Она видит Пейрака, склонившегося над маленькой фигуркой Онорины, которую обидел Кантор. «Подойдите, мадемуазель, я прикажу дать вам оружие...» Я думала, что любовь будет всегда с нами... Безумная!»

Анжелика переворачивается во сне. Ей снится, что ее, некогда золотистая коса приобрела ужасный оттенок и висит, подобно веревке, вдоль тела. Все эти видения следуют одно за другим, перемешиваются, она начинает задыхаться. Ей чудится демон, оскал его зубов ужасен и напоминает росомаху Вольверину.

Страшный крик вырывается из ее груди. Анжелика просыпается. Этот крик все еще звучит у нее в ушах, но всем своим телом она чувствует затухающие в ней сладострастные ощущения. Еще несколько мгновений назад ей снилось, будто она лежит в объятиях какого-то ужасного и в то же время необыкновенно нежного существа.

Она помнит этот крик, однако кричала не она.

И снова она слышит пронзительный женский крик. Он доносится снаружи сквозь утренний туман.

Анжелика бросается к открытому окну. Внизу у самой земли все покрыто розовой дымкой тумана, сквозь которую пробиваются первые проблески света нарождающегося июльского дня, который обещает быть очень жарким. В этой утренней тишине чувствовалось что-то непроницаемое, подавленное.

Сердце Анжелики билось неровно и никак не могло обрести нормальный ритм. Было так тихо, что ей казалось, будто она все еще спит.

Она снова слышит крик. На этот раз он явно доносится со стороны сарая, где расположились на ночь потерпевшие кораблекрушение молодые француженки.

— Боже! Что там еще происходит? — воскликнула Анжелика.

Она выбежала из спальни, растолкала дремавшего охранника, приказала ему открыть ворота форта и попросила одного из охранявших потайную дверь испанцев проводить ее. Туман был такой густой, что в двух шагах ничего не было видно.

У сарая беспорядочно мелькали какие-то фигуры.

Анжелика подбежала в тот самый момент, когда два здоровенных детины, вооруженные тесаками, готовились сразиться, несмотря на то, что они с трудом могли разглядеть что-либо в трех шагах от себя.

— С ума сошли! — закричала она. — С какой стати вы устраиваете здесь побоище вместо того, чтобы находиться на своем корабле?

— Это все из-за этих... они хотят отнять у нас наших жен, — объяснил один из участников стычки, в котором Анжелика узнала Пьера Ванно, старшего матроса с «Сердца Марии».

— Как это, ваших жен?

— Ну тех, которые там, мадам.

— С чего вы взяли, что это ваши жены, если они появились здесь только вчера?

— Мадам, ведь это господь Бог послал их сюда для нас, экипажа «Сердца Марии». Это было и в контракте. А отец Бор сказал нам: «Молитесь!» Мы молились, вот Бог и...

— Значит, вам известны намерения Господа Бога относительно вас? Вы думаете, что ОН способен творить чудеса только для вас? И под этим предлогом вы бессовестно присваиваете себе бедняжек, выброшенных на берег бурей... Это уж слишком! Я поражаюсь, — продолжала она, глядя прямо в глаза

матросу, — что вы осмелились втянуть в такое дело ваших людей. Когда господин губернатор и ваш капитан узнают об этом, вам порядком нагорит.

— Однако, госпожа графиня, замечу, что...

— Еще чего, — взорвалась Анжелика. — Что за сумасбродные мысли вы вбили себе в голову?... А вам, Ванно, не удастся так просто выкрутиться, и я обещаю, что вам придется посидеть на бушприте, и вы лишитесь места боцмана.

— Но, мадам, это ведь не мы.

— А кто же?

Туман начал рассеиваться, и Анжелика увидела группу матросов с «Бесстрашного», пиратского корабля, которым командовал капитан Ванерек. Все они были отъявленные висельники. Складывалось впечатление, что ими верховодила красавица Инес, голову которой венчал «мадрас» из желтого атласа, а загорелую шею украшало коралловое кольцо.

— Когда я узнал, что эти грубияны с «Бесстрашного» вознамерились «побеспокоить» наших... ну, этих дам, мы с несколькими приятелями бросились им на помощь, — объяснил Ванно. — Мы не могли позволить, чтобы эти грязные пираты, эти липовые флибустьеры, эти висельники притронулись к ним.

— Какое тебе до этого дело, жирный кусок солонины? — выкрикнул с сильным испанским акцентом его противник, по-прежнему сжимавший в руке длинную блестящую шпагу. — Тебе, должно быть, известен пиратский закон: в колониях все женщины принадлежат команде зашедшего на отдых корабля. Драться согласен, но мы имеем на этих «птичек» те же права, что и вы.

Ванно сделал угрожающее движение в сторону противника, но Анжелика, не обращая внимания на

подрагивавшее всего в нескольких дюймах от ее лица острое шпаги, властным взглядом остановила его.

Бранясь, бурча и переругиваясь, обе группы окружили Анжелику, враждебно поглядывая друг на друга и цедя сквозь зубы смачные ругательства на всех языках Земли.

Инес начала на испанском языке подстрекать своих на бунт, однако Анжелика без особого труда заставила замолчать и ее. Она подозревала, что Инес подбила матросов с «Бесстрашного» на эту авантюру из детской ревности, для того, чтобы доставить ей неприятности. Вызывающий вид маленькой испанки не производил впечатления на Анжелику, поскольку ей был хорошо знаком этот тип женщин, и она знала, как ими управлять. За их внешней горячностью не было злобы, и они были опасны лишь тем, что умели возбуждать мужчин и толкать их на любое безрассудство.

Чувства заменяли им интеллект, а рассудительности у них было не больше, чем у колибри. Она знала, как подойти к этим отважным созданиям.

Одним своим взглядом она прервала длинную тираду Инес и затем с насмешливой и одновременно сочувственной улыбкой на лице потрепала ее за маленькое ушко с золотой серьгой в виде колечка. От этого почти материнского жеста девушка опустила голову; она действительно была всего лишь маленькой метиской, вырванной из привычной ей индейской среды и не знавшей иных, нежели вполне определенных, знаков внимания со стороны мужчин; жалкой островной куртизанкой. Высокомерная, но в то же время дружеская снисходительность Анжелики все перевернула в ней, и она вдруг превратилась в смущенную уличную девчонку.

Лишившись своей пылкой предводительницы, сумевшей им внушить, что они ничем не рискуют, и что ей удастся убедить капитана, люди Ванерека

заколебались, переглядываясь между собой, и стали вести себя поспокойнее.

Между тем, туман полностью рассеялся, и Анжелика увидела толстую Петрониль Дамурт с редкими всклокоченными волосами и темными синяками под глазами: бедняжка смело защищала своих «овечек». Проворства ей явно не хватало, зато она воспользовалась своим преимуществом в весе. Из-за ее спины выглядывали две или три молоденькие девушки в рубашках, лица их выражали испуг; остальные попрятались в глубине сарая.

Очень бледная, с синими пятнами на голых руках Дельфина Барбье дю Розуа пыталась прикрыть грудь разорванной блузкой. Это она закричала не своим голосом, когда вдруг почувствовала на своем теле сладострастные мужские руки. Ее крик и разбудил Анжелику. У ног Дельфины лежал без движения какой-то мужчина. Это был матрос с «Голдсборо», которого оставили охранять вход в сарай. Люди с «Бесстрашного» сразили его наповал. Именно эта чрезвычайная жестокость, отчетливо свидетельствующая об их подлых намерениях, переполнила чашу терпения Анжелики. Вдобавок ко всему среди этих негодяев она заметила некоторых «своих» раненых, которые, несмотря на перебинтованные руки и ноги, оказались, тем не менее, в состоянии принимать участие в этом любовном походе.

Возмущенная, она почти закричала: «Это уж слишком! Вы все заслуживаете виселицы. Вы — подонки. С меня довольно! Хватит! Если вы будете продолжать, то я не буду вас лечить, и вы останетесь с выбитыми глазами, распоротыми животами и сифилисом. Я вам обещаю, что оставлю вас здесь гнить... Вы будете умирать от жажды, но я не дам вам и капли воды!

Как вы осмелились вести себя подобным образом на нашей земле! Вы — люди без чести. Ничтожества! Вы — падаль, которую следовало бы скормить бакланам... Я жалею, что не сделала этого раньше, когда была такая возможность».

Гнев и резкость выражений Анжелики, весь ее величественный вид, который сегодня усиливали строгая прическа и достойное появления при дворе короля темно-фиолетовое платье из фая, а также ослепительный блеск колье и какая-то особая манера кутаться в плащ из тюленьей кожи, сломили и напугали пиратов с «Бесстрашного», превратили их в жалкие существа, каковыми они и были на самом деле. Они полностью утратили свою словоохотливость, а Гиацинт Буланже и его приятель Аристид стали потихоньку ретироваться.

— Господин Ванно, вы хорошо сделали, что вмешались, — признала Анжелика. — Окажите любезность, позовите, пожалуйста, отца Бора и аббата Лошмера, которые, я вижу, направляются на утреннюю мессу.

Когда священники подошли, Анжелика поведала им о случившемся.

— Я вверяю их вам, святые отцы, — сказала она. — Попытайтесь разъяснить им, что они вели себя, как плохие христиане, и что они заслужили серьезное наказание. Я же должна рассказать обо всем господину де Пейраку.

Бретонский священник разразился проклятиями, обещая пиратам все муки ада. Было решено отвести оба экипажа на мессу, предварительно исповедовав их.

Понуриив головы, матросы вложили ножи в ножны и с раскаивающимся видом, тяжело переставляя ноги, последовали за священниками на вершину холма.

Глава 23

В каюте на борту «Голдсборо» Жоффрей де Пейрак заканчивал обсуждение торговых вопросов с Джоном Кноком Мэтером, его помощниками и английским адмиралом. Здесь же находились Колен Патюрель, д'Урвилль, Берн и Маниго. Сильно оплывшие свечи говорили о том, что их встреча началась на заре, так как корабль из Бостона должен был отплыть с началом прилива.

Энрико провел Анжелику в каюту. Теперь она поняла, в каком «вертепе» проводил ночи ее муж.

В глубине души она была довольна, что события подтолкнули ее к действию, дали ей повод снова войти в жизнь этих мужчин. Раз Пейрак не прогнал ее, она вновь займет подходящее ей место, и он будет вынужден заговорить с ней. Это будет началом объяснения, которое позволит прояснить все недоразумения. В эти утренние часы Анжелика чувствовала себя сильной и была готова снова стать хозяйкой своей судьбы.

При виде Анжелики все мужчины встали и застыли в задумчивом молчании. Для каждого из них эта необыкновенная женщина была в большей или меньшей степени предметом самых потаенных мыслей. Каждое ее появление придавало их существованию новый смысл.

Поздоровавшись, Анжелика спокойным голосом рассказала им об инциденте между двумя экипажами: одна группа матросов решила, что женщины — их пиратская добыча, а другая посчитала, что Всевышний внял их молитвам и послал им их в законные жены.

— О! Отличная мысль, — воскликнул де Пейрак, повернувшись к Колену. — Надо признать, что чудесное

появление этих молодых дам может благотворно повлиять на настроение той части ваших людей, которые в этом отношении чувствовали себя обделенными. Господин губернатор, вам надлежит принять решение. В действительности, мы не можем и думать об отправке этих девушек в Квебек, даже если они туда направлялись. В настоящее время у нас нет для этого ни времени, ни средств. Я подумывал об их отправке в Порт-Руаяль, но разве решение, о котором помышляли ваши люди, не есть самое мудрое и выгодное для всех? Их перевозкой занималась одна частная компания и, вполне возможно, что и в без того очень бедных французских поселениях в Акадии никто не захочет взять их на свое содержание. Если они пожелают остаться здесь, это хорошо, мы примем их, как жен наших французских колонистов. Я предоставляю вам обо всем договориться, господин губернатор.

Колен Патюрель встал, скатал карты и пергаменты и рассовал их по широким карманам своего камзола. Теперь он носил строгую прямую одежду, которая не исключала однако некоторых богатых деталей, соответствовавших его новому положению. Жабо и манжеты отличались тщательной отделкой, отвороты рукавов, воротник и карманы камзола из темно-рыжего драпа были украшены шитьем. Аккуратно подстриженная борода и строгое выражение лица настолько изменили внешность Колена, что Анжелика с трудом его узнала. Это был другой человек, и казалось, что его широкие плечи легко выдерживали возложенную на них ношу.

Колен взял свою круглую шапку из бобра, украшенную черным пером.

— Я тоже за то, чтобы оставить этих девушек здесь, — сказал он, — однако в Квебеке могут быть этим недовольны. Тамошние власти посчитают, что мы их

захватили. Господин де Пейрак, не приведет ли это к обострению ваших отношений с Новой Францией?

— Это уже моя забота. Если они пожалуются, я скажу, что им следовало бы доверять свои корабли таким лоцманам, которые не проведут суда мимо цели. Во всяком случае, наши отношения с Новой Францией уже столь осложнены, что одним инцидентом больше или меньше мало что изменит в ситуации. Предлогом для начала войны может послужить все, что угодно. Но одно ясно. Сегодня я их больше не боюсь, и я сам буду решать, жить ли нам в добром согласии. Я думаю, что если ветер пригнал этот приятный «груз» к нашему берегу в тот момент, когда мы этого желали, нам следует принять это знамение. Я с удовольствием присоединяюсь к мнению ваших людей на этот счет.

— Кстати, — подхватила Анжелика, — я хотела бы, чтобы Жиль Ванерек, его Инес и команда убрались отсюда ко всем чертям. Они мешают нам, осложняют нашу жизнь. И если они ничего лучшего, как развлекаться за наш счет, не придумали... Мне удалось отдать их на попечение священников. Во время мессы они, возможно, будут вести себя спокойно, а потом?... Сожалею, капитан, — сказала она, заметив присутствие дюнкеркца, — что мне пришлось говорить об этом без обиняков, но вы не хуже меня знаете, что ваши выходцы с Караибов далеко не пай-мальчики, и в приличных странах их могут выносить только в малых дозах...

— Хорошо! Хорошо! — сказал пират. — Я уйду, вы нанесли мне удар в самое сердце.

— Пойдемте на берег, — сказал в заключение Пейрак.

Идя по пляжу с Ванереком, Анжелика попыталась смягчить впечатление от ее не очень любезного высказывания.

— Поверьте, месье, что в другое время я была бы рада вашему обществу, потому что вы очень приятный человек. Мне известно также, что мой муж питает к вам самые дружеские чувства. В прошлом вы были рядом с ним во многих сражениях, а еще недавно...

— Там, в Карабах, мы были береговыми братьями. Это на всю жизнь...

Внимательно рассматривая полноватую, но, тем не менее, очень подвижную фигуру французского искателя приключений, Анжелика думала о том, что этот человек имел непосредственное отношение к неизвестной ей стороне жизни Жоффрея. У них-то точно было о чем вместе вспомнить. Он знал Кантора и часто говорил о нем с любовью, называя его «малышом» или «проказником».

Она была искренна, когда сказала, что в другое время ей было бы приятно поговорить с ним о прошлом ее мужа и младшего сына, но сейчас она уже не могла этого выносить. Она призналась в этом помимо своей воли.

— Я устала лечить всех этих людей. Их будущее беспокоит меня, я постоянно опасаюсь, что в результате новых ссор раненых будет еще больше.

Ванерек посмотрел на Анжелику с пониманием.

— Скажите, что ваше сердечко изранено, и что именно это мучает вас, а? Да! Да! Как будто это не видно... Я знаю женщин. Скажите, прекрасное дитя, эта ваша ссора с мужем надолго? Ну-ну! Так что же такое серьезное кроется за этими маленькими шалостями? Сдается мне, что швейцарец был слишком болтлив! Если бы он вам подвернулся в трудный момент, то ничего и не было бы. Когда подумает, дело-то выведенного яйца не стоит. Вы позволили себе маленькую супружескую неверность?...

Эка невидаль!.. Вы слишком соблазнительны, чтобы это с вами не случилось время от времени. Вам

следовало бы пойти к нему и все объяснить.

— Увы! — сказала Анжелика с горечью в голосе, — мне хотелось бы, чтобы мой муж относился к этому так же спокойно, как вы. По правде говоря, он мне дороже всего на свете. Но он человек скрытный, и зачастую я боюсь его.

— Действительно, по отношению к вам он упрям, как англичанин, и ревнив, как сарацин.

Несмотря на вашу подозрительность ко мне, знайте, что я питаю к вам достаточно сильные дружеские чувства, чтобы попытаться убедить господина де Пейрака в том, что у него нет оснований так злиться на вас или, скорее, в том, что так относиться к вам — неразумно. Я постараюсь объяснить ему, что на свете есть такие женщины, которым любой мужчина, даже самого высокого происхождения, должен уметь прощать. Посмотрите, скажу я ему, на меня с Инес...»

— О! Прошу вас, — шутливо запротестовала Анжелика, — не смешивайте меня с вашей Инес.

— А почему бы и нет? Я знаю, что говорю: какой бы благородной дамой вы ни были, а она — всего лишь маленькой проказницей, выросшей на берегу теплого моря, — вы обе все равно принадлежите к той очаровательной породе женщин, которые своей красотой, умением любить и еще чем-то загадочным, что называют шармом, заставляют простить Создателю заблуждение, в которое он впал в тот день, когда решил сотворить Еву из ребра Адама.

Таким образом, знайте, — скажу я ему, — что есть такие женщины, которым надо уметь прощать маленькие фантазии, потому что можно самому оказаться более жестоко наказанным, чем провинившаяся. В любви как в картах: если повезло и пошла козырная, не следует пренебрегать этим преимуществом и надо возблагодарить богов. Есть

много людей, которым так никогда и не выпало везения...

— Я достаточно хорошо могу представить себе, как мой вспыльчивый супруг воспримет ваши безнравственные рассуждения, — сказала Анжелика с меланхолической улыбкой.

Только что в каюте «Голдсборо» Пейрак сделал вид, что не знает ее. Таким своим отношением он еще больше обидел ее. Эта встреча лишила ее смелости. Она чувствовала себя совершенно разбитой: этот день не принес ей спасения. Что же будет, когда наступит вечер, и ее снова будут осаждать ужасные видения!

Все это было гораздо серьезнее, чем себе представлял бравый Ванерек.

Ему было неизвестно, что она не сможет жить, будучи отвергнутой Пейраком. Страх перед этим сдерживал ее порывы.

— Но что же вы такое сделали, что он так сильно разгневался на вас? — воскликнул Ванерек, посмотрев на Анжелику своими темными искрящимися глазами. — Это невероятно!.. Я никогда не поверил бы, что этот великий пират, умудренный опытом, постигший разные науки, человек, которому сопутствует счастье, так легко раним! Там, на острове Черепахи в Карибском море, он внушал всем нам уважение к себе, и женщины были тем более благосклонны к нему, чем меньше внимания он обращал на них. Однако, при виде вас, я понимаю, он сломался. Близость с вами — это, должно быть, незабываемо, прекрасно...

— Умерьте ваше воображение, капитан, — сказала, смеясь, Анжелика. — Увы, я всего лишь простая смертная!

— Слишком! Слишком простая смертная. Именно то, что надо мужчинам. Ладно! Мне удалось рассмешить вас. Ничто еще не потеряно. Послушайте моего совета. Не говорите больше об этой истории и не

думайте о ней! Пойдите исповедуйтесь — всегда хорошо получить прощение Господа. Ну, а что касается прощения супруга, выберите удобный момент и без предупреждения шмыгните к нему в постель. Я гарантирую вам отпущение всех грехов.

— Определенно, теперь я верю, что вы — настоящий друг, — сказала несколько повеселевшая Анжелика. — Исходя из этого, мой дорогой Ванерек, если у вас здесь нет иного занятия как склеивать разбитые сердца, то я повторяю вам мое предложение поднять паруса. Дует хороший бриз, туман рассеялся, да и мне порядком надоело с утра до вечера перевязывать людей, которые сами себя губят. А если вы не отплывете с ближайшим приливом, то прольется новая кровь по вине горячих голов с острова Черепахи.

Раненные члены вашего экипажа поправляются, и я с легким сердцем вручаю их вам для новых экспедиций.

К ним быстро приближалась Петрониль Дамурт, лицо ее было заплакано, волосы всклокочены.

— Ах, мадам, помогите, девушки сошли с ума! Я не могу их успокоить. Они хотят бежать отсюда, уйти через лес пешком неизвестно куда!

Глава 24

— Ну что, девушки, собираетесь на свадьбу? Громоподобный голос Колена и появление этого гиганта на пороге сарая прервали слышавшиеся там плач и постукивание зубов. Если бы рядом с ним не было Анжелики, то самые чувствительные из девушек умерли бы от страха. Они бросились к Анжелике и окружили ее плотным кольцом.

— Ну что, мои хорошие, что случилось? Чем вы так взволнованы? — спросила Анжелика, спокойно улыбаясь.

— Расскажите мне все, — сказал Колен, похлопывая ладонью по своей широкой груди. — Я здешний губернатор и обещаю вам, благородные мадемуазели, что напугавшие вас злые люди будут наказаны.

И сразу же все девушки наперебой принялись делиться своими впечатлениями о происшедшем с ними: «Я спала и ничего не слышала», «Этот ужасный толстяк схватил меня за руку и потащил отсюда... Я не знаю, что он от меня хотел...»

— От него воняло ромом, — добавила с отвращением Дельфина Барбье дю Розуа, которой больше всего досталось в этой отчаянной схватке. Стараясь сохранить достоинство, она смахивала выступавшие на глазах слезы унижения.

Анжелика вынула из-за пояса свой гребень и начала приводить в порядок волосы девушки. Затем она вытерла ей своим платком нос и распухшие глаза, поправила ее одежду и приказала принести большую кастрюлю бульона и хорошего вина, которое для всех французов всегда было наилучшим лекарством от всех бед.

Между тем. Колен Патюрель продолжал расспрашивать и выслушивать жалобы девушек. Строгое, но одновременно доброе его лицо, внимание, с которым он выслушал всех, успокоило их, и даже Дельфина, глубоко задетая тем, что еще некоторое время назад с ней обращались как с «девкой», смотрела на него глазами, полными доверия.

— Ах, господин губернатор, прикажите отправить нас в Квебек, умоляем вас!

— И, пожалуйста, по суше! Мы не хотим больше никогда в жизни ступить на борт корабля...

Бедные девицы! Было ясно, что они не имели ни малейшего представления о Канаде, никогда не слышали об Акадии и Новой Шотландии, хотя, вполне вероятно, кто-нибудь из них и знал, что Земля круглая.

Пообещав девушкам, что напавшие на них на заре субъекты покинут эти места до захода солнца. Колен рассказал им о поселении в Голдсборо, куда, казалось, сам Господь послал их в тот самый момент, когда решившие приобщиться к здоровому, но полному трудностей образу жизни колонистов brave французские моряки сокрушались о том, что рядом с ними не было храбрых женщин, которые помогали бы им и скрашивали их жизнь.

Природа здешних мест отличалась своей красотой, а зимы были менее суровые, нежели в Канаде.

Когда же девушки узнали, что «королевский подарок», по поводу которого они так сокрушались, всего лишь нищенская подачка по сравнению с дарами, обещанными любезным губернатором новобрачным в Голдсборо — и при этом им не придется пускаться в полное опасностей плавание по океану, продираться через леса, населенные индейцами и хищными зверями, — улыбки вновь засветились на их заинтересовавшихся личиках. Некоторые из них запротестовали, но скорее всего, для проформы.

— Моим трем подружкам и мне обещали в мужья офицеров, — заметила с серьезным видом Дельфина. — В монастыре нас учили хорошим манерам, умению вести хозяйство, принимать именитых людей, беседовать и делать поклоны принцам. И я уверена, что от предназначавшихся нам в супруги квебекских мужчин не будет так неприятно пахнуть этим ромом.

— Вы правы, — согласилась с ней Анжелика. — От них скорее всего будет исходить запах ржаной или маисовой водки. Отличный напиток, между прочим, особенно в холодное зимнее время. Ну, дорогие дамы, — добавила она с улыбкой, — если сейчас, находясь в Америке, вы всего пугаетесь, то что же вы будете делать, когда на вашем пути будут ирокезы, бури, голод, словом, все, что вас ожидает в Новом Свете. В Канаде всех этих опасностей значительно больше, поскольку она и находится дальше, и вообще это более дикий край.

— А я, — спросила мавританка, — со мной не будут обращаться, как с рабыней, как это было на островах? Мне говорили, что там именно так относятся к людям с темной кожей. Я воспитывалась в монастыре в Нейи. Одна благородная дама регулярно приезжала туда и оплачивала мой пансион. Я умею читать, писать, вышивать по шелку.

Колен простодушно взял ее за подбородок.

— Если вы будете такой же нежной и разумной, как кажетесь, моя красавица, то вы найдете себе покровителя, и я лично прослежу за тем, чтобы вы были хорошо устроены.

Во всяком случае, подумайте над этим и обсудите с вашей дуэньей. А если мое предложение не подойдет вам, знайте, что господин де Пейрак прикажет переправить вас в акадийское поселение на другом берегу Французского залива, где вы наверняка встретите хороший прием.

Госпожа Петрониль была сильно расстроена. Более осведомленная, чем ее компаньонки, и менее удивленная, чем это могло показаться, она отлично поняла, что эти французы и англичане не были, как это утверждал Жоб Симон, морскими разбойниками и ревностными подданными французского короля. Наконец, она не очень-то умела ориентироваться на местности, и карты, которые Колен и граф де Пейрак развернули перед ней с тем, чтобы убедить ее в том, что Квебек находился совсем не близко, окончательно запутали ей голову.

— Ах, если бы наша благодетельница была здесь! — Сказала она со вздохом.

— Это привело бы к еще большему борделю! — произнесла Жюльена с интонацией, выдававшей в ней жительницу парижского предместья. Уж в борделях-то она разбиралась не хуже, чем в молитвах.

Тут ее неприятельница Антуанетта снова вцепилась ей в волосы.

Когда их разняли. Колен приказал Жюльене: «А ну, девица, подойти сюда!»

Она была единственной среди девушек, к кому он обратился на «ты», показав тем самым, что у него не было сомнений относительно ее принадлежности к определенному типу женщин.

— Я не могу тебя оставить здесь, — объявил он ей, отведя ее в угол сарая. — И не потому, что ты из предместья, а по той причине, что ты больна, и я не хочу, чтобы мои люди заразились.

При этих словах Жюльена начала истерично кричать.

— Я больна? Это не правда! Не так давно один присяжный хирург осмотрел меня и сказал, что я свежа, как роза. И поскольку после этого я все время была в больнице, то от каких же, по-вашему, мужчин я могла подцепить болезни, о которых вы говорите? Мадам

Анжелика, помогите! Послушайте, что он говорит!.. Он говорит, что я больна!

— Эта женщина больна, посмотрите на ее лицо, — повторил Колен, обращаясь к Анжелике.

Действительно, полное лицо Жюльены имело неприятный восковой оттенок, под глазами были темные круги. Блеск глаз выдавал сильную горячку.

— Я не думаю, что она больна, — сказала Анжелика. — Уверена, что она была ранена во время кораблекрушения. Она все время отказывалась от лечения. Ее состояние ухудшается. Послушайте, Жюльена, дайте вас перевязать, ведь вы рискуете своей жизнью...

— Идите вы... — грубо ответила девушка. Анжелика влепила ей наотмашь пару пощечин, от которых та тут же рухнула на землю. Она и впрямь с трудом держалась на ногах.

— Если будешь противиться лечению, сегодня же вечером отправлю тебя с людьми с «Бесстрашного», — сказал Колен.

Распростертая на земле Жюльена казалось побежденной и вызывала жалость. Ее обезумевшие глаза говорили о панических поисках выхода из этого положения.

— Я боюсь, что вы сделаете мне больно, — жалобно сказала она.

В этот момент позади стоявших в сарае послышался крикливый голос Аристида Бомаршана, который неизвестно каким образом там оказался.

— Только не она, красавица! Я вас уверяю. Нет такого врача, у которого была бы более легкая рука. Посмотрите-ка на эту работу. Заштопано ее руками, это я вам говорю.

Проворным движением пальцев он развязал шнурок, поддерживавший его короткие штаны, и

продемонстрировал Жюльене свой бледный живот, который пересекал большой фиолетовый шрам.

— Полюбуйтесь на это! Это мадам Анжелика зашила, да! У меня все кишки вывалились наружу. Если бы не она...

— Невероятно! — воскликнула Жюльена, добавив к этому несколько ругательств.

— И я о том же. Ну, смотрите! А ниже, ниже тоже все в порядке и к вашим услугам, моя красавица!

— Ну, хватит вольностей, — прервала его Анжелика, видя, какой оборот начал принимать разговор. — Вы хулиган, Аристид, и я не посоветовала бы и дочери дьявола или последней из уличных девок встречаться с вами. Это было бы слишком хорошо для вас и слишком плохо для них.

— Вы меня обижаете, мадам, у меня есть достоинство, — сказал Аристид, медленно завязывая шнурок...

— Ну, ладно, — вмешался Колен, отстранив Аристида. — Иди, тебе больше нечего здесь делать. Он схватил его за ворот и повел к двери.

— Честное слово, ты такой надоедливый и нахальный, как комар. Кончится тем, что я утоплю тебя собственными руками.

Жюльена, ободренная, громко рассмеялась.

— Он мне нравится, этот! Гордый, настоящий мужчина!

— Тем лучше для тебя. Предупреждаю, что это самый презренный негодяй обоих полушарий.

Анжелика присела на корточки около поверженного несчастного существа, которое, однако, сохранило в себе достаточно сарказма для шуток и ругательств. Истинное дитя парижского Двора чудес.

— Я знаю, почему ты не даешь перевязать тебя, — сказала она вполголоса.

— Нет, вы не можете этого знать, — возразила девушка, посмотрев на Анжелику затравленным взглядом.

— Я догадалась... На твоём теле клеймо, цветок лилии!.. Послушай, обещаю тебе ничего не говорить об этом коменданту, но при условии, что ты станешь послушной и будешь во всем подчиняться мне.

— Правда, что ничего не скажете? — выдохнула Жюльена.

— Слово «маркизы», клянусь.

И Анжелика, скрестив два пальца, плюнула на землю. Именно так обычно клялись в «Маттери».

Полностью оцепеневшая, Жюльена не проронила ни единого слова, позволила Анжелике наложить повязку на распухший бок, послушно проглотила микстуру и целебный настой из трав. Её мысли были до такой степени поглощены неизвестностью, которая ожидала её на земле Америки, что она даже забыла простонать. Теперь Анжелика уже не беспокоилась о её здоровье. Она подложила ей под голову маленький валик сена и тихонько потрепала по щеке.

— Могу поспорить, что у так понравившегося тебе Аристиды на спине точно такая же лилия, как у тебя. Поправляйся скорее, девочка. Тебя тоже ждёт свадьба... Вы будете хорошей парой!.. Словно «маркизы»...

Горящий взор Жюльены стал мягче — сказывалась усталость.

Успокоенная лекарствами, она стала засыпать.

— Среди вас есть чудные люди, — прошептала она. Кто вы, мадам? Патронесса Америки... Вы видите то, чего не видят другие. Она вам очень идет, эта коса... Вы похожи на святые образы на молитвенниках. Это невероятно, что мне, оборванке, так повезло...

Глава 25

Флаги на мачтах похлопывали на ветру. Паруса были готовы выгнуться под напором дувшего с материка ветра.

Все жители поселка собрались на берегу.

— Ну, так что же? Вы так и не поцелуете меня на прощание? — воскликнул Ванерек, протягивая руки к Анжелике.

Не обращая внимания на собравшуюся на берегу толпу, она быстрым шагом подошла к Ванереку и поцеловала его в обе щеки. «Пусть думают, что хотят, ревнивцы! Я имею право поцеловать того, кто мне нравится».

— Будьте смелее! — шепнул ей на ухо флибустьер, — вы победите! Но помните о моем совете. Исповедаться — и в постель...

Помахав всем стоявшим на берегу своей украшенной перьями шляпой, он прыгнул в лодку, которая должна была доставить его на корабль.

Корпус «Бесстрашного» подрагивал под неудержимым натиском прилива, матросы приготовились поставить паруса. Корабль натянул якорный канат, подобно чистокровному жеребцу.

Крики «ура» и «виват» смешались с короткими резкими командами, которые Ванерек отдавал с полуюта.

— Господин Проспер Жаруэн, вы готовы?

— Да, господин капитан, — отвечал старший матрос.

— Господин Мигель Мартинес, готовы?

— Да, — отвечал марсовый. Закончив перекличку, капитан взмахнул рукой и крикнул:

— Готовы, с Богом, вперед!

Отдали концы. Сверкающие белизной паруса выгнулись под напором ветра и пришедший в движение корабль начал лавировать между островами в сопровождении двух баркасов, на которых граф де Пейрак и Колен Патюрель сопровождали своих гостей до выхода в открытое море.

Стоя на полуюте, красotka Инес махала Анжелике веером и шарфом из желтого атласа. Уверившись в чувствах Ванерека, маленькая авантюристка проявляла таким образом свои дружеские чувства к той, которую считала своей главной соперницей.

Когда удаляющийся корабль превратился в маленькую белую пирамиду на горизонте, Анжелика направилась к форту. По дороге она увидела торговца пряностями и его приятеля, уроженца одного из островов в Карибском море. Они сидели на песке и жевали гвоздику. По непонятным причинам оба попросили разрешить им остаться на некоторое время в поселке. После дележа захваченной добычи пираты стали обмениваться драгоценными камнями, тканями, другими товарами. Самое удивительное, что впервые в истории морского разбоя в этом обмене участвовал капитан захваченного корабля — Патюрель экс Золотая Борода. За два бесценных изумруда Ванерек согласился принять на свой корабль нежеланных пиратов, которые, если их хорошенько подстегивать линем, смогли бы, по его мнению, заменить погибших в сражении матросов.

Итак, Гиацинт Буланже расстался со своим береговым братом Аристидом, который под предлогом недомогания и обещая примерно вести себя, умолил оставить его в Голдсборо. «И еще, — шепнул он на ухо Гиацинту, — я зацепил на крючок красивую девчонку, которую зовут Жюльена. Когда с ней будет все в порядке, я подам тебе знак, и ты вернешься за мной...»

Следовательно, никаких иллюзий! Обитатели Голдсборо снова увидят «Бесстрашный» и его

пропитанную до костей ямайским ромом команду, увидят весельчаков с острова Черепахи, разукрашенных перьями, лентами, тюрбанами из ситца в цветочек, увешанных тесаками, ножами, саблями, пистолетами и наводящими ужас топорами.

Лето только начиналось.

Они увидят отплывающие на заре корабли, пришедшие из Англии и Бостона, акадийские баркасы, увозящие полученные в обмен на привезенный скот дорогие товары на радость дамам Порт-Руяля, расположенного на другом берегу Французского залива: кружева, бархат, тесьму, мыло и духи, оружие и порох для защиты форта, расшитые знамена и — вот везение! — дароносницу и потир из позолоченного серебра, взятые из испанской добычи раскаявшегося пирата. Дароносница и потир предназначались для небольшой церкви в первом французском поселении, основанном Шампленом.

На поселок опустилась необычная тишина. Жители Голдсборо молча возвращались в свои деревянные дома.

— О! Посмотрите, — воскликнула неожиданно юная Северина, — в бухте стоят на якоре только два корабля:

«Голдсборо» и «Сердце Марии». Как пустынно после всего того леса мачт, что мы видели здесь в последние дни!

«Два корабля, стоящие на якоре в бухте», — звучал в ушах Анжелики шепот монашенки.

Глава 26

«Я пойду к тебе, любовь моя. Я должна пойти к тебе... Мне страшно. Ты — мужчина. Ты твердо стоишь на земле. Твой сон глубок и безмятежен. А я ведь всего лишь женщина... и как женщина... умею читать знаки судьбы... Но то, что я вижу, ужасно! Я не могу больше спать».

Несмотря на вновь воцарившийся мир, несмотря на песни матросов, которые, чтобы понравиться своим будущим невестам, напевали:

*Десять девушек стояли на лугу,
Ждали своих суженых, свою судьбу.
Дина и Клодина, Шина и Мартина.*

Несмотря на разрядку, наступившую после тревожного напряжения последних дней, которую ощутили все жители Голдсборо, Анжелику не покидало чувство тревоги.

Стоял июль, земля казалась раскаленной, воздух обжигаящим. Все вокруг кипело от смешения красок и оглушительных звуков. Ослепительно светило солнце, пронзительно стрекотали цикады, гулко жужжали пчелы, горячий воздух был напоен ароматом цветов, смолы, перегретого сока растений. Высокие свечи розовых, голубых и белых лупинусов, сплетаясь в густые снопы, соперничали с ослепительной красотой вьющихся золотистых лоз, словно отлитых из сверкающего металла. У домов пышно цвели розы и дикий шиповник. Все берега, вплоть до самого океана, были покрыты нежными маками.

Белоснежные морские птицы парили в голубом, с розовым оттенком, небе.

Розовой была и бухта. Как распустившийся цветок.
Как обнаженная, готовая отдаться, плоть...

*Ах, Катрин и Катеринет,
Ах, красавица Сюзон,
Герцогиня Монбазон,
И, конечно, дю М-е-н...*

И только одной Анжелике вся эта искрящаяся красота дня с его негой и вечернее небо с лиловыми тучами, окаймленными огненной бахромой, казались ядовитыми.

На следующий день после отплытия кораблей, после еще одной бессонной ночи, Анжелика решила достать себе оружие. Свои пистолеты она потеряла во время отражения атаки на английскую деревню.

Жан Ле Куеннек, молодой бретонец, у которого был ключ от рабочего кабинета графа де Пейрака, проводил ее в форт и открыл дверь. Бретонца она встретила около оружейного склада, и он рассказал ей, что «Голдсборо» доставил в порт большое количество разнообразных пистолетов, аркебуз и мушкетов, и граф отобрал для себя самые лучшие, последних моделей, чтобы потом, на досуге, рассмотреть их получше.

Войдя в кабинет, он достал из большого сундука то оружие, о котором говорил, и разложил его на столе, заваленном гусиными перьями и заставленном чернильницами. Чтобы было посветлее, он открыл узкое окно. В небольшой, тесной комнате стоял присущий только Жоффрею аромат. Смесь запаха табака и сандалового дерева, которым была пропитана вся одежда графа. Аромат слабый, но весьма ощутимый, не претендующий на оригинальность с целью понравиться, но соответствующий как раз такой особе, как граф.

— Когда вы увидите господина графа, предупредите его о моей просьбе, пожалуйста, —

попросила Анжелика хранителя оружия. — Мне не удалось отыскать его сегодня утром.

Ответит ли он на взывающий к нему голос о помощи, скрытый под обычными словами, но идущий от трепетного сердца? Придет ли он?

Она склонилась над столом и стала рассматривать разложенное перед ней оружие, сияющее новизной и прекрасной отделкой. Это занятие отвлекло ее от беспокойных мыслей. Она заметила, что в некоторых английских пистолетах были интересные усовершенствования. Огнестрельное оружие в разных странах делалось по-разному. В лежавших перед ней английских пистолетах по-особому был устроен замок, он был упрощен, что, конечно, могло привести к самопроизвольному выстрелу, но опасность эту устранял специальный крючок, приделанный к курку. Знатки называют такое устройство «собакой».

Несмотря на все эти усовершенствования в английском оружии, Анжелика все же отдавала предпочтение привычным ей французским пистолетам. Ее внимание привлек длинноствольный пистолет, изготовленный где-то на севере Европы. Ей особенно понравилась в нем элегантная, украшенная слоновой костью и янтарем, рукоятка. Сама система, позволяющая производить выстрел, была довольно примитивной, но преимущество такого пистолета состояло в том, что его можно было заряжать любым валяющимся на земле кремнем, тогда как устройство других пистолетов требовало применения точно обработанного и калиброванного камня. А это было большим неудобством в такой полудикой стране.

Она внимательно, со всех сторон, рассматривала заинтересовавшее ее оружие с необычным устройством, как вдруг почувствовала, что за спиной у нее стоит Жоффрей де Пейрак.

— Я пришла подобрать себе оружие, — проговорила она, повернув голову в его сторону. — Свои пистолеты я потеряла там, в Невееванике.

Под его пристальным взглядом она снова, в который раз, почувствовала слабость, смущение и тайную радость.

Со спины он не сразу узнал ее. Хотя Жан и предупредил, что в его рабочем кабинете находится мадам де Пейрак.

Платье из фиолетовой тафты, ниспадающее красивыми складками, волосы цвета чистого золота, уложенные в шиньон, делали ее неузнаваемой. Он мог бы принять ее за благородную иностранку, даму из высшего света, прибывшую... но откуда? Ведь сколько народу прибывает в Голдсборо в это время! Можно было ожидать кого угодно!..

Впечатление мимолетное, но яркое! Когда же он увидел, с какой ловкостью и умением обращается эта «иностранка» с оружием, он сразу же догадался, что это была ОНА. Только одна женщина в мире могла с такой непринужденностью держать в руках пистолет: Анжелика.

И только у одной женщины в мире могли быть такие прекрасные плечи.

Он подошел к ней.

— Подобрали что-нибудь подходящее для себя? — спросил он нарочито безразличным тоном, показавшимся ей ледяным.

— По правде говоря, я в нерешительности, — ответила Анжелика, стараясь успокоиться. — Одни пистолеты мне кажутся очень хорошо приспособленными для стрельбы, но неудобными. Другие элегантны, но у них есть весьма опасные недостатки.

— Вы слишком уж придирчивы. На всех этих пистолетах стоят клейма лучших оружейников Европы.

Тюрен из Парижа, Абрахам Хилл из Англии. А вот этот, из слоновой кости, сделан Майстрихтом в Голландии. Узнаете эту вырезанную на рукоятке голову воина?

— Конечно, он очень красив.

— Но вам не нравится.

— Я привыкла к моим старым французским пистолетам со знакомыми мне деталями, с их винтами, кремнями, которые всегда можно положить себе в карман; правда и потерять их недолго. Но они позволяют прибегать к любым хитростям.

Ей показалось, что они, обмениваясь репликами, разыгрывают какую-то театральную пьесу. И оба не очень-то вникают в смысл произносимых слов, хотя и стараются понять их.

Граф де Пейрак, видимо, слегка колебался, но потом круто повернулся и подошел к сундуку с оружием. Открыл его, вынул оттуда инкрустированную шкатулку красного дерева, снова вернулся к столу и поставил ее перед Анжеликой.

— Вот что я поручил Эриксону привезти специально для вас из Европы, — коротко произнес он.

В самом центре, на крышке шкатулки, красовалась золотая буква «А» в изящном медальоне из цветов, сплетенных из эмали с перламутром. По обеим сторонам буквы располагались букеты таких же цветов, выполненных с необыкновенным искусством. Можно было рассмотреть малейшие детали каждого цветка, каждого пестика из серебра и филигранного золота, жилки каждого листочка из зеленой эмали.

Анжелика нажала на замок, и шкатулка открылась. Она увидела в бархатном, тоже зеленого цвета футляре два пистолета и все относящиеся к ним принадлежности: пороховницу, щипцы, коробочку с пистонами, формочку для отливки пуль.

Все это было изготовлено из самых лучших материалов и носило на себе все ту же печать

элегантности, изящества и красоты.

Каждая деталь, выполненная с особой старательностью, свидетельствовала о том, что оружейник, кузнец, гравер, работавшие над этими прекрасными военными изделиями, были заняты одной только мыслью: как бы удовлетворить и восхитить ту, которая будет держать их в руке. Ее, Анжелику, женщину, живущую на краю света.

Без всякого сомнения, они получили специальные указания, располагали чертежами, очень точными рисунками, выполненными самим графом де Пейраком, рисунками, пересекшими океан для того, чтобы попасть в мастерские Севильи или Саламанки, на улицу Риволи или в Мадрид. И поскольку все эти рекомендации сопровождалось увесистым кожаным кошельком с дублонами, то исполнители постарались и приложили все свое умение, чтобы выполнить столь необычный заказ: пистолеты для женской руки.

Анжелика сразу же поняла, что это оружие было задумано, вычерчено и сделано специально для нее.

«Какой великолепный подарок он мне приготовил, — подумала Анжелика, — и с какой любовью он задуман... с любовью! И он хотел преподнести его мне этой весной в Голдсборо!..»

Когда она доставала из футляра эти потрясающей красоты пистолеты, ее руки дрожали.

Пистолеты были сделаны не только для того, чтобы с максимальной быстротой стрелять и защищаться, испытывая при этом минимум неудобства, — не так-то легко зарядить огнестрельное оружие нежными пальчиками, — но чтобы они еще и отвечали ее личному вкусу.

Как не прийти в восторг от блестящих рукояток пистолетов, вырезанных из дерева цвета красного янтаря и украшенных инкрустированными букетами цветов?

Длинные стволы пистолетов из испанской стали, материала крайне редкого, были покрыты специальным составом голубого цвета для того, чтобы металл не блестел на солнце, выдавая, в случае засады, стрелка. Для точности стрельбы в стволах имелась нарезка.

«Как он хорошо знает, что я люблю, и что может мне понравиться!»

Эта пара пистолетов была просто чудом. Соединение всех деталей пистолета, сделанных по чертежам графа, в единое целое, во многом отличало такой пистолет от обычного и облегчало обращение с ним. Внутри, спрятанная между двумя причудливыми украшениями из серебра, была натянута мощная пружина, специально сделанное по руке Анжелики кольцо позволяло безо всякого труда взводить курок. Кроме того, для этих пистолетов не требовались ни отвертка, ни другие необходимые инструменты, которые, как заметила Анжелика, всегда имеют прискорбное свойство теряться.

Все это было сделано с точностью часового механизма, имелся и специальный магазин, который мало кто из умельцев взял бы на себя смелость изготовить еще раз. Он позволял производить несколько выстрелов подряд, не перезаряжая пистолет.

Любуясь драгоценным подарком, Анжелика вспомнила своего мужа таким, каким она его застала однажды прошлой осенью, перед отплытием корабля, когда он, склонившись над какими-то бумагами и стараясь скрыть их от нее, что-то быстро и решительно вычерчивал. Его перо бегало по листу бумаги, вырисовывая какие-то чертежи с расчетами из тысячи цифр, — расчетами вот этого чуда.

Граф, видимо, долго выбирал материал. Будет ли это простой металл, медь, серебро или слоновая кость?... Остановился он на дереве, так как оно легче металла и трескается меньше, чем слоновая кость.

Форма рукоятки, ее изгиб в стиле турецкого пистолета были задуманы так, чтобы держать его в руке было удобно и легко.

Анжелика понимала, что граф подарил ей необыкновенное оружие особой конструкции и совершенно новой системы.

Для инкрустаций и разных украшений он выбрал любимые ею цветы.

Волнение сжимало ей горло. Ее мучил вопрос: «Почему он преподнес свой подарок сегодня, этим утром?» Было ли это знаком примирения? Хотел ли он дать ей понять, что остракизму, которому он подвергал ее все это время, приходит конец?..

Стоя у окна, Жоффрей, стараясь не показать, что не сводит с нее глаз, жадно следил за ходом мыслей, отражавшимся на ее лице.

Когда Анжелика открыла шкатулку, румянец показался на ее слишком бледных щеках, и чувство восхищения сразу же зажглось в ее глазах. Он не мог отказать себе в удовольствии доставить ей такую радость, увидеть ее, хотя бы на миг, счастливой благодаря ему.

Она то и дело закусывала нижнюю губу, и он видел, как трепещут ее длинные ресницы.

Наконец она взглянула на него своими чудными глазами и тихо промолвила:

— Как мне благодарить вас, месье?

Он вздрогнул. Эта фраза сразу же напомнила ему тот день в Тулузе, в те далекие времена, когда он впервые подарил Анжелике кольцо из изумрудов. Может быть, и она вспомнила о том же самом?

Он сухо и почти надменно ответил:

— Не знаю, заметили ли вы, что это особый пистолет наподобие испанских. Внешняя его пружина позволяет производить очень мощный выстрел. Специальный валик предохраняет руку.

— Я вижу.

На этом валике была изображена то ли саламандра, то ли длиннохвостая ящерица. Язык ее, из филигранного золота, тянулся к цветку мака из красной эмали, который украшал рукоятку пистолета. Скорее всего, это была саламандра, так как все тело этого микроскопического животного из слоновой кости было испещрено точечками из черного стекла. Металлический замок был рельефно украшен цветами боярышника тончайшей работы. «Собака», с ее злобной пастью из золоченого стекла, вырезанная мастером с таким же искусством и такой же тщательностью, сверкала живым светом. Но под этой красотой и утонченностью скрывалась безжалостная мощь хорошо отлаженного механизма.

Пока Анжелика легкими прикосновениями пальцев пробегала по всем частям оружия и с такой же феерической ловкостью, с какой умела делать любую самую неожиданную работу, приводила в движение различные его детали, граф, в свою очередь, не переставал изучать ее красоту, любясь каждой мелочью. Его поражал контраст между нежной женственностью Анжелики и резкостью ее жестов, свойственной скорее амазонке. У него замирало сердце.

Он видел, как светится ее перламутровая кожа, оттененная глубоким вырезом платья, и чувствовал теплоту и нежность скрытого под ним всегда загадочного тела.

Молочная белизна этой нежной, гладкой женской плоти, хрупкой, как цветок, была для него знаком ее слабости и уязвимости.

Несмотря на свою воинственную внешность, Анжелика была на самом деле женщиной нежной, с нежным телом и нежной грудью.

«Она носила под своим сердцем моих детей, — подумал граф, — моих единственных сыновей. И

никогда я не хотел иметь других детей от других женщин».

Неизъяснимое очарование, исходящее от этой женщины, околдовывало его, опьяняло, сковывало все внутри. Его переполняло желание обнять ее тонкую талию, ощутить теплоту ее тела, скрытого под платьем цвета переливающегося аметиста. Слишком долго его руки не держали ее в объятиях.

Он подошел к Анжелике и, показывая на пистолет, проговорил хрипловатым голосом:

— Зарядите его! Взведите курок!

— Не знаю, смогу ли я? Я ведь не знакома с этим новым для меня оружием.

Жоффрей взял у нее пистолет, ловко зарядил его, взвел курок. Она следила за каждым движением его смуглых рук, снедаемая одним желанием: наклониться и поцеловать эти руки.

Он отдал ей заряженный пистолет.

— Ну вот!

И, ехидно улыбнувшись, добавил:

— Теперь вам представляется полная возможность убить меня, легко избавиться от неудобного для вас мужа.

Анжелика смертельно побледнела. Ей показалось, что дыхание ее вот-вот остановится. Она с трудом нашла в себе силы положить дрожащей рукой пистолет обратно в шкатулку.

— Как вы можете произносить такие глупые слова, — вымолвила она. — Ваша жестокость беспредельна!

— И жертвой этой жестокости являетесь, конечно же, вы, — ответил граф.

— В данный момент, да... Вы прекрасно знаете, что разговаривая со мной в таком тоне, вы причиняете мне невыносимую боль.

— И, конечно же, незаслуженную?

— Да... нет... да, незаслуженную, вы даже не можете представить себе, насколько незаслуженную... и несоизмеримую с тем оскорблением, которое, по вашему мнению, я вам нанесла... и вы это прекрасно знаете сами... Но вы горды до безумия.

— А ваши самоуверенность и цинизм выходят за рамки вообразимого.

И опять, как в тот вечер, его охватило желание наброситься на нее, прибить, придушить и в тоже время почувствовать дурманящий аромат ее кожи, ощутить исходящее от нее тепло, раствориться в сиянии ее зеленых глаз, пылающих гневом и любовью, отчаяньем и нежностью.

Боясь поддаться искушению, граф заспешил к выходу.

— Жоффрей, — закричала она, — неужели мы попадемся в ловушку?

— Какую ловушку?

— Ту, которую приготовили нам наши враги!

— Какие враги?

— Да те, которые решили нас разлучить, поссорить, чтобы легче было нас уничтожить. И это уже случилось. Я не знаю, как, почему все так сложилось, когда все это началось, и как им удалось заманить нас, но я твердо знаю одно: они добились своего. Случилось то, чего они так хотели: **МЫ РАЗЛУЧЕНЫ.**

Она стремительно бросилась к нему, положила руку ему на грудь, там, где бьется сердце.

— Любовь моя, неужели мы позволим им одержать над нами такую быструю победу?

Граф де Пейрак резко отстранил ее от себя, боясь снова поддаться ей.

— Но это уже слишком, — проговорил он. — Вы сами ведете себя безрассудно, а потом обвиняете меня в отсутствии логики в моем поведении. Какая бредовая

идея пришла вам в голову там, в Хоусноке, когда вы отправились в английскую деревню?

— Да не вы ли же сами повелели мне отправиться туда?

— Да никогда в жизни я не сделал бы этого!

— Но КТО же тогда?

Де Пейрак пристально, не говоря ни слова, посмотрел на Анжелику. Ужасное предчувствие закралось в его душу.

Несмотря на свой поразительный ум, он не замечал многого из того, что происходило вокруг него. Мужчины, как известно, познают мир разумом. А женщины руководствуются инстинктом, и движут ими космические силы.

Мужчины похожи на диких зверей с их неожиданными прыжками. То они остаются неподвижными, без всякого желания действовать, словно находясь в спячке, то вдруг срываются с места, словно озаренные какой-то идеей, и сразу же, как бы отодвигая границы горизонта, обзревают все, что происходит вокруг них.

В таком именно положении оказался и де Пейрак, когда голос Анжелики начал пробуждать в нем страстные порывы. Он совсем в другом свете увидел то, что его окружало, все приобрело совсем другое значение, другой ракурс. Да, действительно, им угрожала серьезная опасность. Однако его мужская логика не позволяла ему поддаваться тайным предчувствиям.

Но Анжелика не ошибалась. Она обладала, в большей степени чем он, мистическим чувством. И он знал, что С ЭТИМ НАДО СЧИТАТЬСЯ.

В душе де Пейрака происходила борьба.

— Вздор все эти ваши предчувствия, — проворчал он. — Женщинам, изменяющим своим мужьям, ничего не остается делать, как ссылаться на злые умыслы

дьявола. Может быть, мадам, это ваши враги или просто случай завел в залив Каско вашего любовника, готового открыть вам свои объятия?

— Я не знаю. Но, как говорил отец де Вернон, когда дьявольские силы начинают свою игру, то случай всегда оказывается на стороне тех, кто желает зла людям, то есть на стороне лукавого, на стороне того, кто несет с собой разрушение и несчастье.

— Что еще за отец де Верной?

— Иезуит, который отвез меня на своей лодке из Макуа в Пентагуэт.

На сей раз Жоффрей де Пейрак был сражен.

— Вы что, попали в руки французских иезуитов? — закричал он изменившимся голосом.

— Да! В Брансуик-Фолсе меня чуть не увезли как пленницу в Квебек.

— Расскажите мне, как все это случилось.

Пока она вкратце рассказывала о своих приключениях после отъезда из Хоуснока, он мысленно представил себе Уттаке, великого вождя ирокезов, вспомнил, как тот говорил ему:

«Ты владеешь сокровищем! У тебя постараются похитить его»... Не ясно ли было, что именно через Анжелику ему будет нанесен удар?

Она сказала правду. Враги бродили совсем рядом, вокруг них, гораздо более хитрые, изворотливые и наглые, чем злые духи.

Он в этом нисколько не сомневался. Ведь у него в кармане камзола лежало анонимное письмо, переданное ему неизвестным матросом в тот самый вечер, когда происходило сражение на корабле «Сердце Марии», простой кусок пергамента, и на нем были нацарапаны такие слова:

«Ваша супруга находится на островке Старого Корабля вместе с Золотой Бородой. Чтобы они вас не

заметили, подойдите к берегу с севера. И вам удастся увидеть их в объятиях друг друга».

Конечно же, все это происки злых духов. Но кто же тогда, спрятавшись где-то здесь, на островах, мог взяться за перо и послать ему этот гнусный донос?

Он глубоко вздохнул. В его глазах все события вдруг стали меняться, выстраиваться в другом порядке. И в этой неразберихе неверность Анжелики уже не казалась ему такой преднамеренной. Она, похоже, попала в сети заговора, и этому помог случай. Ее женственность сослужила ей плохую услугу. Но и в этой слабости ему удалось разглядеть ее необыкновенное мужество.

Он вспомнил ту ночь на острове, когда, наблюдая издали за всеми жестами Колена и Анжелики, он почувствовал, как упорно боролись они с искушением.

Конечно же, ему была крайне неприятна мысль о том, что Анжелика может соблазниться каким-либо другим мужчиной, кроме него. Но такие мысли, следовало признать, подходят скорее неразумному юнцу.

Фактом же оставалась ее преданность, которую она доказала еще раз той ночью. А о том, что произошло на корабле «Сердце Марии», он просто не желал знать, хотя в словах Колена Патюреля и сквозил какой-то намек.

Иногда ему казалось, что он охотнее простил бы Анжелике любые объятия, чем один страстный поцелуй. Ведь он хорошо знал, какой она бывает в порывах сладострастия. Поцелуй, больше чем темные глубины плоти, умел заставить ее отдать всю себя, все свое существо. Такой уж она была, его непредсказуемая богиня! Она охотнее отдавала свое тело, чем свои губы, и он готов был держать пари, что с «другими» все было именно так, а не иначе.

И ему хотелось убедить себя, что она испытывала истинное наслаждение только от его губ. Наверное, это было мальчишеством с его стороны. Вот до чего довела его эта женщина, его, мужчину, который, хотя и отводил женщинам определенное место в своей жизни, но никогда не позволял им полностью завладеть собой.

Впрочем, сейчас не это было самое главное.

Гораздо важнее было подумать, через какие же опасности она прошла, и какие ловушки ей расставляли. Нужно было во всем разобраться.

Граф де Пейрак, не переставая, ходил взад и вперед перед Анжеликой и бросал на нее взгляды, которые то смягчались, то снова мрачнели.

— Как вы думаете, почему, из каких соображений» отец де Верной отпустил вас на волю? — спросил он.

— По правде сказать, я не знаю. Может быть, он за три дня нашего плавания убедился в том, что я вовсе не тот демон Акадии, которого они все себе вообразили?

— А Мопертюи? А его сын? Где они?

— Я думаю, их силой увезли в Канаду. Тут графа буквально взорвало.

— Ну все, на сей раз война! — воскликнул он. — Хватит с нас их козней! Я отправляю свои корабли в Квебек!

— Нет, не делайте этого. Мы потеряем там все наши силы. И меня больше, чем когда-либо, начнут обвинять в том, что я всем несу несчастье. Но нам не надо разлучаться. Не дадим им одолеть себя мучениями и разлукой... Жоффрей, любовь моя, вы же знаете, что вы для меня все... Не отталкивайте меня, иначе я умру от горя. Отныне, с сегодняшнего дня, я без вас ничто! Ничто!

Она протянула к нему руки словно растерянный ребенок.

Граф крепко сжал ее в своих объятиях, так крепко, что она, казалось, вот-вот переломится пополам. Нет,

он, конечно, не простил ее окончательно. Но ему совсем не хотелось, чтобы у него отняли ее. Не хотелось, чтобы ей угрожали, чтобы кто-то покушался на ее жизнь. На ее драгоценную и незаменимую жизнь.

Его объятия становились все крепче, и Анжелика вся трепетала от нахлынувшей на нее радости. Ее нежная щека прижималась к его жесткой щеке, и ей показалось, что само солнце спустилось прямо на них.

— Чудо! Чудо! — донесся издали чей-то голос. — Чудо!

Голоса становились все слышнее.

— Чудо! Чудо! Монсеньор, где вы? Идите скорее сюда! Истинное чудо!

Это Жан Ле Куеннек кричал во дворе, под окном.

Граф разжал объятия, отстранил от себя Анжелику, словно сожалея, что поддался импульсивному желанию, но тут же еще раз прижал ее к себе.

Потом он подошел к окну.

— Что происходит?

— Настоящее чудо, монсеньор! Благодетельница... Благородная дама, под чьей опекой находились «королевские невесты». Ведь думали, что она утонула... Так нет же, ничего подобного! Рыбаки с судна из Сен-Мале подобрали ее на островке в заливе вместе с секретарем, одним матросом и ребенком, которого ей удалось спасти. Они все в лодке плывут сюда... Вон они, уже входят в порт.

Глава 27

— Вы слышали? — спросил де Пейрак, повернувшись к Анжелике. — Это та самая благодетельница! Похоже, что океан счел для себя неудобоваримыми почтенную герцогиню и ее бумагомарателя.

Граф смотрел на нее недоуменным взглядом, не зная, что и подумать.

— Мы увидимся позже, — сказал он нерешительно, отводя глаза в сторону. — Мой долг сейчас пойти и встретить эту бедную женщину, раз уж ее выбросило на наш пиратский берег, словно Иону из чрева кита. Вы идете со мной?

— Сейчас, только уберу все это оружие, — сказала Анжелика. — И сразу же приду в порт.

Де Пейрак ушел.

Анжелика топнула ногой.

Определенно, Жюльена была права. Эта благодетельница хоть кого выведет из себя. Надо же! Три дня просидеть под водой и не подождать еще час-другой, прежде чем выплыть на поверхность. Появиться в тот момент, когда Жоффрей открыл, наконец, Анжелике свои объятия. А ведь не все еще сомнения исчезли из его, такого недоверчивого сердца.

Она чувствовала, что в нем вдруг пробудилось беспокойство о ней, но он никак не мог преодолеть своей гордости.

И снова судьба неожиданно оказалась против нее.

Еще не исчезло воспоминание о коротком, всего лишь на миг, объятии графа, а уже смертельный холод пронизал ее насквозь, стал туманить рассудок.

У нее появилось неодолимое желание броситься вслед за графом, позвать его обратно, снова обратиться к нему свои мольбы.

Но ноги ее, словно налитые свинцом, отказывались слушаться. Она, как в ночном кошмаре, едва передвигала ими.

Ударившись о притолоку двери, Анжелика зашаталась и упала.

Уже лежа на полу, она увидела демона с блестящими клыками и горящими глазами. Он смотрел на нее в упор.

Кожа у нее вся покрылась мурашками. Тошнота подступила к горлу.

— Ах, это ты, Вольверина! Как ты меня напугала. Росомаха не отправилась вслед за Кантором в Кеннебек. Она продолжала рыскать по селению. Ее крупное, тяжелое, но гибкое, как у змеи, туловище появлялось то тут, то там.

И вот она здесь. Смотрит на Анжелику.

— Убирайся! Убирайся! — зашептала она, вся дрожа. — Убирайся, возвращайся к себе в лес.

Но тут какая-то огромная волосатая тень зашевелилась в муаровой листве большого дерева.

Снова видение. Призрак угрожавшей ей опасности. На самом деле это был всего лишь медведь, мистер Уилаби, повсюду бегавший вразвалку, принюхиваясь к соблазнительным запахам.

Он когтями выворачивал камни и языком ловко слизывал копошащихся там муравьев.

Машинально переставляя ноги, Анжелика спустилась к песчаному берегу. Гул голосов донесся до нее издалека, и она пошла в ту сторону. Но по мере того, как она продвигалась вперед, гул все больше удалялся от нее.

Прямо перед ней появилась белая фигура. Приглушенный голос позвал:

— Мадам де Пейрак, мадам де Пейрак!

— Что вы здесь делаете, Мария? Это так неосторожно с вашей стороны. Вам ведь еще рано

вставать с постели, с вашими-то ранами.

— Помогите мне, прошу вас, дорогая мадам. Помогите мне дойти до благотельницы.

Анжелика обняла ее за талию, гибкую и хрупкую, как у ребенка. Ноги Анжелики передвигались как бы сами по себе. Она то и дело оглядывалась назад и видела, что медведь и росомаха следуют за ними, не отставая. Она отчаянно замахала им руками:

— Убирайтесь! Убирайтесь, чудовища!

Глава 28

Все уже толпились на берегу, словно в амфитеатре, а в бухте, как на сцене, разыгрывался еще один спектакль. Лодка подплывала к берегу. Анжелика увидела головы волнующейся толпы и услышала рыдания, крики радости и слова молитв.

— Жива! — повторяла, обливаясь слезами. Кроткая Мария. — Да будет благословен Господь Бог и все святые угодники!

Анжелика стояла несколько поодаль, на краю обрыва. Отсюда ей было лучше видно, что происходило внизу. Лодка подплыла к берегу, и Жан вошел в воду, чтобы подтащить ее поближе.

Тут уже и «королевские невесты» с истерическим визгом бросились к лодке.

Из-за неразберихи Анжелике никак не удавалось разглядеть герцогиню. Зато ее внимание остановилось на молодой, необыкновенно привлекательной, женщине. Контрастируя с темными волосами, удивительная свежесть ее лица приковывала взгляд, словно какой-то загадочный светильник, или скорее, словно один из тех экзотических благоухающих цветков — камелии или магнолии, — чья белизна как будто подсвечена нежным розовым светом.

Или, если получше рассмотреть, скорее всего, женщина была похожа на птицу. Смелое сочетание ее ярко-голубого длинного плаща с короткой, из желтого атласа, юбкой и бледно-голубой блузкой с красной манишкой создавало ансамбль поразительно элегантный, как будто созданный для нее.

Правда, одна деталь как бы выпадала из стиля: ребенок на ее руках, жалкий и беспомощный.

— Вы спасли мое дитя! Да благословит вас Господь Бог! — раздался из толпы дрожащий голос Жанны Мишо. С распростертыми объятиями она бросилась к своему малышке Пьеру и обхватила его.

Освободившись от ноши, нарядно одетая женщина опиралась на руку стоявшего рядом мужчины и легко спрыгнула на берег, высоко приподняв юбку из желтого, атласа, чтобы не замочить ее.

То, что Анжелика заметила в это мгновение, запечатлелось в ее памяти, приобретая слишком большое, непонятное для нее значение до того самого дня, когда она, преследуемая своими воспоминаниями, найдет, наконец, ключ ко многим тайнам.

Она заметила на ногах у молодой женщины ярко-красные чулки, маленькие, из алого бархата, туфли-сабо, украшенные зубчиками из белой кожи и бантами из золотистого атласа.

Анжелика как бы со стороны услышала произнесенные ею самой слова:

— Но... кто же эта женщина?

— ОНА, — ответила Кроткая Мария, разрыдавшись. — Она, наша благодетельница! Мадам де Бодрикур!.. Посмотрите на нее! Разве она не прекрасна? Наделенная всеми добродетелями, всеми милостями божьими!..

Вырвавшись из рук поддерживавших ее девушек, она бросилась к вновь прибывшей и упала к ее ногам.

— Ах, моя возлюбленная герцогиня!.. Вы! Вы живы!

— Мария, мое дорогое дитя! — послышался низкий нежный голос.

Герцогиня наклонилась к Марии и поцеловала ее в лоб.

Одетый в темное коренастый мужчина, с очками на носу, выбрался без посторонней помощи из лодки, вышел на берег и попытался, правда, тщетно,

несколько остудить сердечные излияния вновь встретившихся.

— Довольно, дамы, успокойтесь, — уговаривал он их. — Прошу вас, дамы! Дайте же наконец герцогине услышать слова приветствия от властителя этих мест.

Немного повыше на берегу стоял в ожидании Жоффрей де Пейрак в своем развевающимся на ветру плаще. И если он тоже испытал некоторое удивление от столь неожиданного вида герцогини-благодетельницы, то оно проявилось у него только в слегка иронической усмешке.

— Посторонитесь, милые дамы, — настаивал человек в очках. — Пожалейте герцогиню. Она так устала.

— Господин Арман, это вы! — закричали «королевские невесты», наконец узнавшие его.

Они по-дружески окружили его тесным кольцом. И мадам де Бодрикур смогла сделать несколько шагов навстречу графу де Пейраку.

Когда герцогиня подошла поближе, Анжелика заметила, что платье у нее запачкано и в нескольких местах разорвано, и что ноги ее, обутые в изящные туфли из бархата и белой кожи, с трудом ступали по глубокому песку и, несмотря на тонкость щиколоток, которую подчеркивала золотая стрелка на чулках, они казались тяжелыми и грузными, как у Анжелики, когда она шла в порт.

Конечно же, ноги ее бесстыдно лгали. А может быть, лгало лицо женщины. Оно было не таким молодым, каким показалось Анжелике издали, но более красивым. В действительности, герцогине Амбруазине де Бодрикур было около тридцати лет. Она обладала непринужденностью и уверенностью, уже свойственными этому возрасту, но, в то же время, молодым задором и какой-то изысканной чувственностью.

Однако Анжелике, с ее опытным взглядом, удалось отметить, что эта ослепительно яркая особа, так мужественно шагавшая по берегу, готова была вот-вот упасть без сознания. От истощения, может быть, от страха... или волнения.

И Анжелика не понимала, почему она сама не может сдвинуться с места, чтобы броситься навстречу молодой женщине, силы которой были явно на исходе, поприветствовать ее, поддержать, сделать то, что она сделала бы по отношению к любому другому человеку.

Жоффрей три раза помахал у самой земли пером своей шляпы и, склонившись перед таким прекрасным созданием, поцеловал протянутую ему руку.

— Я граф де Пейрак де Моран д'Ирристру... Гасконец. Добро пожаловать, мадам, в мои владения в Америке.

Она подняла на него свои янтарные глаза с затуманившимся взглядом.

— Ах, месье, какая неожиданность! Вы носите свой плащ с гораздо большей элегантностью, чем любой придворный в Версале.

— Мадам, имейте в виду, — ответил он галантно, — на этом берегу найдется гораздо больше дворян высокого происхождения, чем в прихожей короля.

И он снова склонился к ее белоснежной руке, холодной как лед. Затем, указав на Анжелику, стоявшую в нескольких шагах от них, произнес:

— А вот графиня де Пейрак, моя жена. Она прикажет подать вам что-нибудь, чтобы вы могли подкрепиться после вашего ужасного путешествия.

Амбруазина де Бодрикур повернулась к Анжелике. Теперь ее глаза на лилейном лице были мрачны, как ночь. Страдальческая улыбка появилась на обескровленных, помертвевших губах:

— Без сомнения, во всем Версальском дворце не найдется более прекрасной дамы, чем ваша супруга, —

произнесла она своим низким, певучим голосом.

Бледность ее стала еще более заметней. Веки задрожали. Вздох. Тихая, едва слышимая жалоба слетела с ее уст:

— Ах, простите, мадам, я умираю!..

И она мягко опустилась, скользнув, словно чудесная птица, подстреленная на лету, к ногам Анжелики. И та на мгновение почувствовала себя совсем одинокой, оказавшейся вдруг в каком-то неизвестном ей, нереальном месте.

Оцепенев от охватившего ее страха, она вдруг подумала: «Значит, это она? Та самая, которая должна подняться из морской пучины? Та, что должна появиться среди нас, чтобы служить Люциферу?»

---

notes

1

Сегодня город Огаста. (Здесь и далее прим, авторов.)

2

Сейчас залив Фанди

3

См. «Анжелика в Новом Свете».

4

Город Танжер. — «Неукротимая Анжелика».

5

См. «Бунтующая Анжелика».

6

В XVIII веке, в честь одного из выдающихся вождей этого племени, который прославился во время франко-английской войны, его именем была названа одна гора. Так появилась гора Кадиллак. В наше время это же имя носит известная автомобильная марка.

Помимо сражений англо-французской войны, в 1620 — 1640 гг, история Акадии была отмечена кровавым соперничеством двух французов: Шарля Латура и Пьера д'Олнея, которое приобрело масштабы подлинной трагедии.

8

Слава Богу! Как дела, дорогой господин? (нем.)

9

Слава Богу. (нем.)

10

Очень вкусно. Прекрасное вино! (нем.)

11

Сумасшедшая ведьма! (англ.)

12

Старая ведьма! (англ.)

13

Устрицы лечат круглый год. Приходите отведать моих устриц, и вы распрощаетесь со всеми докторами (англ.)

14

Подождите минутку, (англ.)

15

Быстрее! Еще быстрее! (англ.)

16

Вы, женщина. (англ.)

17

Пошли! (англ.)

Спасибо. Извините.(англ.)

19

Все в порядке? (англ.)

20

Да, нормально. (англ.)

21

Как себя чувствуете? (англ.)

22

Лучше! (англ.)

23

Всего лишь медведь (англ.)

24

Чертов безумец. (англ.)

25

Хорошо! (англ.)

26

Подождите минутку. (англ.)

Хэлло, друзья, как поживаете? Не узнаете меня?
(англ.)

Фактически мы уже знакомы (англ.)

29

В самом деле? (англ.)